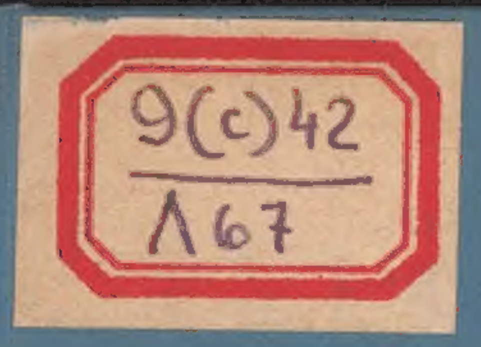

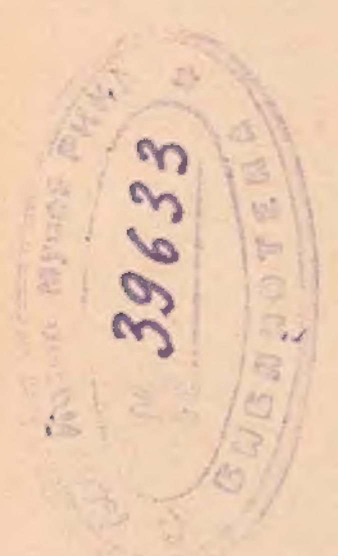
Гвардия тыла

Гос
Полит
Издат

Издательство политической литературы

Гвардия тыла

Москва 1962

9(С)27
Г25

«Несгибаемая гвардия тыла» — так любовно герои-фронтовики в дни Великой Отечественной войны называли героев советского тыла.

В книге, которую раскрыли вы, выступают со своими воспоминаниями о жизни и труде в то суровое время свыше 60 гвардейцев тыла. Это рабочие и колхозники, инженеры и ученые, новаторы труда, зачинатели многих славных патриотических дел, творцы самой крепкой в мире брони, грозных боевых машин и урожаев Победы.

Простые, но яркие рассказы живых участников событий воссоздают картину великого трудового подвига советского народа во имя победы над гитлеровскими агрессорами — злейшими врагами всего человечества. Почти все воспоминания публикуются впервые и написаны для настоящей книги.

Ваши отзывы и пожелания просим направлять по адресу: Москва, А-47, Миусская пл., д. 7, Госполитиздат, редакция литературы по истории советского общества.

Составитель книги
И. Г. ЛУПАЛО

Редактор
И. П. ВЕРХОВЦЕВ

Художник
Н. Н. СИМАГИН

Если
    блокада
        нас не сморила,
если
    не сожрала
        война горяча,
это потому,
    что примером,
        мерилом,
было
    слово
        и мысль Ильича.

Владимир Маяковский

КОГДА ПРИШЛО ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ...

Слово и мысль Ильича, благородные идеи и славные дела ленинской партии всегда были примером и мерилом для нашего народа: и в мирные дни строительства нового общества, и в дни суровых военных испытаний.

Во время вынужденного тяжелого отступления перед превосходящими силами вероломных фашистских захватчиков и в период стремительного натиска на врага советских людей — коммунистов и беспартийных, отважных воинов фронта и неутомимых тружеников тыла — вдохновлял родной и близкий образ Ильича, его слово и дело.

Выступая с речью на конференции железнодорожников Московского узла 16 апреля 1919 года, когда советским рабочим и крестьянам приходилось переживать необъятную тяжесть войны, испытывать все муки голода и холода в стране, которую, точно осажденную крепость, окружили иностранные империалисты и их белогвардейские прислужники, В. И. Ленин пророчески указывал:

«Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям

обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда» [1].

Ленинское предсказание блестяще подтвердили годы гражданской войны. Еще более убедительно правильность его доказана в период Великой Отечественной войны.

Гитлеровские агрессоры, одержимые сумасбродной идеей завоевания мирового господства, преследовали в войне против СССР не только захватнические, но и классовые цели — уничтожение первого в мире социалистического государства. Они намеревались не только расчленить нашу Родину, превратить ее в колонию фашистской Германии, но и физически истребить многие десятки миллионов русских, украинцев, белорусов и других советских народов.

Фашистские незадачливые стратеги рассчитывали разбить СССР и поработить его народы в короткий срок, а затем еще более стремительно покорять одну страну за другой.

Во исполнение своих чудовищных планов заправилы фашистской Германии без предъявления каких-либо претензий СССР обрушили на него ранним утром 22 июня 1941 года удар огромной силы: 190 хорошо вооруженных и обученных дивизий, почти 5 тысяч самолетов, свыше 3500 танков, более 50 тысяч орудий и минометов.

Любое другое государство не устояло бы против такого сильного и внезапного удара и сдалось бы на милость победителя. Но этого не случилось с нашим государством, превращенным волею партии, героическими усилиями советских людей в могучую социалистическую индустриально-колхозную державу, в страну беззаветных патриотов и храбрых борцов, воспитанных на великих жизнеутверждающих идеях марксизма-ленинизма.

Советские патриоты были преисполнены непоколебимой ленинской уверенностью в непобедимость Советской власти, в неодолимость созданного с таким трудом социалистического строя.

— Я работал когда-то на Оболенских, на Воронцовых-Дашковых и на других толстосумов,— сказал в один из первых дней войны рабочий Ипполитов на собрании коллектива Пензенских вагоноремонтных мастерских.— Я знаю, что значат для рабочего князья и бароны, которых сулит нам Гитлер,— ничем не лучше бывших моих хозяев. Не для того мы двадцать три года строили социализм, чтобы сдать завоевания обезумевшему врагу. Не бывать этому никогда!

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, стр. 292.

После нападения фашистских агрессоров наша социалистическая Родина вступила в труднейший, военный период своей истории, когда вся деятельность партии, государства, всего советского народа была подчинена одной великой цели того времени — защите социалистической Отчизны и разгрому коварного и сильного врага. Оценивая бессмертный подвиг советского народа в 1941—1945 годах, Н. С. Хрущев в своей речи на собрании представителей общественности Москвы в связи с двадцатилетием начала Великой Отечественной войны заявил:

«Весь советский народ поднялся на защиту своей великой Отчизны, на защиту завоеваний социализма. Началась священная война, народная война против гитлеровского нашествия. В этой войне во всем величии проявились исполинские силы, несгибаемая воля советского народа, тесно сплоченного вокруг своей родной Коммунистической партии» [1].

Долгий и тернистый путь прошел советский народ к победе. Он вынес в период второй мировой войны на своих плечах — плечах воина и труженика основную тяжесть борьбы против гитлеровской Германии, которая к моменту нападения на наше миролюбивое государство завоевала большинство стран Европы.

Сбылись вещие ленинские слова о том, что народ, создавший своим революционным творчеством Советскую власть — подлинно демократическую власть — непобедим. В Великой Отечественной войне со всей силой проявилось неодолимое могущество социализма. Советские люди — пионеры первой победоносной пролетарской революции, созидатели нового, социалистического строя — явились творцами всемирно-исторической победы над фашистскими агрессорами и поработителями — злейшими врагами всего человечества.

Дорогой ценой, величайшим напряжением материальных ресурсов страны, всех физических и моральных сил советских людей на фронте и в тылу досталась нам эта победа. Великая Отечественная война уже стала достоянием истории, но народы СССР и все прогрессивное человечество ее никогда не забудут.

Уйдут в небытие миллионы ныне живущих участников великих битв 1941—1945 годов, но их дети, внуки и правнуки будут передавать друг другу рассказы о героических подвигах воинов, оградивших Страну Советов и все человечество от угрозы порабощения, разгромивших германский фашизм и обеспечивших дальнейшее мирное развитие нашей Родины на пути

[1] «Правда», 22 июня 1961 г.

к коммунизму. Великий бессмертный подвиг, совершенный советским народом в годы Великой Отечественной войны и на фронте и в тылу, навеки останется в памяти всего человечества.

Отсюда понятно, какое огромное научное, политическое и воспитательное значение имеет издание исследований, научно-популярных работ, а также воспоминаний непосредственных творцов великой победы на фронте и в тылу. В 1961 году Госполитиздат выпустил две мемуарные книги о Великой Отечественной войне: «Дорогой борьбы и славы» и «Своим оружием».

В первой книге ветераны войны своими живыми, правдивыми рассказами воскрешают подлинные события, происходившие в местах, где решались судьбы нашей Родины, повествуют о бесстрашии, самоотверженности и массовом героизме советских людей на фронте с первого дня Великой Отечественной войны и до победоносного завершения ее.

Вторая книга содержит воспоминания советских писателей и артистов, композиторов и художников об их участии в героической борьбе нашего народа против гитлеровских захватчиков. В воспоминаниях повествуется, как развивались советская литература и искусство в трудные дни войны. В них рассказывается о рождении произведений, глубоко раскрывающих душу народа — его горе и ненависть к врагу, его самоотверженность и героизм во имя победы над фашистскими агрессорами.

«Гвардия тыла» — это третья книга воспоминаний о незабываемых событиях Великой Отечественной войны. В ней выступают рабочие, колхозники, инженеры и ученые. Это они и миллионы их товарищей своим неустанным и дерзновенным трудом на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, на железнодорожных и водных магистралях, в научно-исследовательских институтах и лабораториях ковали нашу всемирно-историческую победу. Это к ним, гвардейцам тыла, обращались доблестные советские воины с такими проникновенными словами:

Гвардейцы на фронте — стальная стена!
Их знает, их ценит, их любит страна,
За гвардией фронта — неменьшая сила —
Неустрашимая гвардия тыла!

* *
*

Перед лицом смертельной опасности, нависшей над любимой социалистической Родиной, миллионы рабочих, инженеров и техников, мужчин и женщин, пожилых людей и подростков, да-

вали священную клятву: не считаясь ни с какими трудностями и лишениями, самоотверженно работать на предприятиях и с каждым днем отправлять на фронт все больше и больше танков, противотанковых ружей и орудий, самолетов, пушек, минометов, пулеметов, автоматов, винтовок. Миллионы колхозников и колхозниц, считая Великую Отечественную войну своим кровным делом, всенародно клялись неустанно работать на артельных полях и фермах и давать фронту и стране все больше и больше хлеба, мяса, а также сырья для промышленности.

И советские патриоты — рабочие, колхозники, инженерно-технические работники и ученые — свою священную клятву перед матерью-Родиной с честью выполнили. Одним из красноречивых и убедительных доказательств этого могут служить их воспоминания, публикуемые в книге «Гвардия тыла». Говоря словами Владимира Ильича, «мы здесь получаем практическое доказательство того, что сплоченные силы рабочих и крестьян, освобожденные от ига капиталистов, производят действительно чудеса» [1].

Действительные чудеса смелости и отваги во имя освобождения социалистического Отечества от гитлеровских оккупантов и оказания братской помощи народам Европы, стонавшим под фашистским игом, проявляли и гвардейцы фронта, и гвардейцы тыла.

— Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества.

Так говорит нам писатель Николай Островский устами своего главного героя романа «Как закалялась сталь» Павла Корчагина. Слова Корчагина-Островского выражали и выражают лучшие чувства и устремления советских людей. В годы Великой Отечественной войны, в дни труднейших испытаний, они были заповедью для многих бойцов фронта и тыла.

Слова Корчагина о жизни, отдаваемой борьбе за освобождение человечества, за торжество социализма и коммунизма, высечены на гранитной плите надгробного памятника народной героине Зое Космодемьянской. Запись этих слов сохранилась также в потрепанной клеенчатой тетради Ульяны Громовой — одного из вожаков подпольной организации «Молодая гвардия».

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 30, стр. 132.

В суровые дни, когда фашистские войска приближались к Краснодону, Олег Кошевой вновь перечитал книгу Николая Островского «Как закалялась сталь».

Бойцы армии генерала Горбатова гордились, когда их называли корчагинцами. Командующий героически сражавшейся у стен волжской твердыни 62-й армии генерал Чуйков в декабре 1942 года просил передать Центральному Комитету комсомола свое восхищение «новым поколением Павлов Корчагиных», которые не жалеют сил и жизни для защиты Родины.

Не только фронт, но и советский тыл, как увидят читатели «Гвардии тыла», гордился своими Корчагиными и Мересьевыми.

...От громкого стука протезов директор завода оторвал глаза от срочных бумаг. Долго смотрел, как будто что-то вспоминая.

— Екатерина Степановна...— сказал директор.

— Да, это я. Изменилась?..— спросила она улыбаясь.

Директор поднялся из-за стола и как-то особенно крепко пожал руку отважной молодой москвичке Екатерине Степановне Елиной, которая в партизанском отряде лишилась обеих ног. Он хотел помочь ей сесть, но она сама опустилась на мягкий стул.

— Слышал о вас, Екатерина Степановна. Молодец! — сказал директор и сел рядом с ней.

— Если нужна помощь, не стесняйтесь, просите,— продолжал он.

— Да, нужна,— повернулась она к директору.— Помогите устроиться на завод. К станку хочу...

И как ни советовал ей заботливый директор взяться за другую работу, она, так же как стремился Мересьев вновь водить боевой самолет, хотела стать за станок. И она добилась своего. Нелегко Екатерине Елиной было выстоять на протезах смену, но она держалась, работала не хуже других, выполняя норму на 200 и больше процентов.

Останавливаясь у ее станка, товарищи по цеху говорили: это подвиг. А она смущалась. «Ну какой это подвиг?» — думала скромная патриотка. Нет ног — руки есть, чтобы бить врага...

А вот другой пример трудовой доблести и отваги, храбрости и бесстрашия гвардейцев тыла.

Едва начался обжиг металла, выключилось электросопротивление. Начальник цеха Аленных с болью в сердце подумал о нарушении графика, о партии деталей, которые станут браком, когда остынет печь.

— Разгружайте металл,— твердо сказал он,— другого выхода нет.

— Есть другой выход.

Калильщик Панкратов тронул его за плечо:

— Я полезу в горячую печь...

Не дожидаясь ответа, он натянул брезентовый костюм, велел обдать себя холодной водой и, прикрывая лицо руками, защищенными особыми рукавицами, полез в термическую печь. Полторы минуты спустя самоотверженный калильщик добился успеха. Ни один винтик из всей массы деталей не пострадал.

— Спасибо, Панкратов,— сказал начальник цеха,— большое спасибо.

Калильщик только пожал плечами, улыбнулся:

— Не за что благодарить... На войне, как на войне, бывает по-всякому...

Не удивительно, что в такой атмосфере боевым девизом гвардейцев тыла стали слова: «В труде, как в бою!» Именно так действовали, как увидят читатели настоящей книги, рулевой Поцелуев и моторист Андрианов на волжском катере «Сталь», перевозившем на левый берег раненых, детей и женщин, а оттуда войска, идущие на защиту Сталинграда. С такой же отвагой и бесстрашием доставляли боеприпасы в город-герой под обстрелом вражеских батарей и бомбежкой с самолетов машинист Елена Чухнюк и ее боевые помощники.

— От грохота разрыва бомб почти все члены бригады оглохли,— вспоминает Е. М. Чухнюк.— Объяснялись больше жестами. Во время одной бомбежки мне распороло мышцы ноги. Я стала изрядно хромать, но уйти с паровоза отказалась. Разве это было можно! Ведь в городе-герое люди умирали, но не отступали.

Самоотверженно работали хозяева «зеленой улицы», водители тяжеловесных составов и скоростных маршрутов, и там, где не было слышно артиллерийской канонады и не было затемнения,— на уральских и сибирских железнодорожных магистралях.

— Мы рассматривали паровозную бригаду как боевое отделение фронтовиков,— рассказывает в своих воспоминаниях бывший машинист депо Новосибирска Н. А. Лунин.— За своими локомотивами ухаживали с такой любовью, как танкисты за грозными машинами. Именно поэтому почти все паровозные бригады нашего депо блестяще водили поезда, добивались огромных пробегов паровозов без промывочного и подъемного ремонта.

«В труде, как в бою!» Этим боевым патриотическим девизом в те дни руководствовались рудокопы и сталевары, строители

грозных советских танков и самолетов, изыскатели новых трасс и строители железнодорожных магистралей, рабочие совхозов, машинно-тракторных станций. Так действовала и наша подлинно народная интеллигенция — ученые и инженеры, писатели и журналисты, художники и композиторы, артисты театра и кино, учителя и врачи.

— Мы на своих постах бойцы,— говорили деятели науки.— Наши лаборатории, экспериментальные мастерские, наши научно-исследовательские кадры ныне должны служить фронту.

Так оно и было. Почитайте воспоминания академика Е. О. Патона, и вы увидите, с каким упорством и настойчивостью возглавляемый им научный институт учил уральских танкостроителей впервые в мире внедрять в массовое производство автосварку танковой брони. Воспоминания известного авиаконструктора члена-корреспондента Академии наук СССР А. С. Яковлева расскажут вам, как дни и ночи, неустанно работала мысль конструкторов и инженеров, чтобы вооружить отважных советских летчиков самыми совершенными машинами. Воспоминания члена-корреспондента Академии медицинских наук З. В. Ермольевой познакомят вас, как наши ученые-биохимики получили первый советский пенициллин — крустозин и какие чудеса творил он при излечении тяжело раненых фронтовиков.

А каким неиссякаемым ключом била творческая мысль и смекалка новаторов-инженеров и рабочих! Об этом рассказывают в своих воспоминаниях инженеры Г. И. Зверев, Н. А. Тихонов, А. Д. Жигин, директор завода Г. И. Носов, рабочие-новаторы, зачинатели многих славных патриотических дел, инициаторы различных форм социалистического соревнования гвардейцев тыла М. Ф. Попов, В. В. Ермилов, М. А. Кожевников, Ибрагим Валеев, А. Я. Чалков, В. Д. Семков, П. К. Спехов, П. Е. Агарков, А. Г. Шашков, Е. Г. Барышникова, А. М. Черкасова и другие авторы настоящей книги.

Героизм стал нормой поведения миллионов советских людей на фронте и в тылу. Только благодаря массовому героизму и высокой организованности работников промышленности и транспорта удалось с июля по декабрь 1941 года вывезти под обстрелом врага на восток 1360 крупных предприятий и ввести здесь за годы войны в действие 2250 новых предприятий.

У нашего народа в дни войны в одной руке был меч, а в другой молот. Страна социализма воевала и в то же время строила.

Напряженный, самоотверженный труд гвардейцев тыла приносил свои плоды. Уже во второй половине 1942 года было завершено перевооружение Советской Армии первоклассной техникой.

В течение последних трех лет войны советская промышленность давала ежегодно в среднем более 30 тысяч танков, самоходных установок и бронемашин. Это почти в 2 раза больше, чем производилось их в Германии, в 1,5 раза больше, чем в США, и в 6 раз больше, чем в Англии. Самолетов в СССР выпускалось до 40 тысяч в год, или в 2 раза больше, чем в гитлеровской Германии или Англии. Советский Союз выпускал до 120 тысяч орудий всех калибров, или в 4 раза больше, чем Германия, в 2,5 раза больше, чем США, и в 6 раз больше, чем Англия.

И когда доблестные советские войска весной 1945 года вошли в столицу гитлеровской Германии, то многие и многие ее жители не верили, что наша грозная военная техника создана руками, трудом и гением советского народа. Наиболее смелые из них прямо спрашивали: чьи это танки, самолеты, орудия — американские, английские?

* *
*

События Великой Отечественной войны с новой силой подтвердили правильность ленинского вывода, сделанного в разгар сражений граждан молодого социалистического государства против полчищ иностранных интервентов и белогвардейцев:

«...Мы побеждали и будем побеждать, потому что у нас есть тыл и тыл крепкий, что крестьяне и рабочие, несмотря на голод и холод, сплочены, окрепли и на каждый тяжелый удар отвечают увеличением сцепления сил и экономической мощи...» [1]

Разве не знаменательно то, что именно в грозном 1919 году во имя победы над белогвардейцами и иностранными интервентами по почину голодных, усталых и измученных московских железнодорожников в нашей стране зародились и получили широкое распространение коммунистические субботники! Кто не знает, что в них В. И. Ленин увидел ростки нового, коммунистического, великий почин народных масс — подлинных творцов нового общества и его героических защитников!

Продолжая и развивая славные боевые и трудовые традиции, рабочий класс — ведущий класс нашего общества на каждый тяжелый удар врага в дни Великой Отечественной войны

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 30, стр. 133.

отвечал, как говорил В. И. Ленин, «увеличением сцепления сил и экономической мощи». Весьма знаменательно, что в дни битвы за Москву возникли и получили широкое распространение комсомольско-молодежные фронтовые бригады.

— В те суровые, тревожные дни каждый чувствовал себя бойцом,— вспоминает М. Ф. Попов.— Инструмент, который мы держали в руках, стал для нас оружием, и с ним мы каждый день выходили на передний край. Именно в эти дни и родилась у ребят мысль называться фронтовой бригадой. Мы все ухватились за эту идею.

По почину комсомольцев Московского подшипникового завода комсомольско-молодежные бригады вступали в соревнование за выполнение норм при уменьшенном в два раза количестве рабочих.

Не менее знаменательно и то, что во время Сталинградской битвы наиболее передовые рабочие, применяя новаторские методы труда, выполняли по три — пять норм. Были и такие богатыри труда, которые давали по десять и больше норм. Их называли тысячниками. В те же тревожные дни зародилось народное движение за сбор средств на вооружение Советской Армии. Рабочие, служащие, колхозники изготовляли на свои средства танковые колонны, авиаэскадрильи, артиллерийские батареи, бронепоезда. О зарождении этого замечательного патриотического почина рассказывают на страницах нашей книги Е. И. Глотов и Ф. П. Головатый.

Узнав, что его первый крылатый подарок отслужил положенный ему срок, саратовский колхозник — пчеловод Ферапонт Петрович Головатый вручил тому же летчику, Борису Николаевичу Еремину, второй истребитель. «Я обещаю,— писал Б. Н. Еремин,— что приобретенный на Ваши сбережения и врученный мне самолет «на окончательный разгром врага» будет так же верно служить, как и первый». И самолет служил до конца войны, честно служил.

О соревновании тысячников повествуют в своих воспоминаниях Д. Ф. Босый, А. И. Семиволос, И. П. Янкин, Нурулла Базетов. Эти воспоминания особенно интересны тем, что в них раскрывается могучая сила социалистического соревнования гвардейцев фронта и тыла, показывается в действии животворная сила дружбы русского, украинского, татарского, узбекского и других народов СССР — этой основы основ Советского многонационального государства.

О могучей силе братской дружбы социалистических наций и нерушимого союза рабочего класса и колхозного крестьянства

рассказывают также К. И. Шовкопляс, Ф. М. Гринько, С. С. Ашеко, М. А. Григорьева, Д. А. Гармаш и другие авторы воспоминаний.

При деятельной поддержке рабочих — трактористов и комбайнеров Новокрасинской машинно-тракторной станции колхозники сельскохозяйственной артели «Путь крестьянина», Чистоозерного района, Новосибирской области, завоевали в 1942 году переходящее Красное знамя Государственного комитета обороны.

— Да, мы выполнили обязательства перед партией и Родиной,— заканчивает свои воспоминания бригадир молодежной тракторной бригады Степан Ашеко.— И хотя осенью 1942 года шли ожесточенные бои у Волги, еще сжималось смертельное кольцо вокруг города Ленина, мы назвали свой урожай урожаем Победы, потому что твердо верили, ждали, что рано или поздно она придет.

И победа пришла.

На страх врагам, на радость друзьям первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян не только выстояло, но и вышло из тяжелых испытаний еще более окрепшим. Наш героический народ, народ-победитель, народ-строитель, в короткие сроки восстановил все, что было разрушено в годы войны.

Ныне даже самые заклятые враги вынуждены признать, что СССР — одна из сильнейших в экономическом и военном отношении держав. К тому же он теперь не одинок. Народы нашей Родины борются за коммунизм в великом содружестве социалистических стран, в которых живет свыше миллиарда людей.

Победа советского народа в Великой Отечественной войне, подчеркивается в Программе КПСС, подтверждает, что в мире нет сил, которые могли бы остановить поступательное развитие социалистического общества. Всемирно-историческая победа, одержанная героическими советскими бойцами фронта и тыла над фашизмом,— это не только славное прошлое. Последствия этой величайшей победы еще долго будут оказывать влияние на весь ход всемирной истории.

45 ДНЕЙ, 45 НОЧЕЙ

На меня, как на одного из заместителей наркома черной металлургии, была возложена в 1941 году нелегкая задача — нести ответственность перед Государственным комитетом обороны за эвакуацию запорожской группы металлургических заводов. Таким образом, я являюсь живым свидетелем и участником этого трудного и сложного дела. Оно сохранилось в моей памяти, как великий трудовой подвиг советских металлургов.

Но прежде чем начать рассказ об этом подвиге, я хотел бы напомнить читателю, что представляла собою запорожская группа металлургических заводов и в чем было ее народно хозяйственное и оборонное значение.

МЕТАЛЛИЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ ПРИДНЕПРОВЬЯ

Идея создания комплекса металлургических заводов на берегах Днепра возникла и начала осуществляться почти одновременно со строительством гидроэлектростанции на Днепре. Для этого были очень веские основания. Дешевая электроэнер-

[1] Краткие биографические справки об авторах даются в конце книги.

гия будущего Днепрогэса открывала широкие перспективы для развития таких энергоемких производств, как выпуск алюминия, магния и ферросплавов (ферросилиций, феррохром), необходимых для черной и цветной металлургии. Близость больших месторождений железа (Криворожский бассейн) и угля (Донбасс) подсказывали целесообразность создания здесь же металлургического комбината с полным металлургическим циклом — производством чугуна, стали и проката и всех подсобных производств (коксохимической продукции, огнеупоров и т. д.).

Еще до ввода в строй Днепрогэса на полную мощность — это произошло в 1932 году — стали один за другим вступать в число действующих отдельные предприятия запорожской металлургической группы.

К моменту немецко-фашистского вторжения в пределы Украины действовал на полном ходу и давал стране продукцию крупнейший металлургический завод «Запорожсталь», в составе которого работали три доменные печи (четвертая доменная печь была почти готова к пуску), 10 мартеновских печей, листопрокатный цех.

Особенно велико было значение его непрерывных листопрокатных станов. Впервые такие станы появились в США в 1924 году и произвели тогда настоящую революцию в автомобилестроении — они вызвали резкое изменение технологии производства автомобильных кузовов: вместо трудоемкого изготовления моделей, формовки и т. д., стали изготовлять кузова при помощи простой штамповки. Это послужило толчком к бурному развитию автомобильной промышленности. Появились автомобили тех красивых обтекаемых форм, которые в настоящее время являются во всем мире украшением городского транспорта.

Дальнейшее развитие производства холодно- и горячекатаного тонкого стального листа способствовало также выпуску таких новых видов продукции, как цельнометаллические вагоны, холодильники и другие фасонные изделия. Без непрерывных станов горячего и холодного проката тонкого листа было бы невозможно современное автотракторостроение и другие отрасли промышленности.

У нас в СССР все эти отрасли промышленности за годы первых пятилеток достигли большого развития и предъявляли огромный спрос на прокат стального листа и стальной ленты. Спрос удовлетворялся ввозом из США, что дорого обходилось государству. С появлением сталепрокатного цеха на «Запорожстали» импорт постепенно сокращался, и в 1939—1940 годах

наша отечественная автотракторная промышленность уже полностью снабжалась горячекатаным и холоднокатаным стальным листом с завода «Запорожсталь».

Необходимо добавить, что к началу войны слябинг на «Запорожстали» был приспособлен к выпуску бронетанковой стали.

Важное значение для народного хозяйства страны имел крупный завод «Днепроспецсталь», выплавлявший в электропечах высококачественный металл для авиационной, автотракторной, химической и других отраслей промышленности. Завод располагал двумя электросталеплавильными цехами, мощным прокатным станом, кузнечным и термическим цехами для обработки сталей разных марок.

На левом берегу Днепра, у Запорожья, действовали также заводы цветной металлургии, выпускавшие алюминий и магний, а также абразивы[1] и электроды для цветной и черной металлургии.

Запорожский ферросплавный завод был самым крупным из трех таких заводов, действовавших в СССР. К началу войны завод работал на полную мощность и давал больше половины ферросплавов, необходимых для металлургической промышленности.

Из сделанного мной краткого обзора видно, насколько велика была роль запорожской группы металлургических заводов в народном хозяйстве и обороне страны. Поэтому эвакуация этой группы заводов со всем их основным оборудованием, ценными материалами и основным составом рабочих на восток и возобновление на новом месте их производственной деятельности для обороны была предусмотрена задолго до возникновения непосредственной угрозы потери Запорожья. Перебазирование запорожской группы заводов в восточные районы страны являлось в тех условиях важнейшей народнохозяйственной задачей. Однако обстановка требовала соблюдения следующих двух жестких условий:

1. Все заводы прифронтовой полосы продолжают развертывать производство до последней возможности.

2. Вывозить завод можно лишь в самый последний момент.

Этот «последний момент» наступил для «Запорожстали» в начале второй половины августа 1941 года.

[1] Абразивы — порошкообразные вещества высокой твердости, применяемые для обработки поверхностей металлов.— *Ред.*

14 августа 1941 года я находился в кабинете наркома черной металлургии И. Ф. Тевосяна. Раздался телефонный звонок. Говорили из Днепропетровского обкома партии. Наркома запрашивали, какие меры приняты наркоматом к эвакуации днепропетровских заводов черной металлургии. Вопрос мотивировался тем, что гитлеровцы уже находятся в Кривом Роге и продвигаются к Днепропетровску.

Эти сведения, переданные из Днепропетровска, к сожалению, оказались верными.

Утром 15 августа директор завода «Запорожсталь» А. Н. Кузьмин сообщил наркому, что вражеские войска заняли город Никополь и находятся в пятидесяти километрах от Запорожья. Он также ставил вопрос об эвакуации запорожской группы заводов.

16 августа Наркомат черной металлургии внес в Государственный комитет обороны предложение об эвакуации запорожских и днепропетровских заводов.

Хорошо запомнилась тревожная ночь с 18 на 19 августа. Было далеко за полночь. Я уже находился у себя на квартире. Раздался стук в дверь. Подтянутый фельдъегерь вручил мне пакет с постановлением Государственного комитета обороны. Хотя содержание документа мне было известно, у меня немного дрожали руки, когда я его читал. Особенно то место, где говорилось о приведении сооружений в такое состояние, которое исключало бы быстрое восстановление и ввод в действие эвакуированных предприятий в том случае, если враг оккупирует этот район. Это предлагалось осуществить в последнюю очередь по согласованию с Военным советом Юго-Западного фронта. И наконец: ответственность за выполнение этих мероприятий возлагается на заместителя наркома черной металлургии Шереметьева, т. е. на меня.

У меня было условлено с наркомом, что со мной в Запорожье поедут главный механик «Главспецстали» П. В. Алексеев и начальник отдела ферросплавов того же главка А. И. Сухоруков. Рано утром 19 августа мы приехали во Внуково с намерением немедленно вылететь к месту назначения. Но вместо этого пришлось провести несколько мучительных часов в ожидании установления связи с аэродромом в Запорожье. Только к полудню выяснилось, что гитлеровские войска вышли на правый берег Днепра, бомбят и обстреливают город и аэродром.

В Государственном комитете обороны следили за нашим вылетом, и, когда выяснилась невозможность посадки в Запорожье, нам предложили лететь в нынешний Донецк, а оттуда автомашинами доехать до Запорожья.

После полудня мы вылетели. Во избежание встречи с фашистскими истребителями наш самолет летел бреющим полетом не выше пятидесяти метров над землей.

В Донецк мы прилетели вечером, и здесь в обкоме партии нам сообщили непроверенные сведения, что фашистские войска уже переправляются на левый берег Днепра, что вокруг Запорожья и в самом городе завязались тяжелые бои. Из Москвы И. Ф. Тевосян, не рассказывая подробностей, сообщил, что в Запорожье «горячо», и спросил, когда мы туда выезжаем.

О том, чтобы ночью продолжать путь в Запорожье, не могло быть и речи, и мы провели часть этой ночи в беседах с местными работниками.

В те августовские дни Донецк, казалось, жил нормальной трудовой жизнью. Но на заводах были свои тревоги: беспокоила трудность маскировки производственных процессов. В самом деле, как замаскировать зарево, поднимающееся над городом в часы выпуска чугуна из доменных печей, выдачи кокса из коксовых батарей, выдачи стали из мартеновских печей? Нелегкая эта задача. А между тем заводы, имея еще запасы сырья и не ощущая пока потери Кривого Рога, продолжали работать, выпуская чугун и сталь...

Картина резко изменилась, как только утром 20 августа мы выехали из города и очутились на шоссе, ведущем в Запорожье. Навстречу двигался нескончаемый поток беженцев, гнали скот, на повозках везли домашний скарб, сельскохозяйственные орудия — советские люди уходили из районов, оккупируемых врагом, забирая с собой все, что можно было увезти, чтобы ничего не досталось захватчикам.

ЧТО ПРОИСХОДИТ В ЗАПОРОЖЬЕ

Примерно на полпути стали попадаться навстречу жители Запорожья. Они передавали, что утром 18 августа гитлеровцы начали обстреливать город и, что по их мнению, он уже занят врагом.

Верить рассказам перепуганных людей, конечно, нельзя; ясно было только одно, что положение в Запорожье опасное, что там, может быть, действительно «горячо», как сказал Тевосян. На сердце было тревожно...

Эвакуация заводского оборудования на восток страны. 1941 г.

Километров за 30—40 до Запорожья поток беженцев неожиданно прекратился. Стало непривычно тихо, когда мы подъезжали к железнодорожной станции Софиевка, что в 15 километрах от Запорожья. Не было слышно лязга буферов на железнодорожных путях. На станции разгружалась воинская часть.

А вот и окраины Запорожья. Они пусты. Мы проезжаем около корпусов крупного завода и тут только встречаем первых прохожих. На вопрос, есть ли в городе фашисты, отвечают, что в самом городе их как будто нет, но за шестой поселок (так в 30-х годах называли новую часть города, образовавшуюся вокруг завода) поручиться не могут, так как в этом районе идет стрельба. На завод нам советовали проехать по окраине города через Зеленый Яр, потому что дорога через город простреливается врагом.

Что же все-таки делается в Запорожье? Мы поехали в Запорожский обком партии — только здесь мы могли получить ответ на тревоживший нас вопрос. И вот что мы узнали.

Гитлеровские войска прорвались в район Запорожья 18 августа. Со второй половины дня начался артиллерийский обстрел

города и рабочих поселков. К трем часам дня артиллерийский и пулеметный обстрел города и поселков усилился. Обстрелу подверглись также металлургические заводы «Запорожсталь», «Днепроспецсталь», коксохимический, но они еще продолжали работать. Часть вражеских войск переправилась на левый берег Днепра, где завязался бой. Бой продолжался до утра 19 августа. Наши войска оказали упорное сопротивление противнику и затем вынудили его отойти на остров Хортица и правый берег Днепра. Это была одна из самых тревожных ночей, пережитых запорожскими металлургами.

Когда 20 августа, около двух часов дня, мы прибыли на территорию завода «Запорожсталь», здесь встретили небольшую группу работников заводов: начальников цехов и управлений во главе с директорами «Запорожстали» — Кузьминым и «Днепроспецстали» — Трегубенко. Все были вооружены винтовками.

После взрыва плотины и прекращения работы Днепрогэса заводы остались без электрического тока. Непривычно тихо было в цехах заводов и в поселке. Время от времени раздавались орудийные выстрелы. Наша артиллерия, занимавшая позиции на территории завода, обстреливала скопления врага на правом берегу. Редкие его снаряды рвались на территории завода. Гитлеровцы бомбили все кругом, но заводы щадили, по-видимому, берегли их для себя.

Чтобы приступить к эвакуации, пришлось собирать рабочих. Бои за Запорожье 18 и 19 августа вынудили многих из них покинуть город. Значительная часть инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих 18 августа была погружена в вагоны и отправлена в тыл. Эшелон находился еще на станции Синельниково. Приняли меры, чтобы вернуть этот эшелон обратно. Тем, кто находился на заводе, предложили разойтись по поселкам и оповестить рабочих о необходимости немедленно прибыть на завод для демонтажа оборудования. Мы с А. Н. Кузьминым отправились в одиннадцатый поселок, где жили рабочие листопрокатного цеха и ремонтно-механического завода.

На улицах было пусто. Над поселком пролетел вражеский самолет и сбросил две небольшие бомбы, не причинившие особого вреда.

Подошли к группе рабочих, стоявших на углу улицы. Скоро около нас образовался импровизированный митинг. Народ глубоко переживал обрушившееся на него несчастье. Не было отчаяния, но росли гнев и ненависть к фашистским захватчикам. Пожилой рабочий, вальцовщик, говорил:

— Я здесь живу и работаю с начала строительства завода. Мы начали строительство, когда еще не было постоянного жилья. В зимнюю стужу и летний зной мы работали, отказывали себе в самом необходимом, лишь бы ввести в действие один агрегат за другим. И теперь позволить все это захватить фашистским бандитам? Не бывать этому никогда! Мы готовы на себе унести все это оборудование.

Все случайно собравшиеся здесь громко выражали свое одобрение тому, о чем говорил старый металлург, заявили, что по первому зову выйдут на работу и не уйдут, пока оборудование не будет демонтировано полностью и отправлено в далекий тыл.

С большой радостью было встречено сообщение, что эшелон с инженерно-техническими работниками и квалифицированными рабочими, ушедший в ночь на 19 августа с завода и остановившийся на станции Синельниково, возвращается обратно.

«ВЫВЕЗЕМ ЗАВОД ИЗ-ПОД НОСА У ВРАГА»

Так говорили встретившие нас рабочие одного из сталепрокатных цехов, когда утром 21 августа мы пришли на завод. В тот день начался демонтаж оборудования одновременно на «Запорожстали», «Днепроспецстали» и на заводе ферросплавов.

Предстояло проделать огромную работу: демонтировать и вывезти в тыл свыше 320 тысяч тонн оборудования и материалов и затем смонтировать и ввести его в действие на восточных заводах. Это надо было проделать в короткий срок, на глазах у врага, во фронтовой обстановке, когда нормальная жизнь замерла, при отсутствии нормального снабжения хлебом, водой. От вооруженного врага заводы отделял только Днепр и героические части Советской Армии.

Необходимо отметить, что фактически эвакуация заводов началась еще раньше — до подхода врага к Днепру. В плане эвакуации завода, в котором точно устанавливалась очередность эвакуации оборудования, была так называемая «нулевая очередь». К ней относилось все ценное резервное бездействующее оборудование и долгосрочный запас материалов, например, подшипников, кабеля, провода, резервных моторов и подстанций. С этого оборудования и началась эвакуация в конце июля, когда в Челябинск был отправлен лежавший на заводе «Запорожсталь» большой запас шариковых и роликовых подшипников.

Надо было видеть, с каким энтузиазмом работники заводов принялись 21 августа за демонтаж оборудования и погрузку его в вагоны. Это был подлинный штурм, движущими силами которого являлись пламенный патриотизм, глубокое сознание важности этого дела для будущей победы.

С правого берега гитлеровцы просматривали заводы. Враг видел, как увозят оборудование запорожских предприятий, бомбил и ежедневно обстреливал территории заводов артиллерийским и минометным огнем. Ежедневно были раненые и убитые. Но люди работали, спешили. Были дни, когда из Запорожья уходило по 800—900 вагонов, груженных оборудованием и материалами. По решению правительства оборудование заводов «Запорожсталь», коксохимического, огнеупорного направлялось на Магнитогорский металлургический комбинат, а «Днепроспецстали» и завода ферросплавов — на Кузнецкий металлургический комбинат.

ПОД ВРАЖЕСКИМ ОБСТРЕЛОМ

С первого же дня демонтажа оборудования и его погрузки в вагоны возникли, казалось бы, непреодолимые трудности. Как обслужить такую массу людей в обстановке, когда работа часто прерывается воздушными тревогами или артиллерийским обстрелом, когда не хватает электроэнергии, не хватает воды, трудно доставить пищу в цеха? И тем не менее эти трудности преодолевались. Начну с электроснабжения. После взрыва знаменитой плотины Днепрогэса снабжение запорожских заводов энергией стало осуществляться из Донбасса по линии электропередачи, построенной в предвоенные годы. Но электроснабжение через эту линию часто нарушалось артиллерийским обстрелом.

Гитлеровцы, просматривая левый берег Днепра, пристрелялись к дорогам в районе заводов, огнем своих орудий обрывали провода линии электропередачи, не допускали ее восстановления.

Все мы опасались, что при частых артиллерийских обстрелах какой-нибудь шальной снаряд попадет в подстанцию и выведет ее из строя, что сделает невозможным дальнейшую эвакуацию оборудования заводов. И это едва не случилось.

В середине сентября в районе подстанции «М» самолет врага сбросил семь бомб, серьезно повредивших открытую часть подстанции. Пострадали трансформаторы, через которые осуществлялось питание всех цехов завода. Прямым попаданием

бомбы в кабельный тоннель были повреждены кабели, отходящие в сторону прокатных цехов. Подача электроэнергии в эти цехи прекратилась.

При взрыве серьезно пострадали три человека. Несмотря на сильный артиллерийский обстрел завода, электрики произвели срочный аварийный ремонт, и электроснабжение прокатных цехов было восстановлено.

На подстанциях решили оставить в работе минимальное количество вращающихся агрегатов, необходимых только для обеспечения демонтажных работ, остальное оборудование демонтировать и немедленно отгрузить. Токи высокого напряжения представляли большую опасность для электриков, но задание было выполнено. В короткий срок запорожстальцы демонтировали и отгрузили оборудование всех подстанций, входящих в состав цеха электроснабжения.

Одновременно выполнили и другую трудоемкую работу: из кабельных тоннелей и подвалов подстанций вынули высоковольтный, низковольтный и контрольный кабели, причем высоковольтные и низковольтные кабели наматывались на деревянные барабаны, которые изготовлялись на месте. Были также демонтированы провода воздушных сетей.

Большие трудности возникли и со снабжением водой.

После взрыва плотины уровень Днепра понизился и всасывающие устройства на насосной станции оголились. Все водоснабжение вышло из строя. Подача воды в город, поселки, на завод прекратилась. Оставались лишь запасы воды в охлаждающих бассейнах ТЭЦ. Других источников питания водой не было.

Чтобы наладить водоснабжение, необходимо было подать воду с Днепра. Это была нелегкая задача, так как гитлеровцы внимательно следили за всем, что делалось у нас на левом берегу, и обстреливали все живое. И все же работники цеха водоснабжения во главе с главным энергетиком завода А. Н. Ивановым и начальником цеха водоснабжения А. Н. Павловским эту задачу решили.

На Днепре, у насосной первого подъема, была смонтирована установка, состоявшая из плота, мощного электронасоса, электроподводящего кабеля и нагнетательной линии. Вода подавалась этим насосом во всасывающий колодец, а оттуда с помощью стационарных насосов поступала на заводы, в рабочие поселки.

Подготовительные работы для этой насосной производились днем на территории завода, а ночами тихо, без шума все со-

оружение на плечах доставлялось к насосной станции, которая находилась в нескольких километрах от завода. Однако избежать шума при монтаже установки не удавалось. Враг был настороже, ночью он освещал район насосной ракетами и стрелял на шум. Несмотря на это, работы быстро закончили, первый раз насос пустили 27 августа. Вода пошла. Это было радостное событие для всех нас.

Главными его «виновниками» являлись: начальник цеха водоснабжения А. П. Павловский, его заместитель К. П. Соромотин, механик М. Н. Заяц и начальник насосной станции первого подъема И. Е. Зинухов.

Гитлеровцы несколько раз обстреливали плавучую насосную станцию, но водоснабженцы по ночам быстро восстанавливали ее.

Наконец, вопросы питания. Как питать массу людей в девять тысяч человек, участвовавших в демонтаже и эвакуации оборудования и материалов?

Этот вопрос был решен с помощью Запорожского областного комитета партии. Заводу были переданы складские запасы продовольствия и стадо скота одного совхоза. На всех участках были организованы столовые. Нашлись добровольцы, взявшие это дело в свои руки. Вообще люди самоотверженно выполняли любую работу, которая требовалась для выполнения боевого задания по эвакуации завода. Так, Евгений Васильевич Рубан, заведующий филиалом контрольно-измерительных приборов мартеновского цеха, взял на себя функции заведующего столовой. Лаборантка Ольга Степановна Лапина работала поварихой в столовой.

Девять тысяч человек, работавших в непосредственной близости к врагу, на переднем крае обороны, не могли оставаться незамеченными. Возникал вопрос: как уберечь людей от опасности в случае массовых налетов фашистских самолетов на завод. Необходимо было уберечь от бомбежки и прямых попаданий снарядов также вагоны, в которых на территории завода проживали прибывшие из Донбасса рабочие. Если вражеские снаряды ложились близко у цехов, люди на время уходили в кабельные тоннели или, как говорят, применялись к местности и использовали подручные средства для укрытия.

Изготовление барабанов для смотки силового кабеля и другие плотничные работы, необходимые для демонтажа оборудования, производились на открытом воздухе. Не разгибаясь, трудились плотники, прибывшие из Донбасса,— Емельянов, Сычев, Потанцев, братья Александр и Петр Севостьяновы и

братья Андрей и Григорий Поляковы. Работали здесь и заводские мастера. Гитлеровцы наблюдали за передвижением людей и в течение нескольких дней интенсивно обстреливали этот район. Плотники подвезли к месту работы шлаковые чаши, опрокинули их и устроили из них убежища, служившие хорошим укрытием при обстреле.

Что касается вагонов, в которых жили прибывшие в Запорожье рабочие для участия в демонтаже и эвакуации оборудования, то их чаще всего рассредоточивали и ставили в пролеты цехов, из которых оборудование уже было вывезено.

Остается сказать еще об одной трудности, которую необходимо было преодолеть,— о демонтаже и транспортировке «тяжеловесов», т. е. деталей, вес которых превышал грузоподъемность действовавших в пролетах мостовых кранов. В этих случаях помогала рабочая смекалка, различные манипуляции с самим грузом и вагоном или платформой, куда он укладывался. Так, например, станину ножниц слябинга весом в 125 тонн удалось погрузить на платформу при помощи 75-тонного крана.

В обычных условиях железные дороги для перевозки негабаритных грузов и «тяжеловесов» применяют специальные платформы. Для вывоза оборудования запорожских заводов требовались десятки таких платформ, а их не было. Посоветовались с представителями железной дороги и с их согласия приступили к усилению нормальных 60-тонных платформ. Это было связано с риском, так как поломка такой недостаточно усиленной платформы неизбежно вызвала бы крушение поезда и затормозила бы движение в прифронтовой полосе. Каждая усиленная платформа грузилась и отправлялась только после тщательного осмотра представителями железных дорог. На таких платформах были перевезены 22 станины прокатных станов и другие детали, вес которых превышал 60 тонн. Холодильник тонколистового стана в целях ускорения демонтировался секциями и при погрузке на платформы выходил за установленные габариты. То же было и с другим оборудованием, например с трансформаторами электропечей. Железнодорожники все же решили принять эти грузы к перевозке и благополучно доставили их к месту назначения.

Первый эшелон, груженный мотогенераторами, ушел с запорожских заводов 20 августа. С тех пор сорок четыре дня подряд, день и ночь шла эвакуация запорожских заводов. Если 20 августа ушло 65 вагонов, то в сентябре отправлялось в сутки не менее 622 вагонов, а в отдельные дни доходило до 969. Подача такого количества вагонов к линии фронта и вывод их затем в тыл груженными на глазах у врага, который просматривал все подходы к Запорожью и простреливал их, само по себе может быть оценено как героическое дело советских железнодорожников.

В Запорожье прибыли 1600 квалифицированных механомонтажников и плотников с заводов Донбасса — Донецкого, Макеевского, Енакиевского, Алчевского. Их возглавляли начальник отдела капитального строительства Донецкого металлургического завода В. И. Кутненко и его заместитель В. А. Староверов — выдающийся такелажник. Донбассцы выполнили на демонтаже и эвакуации запорожской группы металлургических заводов огромную работу. Особенно хорошо потрудились мастер-монтажник Прядченко, бригадиры монтажа Холин и Бронский, монтажники Божко, Ташкевич, Шариков, бензорезчики Когтев и Сизов. Все эти люди и сейчас работают на Донецком металлургическом заводе, за исключением Староверова, который ушел на пенсию.

Цехи запорожских заводов пустели. С каждым днем все больше. Ушло с заводов ценнейшее электрооборудование, контрольно-измерительные приборы, масляные выключатели, турбовоздуходувки, фильтры, насосы, турбогенераторы, мощные прокатные станы, богатейший парк приборов и регуляторов, сотни километров контрольного кабеля и компенсационных проводов и многое другое.

Гитлеровцы уже переправились в двух местах через Днепр: на юге — у Каховки, на севере — у Кременчуга, а на запорожских заводах еще шла работа. Теперь, когда основное оборудование уже находилось на пути к заводам Востока, началась эвакуация ценнейших материалов и сырья.

Ежедневно отгружали цветные металлы, глинозем и кальцинированную соду, десятки тысяч тонн горяче- и холоднокатаного стального листа, десятки тысяч тонн легированного металла, железной и марганцевой руды, чугунные и стальные слитки.

Все это очень нужно было заводам Донбасса, которые продолжали работать на полную мощность, но уже начали ощущать потерю Кривого Рога и Никополя.

Наконец, дело дошло до демонтажа и эвакуации металлических конструкций цехов, но срок для эвакуации уже подходил к концу. 2 октября командование Юго-Западного фронта предложило нам прекратить эвакуацию заводов и вывезти людей.

Сорок шесть дней части Советской Армии удерживали немецко-фашистские войска на правом берегу Днепра. Сорок пять дней длилась эвакуация заводов Запорожья. Только 3 октября 1941 года, в день оставления Запорожья, с заводов ушли рабочие и инженеры. Вспоминая впоследствии об этом дне, участники эвакуации шутя говорили, что 3 октября 1941 года оставалось только подмести цехи металлургических заводов — больше там делать было нечего. Было полностью вывезено оборудование заводов, а также огромное количество материалов — всего 320 тысяч тонн грузов, на что потребовалось около шестнадцати тысяч вагонов...

Все это сделали люди, советские люди. Время стирает следы минувшего, и сейчас, спустя два десятилетия после тех незабываемых дней, нелегко восстановить в памяти героические дела отдельных людей. Но все же об одном таком поступке я расскажу.

На куполах воздухонагревателей доменных печей оставались термопары, изготовленные из драгоценного металла (платинорадиевые). Попытки демонтировать их днем были безуспешны: при приближении наших верхолазов к куполам кауперов (нагревателей) гитлеровцы открывали по ним огонь с правого берега. Тогда работник цеха контрольно-измерительных приборов и автоматики комсомолец Григорий Котеленец вызвался выполнить эту трудную операцию. Получив разрешение, он поднялся на купола и демонтировал все термопары.

* *
*

Какова же была судьба демонтированного и эвакуированного оборудования?

Это уже другая тема. Здесь же можно коротко сказать, что это оборудование в значительной своей части было восстановлено на ряде заводов Урала в очень короткие сроки. На нем стали выпускать оборонную продукцию, сыгравшую немалую

роль в последующем повороте войны в пользу наших Вооруженных Сил, в разгроме немецко-фашистских армий.

После войны при встречах с иностранными политическими и хозяйственными деятелями нередко приходилось слышать от них вопрос, верно ли, что оборудование запорожских металлургических заводов было вывезено и восстановлено на других заводах, расположенных в глубоком тылу.

Получив положительный ответ на этот вопрос, наши иностранные собеседники, особенно американцы, выражали сомнение в самой возможности такой операции. Они утверждали, что эвакуация металлургического гиганта, вроде «Запорожстали», была бы невозможна даже в Америке, где железнодорожный транспорт, по их мнению, лучше организован, чем в СССР.

Что можно было на это ответить?

Да, действительно, в условиях капитализма такая эвакуация невозможна. Только советские люди, поднявшиеся на Великую Отечественную войну против немецко-фашистских захватчиков, могли совершить этот ничем не измеримый трудовой подвиг.

М. В. ДРАГУНОВ

ТО, ЧТО БЫЛО НА НАШЕМ ЗАВОДЕ

В годы Великой Отечественной войны Горьковский автомобильный завод был одной из могучих оборонных баз страны. Кроме грузовых автомобилей здесь производилась боевая техника для фронта.

В те годы на Горьковском автозаводе зародилось движение фронтовых бригад, соревнование на лучшего рабочего своей профессии, на лучшего мастера.

Славный коллектив горьковских автомобилестроителей был награжден за время войны орденом Ленина, орденом Красного Знамени и орденом Отечественной войны I степени. Ордена и медали получили тысячи автозаводцев — фронтовиков тыла. Гитлеровская пропаганда не раз «уничтожала» Горьковский автозавод, но он всю войну стоял, как могучая крепость, и коллектив его, закаленный в боях, руководимый партийной организацией, с честью выполнял свой долг перед страной, перед народом, перед Советской Армией.

Немеркнущей славой покрыты дела горьковских автомобилестроителей...

Август 1941 года

Завод получил первый крупный заказ фронта. Предстоит выпуск нового изделия — танков. Первый этап — потребуются сотни приспособлений, инструмента, штампов нового образца для выполнения заказа.

Выпуск инструмента в связи с этим увеличивается в два раза по сравнению с мирным временем.

На завод приехали секретари обкома и райкома партии Родионов и Кочетков.

Начальник инструментально-штампового корпуса Глинер сказал:

— Задание фронта принимаем к немедленному исполнению. Но нам потребуется дополнительное оборудование и рабочая сила, чтобы обеспечить выпуск такой массы инструмента...

— Ни людей, ни станков я дать не могу,— сказал директор завода Лоскутов.— Надо сделать эту «массу» на имеющемся оборудовании и наличным составом рабочей силы.

— Посоветуйтесь с народом,— сказал секретарь обкома.— Соберите коммунистов, мастеров, передовиков производства. Народ подскажет, как с этим справиться.

Начальник инструментального корпуса пришел в цех, посоветовался с партбюро, собрали мастеров, рабочих.

Большое дело — оснастить новый вид изделия инструментом, приспособлениями и всем необходимым, чтобы начать серийное производство. Каждый новый заказ, поступающий на завод, требует своего специализированного инструмента: новые штампы, новые резцы, новые приспособления, новые измерительные приборы. И все это не в сотнях, а в тысячах единиц. Нужно изготовить инструмент толщиной с иголку и штамп весом до семидесяти тонн, на обработку, доводку и наладку которого бригада слесарей тратит месяц, а то и больше...

На совещании актива начальник корпуса рассказал об объеме предстоящих работ и спросил присутствующих:

— Как будем выполнять боевое задание? Сумеем ли?

Обсуждали долго, но решение не приходило: куда ни кинь — не хватает рабочих.

Выступил мастер коммунист Александр Николаевич Воронов:

— Я буду каждый день после смены вставать за свободный станок и работать по 4—5 часов простым рабочим. Нас 200 мастеров, если каждый сделает так же, то задание будет выполнено в срок.

— Поддерживаю целиком и полностью предложение Воронова! — воскликнул мастер Удод.

На другой день после совещания Воронов встал за станок. Применил комбинированные фрезы и выполнил норму на 600 процентов.

Когда мастера встали за станки в качестве рабочих, они увидели резервы производительности труда, которых до этого не замечали, выработали приемы труда, о которых раньше не думали.

Каждый день в течение трех месяцев 200 мастеров оставались после смены работать на станках, и каждый вырабатывал по три-четыре нормы. Они заменили 300—400 рабочих и научили еще производительнее работать подчиненных им людей.

По примеру мастеров оставались после смены и рабочие. За борьбой инструментальщиков следил весь завод, помогал им, воодушевлял их. В инструментальном корпусе были выпущены сотни «молний» и листовок. На досках показателей каждый день появлялись новые имена.

Боевое задание было выполнено в срок. Чудо? Нет!

Когда слесаря комсомольца Василия Шубина, который научился изготовлять развертки за 10 минут вместо 190 по норме, спросили, как он достиг этого, комсомолец ответил:

— У меня брат сражается с гитлеровцами...

19 августа 1941 года

На завод пришли жены, сестры и матери рабочих, призванных в Советскую Армию.

Нелегко им работать на заводе. Дома остались дети, старики, хозяйство. Надо помыть, постирать, приготовить для семьи еду. И для них восьми-десятичасовая работа на заводе — двойной подвиг.

Евдокия Малыгина стала за станок, на котором работал муж. Сначала справилась, какую он давал выработку, и потом стала каждый день на 10 процентов перекрывать норму мужа.

Екатерина Шабалова в три дня освоила сверловку отверстий в вилках шарнира, взяла на обслуживание два станка и каждый день дает полторы нормы в смену.

Женщина-кузнец Мельникова осталась без нагревальщика: его призвали в армию. Мельникова стала работать одна за двоих и удержала выработку на прежнем уровне...

21 августа 1941 года

На заводе прекращен выпуск легковых автомобилей. Высвободившиеся производственные площади занимаются под танки, броневики, снаряды, боеприпасы.

Мобилизуются заводские резервы, чтобы увеличить выпуск грузовиков для фронта. Мы отлично знаем, что автомобиль на

войне — это возможность быстрого маневрирования войсками и боевой техникой; это быстрый подвоз мин, снарядов, патронов; это бесперебойное снабжение Советской Армии продовольствием и амуницией.

Грузовик для фронта не менее важен, чем танк. Поэтому директор завода дал указание цехам: строить танки и увеличивать выпуск грузовых автомобилей. Задача тем более ответственна, что наш завод стал единственным предприятием страны, выпускающим грузовые автомобили.

10—25 сентября 1941 года

Получено новое исключительно важное задание оборонного значения: нам доверено изготовление ответственного боевого изделия. Вместе с заданием присланы чертежи и готовая технология производства, разработанная на одном из уральских заводов. Технологи этого завода запроектировали токарную обработку детали боевого изделия.

— Нет, это не пойдет. На передовом заводе с поточным методом производства недопустим такой консервативный способ обработки,— заявили инженеры-автомобилестроители.

Посоветовались с украинскими сварщиками, в частности с инженером Гребельником, созвали маленький «технический совет» под председательством нашего крупного инженера-сварщика Сергея Ивановича Русакова и приняли замечательное по простоте решение: вместо дорогостоящей и трудоемкой операции высверловки детали из куска металла сваривать ее из двух отштампованных половинок. Преимущество нового способа очевидно: потребуется меньше металла, меньше станков, инструмента, а главное — меньше рабочей силы.

Инструментальщики быстро изготовили штампы, прессовщики отштамповали первую партию половинок, кузовщики сварили их, и через несколько дней провели боевое испытание. Результаты получились отличные.

Директор завода Лоскутов в тот же день рапортовал наркому по прямому проводу:

— Просим в три раза увеличить программу по ответственному изделию.

Октябрь 1941 года

Положение на фронте очень тяжелое...

На завод пришла правительственная телеграмма.

В телеграмме говорилось, что Советской Армии нужны танки; их не хватает. Необходимо увеличить выпуск танков.

Начальник телеграфа прошел прямо в кабинет к Лоскутову и, не дожидаясь, когда тот закончит разговор с начальником цеха, молча подал сложенный вчетверо листок бумаги.

Директор взялся за телефонную трубку...

— Да, я тоже только что получил,— ответил парторг завода Маркин.— Сейчас иду.

На завод приехали районные и областные партийные руководители. По диспетчерскому пульту были вызваны начальники цехов, секретари партбюро, председатели цеховых комитетов.

...Через час мастера, технологи пошли по линиям, в бригады, чтобы разъяснить людям важность и ответственность нового задания.

На обработку дефицитных деталей встали коммунисты. Они должны были задавать сейчас новый темп всем линиям, участкам, цехам, заводу.

Командный состав завода, партийные работники перешли на казарменное положение: едят и спят в цехах, неделями не бывают дома.

* *
*

В эти исторические дни на заводе родилась новая форма социалистического соревнования — «фронтовая бригада». Этому движению предстояло стать всесоюзным.

Комсомольцы нашего завода — Шубин, Осьмушников, Галанина и другие — выступили его застрельщиками.

— Берусь создать бригаду из молодежи,— сказал Осьмушников на совещании молодых рабочих.— Мы возьмем на себя обязательство работать, как на фронте, не считаясь со временем, не уходить из цеха, пока не будет выполнено сменное задание...

На другой день после совещания комсомолка Галанина из арматурного цеха организовала фронтовую бригаду из девушек и на сборке пулеметного звена выработала три нормы.

Бригадир только что организованной фронтовой бригады инструментальщиков комсомолец Василий Шубин поставил новый крупный рекорд: он дал 25 норм в смену[1].

[1] На протяжении войны состав бригады Шубина менялся шесть раз: одни члены бригады, обученные Шубиным, сами вставали во главе новых бригад, другие уходили на фронт, их заменяли юноши и девушки, окончившие школы ФЗО.

Среднее выполнение нормы лично у бригадира Шубина за годы войны составило 580 процентов. Потребовалось бы 24 года мирного времени, чтобы выполнить объем работ, сделанный Шубиным за четыре года войны.

Бригада Шубина внесла за годы войны 27 рационализаторских пред-

Движение фронтовиков быстро распространилось по всему заводу. К концу октября было создано 35 бригад. Потом эти цифры росли каждый месяц — 100, 200, 350...

Завод дал в октябре две месячные программы по выпуску танков. Нас вело слово партии.

21 октября 1941 года

Бои под Москвой.

Коллектив нашего завода послал письмо героическим защитникам столицы.

«Мы с вами, товарищи москвичи! — говорилось в письме.- Мы работаем дни и ночи, не выходя из цехов, не жалея сил. Бейте врага!»

Заводская газета напечатала письмо рабочих, инженеров, мастеров москвичам под заголовком «Мы у станков, как у орудий, мы в цехе, как на линии огня!».

23 октября 1941 года

На завод прибыли проездом из Москвы первые партии москвичей, эвакуируемых в глубь страны. На грузовиках — станки, инструмент, штампы. В автобусах — женщины и дети. Людей временно разместили в школе, снабдили продовольствием. Многих матерей с детьми наши рабочие берут к себе.

4 ноября 1941 года

Первый удар по заводу: прилетели воздушные пираты Геринга, безнаказанно сбросили бомбы, разрушили часть одного цеха.

5 ноября 1941 года

Новый налет вражеских стервятников. Сбросили фугасные и зажигательные бомбы. Сожгли учебный комбинат, главную контору завода.

Воздушная тревога продолжалась 13 часов.

11 ноября 1941 года

В мирное время у нас были сотни предприятий-смежников. Сейчас 43 смежных завода эвакуированы на восток и в глубь страны.

ложений, обучила 36 новых и молодых рабочих, все они овладели двумя-тремя профессиями. Сам бригадир в трудные военные годы окончил автомеханический техникум. На деньги, заработанные в годы войны, Василий Шубин купил легковую машину и подарил ее гвардейской части, в которой служил его брат Иван.— *Авт.*

Война нарушила межзаводскую кооперацию. Многие детали, которые до войны поставлялись смежниками, придется теперь делать самим. Нужно дополнительное сырье, оборудование, рабочая сила. Единственный проверенный путь — изыскание внутренних резервов.

Мы уже начали изготовлять огнетушители, переключатели света, подъемные и поворотные механизмы.

Осваиваем угломеры для минометов.

Приходится заменять подшипники — один размер на другой. Вчера иссякли запасы аккумуляторов, ламп, электропроводов...

Мы сами взялись за неизведанное дело — обрезинку катков для танков. Никто и никогда не занимался у нас на заводе технологией обработки каучука, но взялись и сделали.

14 ноября 1941 года

В стране происходит великое перемещение промышленности с запада на восток. Многие боевые изделия, которые изготовлялись на перемещаемых заводах, теперь переходят к нам. Государственный комитет обороны дает заводу все новые и новые заказы.

Растет в цехах номенклатура обрабатываемых деталей. В одном только цехе шасси число названий деталей достигло 1400, это в два раза больше, чем было до войны.

Новые изделия - значит, новая организация, новая расстановка людей, станков. Приходится перестраиваться на ходу. Монтируется 15 новых линий.

В связи с этим происходит массовое перемещение станков из цеха в цех, с участка на участок.

Переброску оборудования нужно сделать быстро, в несколько дней. Фронт не ждет!

На заводском дворе можно наблюдать такую картину: грузовые машины по всем направлениям развозят станки, инструмент, штампы; тракторы волокут тяжелые агрегаты на больших стальных листах, прикрепленных к буксирным приборам.

В цехах, на развороченных гнездах, где стояли станки, валяются шашки торцового пола...

20 ноября 1941 года

Рабочие и мастера не выходят из цехов по двенадцать и более часов в сутки. К станкам стали счетоводы, бухгалтеры, нормировщики, экономисты.

Люди всеми силами стараются заменить своих товарищей, ушедших на фронт, но нехватка рабочих дает себя чувствовать.

29 ноября 1941 года

Важнейший на заводе цех № 5 отстает от графика. Пятый цех — наш барометр, и это может сказаться на выполнении программы заводом по решающим изделиям.

Об отставании пятого цеха узнали рабочие механического цеха № 2. После дневной смены 75 рабочих во главе с начальником участка Тыршевым двинулись в пятый цех на ночь, поработали еще и дневную смену. На другой день другие 75 передовиков механического цеха повторили этот поход.

Два дня люди работали у соседей с такой же интенсивностью, как и у себя в цехе. Кривая графика сдачи боевых машин пошла вверх.

13 декабря 1941 года

7 часов утра. На площадке около завкома стоит большая толпа рабочих. На крыше здания установлен мощный репродуктор. По площади разносятся слова диктора:

— Провал немецко-фашистского плана окружения и взятия Москвы. Поражение немецких войск на подступах к Москве...

Бригадир молодежной бригады из пятого цеха комсомолец Шябин — сборщик танков вытирает тряпкой замасленные руки и говорит весело своей бригаде:

— Помогли наши танки.

Пятеро мальчиков — сборщиков раций, к которым обращены слова бригадира, сидят на танке в ватных фуфайках и шмыгают от удовольствия носами.

...В пятом цехе, на сборке танков, у начальника цеха Парышева...

Герасим Кузьмич — старый член партии. Невысокий, крепкий. На голове вьющаяся, но уже поредевшая русая шевелюра. Молодые, задорные глаза. Он никогда и ни у кого ничего не просит: всегда требует. «Вы обязаны это сделать — я прошу не для себя. Мы все работаем на Советскую власть».

Герасиму Парышеву принадлежит честь выпуска первой машины нашего завода. С тех пор он десять лет неутомимо строит советские автомобили.

Сейчас он весело кричит в телефонную трубку своим цехам-поставщикам:

— Слышали, чего наши танки наделали под Москвой? Вот

именно! Ну, так вот что: в декабре мы должны дать танков в два раза больше, чем в ноябре. Ясно? В два раза.

Потянул рычажок на диспетчерском пульте, соединился с соседним цехом:

— Эй вы там, в десятом... Сегодня обязательно подайте 12 комплектов главных передач. Не сумеете? Нет, надо сделать! Знать ничего не знаю! Когда человек захочет изо всех сил, он обязательно сумеет...

29 декабря 1941 года

Первое полугодие военного времени на исходе. Подведены некоторые итоги работы завода за это время.

Производственная программа первого военного года выполнена на 11 дней раньше срока. Завод выпустил в 1941 году грузовых машин на 6000 штук больше, чем в довоенном 1940 году.

Подготовлено производство и начат выпуск свыше 40 новых объектов, имеющих военное значение. Трудно даже верится, какую огромную работу провели наши технологи по наладке новых производств и совершенствованию технологических процессов!

3 февраля 1942 года

На складах завода нет больше алюминия. Его не хватает во всей стране. Но поршень для танкового мотора может делаться только из алюминия. Поршень отливает старший мастер литейного цеха коммунист Шурков.

Когда был залит последний кокиль, Шурков созвал рабочих своего участка:

— На складах завода нет больше алюминия, но программу по поршням мы все равно должны выполнить.

Поговорили, посоветовались, как быть, и прямо с собрания двадцать восемь рабочих разошлись по всем литейным цехам искать старые литники, т. е. трубки, через которые расплавленный металл вливается в форму. Но этого оказалось мало. Тогда сходили на соседний завод, где изготовляются различные детали, и собрали у станков стружку...

Спустя неделю мастер Шурков докладывал на заседании парткома завода:

— Январскую программу выполнили на 103 процента, из них 72,5 процента за счет отходов производства.

Партком принял решение: вывесить во всех цехах завода плакат-лозунг с рассказом об опыте мастера Шуркова. Лозунг кончается такими словами:

«Только тот настоящий командир производства, кто при любых условиях выполняет производственную программу».

26 февраля 1942 года

Вчера отличился сталевар Леонид Бронников. Его бригада выдала восемнадцать плавок стали.

Замечательный работник Леонид Бронников! Молодой, ему нет еще и тридцати лет, но ни одно большое дело в жизни завода не обошлось без его участия.

Начало производственной жизни Леонида связано еще со строительством завода. На строительстве он совершил свои первые трудовые подвиги.

Невысокий, худой, молчаливый и удивительно скромный человек, он спокойно и просто делает свое большое патриотическое дело.

Как-то в газете был напечатан очерк о его достижениях. В этот день Бронников пришел в партбюро.

— Ты за этим? — подал ему газету секретарь.— Как же, прочти, о тебе написано...

Пробежав восторженные слова очерка, Бронников отложил газету.

— Я пришел уплатить членские взносы, Дмитрий Михайлович,— и вынул партбилет.

Наверное, настоящее мужество всегда вот такое: простое и немногословное.

27 февраля 1942 года

К нам прибыли женщины и дети из блокированного Ленинграда. Коммунальный отдел выделил для них отдельные квартиры в лучших домах. Многие рабочие берут ленинградцев к себе в семьи.

В лечебницу, где лежат больные ленинградцы, каждый день приходят наши заводские женщины, приносят свертки с хлебом, маслом, яйцами:

— Передайте ленинградцам...

— Как сказать? От кого? — спрашивает санитарка, худая женщина в сером халате.

— Скажите от своих, от советских женщин...

— Вот так все говорят,— обижается санитарка,— а не хотят понять, что меня тоже спрашивают, кого, мол, благодарить-то? А что я скажу?

В детском отделении больницы проще. Здесь разрешают женщинам пройти к маленьким ленинградцам в палаты, пого-

ворить с ними, приласкать и лично передать подарки. Многие женщины ходят к детям каждый день.

Март 1942 года

В социалистических обязательствах завода появились новые пункты: выпустить в мае и июне сверх плана один из видов вооружения для оснащения двух дивизий; оказать практическую помощь Ардатовской, Ризадеевской, Дивеевской и Глуховской МТС в ремонте тракторов и подготовке к весеннему севу.

23 июня 1942 года

Каждую новую форму социалистического соревнования подсказывает и выдвигает сама жизнь.

На этот раз стремления своих товарищей выразил кузнец Елизар Куратов.

— Один дает фронту мало, другой — много,— сказал Куратов.— Пусть все видят и знают, кто и сколько отковал в этом месяце коленчатых валов для мотора, ступиц и катков для танка. И кто даст больше всех, тот лучший работник завода, у того будем учиться, как надо помогать Советской Армии громить немецких захватчиков.

И Куратов первым на заводе выступил в многотиражке с предложением организовать социалистическое соревнование рабочих по профессиям: за звание лучшего кузнеца завода, сталевара, токаря, слесаря, фрезеровщика.

Предложение Куратова поддержал завком.

Во всех цехах рабочие горячо обсуждали почин знатного кузнеца.

16 июня 1942 года

Предложение Куратова подхвачено фронтовыми бригадами. Начинается соревнование за лучшую фронтовую бригаду под тем же лозунгом: «Кто больше всех даст вооружения и боеприпасов фронту!».

Совещание бригадиров фронтовых бригад в завкоме. Люди развивают и дополняют предложение Куратова. Формовщик Щекин предъявил серьезные претензии парткому и завкому:

— Надо, чтобы мы не раз в месяц, а каждый день знали, кто идет впереди, кто отстает. Побольше выпускайте «молний», показывайте передовых и отстающих. А то какое соревнование без показа?.. И вообще, я должен сказать, что к нам редко приходят агитаторы. Не знаешь, где и что делается. Если,

к примеру, ножик чаще точить, то он острее становится. Так и человека нужно подтачивать. Тогда работа пойдет лучше.

В этом выступлении беспартийного Щекина — признание силы и правдивости нашей агитации, живая потребность в воодушевляющем слове...

12 сентября 1942 года

Сумрачный, холодный день. На площадке между инструментально-штамповым и прессовым цехами собралось около 10 тысяч рабочих. Заводу вручается переходящее Красное знамя Государственного комитета обороны. Трибуна из четырех сомкнутых грузовиков с полотняно-фанерными кабинами. Направо от трибуны — танк, налево — танк и боевые машины. На спущенные борта грузовиков натянуто красное полотнище лозунга.

Знамя принесли в кабинет директора и поставили в постамент орехового дерева, сделанный за одну ночь модельщиками.

Вечером на заседании завкома приняли решение: передавать знамя на почетное хранение каждую пятидневку тому цеху, который добьется лучших показателей в соревновании.

Октябрь 1942 года

На завод возвратился с учебы знатный слесарь-штамповщик Григорий Масленников.

Зашел в партком завода:

— Пошлите меня в цех, к станку: хочу тряхнуть стариной.

В первый же день работы Масленников взял социалистическое обязательство: сделать штамп для коленчатого вала за 30 часов вместо 160 по норме. Прошло три дня. В цехе появилась «молния»:

«Стахановец Масленников сделал штамп за 29,5 часа».

«Молнию» прочитал слесарь Невежин:

— Я сделаю такой штамп быстрее...

Считал каждую минуту, экономил на обеде, на отдыхе и сделал штамп за 27 часов.

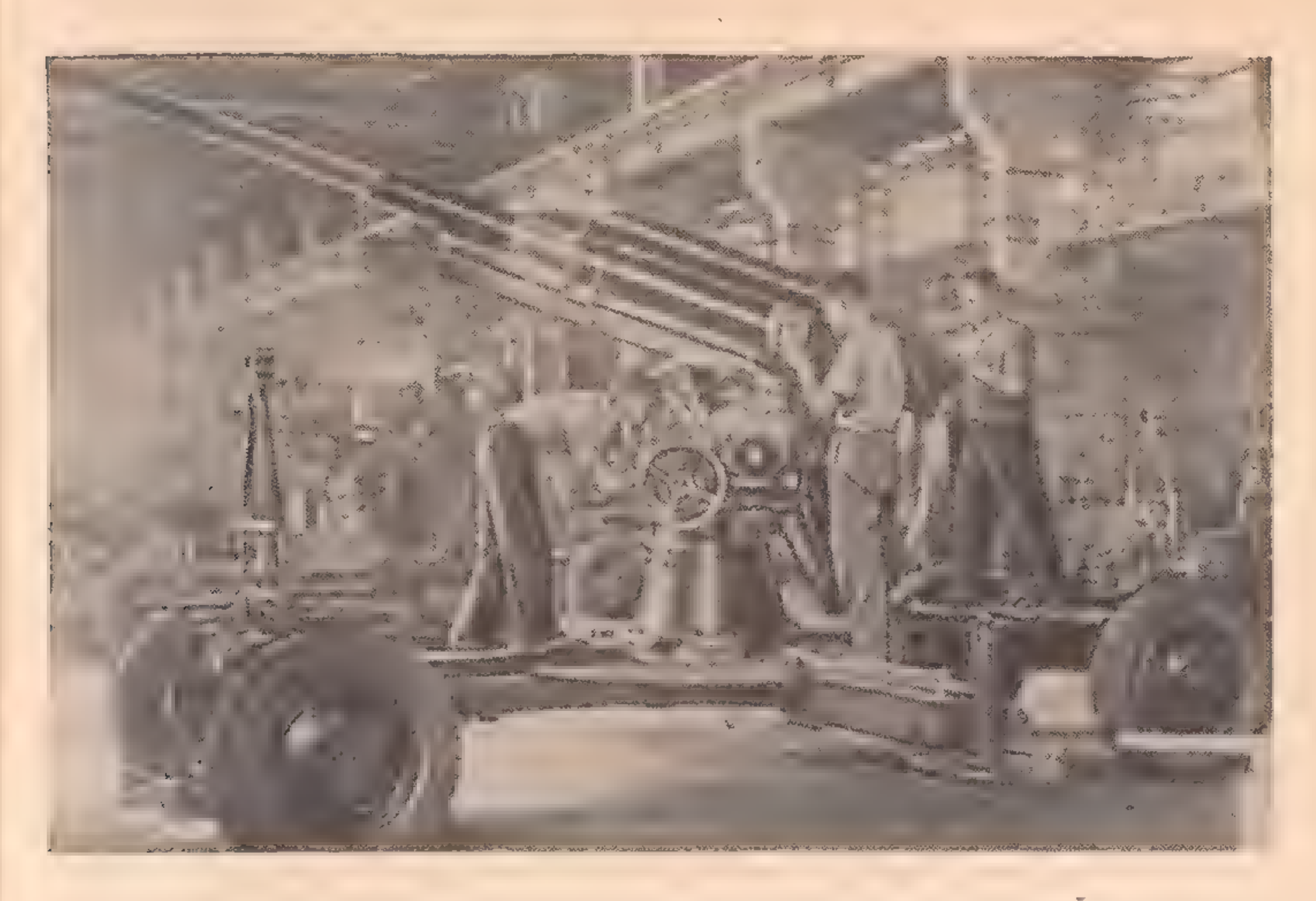
Потом в соревнование вступил член завкома слесарь-орденоносец Кузьмин. Перенял метод Масленникова и Невежина, сделал штамп за 24 часа.

Слесарь Мартынов решил:

— А я что, хуже других?

Кузьмин охотно рассказал Мартынову о своих методах. Мартынов послушал, добавил свое — и сделал штамп за 23 часа.

Потом штамп изготовлялся за 20 часов.

Сборка орудий на одном из уральских заводов. 1944 г.

16 октября 1942 года

На заводе событие: наш директор Лоскутов освобожден от работы в связи с переходом на другой пост в Москву.

Назначен новый директор Александр Маркович Лифшиц.

8 ноября 1942 года

Мороз 12—15 градусов. Голая земля. В цехах дымно и холодно. Посреди огромных корпусов горят костры.

9 ноября 1942 года

Не выполняется план. Знамя ГКО отобрано у нас и передано соревнующемуся с нами заводу.

10 ноября 1942 года

На завод приехал первый секретарь обкома Родионов. Обошел цехи, поговорил с начальниками, с мастерами, рабочими.

По решению обкома некоторые детали, по которым особенно сильно отставал завод, переброшены для изготовления на другие предприятия города.

На завод приехала специальная бригада обкома для помощи в налаживании массовой работы.

Поработали полмесяца под пристальным вниманием обкома, и завод стал медленно, но уверенно наращивать темпы.

22—23 ноября 1942 года

Праздник на нашей, советской улице: у Волги попало в окружение до двух десятков фашистских дивизий, взяты тысячи пленных.

Над зданием завкома, около заводских ворот установлены громкоговорители. В 7 часов утра здесь собираются рабочие первой смены послушать перед началом работы военную сводку. Сегодня, когда взволнованный диктор передал сообщение о победе, люди, не сговариваясь, начали хлопать, и долго можно было слышать гул аплодисментов...

5 декабря 1942 года

На заводе иссякли запасы мазута. На ТЭЦ выключены три котла, пульс заводской жизни стал замирать. Остановились станки и агрегаты, потухли вагранки и электропечи. В кузнице неподвижно стоят паровые молоты.

Мрачно в цехах, угрюм соцгородок. Каменная гряда больших домов замаскирована под маленькие двухэтажные домики.

На заснеженных улицах изредка появляется газогенераторный автомобиль, нагруженный продовольствием для цеховых столовых.

Непроглядная тьма спускается по ночам на город — на улицах ни одного фонаря.

Партком и директор завода приняли необычное для поточного производства решение: работать цехам по очереди.

Директор лично распределяет электроэнергию, как драгоценный пеек. Его деловая речь пополнилась словами, которые он до этого редко употреблял: «мегаватт», «киловатт», «косинус фи».

В цехах стоят около станков тысячи рабочих и ждут благодетельного притока электроэнергии. Участки, линии работают только по два-три часа в день. Начинают заготовительные цехи. Проработав два часа, они останавливаются, чтобы дать возможность механическим цехам обработать и подать на сборку то, что они успели сделать за эти 120 минут.

В цехах завода партком и завком развернули массовую работу по организации соревнования за выполнение дневных норм до обеда, полудневных — за два часа...

12 декабря 1942 года

Получено распоряжение Государственного комитета обороны дать нашему заводу довоенную норму мазута. На ТЭЦ пущен в эксплуатацию рамзинский котел. По трубам пошла вода для отопления домов соцгорода.

Наша задача: производительно и экономно использовать каждый грамм. Мину для фронта — за каждую каплю драгоценного топлива!..

8 января 1943 года

Вчера ночью без всякого предупреждения секретарь обкома Михаил Иванович Родионов явился на завод и сразу пошел по цехам. Побывал в кузнице, в моторных цехах, на сборке машин, зашел в литейный цех. Проходя по длинным, слабо освещенным пролетам литейного корпуса, он увидел где-то в углу, около остывающего шлака группу спящих рабочих.

Секретарь обкома остановился и спросил сопровождающего его начальника цеха:

— Почему люди спят в рабочее время?

Начальник цеха замялся:

— Это рабочие первой смены.

— Почему же они ночуют в цехе?

Родионов разбудил крайнего рабочего — формовщика Щерикова и спросил его:

— Вы часто здесь спите?

Формовщик нехотя поднялся на ноги, стряхнул с себя пыль, протер глаза и с тревогой взглянул на Родионова, а затем вопросительно на начальника цеха. Тот стоял молча, переминаясь с ноги на ногу.

— А вы кто такой будете? — спросил в свою очередь Щериков, обращаясь к Родионову.

Секретарь обкома назвал свою фамилию.

Формовщик несмело кашлянул в руку, еще раз взглянул на начальника цеха и чистосердечно признался:

— Почти каждый день здесь спим...

— Почему же не в общежитии?

— Холодно там, не топят, товарищ секретарь обкома.

Поднялись еще трое рабочих. Секретарь расспросил каждого о житье, о работе, о семьях. Все они оказались новыми рабочими, недавно пришедшими на завод из колхозов. Живут здесь без семей. В общежитии ночуют изредка, все свободное время проводят в цехе. В театр и кино не ходят, газет не читают,

радио не слушают. Секретарь задал несколько вопросов о положении на фронтах Отечественной войны. Разбираются смутно.

Секретарь обкома направился к выходу. Позади его шел начальник цеха. Около цеховых ворот Родионов повернулся к своему спутнику и, не подавая на прощанье руки, тихо, но энергично сказал:

— Вы очень незадачливый, как видно, хозяйственник...

В тот же ночной час Родионов зашел в партком завода и попросил дежурного вызвать из дому секретарей райкома и парткома, редактора заводской газеты и председателя завкома.

Когда все собрались, секретарь обкома спросил Маркина:

— Давно ли вы проверяли работу ночных смен?

— Только вчера, Михаил Иванович...

— И все в порядке?..

— Нельзя этого сказать: партийно-массовая работа в ночных сменах хромает, скрывать не приходится...

— И только?

Секретарь парткома хотел сказать что-то еще, но Родионов спросил:

— Вы знаете, что у вас в литейном цехе люди месяцами ночуют около вагранок? Вы понимаете, что это чрезвычайное событие на заводе? Созовите заседание парткома и обсудите этот вопрос с пристрастием. Свое решение доставьте мне в обком нарочным.

Подошел к вешалке, надел кожаное пальто, нахлобучил на голову желтую пыжиковую шапку-ушанку и, уже выходя из кабинета, ни с кем не прощаясь, сказал как бы про себя:

— Руководители! Какие же вы руководители, если не умеете беречь самое ценное, что у нас есть,— людей!

Участники заседания так и остались молча сидеть на своих местах.

* *
*

Назавтра четверо литейщиков, побритые и подстриженные, в новом белье, укладывались на ночь в теплом и светлом общежитии.

Формовщик Щерпков, покрываясь теплым, пушистым одеялом, заметил доверительно:

— Какой секретарь-то обкома...

Обрубщик Полозов встал с табуретки и, ища глазами место, куда бросить окурок, отозвался коротко:

— Партийный...

С этим словом у Полозова связывалось все лучшее, все самое честное, что есть в человеке.

— Если бы не он, не знаю, сколько пришлось бы нам ночевать у вагранки.

— Не он, так другой. Партия все равно увидит,— возразил Щериков.

* *
*

10 января 1943 года

Начальник механического цеха № 6 Бело-Криницкий сидит в кабинете секретаря парткома завода Маркина и рассказывает ему о работнице Катаевой:

— Во время налета на завод вражеской авиации у Анны Катаевой погиб муж. Одно за другим пришли два известия о гибели на фронте сыновей.

Когда военкомат вручил Катаевой извещение о гибели младшего сына, она пришла с этим документом в цех и спросила, где станок сына.

Потом с сухими глазами Анна подошла ко мне, попросила определить на работу и поставить обязательно за этот станок.

Катаева быстро освоила профессию токаря и каждый день стала вырабатывать две нормы: одну за себя, другую за сына.

12 января 1943 года

Сегодня вечером умер слесарь инструментально-штампового отдела Александр Сергеевич Кузьмин, орденоносец, член завкома.

В первый день войны он досрочно возвратился из отпуска и встал к станку.

Ему принадлежат десятки рекордов по изготовлению штампов для коленчатого вала. Каждый этап соревнования на заводе связан с его именем.

По утрам по широкой аллее, усаженной липами и кленами, идут на завод рабочие мимо Доски почета, на которую занесено имя слесаря Александра Кузьмина.

15 января 1943 года

Во всех цехах проходит сбор средств на постройку самолетов и танков. За два дня собрано более пяти миллионов рублей. Кроме наличных денег рабочие, мастера, инженеры, техники отдают компенсацию за неиспользованные отпуска.

16 февраля 1943 года

На фронт, в подшефную противотанковую бригаду, едет делегация нашего завода.

На собраниях рабочие выбрали самых лучших людей, известных в стране и армии.

Девушки сшили кисеты. Рабочие цеха металлопокрытий изготовили и вложили в посылки несколько тысяч зажигалок. Прессовщики сделали металлические портсигары и на крышках оттиснули короткое: «За Родину!».

12 марта 1943 года

Завод отвоевал переходящее Красное знамя Государственного комитета обороны, отобранное у нас осенью 1942 года.

Настроение приподнятое.

4 июня 1943 года

Пришел, очевидно, самый тяжелый для нас день. В 11 часов 40 минут ночи объявлена воздушная тревога. Сразу же началась стрельба зенитных батарей. Завод освещен ракетами, сброшенными с немецких самолетов. Дома и цехи завода в мертвом, розоватом сиянии. С неба падают фугасные и зажигательные бомбы. Одна, две, три, пять, сто... Горят кузнечные и литейные цехи, жилые дома. Перебиты водоводы: нечем тушить пожары. На многих цехах вспыхнула маскировочная деревянная обшивка, рушатся ажурные конструкции цехов. Сердце сжимается от боли.

Ночь с 5 на 6 июня 1943 года

Второй ожесточенный воздушный налет. Сгорели три цеха. Люди подавлены несчастьем, но утром, как всегда, в восемь часов вышли на работу.

Ночь с 6 на 7 июня 1943 года

Третий ожесточенный налет. Сгорели пятый и восьмой цехи корпусов, часть инструментально-штампового отдела.

В ту же ночь

После зажигательных бомб фашисты стали сбрасывать фугаски.

Мы спустились в убежище, стоим, тесно прижавшись к стене, слушаем гул зениток и свист падающих бомб.

Бомбы падают где-то рядом. Трясется земля, дрожит бомбоубежище.

Воздушная волна распахнула чугунный люк. Вскрикнула женщина. Второй удар. Как будто из гигантских кузнечных мехов вырвался воздух и толкнул людей к двери.

Утро 7 июня 1943 года

В щелях около домов соцгорода засыпаны люди. Мы извлекаем из-под обломков бревен трупы женщин и детей.

На грузовой машине лежит убитая женщина. На груди у нее мертвый младенец. Шофер завел мотор, чтобы отвезти трупы в морг. Прибежал с завода рабочий — муж убитой женщины, бросился на трупы дорогих ему людей и судорожно зарыдал.

Машину окружили люди и безмолвно склонили головы перед горем отца и мужа.

Подошла женщина. Она держит за руку пятилетнего мальчика и плачет, гладя белую головку сына.

Мальчик взглянул на мать, потом на розоватое утреннее небо, откуда только что падали немецкие бомбы. Нижняя губа мальчика дрожит. Он навсегда запомнит этот день и, если придется, будет хорошим солдатом.

8 июня 1943 года

Наши ночные истребители сбили на подступах к заводу сколько-то гитлеровских стервятников.

15 июня 1943 года

Каждый день — воздушные тревоги и налеты вражеской авиации. Враг бомбит с дьявольской методичностью. Начинают ровно в двадцать и кончают ровно в час ночи. С вечера женщины с детьми уходят на ночь в убежище, в подвалы домов, в ближайшие деревни. Мужчины идут в цехи тушить пожары, сбрасывать с крыш зажигательные бомбы. В соцгороде становится пусто и тоскливо.

18 июня 1943 года

Спасенные от пожара и разрушений, стоят сооружения завода в дыму и копоти, как бастионы большой крепости, выдержавшей яростную атаку.

Люди убирают битое стекло, кирпич, мусор, куда-то несут обгоревшие, покоробленные листы железа...

26 июня 1943 года

Освобожден от работы директор завода Лифшиц. Его пост занял прежний директор Иван Кузьмич Лоскутов.

1 июля 1943 года

Завод встает из пепла. Сегодня цехи получили производственную программу на июль. Еще дымятся обгоревшие пролеты, цехи завалены рухнувшими конструкциями, но одиннадцатого числа завком будет подводить итоги социалистического соревнования за первую декаду месяца.

2—5 августа 1943 года

План июля завод выполнил на 127,7 процента. План по танкам — на 104 процента, по запчастям к танкам — на 131 процент.

Прислал поздравительную телеграмму командующий бронетанковыми силами Советской Армии:

«Красноармейское танкистское спасибо за перевыполнение плана июля по танкам».

Победа завода тем более значительна, что программа выполнена в цехах, не восстановленных еще после пожаров и бомбежек.

Октябрь 1943 года

Подходят к концу восстановительные работы. Кладутся последние листы огнестойкой кровли; убираются леса; забиваются последние гвозди. Все окна цехов окованы теперь железными листами.

Под дождем и ветром потускнел большой лозунг, написанный на стене заводской лаборатории: «Мы возродим тебя, наш красавец!».

Пусть тускнеет. Теперь это — прошлое...

Возвращаются в цехи к станкам люди восстановительных бригад.

Снова на заводских и поселковых дорогах, на крутых поворотах ревут танковые моторы. Боевые машины, сделанные в восстановленных цехах, массами теперь пошли на обкатку.

Ю. Е. МАКСАРЕВ

НАШ ТАНК Т-34

В 1938 году танкостроительный завод, на который я был назначен директором, изготовил первые образцы новых, значительно более совершенных танков А-20. Уже в 1939 году опытные образцы прошли успешные испытания, в которых принял участие Н. С. Хрущев. Он дал немало ценных замечаний и по улучшению конструкции танка и по возможной организации производства.

Первые опытные образцы танка имели колесно-гусеничный ход. В связи с этим были очень усложнены трансмиссия и ходовая часть. Наш танк развивал большую скорость по шоссе, но без гусениц по земле, особенно по песку, двигался очень плохо.

По этому поводу Никита Сергеевич сказал:

— Вряд ли танкам придется воевать в условиях шоссейных дорог, поэтому подумайте, надо ли вообще так усложнять машину из за некоторых преимуществ при движении по хорошим дорогам.

Уже в 1940 году заводом была отработана новая модель танка А-32 как чисто гусеничный вариант с более мощной пушкой. Все-таки машина получилась недостаточно бронированной; по настоянию завода нарком среднего машиностроения В. А. Малышев и начальник главка А. А. Горегляд согласились с нашим предложением поднять бронирование, усилить пушку, увели-

чить количество снарядов, и завод приступил к серийному выпуску машин марки Т-34.

Этот замечательный танк сконструировал коллектив завода под руководством Михаила Ильича Кошкина, Александра Александровича Морозова и Николая Алексеевича Кучеренко. Конструкторам удалось при увеличении толщины брони создать такие формы корпуса и башни, которые дали возможность танку Т-34 практически быть неуязвимым от снарядов противотанковой артиллерии противника.

Кроме того, высокая маневренность и скорость танка на поле боя должны были также повысить неуязвимость танка. 76-миллиметровая пушка в сочетании со сравнительно мягкой подвеской дала возможность вести стрельбу как с коротких остановок, так и с ходу. Танк Т-34 превосходил все существовавшие в то время средние танки во всех странах.

Выпуск танков завод начал в сентябре 1940 года. К началу войны он ежемесячно выполнял план.

Мы встретили большие трудности с качеством брони, которую нам поставлял один из смежных броневых заводов. При длительных испытаниях, в которых участвовал конструктор М. И. Кошкин, обнаружились дефекты главного сцепления, вентилятора, коробки скоростей и ряда других деталей. Было принято решение о модернизации машины, которое вылилось практически в полную реконструкцию танка Т-34, получившего новую марку — Т-34М.

Противоречие, которое в то время было между Главным бронетанковым управлением Советской Армии и Наркоматом среднего машиностроения, заключалось в том, что наркомат поддерживал завод и предлагал продолжать производство танка Т-34, постоянно улучшая узлы танка и повышая гарантийный срок службы. А Главное бронетанковое управление требовало прекращения производства танка Т-34 и перехода на модернизированную машину. Практически это означало, что завод опять в течение полутора — двух лет должен был прекратить производство новых, более совершенных танков и перейти на выпуск старого танка — БТ-7М.

За несколько дней до начала войны я был вызван в Москву на совещание, где было принято решение продолжать производство танка Т-34 и только в дальнейшем, после тщательной подготовки производства переходить на модернизированную машину.

22 июня я должен был выехать на завод, но известие о вероломном нападении гитлеровцев на нашу Родину заставило

меня вернуться с вокзала в наркомат, где народный комиссар В. А. Малышев (в то время он был одновременно и заместителем председателя Совета Народных Комиссаров) принял решение о развертывании производства танка Т-34 по новому плану с прекращением работ по модернизации его. Мне были выданы соответствующие документы, и я уже 23 июня был на заводе.

Завод встретил начало войны подготовленным. 20—22 июня в городе проходили учения ПВО. Начало войны на заводе ознаменовалось переходом от учебной к реальной боевой действительности.

По мобилизационному плану производство танков предполагалось значительно увеличить. В связи с этим вся гражданская продукция на заводе должна была быть свернута и цехи, выпускавшие ее, переключены на производство деталей танков и тягачей.

Наркомат среднего машиностроения поручил ряду заводов, которые раньше не выпускали танки, освоить их выпуск. Поэтому нашему коллективу пришлось расстаться с главным инженером Сергеем Нестеровичем Махониным, который был направлен главным инженером одного из крупнейших заводов на Урале, осваивавших производство танков.

В те же дни наш коллектив выделил группу конструкторов-технологов, которые вылетели на другие заводы, где осваивался танк Т-34. Одновременно с ними были высланы все чертежи и техническая документация. Такая оперативность была возможна только потому, что на заводе установился определенный порядок, по которому вся документация готовилась в нескольких экземплярах и хранилась в специальных хранилищах, откуда безболезненно можно было перебрасывать на другие заводы нужные кальки, чертежи и технологические карты.

Уже в августе 1941 года начались налеты на завод вражеских бомбардировщиков, и первое время мы старались весь работающий состав уводить в щели и укрытия, но ввиду того, что налеты продолжались через определенные интервалы, практически это означало, что завод не выпускал бы продукцию, а его коллектив только и занимался бы тем, что уходил в укрытия или возвращался из них.

На цеховых собраниях рабочих по инициативе коммунистов было принято решение: и во время налетов продолжать работу. Все руководящие работники завода, члены партийного комитета во время налета находились в цехах, организуя работу в

условиях затемнения и бомбежки. Мне чаще всего приходилось находиться в танковом механическом цехе.

Мне казалось, что рабочие во время налета будут нервничать. Однако уже первые дни показали, что весь коллектив работал исключительно напряженно, совершенно не обращая внимания на выстрелы зениток и взрывы бомб. Кстати, надо сказать, что вражеские самолеты, к нашему счастью, очень неточно сбрасывали бомбы: они попадали то в склад угля, то на дорогу около цеха, то в пустые вагоны, то на пустыри. Одна только бомба попала в склад резервов, который к этому времени был уже пустым.

С первых же дней войны рабочие завода, обслуживающий персонал, командный состав под руководством парторганизации исключительно добросовестно и с большим патриотическим подъемом работали на любом участке. Завод начал перевыполнять план и создавать заделы.

Однако враг подходил все ближе и ближе. Было принято решение об эвакуации завода. К нам в город приехал уполномоченный ГКО Алексей Николаевич Косыгин, который со свойственной ему энергией организовал эвакуацию. Регулярно на завод подавали эшелоны под погрузку, и каждый день с завода стали уходить составы с оборудованием, заготовками, материалами.

С первым эшелоном было отправлено большое количество конструкторов и технологов, а также самое ценное новое оборудование танковых цехов, уникальные станки инструментальных и штамповочных цехов. Место эвакуации было назначено далеко на Урале. Мы решили, что если в самом начале пошлем туда конструкторов, технологов, а также сложные станки, то тем самым лучше подготовимся к приему и размещению остального оборудования и организации производства. Это полностью себя оправдало.

К середине октября 1941 года уходил последний эшелон с оборудованием. Но завод продолжал работать. И, по сути дела, в октябре выпуск танков снизился ненамного. Кроме того, завод производил ремонт танков, прибывавших с фронта.

Одновременно со станками и другим оборудованием был отправлен и весь задел заготовок, полуобработанных деталей, дававших возможность на новом месте организовать производство танков в кратчайший срок.

Начали эвакуироваться бригадиры, мастера, квалифицированные рабочие. Уезжали семьи. В октябре 1941 года гитлеровцы подошли к городу. По указанию областного комитета

партии, в связи с угрожаемым положением было решено закончить эвакуацию завода и начать подрыв электростанции, мартеновских печей, подъездных путей и сортировочной станции. Ночью ушел последний, 41-й эшелон. Оставшиеся на заводе работники в количестве 120 человек на автомашинах и тягачах октябрьским утром покинули завод. В Бутурлиновке они были погружены в железнодорожный состав и отправлены по месту новой дислокации.

Когда я прибыл на уральский завод, была глубокая ночь, но завод работал: разгружали оборудование с приходящих эшелонов, развозили станки по цехам и монтировали технологические линии.

Завод, который принял нас,— замечательное творение первой пятилетки,— имел большое количество площадей, квалифицированный коллектив рабочих и сравнительно хороший жилой поселок. Но, естественно, для эвакуированных, для такой большой массы людей приходилось срочно строить бараки, землянки. В это время стояла очень суровая уральская зима.

Всё прибывавшие рабочие, бригадиры, мастера, не заходя в поселок, сразу же отправлялись на завод и включались в работу по монтажу оборудования.

В результате продуманного плана эвакуации завода и организации на новом месте танкового производства уже в декабре 1941 года из механосборочного цеха завода вышли первые 25 танков и были сданы военным представителям. Завод заметно наращивал темпы. Несмотря на трудности освоения производства на новом месте, на стужу, холод, плохое питание, благодаря патриотическому подъему удалось организовать производство танков раньше установленных сроков. Если в 1941 году, скажем, выпускали 100 танков, то в 1942 году — 358, в 1943 — 471, в 1944 — 531. Завод в короткие сроки перевел производство на массовый выпуск боевых машин. Практически были перестроены все технологические процессы. В этом деле большую роль сыграли высококвалифицированные работники Московского станкостроительного завода имени Орджоникидзе, эвакуированные на этот завод. Много потрудились специалисты бронекорпусного производства одного из уральских заводов. Очень помогли рационализаторы и изобретатели, которые настойчиво боролись за снижение трудоемкости изготовления танка.

Самоотверженно работали сотрудники эвакуированного на Урал Украинского института электросварки, руководимого его директором Евгением Оскаровичем Патоном. Институт разра-

ботал замечательный способ сварки под слоем флюса, который давал возможность перевести изготовление бронекорпусов на поточное производство. Для этого был создан специальный конвейер.

Замечательные литейщики завода научились всырую формовать башни на больших формовочных машинах. Это дало возможность резко увеличить их выпуск. Если вначале наш завод получал часть башен с других уральских заводов, то теперь мы уже помогали. Завод имел самую низкую трудоемкость изготовления танка и выпускал боевые машины все в больших количествах.

На заводе действовали 144 поточные линии.

Большую работу проделали партийный и комсомольский комитеты завода. Были организованы комсомольско-молодежные бригады. Если 1 октября 1942 года имелось 58 бригад, то 1 января 1945 года — 1000, с участием в них свыше 3,5 тысячи молодых рабочих.

По инициативе бригадира Василия Волжанина получило развитие движение многостаночников. Его бригада из пяти человек обслуживала 6 станков, потом 14. Выработка в этой бригаде дошла до 350 процентов. В 1944 году она выполнила 13 годовых норм, перешла на хозрасчет.

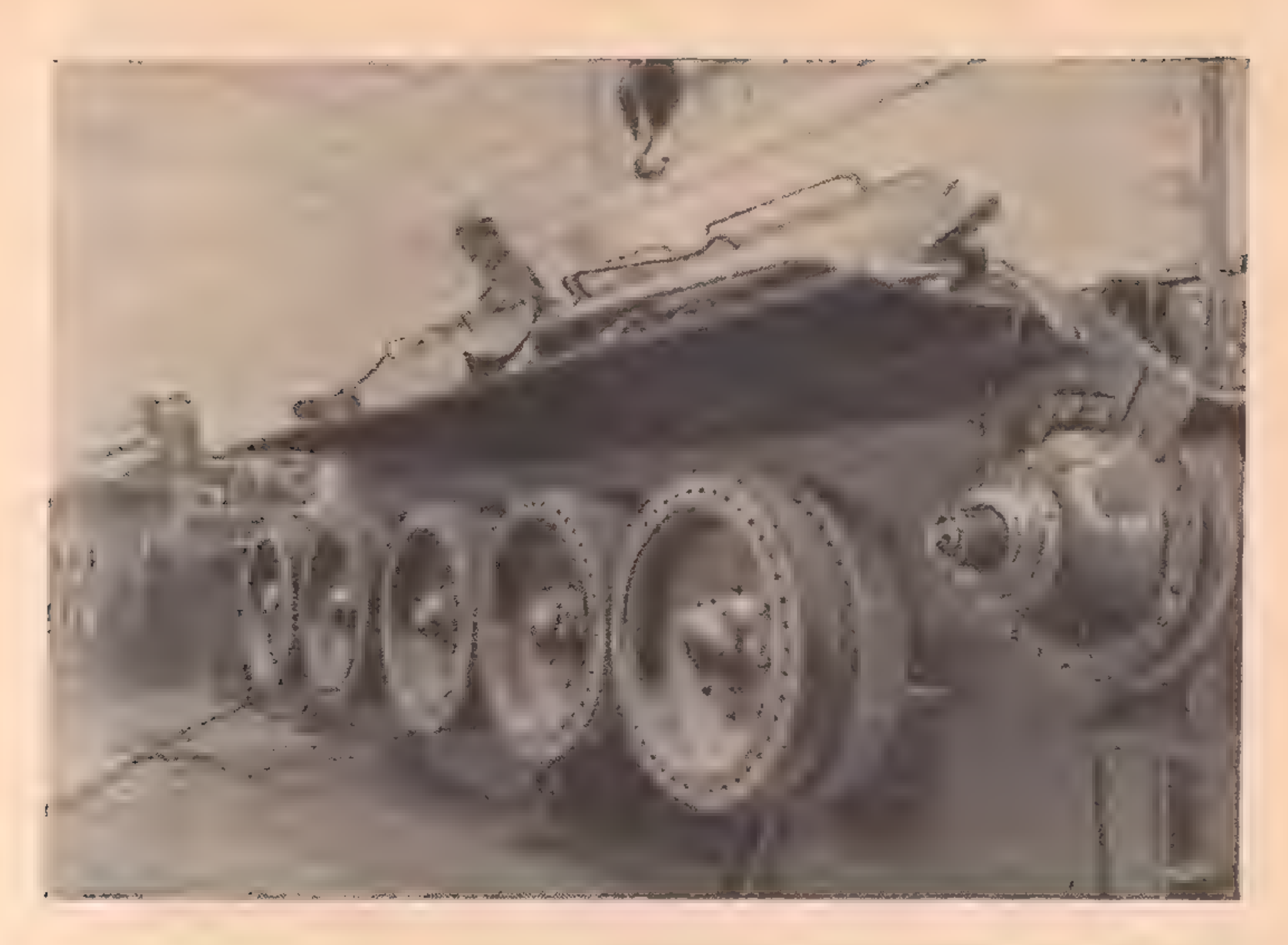
В январе 1945 года на заводе было 516 многостаночников, совмещающих профессии — 767. Это позволило высвободить около 700 рабочих, передать их в другие бригады. Там они сами организовали движение многостаночников.

Свыше 40 человек обслуживали по три-четыре и даже по пять станков. На четырех станках работали Авдеев, Матлеев, Амитон, на трех — Ждан, Трамбай. Многостаночники ежедневно выполняли норму на 400—450 процентов, в 1944 году каждый из них дал по четыре годовых нормы.

Широкий отклик на заводе нашел патриотический почин Егора Агаркова, работавшего на башенном участке другого уральского завода. По его предложению было объединено несколько участков в один. Высвобожденные мастера, бригадиры, рабочие перешли в новые отделения и цехи. У нас первым пошел вслед за Егором Агарковым мастер молодежного цеха Чернышев.

В результате широкого применения на заводе нового метода было высвобождено 1210 работников, которые перешли на другие участки.

Несмотря на тяжелые условия работы, свыше 10 тысяч человек посещали курсы повышения квалификации, 15 тысяч

Сборка танков на конвейере. Урал. 1943 г.

обучались на курсах целевого назначения, около тысячи осваивали две-три профессии.

Все это давало возможность взаимозаменять рабочих. Люди знали все профессии своего участка, и поэтому если по каким-то причинам выбывал рабочий из строя, то его тут же заменяли другим.

В 1942 году завод явился инициатором Всесоюзного социалистического соревнования танковых заводов и все время занимал первое место. 38 месяцев подряд мы удерживали знамя Государственного комитета обороны.

В 1942 году молодежь проявила замечательную инициативу — начала сбор средств на изготовление сверх плана 35 танков. Инициатива эта была поддержана всем коллективом. Вскоре боевые машины были переданы танкистам.

И вдруг мы получаем радостную весть с фронта о том, что танковая часть, скомплектованная из наших сверхплановых танков, участвовала в окружении гитлеровцев у Волги. Нашей радости не было границ.

В 1944 году завод принял участие в формировании Уральского танкового корпуса, дав в это замечательное соединение сверхплановые танки. Их мы тоже изготовили на свои средства. Этот корпус прошел замечательный боевой путь.

Необходимо отметить исключительную роль парторганизации завода — штаба замечательных дел коллектива. В это время парторгом ЦК на заводе был С. А. Скачков. Треугольник завода, обсуждая мероприятия, всегда был един в своем стремлении улучшить работу и организовать ее так, чтобы завтрашний день был лучше сегодняшнего. Благодаря этому завод выпускал все больше и больше танков.

Партком, завком и комитет комсомола прилагали громадные усилия для улучшения жилищных условий и питания работников завода. Было введено, например, усиленное питание для рабочих горячих цехов. Готовили витаминные составы из уральской пихты для предотвращения авитаминоза, организовали производство искусственных дрожжей, что позволило повысить калорийность блюд в столовых...

Конструкторы завода, возглавляемые Александром Александровичем Морозовым и его ближайшими помощниками Кучеренко Н. А. и Таршиновым М. И., постоянно совершенствовали танк. Данные ремонтных баз Наркомата обороны, личные беседы с экипажами танков давали нашим конструкторам много нового, и они улучшали боевые качества машины. Им удалось значительно расширить погон башни и этим облегчить работу разряжающего, увеличить количество боеприпасов, поставить новую, 85-миллиметровую пушку, установить командирскую башенку для улучшения обзорности из танка. Ежегодно вносилось в конструкцию танка около 3,5 тысячи изменений.

Заводским испытателям всегда была работа. Они подвергали танк жесточайшей проверке. Говорили, тяжело в учении — легко в бою, и выжимали из танка все, что он мог дать, обнаруживали неисправности. В армию уходили машины, которые, по заключению военных специалистов и командующих бронетанковыми армиями, были лучшими среди танков, выпускаемых нашими заводами.

Наш коллектив поддерживал тесную связь с заводом, где производились тяжелые танки и было организовано производство средних танков Т-34. Дружеская связь была и с моторными заводами, артиллерийскими, заводами по производству танкового электрооборудования.

Обмен опытом помог нам организовать производство резиновых бандажей для катков у себя на заводе и тем самым ликвидировать затруднения с резиной.

В 1943 году гитлеровцы начали выпускать танки «пантера», самоходные артиллерийские установки «фердинанд». Думали, что смогут бороться с нашими танками. Но танки Т-34 благодаря маневренности и хорошей артиллерии с первого же выстрела поджигали улучшенные танки врага.

Надо отдать должное нашим замечательным танкистам, которые исключительно умело пользовались боевой техникой, созданной танковыми заводами.

В 1945 году завод ежедневно давал эшелон боевых машин. Последний танк, выпущенный заводом в трудные дни войны, был поставлен на заводской площади и стоит до настоящего времени как символ трудового подвига нашего завода в годы Великой Отечественной войны.

Е. О. ПАТОН

КРЕПЧЕ БРОНИ[1]

21 июня 1941 года выехал я на Урал. Необходимо было проверить на ряде заводов, как там осваивается скоростная сварка металлов, разработанная Институтом электросварки Украинской Академии наук.

Мимо проплывали города и села, на вокзалах — смех молодежи, в вагон врывались звонкие песни. Я видел, как люди работают на полях,— щедрое лето обещало высокий урожай.

Время от времени я садился за столик у окна и просматривал квартальный план института. В плане преобладали оперативные темы, вызванные неотложными задачами развития промышленности. Но были и чисто теоретические, рассчитанные на более длительное время. «Ну что же,— думал я,— и они необходимы для будущего».

Только под вечер оставил работу над планом. Уже спустились сумерки, на небе замерцали первые звезды. А поезд все мчал через леса и поля, и я мыслями перенесся на родную Украину. Где-то там, далеко, раскинулись ее сады, текут реки, дымят сотнями труб заводы, цветут необозримые поля. Я перебрал в памяти всех моих товарищей по работе, вспомнил недав-

[1] Воспоминания записаны научными сотрудниками Музея революции СССР незадолго до смерти ученого.— *Ред.*

нее посещение института секретарем ЦК КП(б) Украины Н. С. Хрущевым.

...Все с нетерпением ждали дорогого гостя. Каждый знал, что это посещение будет иметь для института, для дела автоматической сварки большое значение. Приехав в институт, Никита Сергеевич попросил, чтобы его сразу же провели в лабораторию, где можно было бы видеть в действии новый сварочный аппарат. Минут через пять аппарат был пущен. Секретарь ЦК внимательно следил за его работой, за тем, как головка автомата ползла вдоль куска стали, подавая электрод с заданной скоростью. Впервые Н. С. Хрущеву приходилось видеть сварку, при которой дуга скрыта от глаз. Удивительной казалась и та большая скорость, с которой наносился на кусок металла невидимый пока шов.

Я давал короткие, самые необходимые пояснения о сущности нового способа сварки. Увиденного и этих пояснений оказалось достаточно, чтобы Никита Сергеевич разобрался в особенностях автоматической сварки, по достоинству оценил ее.

— Вы сделали, товарищи, большое дело,— обратился гость к сотрудникам института.— Автоматическую сварку непременно нужно использовать в промышленности. И сделать это мы постараемся сразу же, с большим, с государственным размахом. Прошу вас, не откладывая, написать мне докладную. Укажите, с каких заводов, по вашему мнению, следует начинать внедрение вашего способа сварки и что для этого нужно сделать правительственным органам. Это первое.

Второе: изложите, что требуется институту, в чем нуждаетесь, чем мы можем помочь вам. Не стесняйтесь в своих требованиях, дело того стоит. А я уже лично доложу обо всем союзному правительству. Согласны?

— Еще бы, Никита Сергеевич! — радостно воскликнул я.— Это не может не отвечать нашим желаниям.

Прощаясь, Н. С. Хрущев попросил на память кусок металла с наваренным при нем швом и положил к себе в машину. Потом, при посещении Никиты Сергеевича, я видел этот образец на его рабочем столе.

Вскоре меня вызвали в Москву. В первый же день мне было предложено просмотреть проект постановления правительства о внедрении автоматической сварки в промышленность. Какая это была для меня радость: правительство выносит специальное постановление о нашем способе сварки! Я с большой теплотой подумал о Никите Сергеевиче, который сдержал свое обещание — доложил о нашей работе союзному правительству. Не

теряя ни минуты, я вернулся в гостиницу и почти всю ночь просидел над проектом постановления. Замечаний сделал много, казалось, больше, чем нужно. Только убедившись, что среди моих пометок на полях проекта нет ничего лишнего, я отнес его в Совнарком.

Через несколько дней передо мной лежал уже не проект, а само постановление правительства. В нем способ автоматической сварки был назван самым прогрессивным видом сварки. Это ли не высшее признание нашего скромного труда?

Потом у заместителя председателя Совнаркома В. А. Малышева собрались наркомы тех отраслей промышленности, которых касалось постановление. Среди присутствующих я увидел и Никиту Сергеевича, энергичного пропагандиста нашего дела.

И вот мне, старому украинскому ученому, пришлось выступать перед людьми, которых знала вся страна. Вначале, конечно, немного волновался, потом успокоился, видя, с каким вниманием слушают меня присутствующие. Они вникали в подробности дела, задавали много вопросов, стараясь выяснить, что даст новый способ сварки промышленности.

Возвращаясь с совещания в гостиницу, я невольно вспомнил старую жизнь. Сколько раз тогда приходилось обивать пороги царского министерства путей сообщения, чтобы добиться решения даже самого пустякового дела! От невозможности полностью применить свои силы опускались руки, тоска грызла душу. А теперь вот я вместе с членами Советского правительства обсуждаю документ — путевку в жизнь нашему открытию...

От мыслей о прошлом я вернулся к радостным думам о неотложных творческих делах, которые предстояло осуществить в наступающем квартале. С этими думами я встретил и утро 22 июня. От волнующих перспектив, от яркого утреннего солнца было радостно, дышалось легко. К тому же до места моей командировки оставалось сравнительно недалеко, а там внедрялось в жизнь то, над чем трудился коллектив института не один год.

И вдруг... Вдруг все мои мысли о творческих делах растаяли, солнце утратило свою яркость, тело отяжелело. Война...

Передача сообщения Советского правительства о вероломном нападении фашистской Германии давно окончена, а люди еще долго стояли у старенького репродуктора, будучи выбитыми на какое-то время из привычной мирной колеи. Лица пассажиров сразу стали другими — суровыми, сосредоточенными.

Вскоре в вагоне появились новые спутники — командиры запаса, которые спешили из отпусков в свои части. Мимо нашего поезда с грохотом проносились составы с военными частями, артиллерией, танками. Страна готовилась к тяжелым боям с вероломным врагом.

И тогда же, в первые часы, когда мозг и сердце еще не усвоили в полную меру всей глубины нависшей над страной смертельной опасности, передо мной, как и перед каждым советским человеком, встал вопрос: какой будет мой вклад, вклад коллектива института в тяжелую борьбу? Ответ был ясен.

— Каждый на своем посту боец,— сказал твердо мой сосед по купе, человек уже преклонного возраста.

Да, думал я, и люди советской науки на своих постах — бойцы. Наши лаборатории, экспериментальные мастерские, наши научно-исследовательские кадры отныне должны служить фронту.

Чем больше я думал об этом, тем яснее представлял задачи института в новых условиях. Тематический квартальный план, рассчитанный на мирное время, требовал коренного пересмотра. К каждой теме, как бы она ни привлекала своей оригинальностью, в дальнейшем следовало подходить только с одним мерилом: будет ли решение этой темы помогать оборонной промышленности, укреплять обороноспособность страны?

Когда правительство предусмотрительно эвакуировало институт, мы смогли вывезти на новое место все ценное оборудование и ведущих работников. Разместились мы на территории одного из крупнейших машиностроительных гигантов Урала, которому предстояло выполнять ответственные фронтовые заказы.

На наших глазах завод перестраивался на выпуск военной продукции. Трудное это было перерождение. Хотя завод и раньше производил сложную продукцию, все же пришлось совершенно заново налаживать весь технологический процесс, переучивать тысячи людей. Коллектив завода трудился упорно, с энтузиазмом, считал большой честью перейти на выпуск продукции, необходимой фронту, и вскоре были выпущены первые авиабомбы.

На заводе встретили нас настороженно. На это были свои причины: в период постройки завода на нем перебывало много представителей различных научно-исследовательских институтов. Работали они, по словам руководства завода, мало, а денег поедали много. А теперь прибыл целый институт. Это было и непривычно, и не очень понятно. Но институту, конечно,

выделили помещение, правда маловатое, обеспечили жильем. Я понимал, что это пока только формальное признание, настоящий авторитет нужно было завоевать.

Семья моя состояла тогда из пяти человек. С трудом разместились в маленькой комнатушке. Нам ежедневно приходилось передвигать мебель, выставляя ее на день в коридор, а на ночь внося обратно в комнату. Вся жизнь семьи была тесно связана с заводом, даже сестра жены, старый и опытный работник по дошкольному образованию, трудилась на заводе.

Уже в октябре почувствовалось холодное дыхание зимы, а в начале ноября первый снег припорошил уральскую землю. На душе было тревожно и от мыслей о приближающейся суровой зиме, и от сознания, что мы еще недостаточно помогаем армии, которая тогда вела тяжелые оборонительные бои на ближних подступах к Москве. Единственное, что несколько ободряло нас,— это вера в нашу победу, твердое убеждение, что Москва, наша родная Москва ни в коем случае не будет отдана врагу.

В то время был получен неожиданный приказ: свернуть работу в цехах, вывезти часть оборудования, освободить место для другого завода, эвакуированного с Украины. Здесь оставался лишь один цех, выпускающий авиабомбы.

Вскоре стало известно, что эвакуированный завод должен развернуть выпуск танков. Нам предстояло работать на крупнейшем в стране танковом заводе. Об этом мы могли только мечтать. Где же еще могла так хорошо проявить себя во время войны автоматическая сварка?

Скоро все подъездные пути завода были забиты эшелонами с эвакуированным оборудованием. В соцгороде послышалась мягкая украинская речь, звонкий смех никогда не унывающих земляков. Уральцы принимали украинцев, как родных братьев, делились с ними всем, чем могли. Нелегко было в недостроенном соцгороде с жильем, но местные жители потеснились и приняли в свои дома прибывших.

С директором завода Юрием Евгеньевичем Максаревым, человеком высокой культуры, талантливым инженером, у меня установились исключительно хорошие отношения. На его плечи легла огромная ответственность, и он прилагал все усилия, чтобы как можно быстрее завод начал выпускать танки. Трудностей он ни от кого не скрывал, да и нельзя было их скрыть.

— На первых порах,— говорил он мне,— завод будет получать бронекорпуса из других мест, потом мы должны будем организовать корпусное производство у себя. Для этого производ-

ства необходимо найти новую основу, вытеснить из него ручной, малопроизводительный труд. Особенно много времени отнимает ручная сварка. Нужны сотни квалифицированных сварщиков, а взять их неоткуда.

— Единственный выход из этого положения — в скоростной сварке,— сказал я Максареву.— На один корпус опытный сварщик затратит, примерно, двадцать часов, а наш автомат выполнит ту же работу за один час и более качественно. К тому же управлять автоматом может любой подросток.

Максарев посмотрел на меня испытующе: ведь то, что предлагал институт, имело для завода колоссальное значение, и Юрий Евгеньевич отлично это понимал.

— Моя самая энергичная поддержка институту обеспечена, а от вас я жду реальной и, главное, быстрой помощи.

Нам предстояло держать перед заводом суровый и ответственный экзамен. Пока же мы имели смутное представление о том, как сваривать броневую сталь. Раньше мы соединяли швом небольшие куски металла, теперь это нужно было показать на тяжелых броневых плитах.

Вскоре на завод приехал Вячеслав Александрович Малышев, в то время народный комиссар танковой промышленности, энергичнейший человек. В первый же день своего пребывания на заводе он пригласил меня к себе.

— Я рад тому, что вы осели на танковом заводе. Но вы не должны ограничивать свою деятельность одним заводом. На вашу помощь вправе рассчитывать вся танковая промышленность.

Тут же, повернувшись к машинистке, продиктовал приказ по Наркомату танковой промышленности:

— В связи с необходимостью в ближайшее время увеличить производство при недостатке квалифицированных сварщиков, единственно надежным средством для выполнения программы по корпусам является применение уже зарекомендовавшей себя и проверенной на ряде заводов автоматической сварки под слоем флюса, по методу академика Патона.

Этот приказ открывал перед нами широкие перспективы, давал возможность развернуть большую работу.

Начали мы с малого, с того, что́ нашлось у нас на заводе. А это были старые, выпущенные еще до войны в Киеве аппараты, громоздкие и сложные. Они могли служить только основой для работы над новым аппаратом, более простым и вместе с тем универсальным. И скоро чертежи такого аппарата, названного нами АСС (аппарат скоростной сварки), поступили

в нашу маленькую кустарную мастерскую. Были изготовлены два первых аппарата, после проверки их работы дирекция завода дала указание одному из цехов сделать еще двадцать.

Прежде чем варить броню, мы начали изучать швы танка, их расположение, назначение, и они перестали быть для нас просто линиями на чертежах. Что же сделать, чтобы швы были не слабее, а даже крепче стали? Это была сложная задача, требующая времени, а его у нас не было.

В поисках ответа на поставленную задачу мы делали различные эксперименты: то автомат заправляли разного вида электродной проволокой, то засыпали место сварки флюсом другого состава, то меняли режим сварки.

Казалось: не найти нам нужного ответа. Не было у нас хорошей лаборатории, оборудования, мастерской. Слишком малочислен был наш научный коллектив. Но для отчаяния у нас не было времени, а с трудностями мы уже научились бороться. И эксперимент следовал за экспериментом.

Наконец после долгих поисков мы натолкнулись на правильную мысль. Дятлов и Иванов предложили применить присадочную проволоку. Эта идея оказалась счастливой. Швы стали получаться без трещин, увеличилась производительность сварки. Мы перестали бояться за наши швы даже под самым жестоким обстрелом. Мы гордились также, что советские танкостроители первые в мире научились варить броню под флюсом.

До самого конца войны у гитлеровцев не было автосварки танковой брони, а у американцев она появилась только в 1944 году.

Наступил день, когда мы должны были показать, на что способны наши автоматы, а значит, и мы сами. Первая сварка броневых плит происходила в торжественной обстановке. Вокруг станка собралось много любопытных, пришли, конечно, и все наши сотрудники. В наступившей тишине ясно слышно было, как под флюсом трещит сварочная дуга, плавит металл.

Я механически провел рукой по лбу, и рука стала влажной.

— Конец!

Перед нами сверкал безупречно гладкий, красивый, серебристый шов. Ни пор, ни раковин! Шов прочно связал края двух броневых плит.

Нас со всех сторон поздравляли, а мы чувствовали огромную усталость от пережитого нервного напряжения.

Но это было только начало. Для внедрения автосварки нужны были люди, инструкторы, способные потянуть все сварочное хозяйство.

Сварка корпуса танка Т-34 автосварочным аппаратом академика Е. О. Патона. Урал. 1943 г.

Я позвал к себе нескольких младших научных сотрудников. Передо мной сидели люди еще совсем молодые, попавшие в институт прямо с вузовской скамьи.

— С сегодняшнего дня вы,— начал я без обиняков,— назначаетесь инструкторами на установки по сварке бортов. Когда появится больше станков, перейдут на эту работу и другие младшие научные сотрудники. Задание боевое: при любых условиях автоматы должны выполнять план.

Через несколько дней сравнили работу наших двух автоматов с работой бригады сварщиков. Получалась убедительная картина. Производительность автомата была в восемь раз выше, чем у ручника. Один аппарат заменял целую бригаду квалифицированных ручных сварщиков. Было решено поэтому всю работу по сварке передать в руки наших инструкторов. Утомленные, в своих замасленных, перепитопанных комбинезонах, они мало походили на научных работников. Был среди них и мой сын Борис, к тому времени уже окончивший «курс обучения».

Как было нам не испытывать глубокого уважения к нашей замечательной молодежи! Работая самоотверженно, в исключительно трудных условиях, она при этом всегда оставалась бодрой, веселой, не унывала и не хныкала, не теряла способности к юмору и шуткам.

Тем же летом на полигоне были произведены испытания корпуса танка. На одном из его бортов швы были сварены постарому, вручную, на другом — автоматом под флюсом, так же как и все швы на носовой части.

Танк подвергли жестокому обстрелу с весьма короткой дистанции бронебойными и фугасными снарядами. Первые же попадания снарядов в борт, сваренный вручную, вызвали солидное разрушение шва. После этого танк повернули, и под огонь попал второй борт, сваренный автоматом.

Стрельба велась прямой наводкой с ничтожного расстояния. Семь попаданий подряд!..

Наши швы выдержали, не поддались! Они оказались крепче самой брони. Так же выдержали проверку огнем швы на носовой части. Это была полная победа автоматической скоростной сварки.

В 1943 году правительство наградило большую группу научных сотрудников института орденами и медалями. А завод занес многих из нас на заводскую Доску почета.

Директор завода Ю. Е. Максарев писал в приказе: «Если наш завод по автоматизации электросварочных процессов вы-

шел на первое место в Советском Союзе и по объему автосварки опередил не один завод европейских стран, то главная заслуга принадлежит в этом институту...»

Так мы выдержали суровый и ответственный экзамен перед коллективом завода, перед страной, были в грозные дни войны бойцами на своем посту.

Москва осени 1941 года мне запомнилась суровой, холодной и строгой. Город пустел: женщины, дети массами эвакуировались на восток. Моя семья также была эвакуирована. Все личные интересы, привычки, накопившиеся за годы мирной жизни, быстро были забыты.

Над городом часто появлялись вражеские самолеты. Гитлеровцам не удалось за время войны совершить ни одного серьезного налета на нашу столицу и нанести ей существенный ущерб. Все же иногда во время налетов то в одном, то в другом конце Москвы можно было услышать взрывы упавших бомб, увидеть столбы дыма и пламя пожара.

Мне часто приходилось во время бомбардировок выезжать по вызовам правительства. Необычную картину представляла Москва во время тревоги. Мчишься на машине и не узнаешь города — абсолютная пустота на улицах, ни одного человека. Только лучи прожекторов ночью, гул орудийной канонады и шуршание падающих на асфальт осколков снарядов зенитной артиллерии выдавали присутствие жизни в притаившейся, ощетинившейся Москве.

Военная обстановка спаяла людей. Постоянная общая опасность, необходимость проводить все время вместе, потребность

взаимной поддержки в работе и личных переживаниях сделали людей более близкими. Работать стали дружнее, появилась какая-то особенная душевная теплота по отношению друг к другу. Каждый из нас, так же как и солдаты в строю, стал больше чувствовать локоть рядом идущего товарища. Это сильно поддерживало.

Однажды после очередной бомбардировки, усталый и разбитый от бессонных ночей и напряженной работы днем, я вернулся из бомбоубежища к себе в кабинет. Просматривая газету, увидел, что в филиале Большого театра идет «Лебединое озеро». Захотелось отдохнуть немного, отвлечься. Я быстро собрался и поехал в театр.

Как и всё вокруг, театр также изменил свой облик. Партер, ложи и ярусы занимала ненарядная, веселая толпа зрителей мирного времени. Театр был заполнен большей частью военными, фронтовиками, получившими на день, другой отпуск и приехавшими в театр отдохнуть. В театре было холодно.

Но как только раздались первые звуки оркестра и раздвинулся занавес, я весь переселился в сказочный мир «Лебединого озера». Несравненное искусство балета, изящные, воздушные балерины, порхавшие на сцене, волшебные звуки замечательного оркестра Большого театра трогали до глубины души.

Досмотреть спектакль до конца не удалось: с третьего акта меня вызвали в наркомат.

Самые тревожные дни наступили после 10 октября. Враг подошел к Москве совсем близко.

И вот в один из октябрьских дней вызвал меня нарком Алексей Иванович Шахурин. Он сказал, что мне приказано немедленно выезжать. К выполнению этого распоряжения я не был подготовлен.

— Алексей Иванович, нельзя ли отложить до следующего дня? Я на самолете вылечу.

У меня были тысячи причин, мешавших, казалось бы, выехать сейчас же, немедленно, но нужно было выполнять распоряжение.

Остаток ночи я использовал на подготовку. Трудная ночь была! Следовало поехать на завод, забрать какие-то документы, заглянуть домой, взять необходимые вещи, кое-что уложить, спрятать, запереть. Нужно было попрощаться с товарищами, оставшимися в Москве.

В 6 часов утра 29 октября я вылетел на восток, в Сибирь. На другой день приземлился на заводском аэродроме. Прямо с аэродрома мы отправились в цехи. Это был раскинувшийся на

большой территории огромный завод вполне современного типа. Все цехи — бетон, сталь, стекло.

Обстановка на заводе с каждым днем становилась все сложнее. Прибывали эвакуированные предприятия. Нужно было быстро разгружать и размещать оборудование: вагоны могли оставаться под разгрузкой не больше трех-четырех часов. Огромного внимания требовало устройство людей. Нужно отдать должное местным партийным, хозяйственным и профсоюзным организациям: они весьма основательно готовились к приему работников эвакуированных предприятий. Но эшелоны все прибывали, прибывали, без интервалов, один за другим. В городе были заняты все школы, недостроенный театр, гостиницы, буквально все, что можно было занять.

Но сложнее всего оказалось организовать нормальную работу завода. На одной территории очутились одновременно четыре разных предприятия. Со своими директорами, главными инженерами, и каждый хотел командовать своими людьми.

Представьте себе на минутку, что получилось бы, если бы в условиях капиталистического мира в подобной ситуации столкнулись интересы четырех частных фирм! А здесь и наша система и люди, воспитанные партией, позволили в кратчайший срок решить трудные организационные вопросы.

В первой половине января 1942 года позвонили из ЦК и, расспросив о ходе работ, сообщили, что в Центральном Комитете решено перевести наш завод полностью на выпуск ЯКов.

— Немедленно свернитe все другие работы и организуйте поточное производство истребителей ЯК-7,— сказали мне.

Перевод завода на выпуск ЯКов был для меня совершенной неожиданностью. Тут же поделился своими сомнениями с секретарем обкома и с парткомом завода.

— Не покажется ли со стороны, что я приехал сюда проталкивать свою машину?

Но когда решение ЦК и правительства коллектив узнал не с моих слов, а из полученной через день правительственной телеграммы, я несколько успокоился.

Уже 20 февраля суточный выпуск истребителей ЯК в результате героических усилий коллектива завода значительно увеличился. Рос выпуск боевых самолетов разных конструкций и на других предприятиях. К весне поступление их на фронт усилилось. Да и качество самолетов стало другим. По официальным донесениям и личным письмам командиров авиационных частей и рядовых летчиков я понял, что совершается настоящий перелом.

10 марта была получена телеграмма, в которой говорилось, что накануне семь наших летчиков на истребителях ЯК-1 выиграли воздушное сражение в бою против 25 самолетов противника. Это событие обсуждалось в ЦК, и было дано указание широко популяризировать этот подвиг летчиков в газетах.

«7 победили 25. Это убеждает нас в том,— писал командир этой героической эскадрильи капитан Б. Еремин в «Красной звезде»,— что наши летчики и наши машины лучше немецких».

Весна и лето сорок второго года запечатлелись в памяти как время гигантского напряжения сил нашего народа.

Гитлеровцы тогда рвались к Волге и на Кубань, чтобы отрезать и захватить Северный Кавказ и Баку, лишить наши самолеты, танки, автомашины горючего. На поддержку своих наземных войск гитлеровцы бросили лучшие силы своей авиации.

В эти дни Государственный комитет обороны принял решение резко увеличить производство истребителей. Руководящие работники наркомата и конструкторы были посланы на заводы. Меня вновь командировали на сибирский завод, выпускавший ЯКи, с заданием принять все меры к тому, чтобы в кратчайший срок увеличить суточный выпуск истребителей втрое.

Прибыв на место, я первым делом доложил обстановку в обкоме партии.

На другой же день на собрании партийного актива завода мы информировали коллектив о задачах, поставленных Государственным комитетом обороны.

Я не был на заводе почти шесть месяцев. И теперь, проходя по цехам, сравнивал их с тем, какими они были зимой. Как все преобразилось, как выросли люди! Мне вспомнилось скопище эвакуированных людей, станков и оборудования. От прежней сумятицы не осталось и следа. Это был уже четко действующий производственный организм. Развитие завода шло уже по пути массового производства истребителей.

В людях чувствовались уверенность, накопившийся опыт и огромный производственный энтузиазм. Больше всего меня поразило то, что за короткий промежуток времени тысячи женщин, ранее занятых третьестепенными подсобными работами, теперь стояли у станков и выполняли работу высокой квалификации наравне с мужчинами. Я был связан с этим коллективом в самые трудные месяцы и, естественно, радовался его успехам.

Обходя завод с секретарем обкома, главным инженером Тер-Маркаряном, директором завода Лисициным, мы намечали, где и что предпринять для утроения выпуска машин.

Все были полны желания во что бы то ни стало выполнить поручение. И никто не догадывался, что в это же самое время меня грызли сомнения, в которых мне страшно было признаться даже самому себе.

Еще в Москве мне стало известно о тяжелых потерях нашей авиации в районе Волги. Говорили, что ЯКи не выдерживают схваток с «мессершмиттами». Но совсем расстроился я после только что происшедшего телефонного разговора с директором одного из заводов, также выпускавшего ЯКи, который в довольно паническом тоне сообщил мне, что ЯКи горят.

Я сказал о своем беспокойстве секретарю обкома, но он, разумеется, ничем не мог меня утешить. Одно только он сказал: «Вы имеете задание, надо его выполнять. Ведь там, наверху, не могут не знать об этом».

Я решил позвонить наркому и просить у него совета. Но этот разговор был предупрежден другим звонком из Москвы. Меня вызвали к правительственному проводу.

— Как дела, как успехи на заводе? Будут истребители? — спросили из правительства.

Я рассказал о том, как отнесся коллектив завода к поставленной задаче, коротко сообщил о мероприятиях, которые позволят резко увеличить выпуск истребителей, а затем добавил:

— У меня есть сведения, что в воздушных боях ЯКи горят. Не будет ли ошибкой так широко развертывать серийное производство этих истребителей?

— Откуда вам это известно? — спросили.

Я передал свою беседу с директором о том, что все ЯКи его производства прямо с заводского аэродрома перегоняются на фронт и в первых же боевых вылетах якобы поджигаются «мессершмиттами».

— Поменьше слушайте болтовню и не поддавайтесь панике,— послышался резкий ответ.— У нас есть совсем другие сведения о работе ЯКов. Вернетесь в Москву, поговорим подробно, а сейчас принимайте все меры к тому, чтобы увеличить их выпуск.

Успокоенный этим разговором, я рассказал о нем секретарю обкома.

Двое суток, не выходя с завода, мы занимались разработкой мероприятий по увеличению выпуска машин. Это был технический план больших масштабов. В его подготовке принимала участие не только техническая верхушка, привлекались все начальники цехов, мастера, бригадиры. Был взят курс на еще большую специализацию и поточность изготовления частей са-

молетов. Все агрегаты до единого мы наметили перевести на поточно-массовое производство. Для этого следовало произвести некоторую перепланировку цехов и перестановку оборудования. Нужно было в максимальной степени сократить ручные работы, каждую мельчайшую деталь изготавливать по специальному приспособлению, кондуктору, шаблону, модели.

Перестройка производства усложнялась освоением новой машины. По чертежам нашего конструкторского бюро завод переходил с ЯК-7 на более усовершенствованный истребитель — ЯК-9.

Самолет ЯК-9 был предельно простым по конструкции и приспособленным для производства в условиях военного времени. Почти все материалы, из которых он строился, вырабатывались в Сибири: фюзеляж — из стальных труб, производимых на местных металлургических заводах, крылья деревянные — из сибирской сосны. В самой минимальной степени на самолете был применен дюралюминий — в нем страна испытывала тогда большие затруднения, так как днепровский и волховский алюминиевые комбинаты были выведены из строя, а производство алюминия на Урале только еще налаживалось.

Наибольшие трудности завод испытывал тогда с получением готовых изделий со стороны. Чтобы не зависеть от смежников, которым в это время тоже было нелегко и которые были удалены на многие сотни километров, в районе завода создавались небольшие предприятия по изготовлению авиаприборов и электроаппаратуры. Даже производство авиаколес было налажено в Сибири.

В результате принятых мер и огромной помощи, оказанной заводскому коллективу обкомом партии, я уехал с завода через месяц в полной уверенности, что задание Государственного комитета обороны будет выполнено.

По возвращении в Москву я узнал, откуда шли разговоры о том, что ЯКи горят. Оказалось, по приказу Геринга к Волге были переброшены асы из группы противовоздушной обороны Берлина — нашумевшая эскадрилья «Трефовый туз», укомплектованная самыми искусными летчиками истребительной авиации Германии. Как видно, тяжелое было положение с резервами у гитлеровцев, если они оголили оборону своей собственной столицы! Но и нам было нелегко.

С нашей стороны против гитлеровских асов на ЯКах летали в основном молодые, хотя и полные энтузиазма, но еще не обстрелянные летчики, не имевшие боевого опыта, только что окончившие одну из летных школ. Многие из них чуть ли не со

школьной скамьи вступали в единоборство с опытнейшими вражескими пилотами. К тому же гитлеровцы имели в то время количественное преимущество в истребителях.

Чтобы добиться перелома, наше командование сформировало в составе Н-ской воздушной армии полки из лучших летчиков-истребителей, одним из которых командовал майор Клещев. Эти летчики уже имели опыт борьбы с гитлеровцами под Москвой и в других местах.

Полк получил только что вышедшие новые самолеты ЯК-9 производства сибирского завода.

Командующий воздушной армией Сергей Игнатьевич Руденко был частым гостем завода. Он действенно осуществлял связь фронта с тылом и во многом способствовал как качественному, так и количественному росту производства истребителей.

И вот наступил момент, которого все мы ждали с нетерпением: в небе стали гореть «мессершмитты»!

Огромный урон наземным войскам противника наносили наши летчики на штурмовиках ИЛ-2, выпуск которых непрерывно увеличивался. Для них не было нелетной погоды, если не считать, конечно, тумана. Стоит низкая облачность, льет дождь, а мелкие группы ИЛов, прижавшись к земле, идут бить фашистов.

А ночами фашистским войскам не давали покоя летчики легкомоторной авиации на самолетах ПО-2. Бесшумно, на малой высоте, бреющим полетом они подкрадывались к заранее намеченным целям и забрасывали фашистов мелкими бомбами.

В ходе Сталинградской битвы определился поворот в пользу нашей авиации. Поворот этот не был эпизодом. Авиационная промышленность фашистской Германии не могла уже давать необходимое количество самолетов для пополнения убыли в своих ВВС. А советская авиационная промышленность с каждым днем наращивала выпуск самолетов, причем летно-тактические качества наших самолетов в ходе войны улучшались. Гитлеровцы это поняли несколько позже — в воздушных боях на Кубани весной 1943 года.

К этому времени фронт получал все больше и больше самолетов, и наша авиация действовала очень активно. Именно здесь, на Кубани, проявили свои блестящие дарования такие прославленные герои-летчики, как Покрышкин, двое братьев Глинка и многие другие.

Осенью 1943 года, после разгрома немецко-фашистских захватчиков под Орлом и Курском, наша армия, преследуя противника, подошла к Днепру.

Нас, конструкторов боевых самолетов, вызвали в правительство, объяснили обстановку на фронте и сказали, что форсированию Днепра мешает вражеская авиация. Нужно было, чтобы наши истребители противодействовали бомбардировке переправ через Днепр. Советская пехота и танки двигались так быстро, что подготовка аэродромов для истребительных самолетов не поспевала за продвижением наземных войск. Дальность же полета наших истребителей была недостаточна для прикрытия переправ от налетов неприятельских бомбардировщиков. Враг, пользуясь этим обстоятельством, пытался мешать с воздуха форсированию Днепра. От нас потребовали в самый короткий срок увеличить дальность полета истребителей.

Над увеличением дальности мы работали на протяжении всей войны. И вот в 1943 году на вооружение Советской Армии поступил истребитель ЯК-9Д (дальний), который мог покрыть без посадки расстояние в три раза большее, чем обычный истребитель. В начале 1944 года группа советских летчиков на истребителях ЯК-9Д пролетела без посадки из СССР в Италию через Румынию, Болгарию и Югославию, занятые гитлеровцами. Перелет проходил среди белого дня на глазах у врага, но он ничего не мог сделать с советскими быстроходными истребителями. Перелет в порт Бари, на только что освобожденную территорию Италии, был организован по заданию Советского правительства для оказания помощи Народно-освободительной армии Югославии.

Воодушевленные замечательными победами наших летчиков над гитлеровцами, мы задумали дать усовершенствованный истребитель ЯК, увеличить его скорость, маневренность, мощь огня и добиться всего этого без увеличения веса. Конечно, мы поставили перед собой трудную задачу, однако нам удалось ее решить.

В основу был взят ЯК-1. Площадь крыла нового самолета уменьшилась до 14,5 метра вместо 17,5 у ЯК-1. Тяжелые деревянные лонжероны крыла мы заменили легкими дюралюминиевыми, остальной каркас крыла и его обшивку оставили деревянными. Коренным образом улучшили аэродинамику. Выступающие части, увеличивающие его сопротивление, были облагорожены и т. д.

Мы работали с таким увлечением, что, казалось, ни о чем не могли думать, кроме одного: сделать новый истребитель самым легким из всех воюющих истребителей! И вместе с тем мы ни на минуту не забывали о технологии, о том, что, какие бы усовершенствования ни вводились, при внедрении в серию

мы не можем допустить снижения количественного показателя выпуска самолетов.

В результате напряженной работы всего коллектива во главе с ведущим конструктором Синельщиковым наш новый истребитель, названный впоследствии ЯК-3, получился действительно самым легким из всех воюющих истребителей. А ведь именно вес определяет многие важнейшие боевые качества самолета: быстроту при взлете, маневренность, верткость в бою, легкость управления.

Мы были вознаграждены за все бессонные ночи.

Вот одно из писем, которые я храню как драгоценную реликвию: «28 марта 1945 года. На подступах к Берлину небо наше. Посылаю Вам карточку одной рядовой пары, тт. Величко и Андриенко, которые за семь минут воздушного боя на ЯК-3 («яшках») из восьми «фоккеров» сбили на моих глазах четыре самолета. Это не единичный случай у летчиков. С приветом — генерал-майор Дзусов».

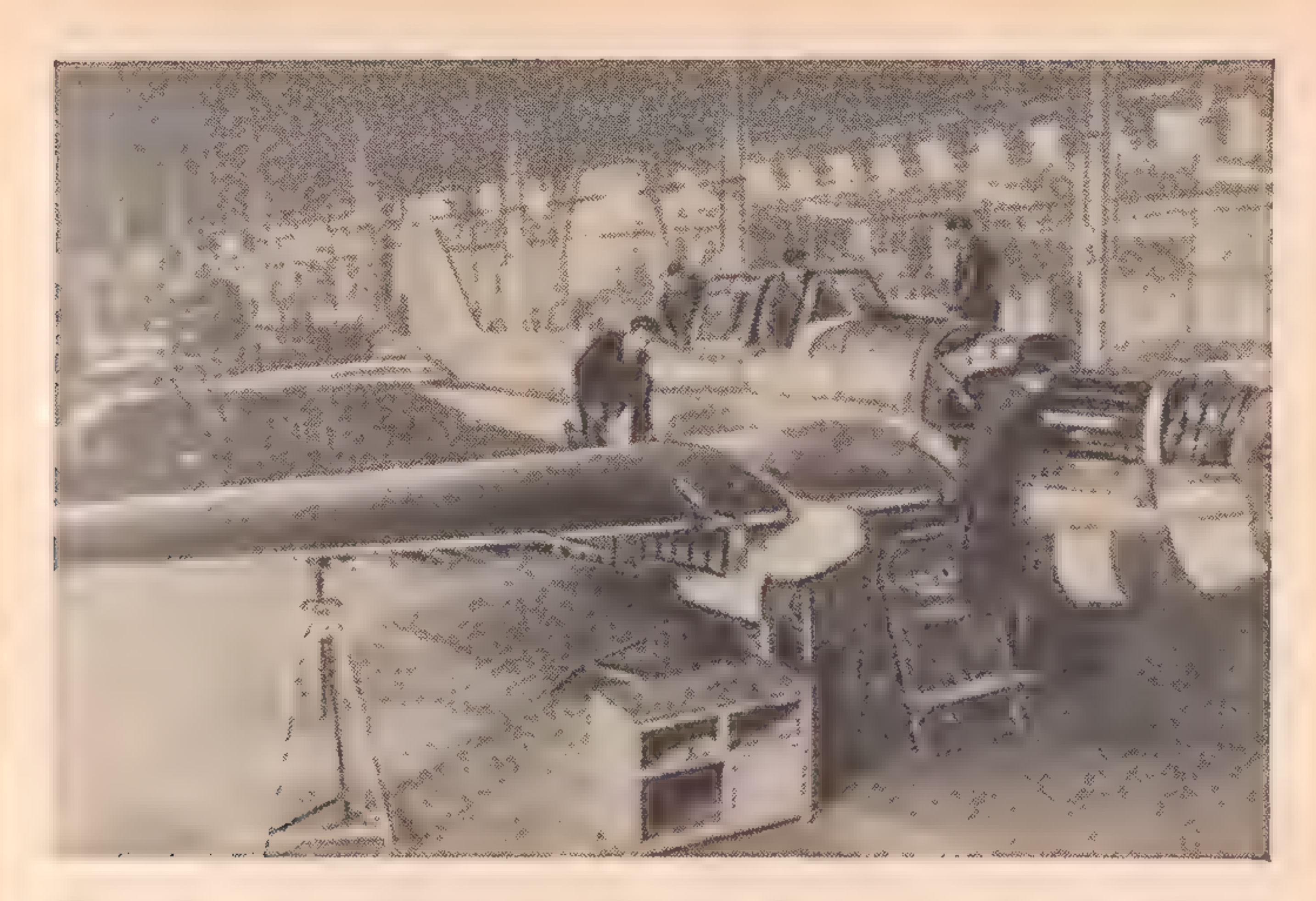
А вот другое сообщение с фронта: «Лейтенант Александр Ершов на фронте всего месяц, летает на ЯК-3. За этот месяц он провел шесть воздушных боев и сбил десять самолетов противника...

Однажды на восемь наших истребителей налетело тридцать «фокке-вульфов». В этом бою Ершов плоскостью своего ЯКа отрубил хвост одному «фоккеру», а другого сбил пулеметно-пушечным огнем. На следующий день они летели вдвоем, встретили шестнадцать «фокке-вульфов», и в завершающем воздушном бою он сбил еще три истребителя».

Многочисленный коллектив завода, выпускавшего легкие истребители ЯК-3, с радостью встречал добрые вести с фронта. И мы, конструкторы, тоже торжествовали: побеждали наши расчеты, наша теория, наши нервы и воля, побеждала советская школа самолетостроения. Но мы ни на минуту не забывали, что победу эту прежде всего одержал простой советский летчик. Его доблестью было завоевано господство в воздухе.

Ведь кто такой был Александр Ершов, за месяц сбивший десять самолетов противника? Это был скромный молодой летчик, москвич, воспитанник аэроклуба.

Вспоминается такой случай. По телефону звонит Главный маршал авиации Новиков и просит дать новый истребитель замечательному летчику Герою Советского Союза Лавриненкову. Вскоре в мой кабинет вошел старший лейтенант. Он по-военному вытянулся — я был генералом — и отрапортовал.

Сборка самолетов на одном из сибирских авиационных заводов. 1944 г.

Я вышел из-за стола, усадил Лавриненкова в кресло и с уважением смотрел на коренастого смуглого парня, коротко остриженного, с простым, открытым русским лицом. Мне хотелось найти в этом лице, во взгляде, в его разговоре черты героизма, которым он прославил себя в воздушных схватках с врагом. Но усилия были тщетны, это мне не удалось.

Передо мной сидел скромный, конфузливый молодой человек, почти юноша. Стоило немалых трудов расшевелить его, заставить преодолеть робость, добиться, чтобы он почувствовал себя непринужденно и рассказал о себе и о своей боевой работе на ЯКах.

После этого Лавриненков получил новый ЯК и улетел на нем на фронт.

Спустя несколько месяцев я узнал, что в одном из воздушных боев Лавриненков, расстреляв снаряды, таранил немецкий истребитель «фокке-вульф»-109, при этом он повредил свою машину и вынужден был выпрыгнуть с парашютом. На вражеской территории его схватили и повели на допрос. В штабе при обыске обнаружили продовольственный аттестат, из которого узнали, что перед ними Герой Советского Союза.

— За что воюете? — спросил его вражеский офицер.

— За землю свою, за Родину,— ответил Лавриненков.

— Кто же, по-вашему, победит?

— Победим мы.

— Почему вы так думаете?

— Все у нас так думают, весь народ так думает.— И больше Лавриненков разговаривать не стал.

Его решили отправить в Германию.

В поезде он ехал в сопровождении фашистской охраны. Улучив подходящий момент, он выпрыгнул ночью из вагона. Очнувшись от удара, осмотрелся и понял, что находится на оккупированной гитлеровцами советской земле. Русские люди нашли Лавриненкова, помогли ему скрыться от гитлеровцев и добраться до партизанского отряда имени Чапаева. Лавриненков стал партизанить: взрывал мосты, нападал на вражеские отряды и обозы, пока партизанский отряд не соединился с частями Советской Армии.

Еще раз я увиделся с Лавриненковым, когда на его груди уже красовалась вторая Золотая Звезда Героя Советского Союза.

Мы, конструкторы, понимали, что в руках таких летчиков наши самолеты — грозное оружие.

М. Ф. ПОПОВ

ФРОНТОВАЯ БРИГАДА

Война... Мучительно было думать, что где-то умирают наши люди, пылают города, деревни. Мы жили сводками Совинформбюро, ждали писем товарищей, ушедших на фронт.

По утрам густой поток людей начинал двигаться по улицам к заводской проходной задолго до гудка. Не было обычных веселых шуток, смеха, была какая-то особая сосредоточенность. В эти первые дни, недели войны мы как-то особенно ярко поняли, как дорого нам все, что нас окружает,— и высокое мирное небо, и наши семьи, и дома, построенные своими руками, и наш завод, родной красавец «Уралмаш». Он встречал нас басовитым протяжным гудком, взметнувшимися ввысь трубами и могучими корпусами цехов, в которые уже вошел фронт.

Фронт... Он перечеркнул старые и написал новые планы. Он требовал того, чего завод никогда не давал. И ни на минуту не остановились наши станки, когда на них появились другие, незнакомые нам детали грозных машин.

Это было очень трудно — быстро, на ходу перестраиваться на новое производство. Набор оборудования, инструмент, квалификация работников — все находилось в соответствии с долголетней практикой индивидуального гражданского машиностроения. И все это нужно было коренным образом изменить:

организовать новые и реорганизовать старые цехи, изготовить специальный режущий и измерительный инструмент, смонтировать новые печи, прессы, обучить людей новым специальностям. Фронт требовал, и никакие неувязки не принимались в расчет.

Пока шла эта перестройка, завод уже давал свои первые боевые машины. Люди, которые на освоение какой-нибудь не очень сложной детали тратили раньше месяцы, буквально в несколько дней налаживали и осваивали совершенно новое для них производство.

«Все для фронта, все для победы!» — этот призыв партии стал законом, основой жизни всего коллектива.

Не нужно было проводить долгих бесед, собраний. Люди понимали друг друга с полуслова. Основным средством убеждения был личный пример в труде. И коммунисты, а за ними и комсомольцы старались быть всегда впереди.

Тех, кто отставал, подгоняли плакаты, вывешенные над их рабочим местом, вроде такого: «Товарищ! Ты задерживаешь деталь, из-за этого простой в соседнем пролете! К двенадцати часам ликвидировать отставание!». С темных корпусов машин бросались в глаза слова: «Мы идем на фронт, делайте нас хорошо».

20 сентября 1941 года участок старшего мастера Дышканта отставал по сборке деталей. И вот там, где сборка особенно отставала, прямо на деталях было написано: «Товарищи сборщики! Вы срываете выпуск деталей под сварку. Ликвидируйте отставание, выдайте деталь к 21 часу 20 сентября. Этого требует Родина!»

«Скорей, скорей!» — призывали эти плакаты.

На «Уралмаше» установилось неписаное правило, ставшее законом наших военных будней: не уходить с завода, пока не выполнено задание. Это был единый патриотический порыв. Люди работали часто недосыпая и недоедая. Они понимали: фронт не может ждать.

...Смена кончилась, когда Василия Останина и Федора Жукова позвали к начальнику цеха Соловьеву. Пригласили зайти и меня: я тогда помощником мастера работал.

— Присядем, ребята,— сказал Соловьев.— Разговор хоть недолгий, но важный. Наш цех получил ответственный заказ, и сделать его надо как можно быстрее. Задание боевое, для фронта.

В тот вечер газорезчики комсомольцы Василий Останин и Федор Жуков не покинули своих рабочих мест. Не ушли они из цеха и на другой, и на следующий день.

К ночи усталость чувствуется всегда острее. Труднее всего преодолеть три часа после двенадцати. Начинает казаться, что руки уже не так послушны, появляется резь в глазах, клонит ко сну. В маленькой конторке мастера газорезчикам поставили койки, но ребята разрешали себе спать не больше четырех часов в сутки и снова шли к деталям.

В разгар четвертого дня кто-то тронул меня за плечо. Повернувшись, я увидел перед собой девушку, совсем девчушку, по-рабочему повязанную платком. «Ученица, наверное»,— мелькнула мысль.

— Что скажешь? — спросил.

— Жена Останина звонила, беспокоится, четвертый день его нет. Спрашивает, не случилось ли чего?

— Передай, пусть не волнуется. Работает Василий. Сказал: пока не кончит, не уйдет.

Федор Жуков и Василий Останин ушли с завода только на тринадцатые сутки, заказ был сделан в срок.

Домой мы возвращались вместе. Стоял обычный осенний день, но он казался нам необыкновенно светлым и ярким. Наверное, от света и свежего воздуха немного кружилась голова. Мы, уральцы, любим нашу чудесную осень. Любим смотреть, как тополя и клены бросают к ногам прохожих опадающие, шуршащие листья, как ветер подхватывает их и кружа уносит вперед.

— Больно даже думать, что советскую землю топчет кованый фашистский сапог,— сказал я и подтолкнул Федора к большому вороху листьев.

— Жизни положим, а Россию, Миша, мы им не отдадим,— присел рядом со мной Федор Жуков. Утонул в кленовых листьях Василий Останин.

...Надо сказать, что от нас, расточников, зависело тогда очень многое. Мы делали чистовую, окончательную обработку корпуса боевой машины, и от того, как быстро ее выполним, решался успех выпуска всей машины.

Некоторое время расточка подвигалась туго, не укладывались в 36 часов. Как-то начальник цеха собрал рабочих, мастеров. Обсуждали буквально каждую операцию. На этом совещании я и предложил обрабатывать корпус сразу тремя станками. У меня был в этом деле некоторый опыт. Теперь важно было применить его здесь, на новой продукции. И вот я, помощник старшего мастера, снова встал к станку, над которым сразу же появилась надпись: «Товарищ Попов, вы должны обработать эту машину за 18 часов».

Наказ был выполнен. Следующая машина была мною сделана за 14 часов, третья — за 12. Рабочие начали перенимать мои приемы. В цехе утвердилась новая норма — 18 часов. И все-таки это было слишком много по военному времени.

А тут как раз на завод приехал нарком Малышев[1]. На совещании начальников цехов, куда я был приглашен, он заговорил со мной.

— Знаю, за 12 часов делаешь корпус, товарищ Попов. Это хорошо, но надо за 7—8. Вот это будет по-фронтовому.

Оказывается, на другом заводе уже делали такие операции за 7—8 часов, значит, нам нужно было этого добиться во что бы то ни стало. «Но как достичь такого большого снижения времени расточки?» — думал я, волнуясь.

Моими помощниками были комсомольцы Михаил Борцов и Николай Коняхин. Вместе мы приспособили к каждому станку летающий суппорт меньшего размера, усовершенствовали люнет станка для поддержания боргштанги, изготовили новые специальные резцы с режущей кромкой.

— Засеки время,— попросили мы старшего мастера, когда все было готово.

Трудились вдохновенно, ни на минуту не отходя от станка, пока деталь не была обработана.

— Шесть с половиной часов,— сообщил старший мастер время обработки первой детали.

Со второй управились за пять с половиной часов. Время стало сокращаться и сокращаться.

Нарком наградил нас значками «Отличник социалистического соревнования» и денежными премиями.

Вот тогда мы и подумали об организации комсомольско-молодежной бригады — смены. Ее членами стали расточники Петр Шукшин, Михаил Борцов, Николай Коняхин, Вячеслав Андреев, Владимир Третьяков, а я — бригадиром. Работали на большом участке расточных станков. С первых же дней соблюдение железной дисциплины, взаимопомощь, выручка стали непреложным законом бригады. Старались как можно четче организовать работу, каждый час и минуту стремились использовать для помощи фронту. Две нормы в смену — это для нас уже было мало. Петр Шукшин, самый молодой наш расточник, стал обрабатывать деталь за 2 часа вместо 9 часов, Вячеслав Андреев — за 4 часа вместо 12. Три-четыре нормы ежедневно

[1] В те годы В. А. Малышев был наркомом танковой промышленности.— *Ред.*

давал Михаил Борцов. Мы сокращали и сокращали сроки обработки деталей, чувствовали себя, как на передовой.

Этому помогали еще ежедневные читки газет перед сменой, в перерывах. Слова о зверствах фашистов пробуждали лютую ненависть к врагу. В одном из номеров заводской многотиражки было помещено письмо ушедшего на фронт зубореза нашего завода бойца М. Ялунина. Он писал: «Храните, товарищи, эту ненависть к врагу каждую минуту, с ней легче работать, драться, побеждать. Я видел своими глазами сожженные дотла деревни, растерзанных женщин и детей. Я никогда не забуду старика, которого подлые звери замучили на колхозной пасеке, куда пришли полакомиться медом...» Обычно после таких читок люди работали молча, яростно.

Ребята рвались на фронт. А он все ближе и ближе подходил к сердцу нашей Родины — Москве.

В те суровые, тревожные дни каждый чувствовал себя бойцом. Инструмент, который мы держали в руках, стал для нас оружием, и с ним мы каждый день выходили на передний край. Именно в эти дни и родилась у ребят мысль назваться фронтовой бригадой. Мы все ухватились за эту идею.

27 октября 1941 года в заводском боевом листке были опубликованы наши предложения. В них мы писали:

«...Сознавая серьезную опасность, которая нависла над нашей великой Москвой, мы объявляем наш комсомольско-молодежный участок фронтовым.

Бойцы фронтового участка дают священную клятву красным воинам: все задания выполнять с максимальной быстротой и четкостью, давать на расточных станках по три-четыре нормы.

С сегодняшнего дня считаем себя рабочими-фронтовиками, которые обязуются, не щадя своих сил, не считаясь с усталостью и временем, выполнять любое задание для Красной Армии.

Мы вносим предложение создать в каждом цехе нашего завода фронтовые молодежные бригады, которые бы своим беспримерным, героическим трудом, железной дисциплиной увлекали коллектив на новые подвиги.

На нашем заводе работает много комсомольцев и молодых рабочих. Эта армия должна творить чудеса. Мы предлагаем, чтобы каждый молодой слесарь, строгальщик, токарь, фрезеровщик, кузнец, формовщик — все молодые рабочие еще раз подумали над тем, как увеличить выпуск продукции на каждом станке и агрегате. Мы предлагаем, чтобы каждый молодой рабочий взял фронтовые обязательства по увеличению выпуска продукции.

Будем своим трудом беспощадно громить фашистских гадов.
Мастер участка комсомолец Попов.
Расточники: Шукшин, Борцов, Коняхин, Андреев, Третьяков».

Для нас было делом чести оправдать высокое звание фронтовиков. Стремление быть всегда впереди заставляло постоянно думать над совершенствованием выполняемых операций, искать новые и новые пути повышения производительности труда, учиться. Молодые рабочие нашей бригады овладели новыми специальностями. В случае необходимости они могли переходить с одного станка на другой, обслуживать несколько станков.

Мы добились четкой и слаженной работы, при которой ни одна минута не пропадала зря. Ни суеты на участке, ни лишних движений. Расточник и подручный научились понимать друг друга с одного взгляда. Почти незаметное движение делает Петр Шукшин левой рукой, а подручный Сысков уже быстрыми, уверенными взмахами переключает несколько рычагов. Минута, другая тратится на промер и проверку сделанного. Смена фрезы — и снова внимательная, напряженная работа. И вот результаты: если в сентябре 1941 года на фрезеровку конусного квадратного окна затрачивалось больше 20 часов, то через месяц расточники выполняли ее за 2 часа.

Так трудились все члены нашей первой комсомольско-молодежной фронтовой бригады. Сутками не уходили с завода, не покидали станков и добились, что время обработки корпуса машины сократилось до двух часов, потом делали эти операции даже за полтора часа.

Работали так, как требовал фронт.

Вскоре фронтовые бригады стали создаваться на всех участках производства. Они оказывали все большее влияние на выполнение производственной программы завода.

Одной из первых на заводе этот почин подхватила бригада кузнецов, руководимая орденоносцем Григорием Коваленко. Этот немногословный человек делал буквально чудеса у молота и за высокое знание своего дела пользовался непререкаемым авторитетом. Кузнецы его бригады выполняли план на 450 процентов, а иногда и выше.

Число фронтовиков труда росло. Ими стали сварщики бригадира Григория Степанова. Они заваривали швы корпуса. Внутри его воздух накаливался до сорока градусов, обжигал лицо и руки, проникал через брезентовую одежду, но они не отрывались от работы. Месяц назад корпус находился под сваркой сутки, а иногда и двое. Но эти самоотверженные люди уста-

новили новые, свои сроки — семь с половиной часов, недаром они назвались фронтовой бригадой.

К октябрю 1943 года на заводе было уже 124 комсомольско-молодежные бригады, из них более 50 — фронтовые. Почетное звание фронтовой завоевывалось честным, самоотверженным трудом молодых рабочих, в совершенстве овладевших своей профессией, их высокой, сознательной дисциплиной.

Фронтовые бригады появились и на других предприятиях Свердловска, и за пределами области.

Утроивали нашу энергию письма с фронта. Вот что писалось в одном из них: «Побывав в боях, я с особой силой почувствовал, насколько важен ваш труд, товарищи уралмашевцы, для Советской Армии. Вы производите грозные боевые машины, которые нужны сейчас как воздух. Помните: чем больше вашей продукции, тем меньше наших жертв, тем больше трупов фашистской падали, тем ближе к победе.

Вы не должны знать устали, как не знают ее отважные фронтовики. Куйте быстрее мечи победы.

Политрук *Николай Тюрин*».

Особенно широко социалистическое соревнование развернулось в месяцы великой битвы у Волги. Весь коллектив нашей бригады и всего завода переживал большой трудовой подъем. Перед заводом тогда стояла задача выпускать уже вдвое больше боевых машин в сутки. И конечно, от нас, фронтовиков производства, вновь потребовалось большое напряжение. Время операций сокращалось до предела. Особенно трудно пришлось механическому цеху, он пополнился новым, дополнительным оборудованием с других заводов, переброшенным сюда вместе с большим числом рабочих. Цех не был рассчитан на такое количество расточек, сверления, выпиливания, прежняя вентиляция не справлялась с металлической пыльцой, газами от сварки. Но люди работали, упорно справляясь с трудностями. В цехах их встречал лозунг: «Дадим грозные машины бить гитлеровцев!».

Мы были счастливы от сознания, что в грозной, тяжелой битве на Волге немаловажную роль сыграли машины с маркой УЗТМ. Вместе с ними мы шли в бой, крушили врага.

Спустя несколько месяцев на заводе родилась еще одна форма соревнования. Коллективы бригад, участков, цехов стали бороться за честь называться именами освобождаемых Советской Армией городов. И снова фронтовики производства оказались впереди. Фронтовой бригаде штамповщиков Федора

Шестака партбюро и цеховой комитет 16 октября 1943 года, в день освобождения города Запорожье, присвоили звание «Запорожская фронтовая бригада». На это штамповщики ответили новым рекордом — дали 400 процентов нормы, 315 деталей сверх плана. Комсомольцы-штамповщики начали переписку с бойцами одной из запорожских дивизий.

В октябре же 1943 года состоялось и другое знаменательное событие. 15-го у нас на «Уралмаше» начало работу первое всесоюзное совещание комсомольско-молодежных фронтовых бригад. Открыл его член Центрального Комитета ВЛКСМ т. Пегов. С большим докладом об опыте фронтовых бригад и их задачах выступил заместитель наркома танкостроения т. Тур.

Выступал на этом совещании и я. Рассказал о создании нашей первой фронтовой бригады, ее работе, о производственных успехах коллектива завода.

Делегаты, приехавшие с разных заводов страны, говорили о своей работе, делились опытом.

На совещании тогда возник вопрос о внесении ясности в положение о фронтовых бригадах. Комсорг ЦК ВЛКСМ на «Уралмаше» Коршунов говорил, что необходимо уточнить, какая бригада имеет право считаться фронтовой, что входит в круг обязанностей фронтовых бригад, какие требования должны к ним предъявляться.

Это, конечно, частности. Ясно было главное: с возникновением и ростом фронтовых бригад в тяжелые дни войны родилась новая форма социалистического соревнования молодых патриотов, способствовавшая трудовым победам завода.

Г. И. ЗВЕРЕВ

ОДНА МЕЧТА, ОДНО ЖЕЛАНИЕ...

РАССКАЗ СТАРОГО ИНЖЕНЕРА

Это было в морозные дни декабря 1943 года. Пассажирский поезд дальнего следования вырвался из сутолоки сортировочных и товарных станций Московского кольца. Набирая скорость, он мчался на восток...

До Урала еще далеко. Но горячее дыхание всесоюзной кузницы оружия уже чувствовалось. Им пропитан воздух вагона. Мои соседи — инженеры, хозяйственники — говорят о руде, коксе, номерах стали, новой системе организации потока, о графике и плане. На какой бы станции или лесном разъезде я ни выглянул в окно вагона — везде мелькали бесконечные вереницы товарных составов, груженных танками, самоходными пушками, самолетами. Мелькали тщательно опломбированные вагоны с боеприпасами: минами, снарядами, авиабомбами. Куда-то плыли массивные штабеля стального проката — балки, трубы, рельсы, тяжелые поковки, чушки чугуна, слитки алюминия. И сутки, и другие, и третьи плавно катился на запад железный поток боевой мощи, рожденной в доменных и мартеновских печах, в неумолкаемом грохоте уральских заводов...

Выхожу из вагона в одном из главных промышленных центров Урала, переезжаю из города в город, с завода на завод. И на каждом шагу, в любое время суток вижу страну, превратившуюся в единый военный лагерь. Здесь все живое жило одной целью — дать фронту оружия сегодня больше, чем вчера, и завтра больше, чем сегодня. Об

этом кричали кумачовые полотнища лозунгов на заводских дворах, многотиражки, цеховые боевые листки и «молнии».

— То, что сделано и делается здесь,— сказал мне мой спутник,— можно назвать чудом.

Чем объяснить это «чудо», в чем главный вопрос успехов советского тыла?

Этот вопрос мы задавали многим уральцам. Один из прославленных уралмашевцев токарь П. Спехов ответил на него так:

— У меня брат на войне — Герой Советского Союза майор Спехов. Может быть, слыхали о таком? Хорошо дерется братишка. Ну, сами понимаете, разве я могу его подвести? Нам здесь трудно, а им там и подавно. Вот я и тянусь, как могу, чтобы от брата не отстать, чтобы ему, как с войны вернется, с чистой совестью руку протянуть, прямо в глаза взглянуть...

На эту же тему беседовали мы и с начальником инструментального цеха одного из эвакуированных на Урал старейших русских заводов цветных металлов Григорием Ивановичем Зверевым. Сухощавый черноволосый инженер-практик Зверев — ярославец по рождению и ленинградец по опыту и стилю работы. Длинный, почти двадцатилетний путь прошел Григорий Иванович на ленинградском заводе «Красный выборжец». Великое переселение машин с запада на восток забросило его на Урал, на строительную площадку только что эвакуированного крупного завода системы Наркомцветмета. Предстояло в неуютном, необжитом месте, с незнакомыми людьми организовать инструментальный цех и обеспечить сложным инструментом большое хозяйство заново рождающегося завода.

Григорий Иванович говорил, а я дословно записывал его рассказ о жизни эвакуированного завода, о людях Урала, о их замечательном трудовом героизме.

А. Сурков

...Зима 1941 года выдалась на Урале на редкость суровая, снежная, морозная. Даже нам, ленинградцам, привычным к холодам, трудно пришлось. Помню площадку нынешнего нашего завода такой, как она выглядела в ноябре. Открытое место. Глубокие снежные сугробы. В беспорядке разгруженное оборудование. А между машинами — костры, и у костров — люди, укрывающиеся от пронзительного студеного ветра одеялами и чем попало. Тут и старые заводские кадровики, и степняки-казахи, приехавшие на стройку с юга. И поначалу казалось странным, что из этого хаоса людей и машин может сложиться четко, слаженно работающий завод. Но фронт торопил. 14 ноября разгрузились на новых землях первые эше-

лоны, а директива обязывала дать к 24 декабря первую партию продукции — медные радиаторные трубки. Какими ни странными казались людям, обозревающим дикие, первозданные места, эти сроки, все знали, что, раз трубки нужны для войны, трубки будут.

И хотя завод разделился в дни эвакуации, подобно пчелиному улью, на четыре самостоятельных предприятия в разных районах востока, хотя все надо было начинать с азов, а срок становления был всего один месяц, люди принялись за дело, рассчитывая часы, экономя минуты.

Все руководство областного комитета партии, все работники района, наш Петров, назначенный директором еще не существующего завода, сидели на строительной площадке, вникая в каждую мелочь работы, подтягивая отстающих, сливая воедино трудовое усилие тысяч людей. В эти страдные дни, как никогда, сказалась во всем ее могучем размахе великая организующая роль нашей партии. И то, что в мирное время казалось несбыточным, стало явью. Через месяц с небольшим из хаоса эвакуированного заводского оборудования и разноименной людской толпы сложился крупный завод, способный выполнить любое задание Государственного комитета обороны. К новому, 1942 году военная промышленность получила от нашего завода первую партию доброкачественных радиаторных трубок, и с тех пор новый завод дает автотракторной, танковой и авиационной промышленности столько трубок, сколько не давал завод-отец в нормальное, мирное время.

В незабываемые дни пускового периода у каждого цеха были свои печали, свои «узкие места». И мы, инструментальщики, не были исключением из общего правила. По мере того как обозначались все отчетливее контуры заготовительных и основных производственных цехов, нам все настойчивее приходилось ломать голову над вопросом — как обеспечить производственников нужным инструментом. Недостаток инструмента мог сорвать весь ход производства.

Военное задание пришлось выполнять с военной решительностью и дерзостью. Все прежние нормы и порядок размещения и монтажа оборудования пришлось отбросить. Станки вопреки прежним расчетам мы установили без специальных фундаментов, на тесной производственной площадке цеха разместили станков вдвое больше против обычной в мирное время нормы. С установлением в последующий период системы ручного потока такое размещение не затруднило, а, наоборот, облегчило работу станочников. Все нарушения норм оказались к лучшему.

В это трудное время, когда всего не хватало, выручила замечательная хозяйская запасливость токарей и слесарей — кадровиков. Покидая родной завод, они не только погрузили на платформы станки и заводское оборудование, но и бережно принесли в теплушки свои старые, засаленные рабочие ящики с полным набором инструментов и приспособлений.

В предпусковые дни мы, инструментальщики, оказались «важнейшим звеном». В эти дни у нас в только что обозначившемся цехе дневали и ночевали руководящие работники области. Люди забыли о том, что сутки разделяются на день и ночь. Ели на ходу, спали урывками, по часу, полчаса, не раздеваясь.

Цех стал на ноги. Но забот не убавилось. Завод начал работать. Инструментов нужно было много. А для изготовления добротного инструмента нужна была специальная сталь, запасы которой иссякли. Надо было во что бы то ни стало изворачиваться и обходиться домашними запасами. Рационализировали, заменяли, изобретали все — и рабочие, и мастера, и инженеры. Цех стал одновременно и научно-экспериментальной лабораторией, питающейся производственным опытом и смекалкой всего коллектива.

Но этого было недостаточно. Во весь рост встали проблемы учета потребности производственных цехов и контроля над расходованием инструмента.

В те дни была разработана нами и проведена в жизнь никогда не существовавшая на старом заводе карточная система распределения инструмента по цехам, при которой новый инструмент выдавался лишь при условии пропорциональной сдачи старого, сработанного. Эта, казалось бы, чисто организационная мера сразу дала поразительные результаты. При увеличении производственной программы завода с января по апрель 1942 года на 200—250 процентов расход инструмента снизился с 1200 до 700 единиц. Обратное возвращение в цех сработанного инструмента открыло перед нами возможность его реставрации, что в свою очередь сократило расход дефицитной инструментальной стали.

В довоенные годы заграница держала монополию по части изготовления инструментов для прессового хозяйства в промышленности цветных металлов. Она диктовала и формы матриц, и марки стали для их изготовления. Нам в Ленинграде еще в мирное время не нравилось такое положение. Мы у себя потихоньку хитрили, мудрили, придумывали. Решили переступить «норму». На одном из соседних военных заводов из брака

Рабочие одного из московских заводов за изготовлением снарядов. 1941 г.

продукции подобрали подходящую марку стали, разработали технологию, пустили в дело — и «незаменимое» оказалось заменимым. Матрица перестала быть «узким местом». И за первый же год работы на отходах оказалась экономия в полтора миллиона рублей.

Переступив «норму» в качестве материала, мы дерзнули пойти дальше, стали изменять и конструкцию. И опять дерзость принесла победу. Усовершенствования, введенные в процессе восстановления инструмента, неизмеримо упростили и убыстрили этот процесс. Дефицитный металл экономился в два-три раза.

В экспериментах большую службу нам сослужило введение обязательного возврата в цех сработанного инструмента. Над ним мудрили, с ним экспериментировали сколько душе угодно. Придумали реставрацию рабочих поверхностей твердыми сплавами и всякие другие новшества.

Один и тот же инструмент стал возвращаться в производственные цехи по три и четыре раза, и в три-четыре раза сократился расход дорогой качественной стали, и легче стало работать.

Иногда поиски выхода из тупика приводили к далеко идущим результатам. У нас раньше в работе прессов существовала система масляного охлаждения. Военные события лета 1942 года лишили нас временно масла. А работать надо было. Пришлось ломать голову и идти на рискованные опыты. Перешли на охлаждение водой. Сама возможность охлаждения водой была известна и до войны, но к практическому применению такого охлаждения не было внешнего толчка. Когда перешли на охлаждение водой, то добились не только устранения из производственного процесса дефицитного масла, но и значительного увеличения производительности прессов. Масляное охлаждение занимало 12—15 секунд, при водяном время сократилось до 3—5 секунд.

И так во всем. Общим законом для нас был лозунг: «Если фронту нужно — будет сделано. Ничего не откладывать на завтра из того, что следует делать сегодня». В переводе на язык наших цеховых забот это обозначало: работать всегда так, чтобы из-за инструмента никогда не стояла работа завода...

А жизнь цеха в военные дни, будни наши заводские тоже не похожи на то, что на заводах в мирное время было. У себя в Ленинграде на «Выборжце» я знал свое дело и свое место — цех, задание, станки и людей. Придет человек утром, переоденется в спецовку, к рабочему месту встанет. Отработает свои часы, может быть, на собрание или производственное совещание придет, а может быть, уйдет за заводские ворота домой — там у него свой быт, семья, нужды, запросы. И я уйду домой, и у меня семья.

Эвакуация все переменила, перетрясла. Всех нас на первых порах сделала кочевыми людьми, что называется, «ни кола, ни двора, зипун — весь пожиток». Всем нам, и начальникам, и подчиненным, надо было укореняться на каменистой почве Урала. Да еще укореняться так, что в первые месяцы на личные дела и минутки не оставалось. Оттого цех в первые месяцы новой жизни был для всех нас всем. Здесь работали, ели и спали.

Потом постепенно быт стал утрясаться. Конечно, на заводе есть и орс, и коммунально-жилищный отдел, и всякие другие организации, обязанные устраивать быт работающих людей. Да только трудно справиться с упорядочением жизни тысяч людей, покинувших обжитый быт. В такой обстановке начальник цеха — «и швец, и жнец, и в дуду игрец».

Общежития, где мы расположились,— за мной: я должен приглядывать, чтобы и вода, и топливо, и всякие другие элементарные удобства были.

Для необжившихся людей общественное питание — все. Орс организовал столовые, и те, где мои рабочие питаются,— на моем попечении. Обязан я заботиться, чтобы и продукты вовремя и доброго качества были доставлены, чтобы мебель была, и посуда была, и дрова для варки пищи и отопления вовремя были завезены. С посудой у нас так туго поначалу было, что пришлось у себя в цехе металлические миски и тарелки изготовлять. И хлеб, чтобы не заставлять людей, уставших на работе, часами в очередях простаивать, в цехе выдается, и ордера на одежду и обувь цех среди своих работников распределяет.

Нелегко обживать новое место. Мало установить станки и прикрыть их сверху крышей. У станков будут люди стоять. И то, что само собой разумеется на старых заводах, здесь становится событием. У нас такими событиями была первая «культурная» душевая для рабочих с круглосуточным притоком горячей воды и многое другое.

Поначалу такое «натуральное хозяйство» кислым показалось. Очень уж все эти заботы осложняли существование: за всем погляди, в каждую мелочь вникай — хлопотно, основной работе мешает. Потом привыкли, «вжились». Для каждого дела людей охочих приискали.

Постепенно, незаметно для себя пришлось влезать во всю подноготную жизнь своих рабочих.

Работала у меня в цехе одна девушка. Дошли слухи, что собирается она замуж выходить за одного паренька из технического. Побеседовал я с невестой, высказал ей свои опасения, не рано ли, время военное. А она уперлась: люблю, жить без него не могу. Против сердца не пойдешь, раз полюбились — совет вам да любовь. Прикинул: оба одинокие, скучная свадьба будет. Решили цеховую свадьбу сыграть, по-хорошему. И устроили свадьбу чин чином — танцы были, баянист играл. А я за посаженного отца сидел... Потом оказалось, что девичье сердце не обмануло.

Был «сердечный» случай и другого рода. Работала в цехе одна девушка, бойкая, разбитная. И был у нее в цехе друг сердца — рабочий. Когда ушел он в армию, девица поначалу поскучала, а потом опять повеселела и в один прекрасный день приходит просить отпуск, в город собралась.

— Зачем? — спрашиваю.

— Замуж хочу выходить, лейтенант один в запасном полку есть, до смерти влюбилась.

Тут пришлось укорить влюбленную девицу в ветрености и непостоянстве и пристыдить деликатно. Задумалась. Заплакала. Ушла, а потом приходит и говорит:

— Ваша правда, нехорошо у меня вышло. Он там на фронте обо мне думает, письма трогательные посылает, а я такое...

Много хлопот бывает с молодежью, поступающей в цех на работу. Многие из них оторваны от родных семей и должны впервые в жизни шаги самостоятельно делать. И не все у них выходит гладко.

У меня в цехе был парнишка, шустрый, смышленый. И вот приходит однажды мастер и говорит: что-то случилось с парнем, второй день «вольнит», огрызается, злой. Вызвал его. Молчит. Исподлобья глядит, волчонком. Спрашиваю, в чем дело? Вдруг по-ребячьи расплакался и говорит:

— Что за порядок такой, Григорий Иванович! Как на работе, так я взрослый, передовик, а в кино на вечерний сеанс пошел — годами, говорят, не вышел, чтобы на взрослые сеансы ходить.

Пришлось добиваться того, чтобы рабочих-подростков по рабочим удостоверениям на вечерние сеансы пропускали.

Всем приходится заниматься, все видишь и радуешься: прекрасные люди растут! Слесарь-подросток Брацлавский пришел в цех беспризорником, сиротой войны. Попал в хорошие руки и сразу как-то распрямился, расцвел. Квалификацией овладел быстро, во все вглядывался, до всего достиг быстрым умом. Товарищей вокруг себя объединил дружбой. Глядишь на такого — и на сердце светло делается...

Инструментальное дело тонкое. В былые времена токаря хорошего готовили пять лет. А как быть с таким «темпом» роста кадров, если у тебя в цехе большинство рабочих — новички? Ведь работа не ждет. Тут сама жизнь подсказала выход: рассредоточить операции. То, что делал один, начали по отдельным частям делать, в последовательности. Освоить одну простую операцию неизмеримо проще, чем целый комплекс. При такой постановке дела, обучив новичка уходу за станком, заточке и установке резца, мы сразу же получаем готового рабочего. А высококвалифицированные токари и слесари делают лишь самые сложные и ответственные индивидуальные работы. Так достигается главное — постоянное заполнение рабочих мест цеха производительно работающими работниками. Это и есть самое существенное в поточной системе в условиях военного времени.

Как бы совершенны ни были станки и как бы тщательно ни была продумана система организации труда и технология, главное — все-таки люди: рабочие, бригадиры, мастера.

И в людях надо искать разгадку всех чудес военного производства. А у людей главный двигатель — фронт. Им и для него живут все от мала до велика. Во имя фронта работают до предела возможностей, во имя фронта стараются выжать из техники все, что она может дать.

В нашем цехе застрельщиками всяких новшеств являются неизменно старые кадровики завода четыре брата Ногтевы. Они и сами выдумывают и других подзадоривают на выдумку. И трудно подсчитать в рублях, сколько дала Родине смекалка этих пытливых рабочих голов.

Есть у нас в цехе слесарь — ленинградец Пальцев. Хороший слесарь, артист своего дела. Поручили ему изготовить профильные матрицы. Заказ большой. Дело кропотливое: надо проделать 15 сложных ручных операций, чтобы матрица была готова. Это не понравилось Пальцеву, и придумал он кажущийся страшно простым выход из положения. Зачем пилить, сверлить, если можно изготовить штамп и одним махом управиться со всей работой? Рассчитал все, модель изготовил, опробовал. Вышло. И вот — производственный эффект. Вместо 15 операций на изготовление матриц стали необходимы только 2. В шесть раз уменьшился расход инструмента, во много раз убыстрился процесс изготовления матриц, и работой, которая раньше была по плечу только высококвалифицированным слесарям, теперь заняты сорок рабочих массовой квалификации.

Вот из чего складывается наша работа. Конечно, на каждом заводе, в каждом цехе есть свое, особенное, но в главном мы все похожи друг на друга, потому что мы сыновья одной матери — советской Родины. И у всех нас на уме и на сердце одна мечта, одно желание — помочь нашим братьям, фронтовикам, скорее победить врага. Оттого не только на плакатах, на заводском дворе, но и в наших сердцах записано: «Если фронту нужно — будет сделано».

А. И. СЕМИВОЛОС

РАБОТАЛИ КРЕПКО, ЗДОРОВО РАБОТАЛИ

С первого дня Великой Отечественной войны горняки передовой в Криворожье шахты имени Ильича взялись работать по-фронтовому.

Страна требовала дать больше руды.

— Есть! — ответили горняки.

«Дадим столько руды,— писал я в 1941 году в газете «Правда» от имени горняков нашей шахты,— чтобы ее с избытком хватило на изготовление пушек, танков, самолетов».

Бурщики Гузов, Задворный, Зарядчик, Игнатьев и другие вырабатывали тогда не меньше трех норм ежедневно. Помню, задание 23 июня я выполнил на 402,3 процента. 24 июня решил еще выше поднять производительность и добился своего: 630,7 процента — таков результат этого горячего дня.

Но не долго пришлось нам рубить в те дни криворожскую руду. Враг оказался рядом. К нашим местам, как потом говорили, рвался он особенно. Хотелось ему захватить нашу руду, заводы нашего Приднепровья. Но не вышло у ворюги! Мы вывезли все, что можно было погрузить в железнодорожные составы. А то, что нельзя было взять, не послужило гитлеровцам.

Перебазировались на восток. На Урале, в Сибири, в Поволжье, Средней Азии осели наши украинские фабрики и заводы.

Криворожские горняки обосновались на Урале. Привезли туда и горную технику, и передовой опыт своего дела.

Что греха таить, вначале несладко нам было. Руда на Урале не та, что в Криворожье, крепче, намного крепче, да еще со слоями глины. Криворожцы быстро узнали, что за беда эта глина. Набьется она в бур перфоратора [1]: раз он фыркнет, другой и остановится. «Что делать?» — чесали затылки бурильщики.

— С такой работой далеко не уедешь,— говорили. У меня на Урале было много друзей. В 1940 году уральский бурильщик Илларион Янкин — прекрасный мастер! — приезжал познакомиться с моим многозабойным методом. Шли в забое, как говорят, плечом к плечу. По новому методу многие уральцы тогда добывали руду, но перекрыть мою выработку никто из них не смог, даже мой друг Илларион Янкин.

— И у тебя, Алексей, здесь вряд ли получится. Это тебе не Кривой Рог. Тут двух-трех забоев по горло хватит,— говорили уральцы доброжелательно.

Я уже и сам видел, что Урал не Кривой Рог, что руда здесь не такая. К тому же глина не давала развернуться.

Но не гоже было нам, криворожцам, сдаваться, терять славу хороших мастеров руды. Да и время было такое, что следовало работать лучше, чем до войны.

Кончив смену, я не сразу шел домой, присматривался в шахте к работе уральских мастеров. Иллариону Янкину написал в Красногвардейск, мол, выручай, брат, обучай теперь нас. Видел, что и другие криворожцы плохо спят, думают, ищут, как лучше приспособиться к крепкой уральской руде. Словно тени, ходили они в потемках шахты: все щупали, постукивали молотками, всматривались в залегание пластов.

Прошел первый месяц работы на новом месте. На доске показателей появились данные о выработке отдельных мастеров. Люди в грязных брезентовых спецовках с лампами в руках постоянно толпились у этой доски. Стояли те, кто вышел из забоя, и те, кто спускался в забой. Всех горняков интересовала месячная выработка. Уральцы хотели узнать, как работают украинцы, как им дается уральская руда, а криворожцев волновала мысль, на много ли отстают они от уральских мастеров. Оказалось, не так уж плохо, не отстали, шли в ногу. И они и мы отбуривали по три-четыре забоя. Это не так, чтобы хорошо, но и не плохо, в общем, в план укладывались.

[1] Перфоратор — машина для бурения небольших скважин (шпуров) в горных массивах.— *Ред.*

Как-то приехал к нам на рудник Илларион Янкин. Посмотрел он пристально мне в глаза, улыбнулся.

— Теперь, Алеша, думаю, ты и сам понимаешь, что работать на Урале не то, что в Кривом Роге. Здесь, друже, больше пяти забоев не взять.

И заело же меня! Но что я мог сказать Иллариону, когда и правда больше пяти забоев не брал? Кажется, сказал только, что Украина под фашистским сапогом стонет и я должен работать так, чтобы как можно скорее освободить родную землю.

— Это дело наше общее,— сказал тихо Илларион, глядя в окно.

Что он там увидел, не знаю. Может, облака, что густой чередой ползли по небу на запад...

— Да, друг Илларион, это дело всех нас, советская земля всем нам родная. Вот поэтому-то пяти забоев мало. Давай подумаем вместе, как отбурить больше,— обратился я к Янкину.

С того времени я особенно много работал, работал днями и ночами — все совершенствовал свой метод. Однажды бросилось мне в глаза, что буры что-то быстро тупятся. Только начнешь сверление, а бур уже почти непригодный. Хочешь не хочешь — нужно останавливаться, брать другой бур, пристраивать его к молотку. На все это уходила уйма времени. «А что если бы сделать буры из какой-то очень крепкой стали?» — мелькнула мысль.

Вечером собрались у начальника рудника. Начали думать-гадать. Вносилось много предложений. Были ценные, но были и такие, которые не двигали дело с места. А некоторые горняки и вовсе предлагали не ломать голову.

— Что мы думаем? Хотим науку вверх ногами поставить,— ворчали они.

Но те, кто так говорил, не имели непосредственного отношения к забою, не мучились с бурами, как мы, горняки. Для таких работников техническая инструкция — закон, который никто не может нарушить, тем более рабочий.

Тут мы дали волю своим чувствам: немногословные горняки, а разошлись так, будто ораторы какие. И о том, что так работать дальше нельзя, что страна ждет от нас большего, говорили, и о некоторых технических инструкциях крутое слово сказали.

— Говорить легко,— буркнул один из наших специалистов.— Но от слов легче не станет. Из какого металла головки делать, где такую сталь взять, чтобы она безотказно бурила?

— Может, попробовать поставить на бурах победитовые головки,— предложил я.

— Семиволос, пожалуй, дело говорит...— поддержал меня главный инженер рудника.

Применение победитовых головок дало неожиданный результат. Я сэкономил добрый час рабочего времени и справился еще с одним забоем.

Шесть забоев — это был успех, и не какой-нибудь. Илларион Янкин удивился, когда узнал об этой победе. В телеграмме просил подробно сообщить о победитовой головке.

Я чувствовал, что и здесь, на Урале, можно иметь не меньшую производительность, чем в Кривом Роге. Поэтому Янкину сообщил все, что нужно было, о победитовых наконечниках, а вот за поздравления поругал. «Для нас, Илларион,— писал,— шесть забоев не предел».

Как-то я обратил внимание на то, что слишком много делают на Урале шпуров. Весь забой словно решето. Чтобы сделать столько шпуров, нужно потерять много времени и сил. «Нельзя ли уменьшить их количество?» — думал я. Старые шахтеры смеялись.

— Алексей хочет лбом рушить породу,— говорили.

Но я не сдавался, не один день ходил с головой, полной мыслей об этих шпурах. Выйдешь, бывало, из забоя, а перед тобой это решето. Новая мысль не давала покоя. Испробовал не один способ. Бурил глубже: руды во время выбуха отваливалось больше, но и времени тратил много. Не получался один способ — искал другой. Наконец, решил расположить шпуры в шахматном порядке. Получилось неплохо: и времени тратил меньше, и руды добывал больше. Но и в этом способе чего-то недоставало. Тогда надумал расположить шпуры в том же шахматном порядке, только по-другому: там, где порода была крепче, я делал больше шпуров, где слабее,— меньше.

Вот это был эффект: за короткое время добыл столько руды, сколько на Урале еще никто не добывал. Стал давать по 12—15 забоев за смену!

Тут же сообщил о своем успехе Иллариону Янкину, рассказал, как я этого добился. Это была моя и его радость, радость рабочих, которые делали одно общее дело — громили врага перфораторами.

Вскоре Янкин лично явился на рудник. Руку пожимает, удивляется успехам криворожцев, хотя и сам в то время не хуже нас работал.

— Ну,— говорит,— приехал к тебе, Алексей, за наукой.

За время работы на шахтах Бакала я девять раз повышал выработку. К 25-летию советской Украины дал 4500 процентов

нормы за смену, прошел 35 погонных метров штрека. В 1943 году выполнял норму в среднем на 800 процентов.

Конечно, из криворожцев не только я один так справлялся с уральской рудой. Прекрасно работали перфораторами бурильщики Иван Завертайло и Степан Еременко. Стали известны на Урале украинские горняки Куриленко, Власенко, Онуфриенко и другие..

Мы, криворожцы, учились работать у уральцев, а уральцы — у нас.

Весной 1942 года вызвали меня в Свердловск, в обком партии. Думал, на совещание по передовому опыту. Тогда уже было о чем поговорить горнякам области: выработка руды росла, появилось много передовых горняков.

В приемной обкома увидел Иллариона Янкина. Он беседовал с каким-то мужчиной. На этого человека нельзя было не засмотреться. В его лице была какая-то особая одухотворенность.

Тут увидел меня Янкин и улыбнулся своей доброй улыбкой:

— Здорово, Алексей! Это — сам Дмитрий Филиппович Босый,— представил Янкин своего собеседника.

Кто не видел в те дни его портреты в центральных и местных газетах? И на портретах он привлекал внимание своими задумчивыми глазами, своим тонким одухотворенным лицом.

— Слышал, слышал,— сказал я, пожимая мягкую руку Босого.— Настоящий богатырь.

Босый устало улыбнулся.

В обкоме мы узнали, зачем нас вызвали в такое горячее время в Свердловск. Все, кто находился в приемной, — а народу собралось порядочно — жали нам, троим рабочим, руки, поздравляли... с присуждением Государственной премии.

Кроме нас троих высокое звание получил тогда известный машинист Томской железной дороги Николай Лунин.

Впервые рабочие были удостоены за свой высокопроизводительный труд этой высокой награды.

Работали мы, криворожцы, на Урале, а думали об Украине. Сердце обливалось кровью от одной мысли о ней. Часто в свободное время собирались, вспоминали о родном Кривом Роге, о тех, кто работал рядом в довоенные годы. Бывало, и споем перед тем, как разойтись. Особенно часто пели вот эту песню:

Повій, вітре, на Вкраїну,
Де покинув я дівчину,
Де покинув карі очі,
Повій, вітре, опівночі.

Попоем, спать ложимся, а утром снова спускаемся в забой, будто уходим на передовую.

В начале 1944 года горняки-криворожцы вернулись в родные места и тут же начали поднимать из руин и пепла дорогие сердцу шахты. Весной были добыты первые тонны руды на шахте имени Ильича, с которой была связана почти вся моя рабочая жизнь.

Так-то мы, горняки, помогали фронту. Кто оружием воевал, а мы — перфоратором. Работали крепко, здорово работали.

И. П. ЯНКИН

ЛИНИЯ ЗАБОЯ — ЛИНИЯ ОГНЯ

Ранним утром 22 июня 1941 года я приехал вместе с женой на прииск, где должен был состояться народный праздник — сабантуй.

Но праздник, едва начавшись, оборвался: стало известно о вероломном нападении германских фашистских орд на нашу страну. И хотя грохот начавшихся битв до нас непосредственно не доходил, сердца наши сжались от острой тревоги за судьбы Родины и яростной ненависти к врагу.

С этого памятного на всю жизнь дня я потерял представление о тыле, как о месте, где можно жить спокойной жизнью, укрывшись от всех ужасов войны. О спокойной жизни не могло быть и речи. Линия забоев на шахте «Красногвардейская» и на других шахтах, где мне пришлось работать в годы войны, стала для меня линией фронта, линией огня.

Если мы, горняки, до сих пор работали хорошо и даже отлично, то отныне мы должны были работать еще лучше, еще самоотверженнее. Речь шла о том, чтобы дать нашей оборонной промышленности как можно больше сырья для цветных металлов, так как без цветных металлов нет современной боевой техники, а без такой техники нельзя было победить такого злобного, вооруженного до зубов врага, как германский фашизм.

Все наши горняки это отлично понимали и с первого же дня войны стали на боевую вахту, работая с полным напряжением сил и не считаясь со временем.

Наш метод работы — многозабойное и многоперфораторное отбуривание — требовал от рабочих высокой квалификации. А где было взять таких рабочих в годы войны? К нам присылали пополнение. Но на обучение новых рабочих нужно было время, а фронт не мог ждать. Вот почему каждому из нас, квалифицированных мастеров горного дела, надо было помимо работы с людьми, подготовки людей самому работать за троих, пятерых — и чем больше, тем лучше.

Почти с первых дней войны я соревновался с таким крупным мастером горного дела, как Алексей Семиволос.

Впервые встретился я с ним весной 1940 года. Тогда возглавляемая мною бригада считалась на Урале передовой. И когда Алексей Семиволос, работавший в Криворожском бассейне, прославился на весь Советский Союз своим скоростным методом многозабойного отбуривания железорудных залежей, меня командировали в Кривой Рог, чтобы перенять этот опыт и затем применить его в условиях уральских меднорудных месторождений.

Семиволос оказался молодым, почти одних лет со мной, простым, хорошим парнем. Мы с ним подружились быстро. Он взял меня к себе в ученики.

Вскоре мы решили начать соревнование между собой. Для меня оно было нелегким: я привык к твердым медным рудам, бурить мягкую железную руду я не умел. Проработав 15 дней вместе с Семиволосом, я научился бурить железную руду.

В это время Семиволос установил новый рекорд в скоростном многозабойном бурении: он пробурил за смену 21 забой.

Я был с ним в шахте, наблюдал за его работой. Меня поразили простота и логичность его метода. Вот его основные черты:

— он освободил себя от всех вспомогательных работ: их выполняют подсобные рабочие;

— с ним работают слесарь и буронос: слесарь ремонтирует выходящий из строя бурильный инструмент, который заменяется другим; буронос переносит этот инструмент из забоя в забой;

— вспомогательные рабочие очищают забой, скат от руды, устраивают полки для установки бурильного инструмента;

— бурильщик тратит все 480 минут своего рабочего времени только на бурение.

Просто и ясно!

Но механически перенести опыт многозабойного бурения, примененный Семиволосом в Кривом Роге, на уральские полиметаллические руды нельзя было. Железо и медь — руды разные, крепость разная. И если на железной руде можно было одним перфораторным молотком отбуривать несколько забоев, то к медной руде этот метод был непригоден.

Поразмыслив над этим вопросом, я внес предложение: бурить одновременно несколько забоев не одним, а несколькими перфораторами. Вот это и есть то новое, что я внес в практику горнодобывающей промышленности Урала и что получило название «метода Янкина», т. е. соединение многозабойного бурения с многоперфораторным. Это — основное в моем методе.

13 ноября 1940 года, работая на двух перфораторах, мне удалось отбурить за смену четыре с половиной забоя. Выполнил норму больше, чем на 800 процентов, т. е. дал свыше восьми норм.

Спустившись через день в шахту, я отбурил пять забоев, выполнив норму на 1150 процентов.

Новым методом многозабойного и многоперфораторного бурения заинтересовались горняки, началось соревнование бурильщиков-многоперфораторщиков, которое приняло широкие размеры, распространилось на все районы, где шла добыча медных и полиметаллических руд...

Работая с первых дней войны с полным напряжением сил, участвуя в соревновании с Семиволосом, я добился высокой производительности труда.

За 1941 год выработал 5 годовых норм.

К 7 ноября 1942 года выработал 8 годовых норм.

К 7 ноября 1943 года моя выработка достигла 16 годовых норм.

В 1943 году газеты сообщили, что Семиволос, работавший тогда на Урале на Высокогорном руднике, установил новый рекорд — дал свыше 4000 процентов сменной нормы. Мое лучшее достижение к этому времени составляло 3100 процентов нормы. Надо было дать Семиволосу ответ делом.

Я посоветовался с главным инженером рудоуправления Н. В. Аксеновым, и мы решили перекрыть рекорд Семиволоса.

Впервые я решил работать на восьми перфораторах. Крепление было сложное, брать руду — неудобно. За смену я износил три пары новых рукавиц, два пиджака молескиновых. За работой следили (вели учет) 8 хронометражистов, присутство-

вали 15 представителей различных организаций. Среди наблюдавших за моей работой находились известный уральский писатель П. П. Бажов, корреспондент «Правды».

Я отбурил 200 квадратных метров не за 8, а за 7 часов 30 минут. Норму я выполнил на 4359 процентов, т. е. дал один выработку 43 бурильщиков.

Рекорд Семиволоса был перекрыт.

Хотелось пить. Вместо воды мне дали флягу теплого молока. От этого пот покатился еще более обильно. Несмотря на большую усталость, я, умывшись, поднялся на невысокую трибуну и ответил на приветствия собравшихся.

Меня неоднократно направляли для организации работы, для показа и внедрения моих методов скоростного бурения на разные горнодобывающие предприятия страны. За 1942—1945 годы я побывал и принимал участие в работе таких полиметаллических комбинатов и рудников, как Дегтярка, Ачисай, Джезказган,— в общем, на многих предприятиях различных районов страны.

Вспоминается Ачисайский полиметаллический комбинат, на котором я работал три месяца в 1943 году. Это предприятие считалось отстающим, план не выполнялся. По моему предложению здесь была организована скоростная проходка, позволившая создать на руднике большие запасы цинково-свинцовой руды. К концу года рудник завоевал переходящее Красное знамя Государственного комитета обороны. Таким же успехом ознаменовались мои «гастрольные» поездки по рудникам Киргизии.

Эту часть своей работы в годы войны я считаю одной из важнейших и сохраняю о ней самое лучшее воспоминание.

В 1944 году меня перевели на руководящую работу.

Первая моя должность в качестве хозяйственного руководителя — начальник участка. Участок мне дали отстающий. Вскоре мы сделали его комсомольско-молодежным, и дело пошло хорошо. На участке работали только на многих забоях и несколькими перфораторами и только скоростными методами проходки. Прошел месяц, другой, и участок вышел вперед — план стали перевыполнять, получили переходящее знамя.

Самыми богатыми событиями в моей личной жизни были события 1942 года, и случились они в одном и том же месяце — апреле.

12 апреля 1942 года мне была присуждена Государственная премия за внедрение многозабойного и многоперфораторного

бурения. Я получил диплом лауреата, орден Ленина. Денежную часть премии — 100 тысяч рублей — внес в фонд обороны.

24 апреля того же года я был принят в кандидаты Коммунистической партии. Это был один из счастливейших дней в моей жизни...

После войны я занимал ряд руководящих должностей в горнорудной промышленности, учился в Горном институте, в качестве директора совхоза осваивал новые земли на целинных просторах Казахстана...

Когда бывает трудно, очень трудно, вспоминаю работу в забоях на шахте «Красногвардейская» и на других шахтах, где мне пришлось работать в годы войны, и, смотришь, трудности остаются позади. Да, в те суровые годы работа в забое была для нас, горняков, линией фронта, линией огня.

В. В. ЕРМИЛОВ

ДНИ И НОЧИ У СТАНКА

Несмотря на выходной день, двор завода был переполнен. Многие рабочие толпились у проходной, стараясь поскорее присоединиться к тем, кто уже находился на заводском дворе. Люди, опустив головы, затаив дыхание, слушали радио. Слушали сообщение Советского правительства о нападении Гитлера на нашу страну.

Тут же, на глазах завод начал преобразовываться, менять свой обычный, мирный облик. Из цехов на фронт ушли первые группы бойцов и офицеров запаса. Люди спешили в партком, чтобы не опоздать записаться в народное ополчение. Дежурные МПВО круглосуточно следили за небом.

Завод сразу же стал на боевую вахту. Не оказалось оборудования, чтобы выполнить первый фронтовой заказ,— нашли его на другом заводе. Один из заказов требовал длинных нежестких деталей на продольно-строгальных станках, и наши строгальщики, не выходя из цеха несколько суток, освоили новое для них дело. Когда во время первого налета им предложили уйти в бомбоубежище, они отказались: не хотели терять дорогого времени.

В сентябре 1941 года, когда гитлеровцы подошли к Москве, наш завод, как и большинство столичных предприятий, был эвакуирован на Урал и влит в так называемый Танкоград —

объединение промышленных предприятий, выпускавших танки. Основой для этого объединения послужили перебазированный сюда Кировский завод из Ленинграда, Челябинский тракторный завод и другие местные предприятия. Но нам почти не пришлось участвовать в работе этого гиганта танкостроения. Военная промышленность не могла обходиться без станков, и нашему заводу было предложено восстановить станкостроение. Решить эту задачу в условиях Урала завод не имел возможности, поэтому в марте 1942 года мы вернулись в Москву.

Этот период особенно памятен мне, да, видимо, и всем тем, кто вернулся тогда из эвакуации.

Трудности, с которыми нам пришлось столкнуться возвратившись в Москву, были огромны.

Особенно плохо обстояли дела с оборудованием. Значительная часть станков, специальных приспособлений осталась на Урале: они были нужны для производства танков. Еще труднее был вопрос с деталями. Первую сборку начинали из старых деталей, оставшихся от довоенного времени. Станки собирали единицами.

В нашей бригаде — одной из многих бригад сборочного цеха — работало всего несколько человек: три мастера и три-четыре кадровика. Такое же положение было и в других бригадах.

Однажды в середине дня в цехе появились ребята, на вид лет тринадцати-пятнадцати, от робости они держались за руки. Рабочие думали, что пришли подростки-школьники. Некоторые удивлялись: что это за экскурсия в такое время? Все объяснил начальник цеха Шабалин.

— Вам даем десять ребят,— обратился он к нашей бригаде,— учите их, как хотите, но чтобы задание, какое вам дано, было выполнено.

Члены бригады собрались и тщательно обсудили предложение начальника цеха. Так как ребята не были знакомы с производством, старались внушить им, что ничего трудного нет, самое трудное — не бояться: не боги горшки обжигают.

Чтобы подростки быстрее освоили работу, мы разбили весь процесс на ряд мелких операций и поручили им наиболее легкие в физическом отношении. Спустя некоторое время этот метод дал очень хорошие результаты. Для самых маленьких сделали у станков подставки из ящиков. Затем решили создать для ребят своего рода поток: поставили на тележки весь корпус передних бабок в ряд по очередности операций. Это намного облегчило работу, постепенно получалась готовая деталь.

Учащиеся 265-й средней школы Москвы в мастерской за изготовлением деталей для танка. 1944 г.

Задание по выпуску станков непрерывно увеличивалось. Осенью 1942 года, когда бои в районе Волги вступили в решающую стадию, завод получил задание вдвое увеличить выпуск основной продукции. Для выполнения этого задания не хватало ни площадей, ни оборудования. И вот появилась счастливая мысль: организовать поточное производство. Несколько бессонных ночей прошло в упорном труде, и поток был создан. Новая поточная организация производства складывалась из расчленения операций, специализации, механизированной транспортировки деталей.

Начинание нашего завода было одобрено Московским комитетом партии и получило широкое распространение на других предприятиях столицы.

Теперь обработка нового станка шла на поточных линиях, а сборка узлов и монтаж станка — на конвейерах с принуди-

тельным движением. Это в 25 раз подняло производительность труда, сократило сроки сборки и повысило качество станка.

Рабочие сборочного цеха осваивали не только конвейер, но и новую модель станка, которую, не прерывая производства, создавали наши конструкторы,— станок М-20. Многие из нашей бригады, осваивая переднюю бабку станка, не выходили из цеха по трое суток и добились своего. Поточный метод производства позволил заводу резко увеличить выпуск станков. Задание партии и правительства было с честью выполнено.

Подростки принимали самое деятельное участие во всех делах бригады. Сейчас, когда вспоминаешь, то просто приходится удивляться высокой сознательности ребят. Буквально никто из них не уходил с завода, пока не выполнял задание. А ведь это были почти дети.

У большинства подростков отцы находились на фронте, это требовало в обращении с ними теплоты и заботы. Делалось все, чтобы они чувствовали себя на заводе, как в своей семье, среди близких, родных людей. Коллектив завода заменил им семью, родителей.

Запомнился маленький случай, ярко характеризующий отношение ребят к работе, к своему заданию.

В октябре 1943 года многие краснопролетарцы отправились в Кремль получать награды — ордена и медали, в том числе и я: меня наградили тогда орденом Ленина. Радостное событие омрачало одно: кто выполнит за меня мою операцию, довольно трудную по тому времени? Я заверил мастера, что, получив награду, вернусь в цех и сделаю свою работу. После моей операции оставалась еще одна, которую выполнял подросток Зуев. Он говорит:

— Приходи, Виктор Васильевич, я буду ждать!

Церемония вручения отняла много времени. Потом — концерт в театре. Я хотел с него удрать, но директор, улыбаясь, сказал:

— Какая сейчас работа — надо быть на концерте.

И вот только в двенадцатом часу ночи пешком шагаю по затемненной Москве. По расчетам попаду в цех к двум часам. Конечно, Зуев меня не дождется, думаю, придется делать работу и за него. Тревожила мысль, успею ли до утра сделать все операции?

На участке темно, ощупью нахожу выключатель. На тележках стоят собранные корпуса, и из-за крайнего, протирая заспанные глаза, поеживаясь и улыбаясь, как обычно прихрамывая, идет Зуев.

— Я думал, ты не придешь,— говорит.

Такой неожиданностью я был взволнован не меньше, чем в тот момент, когда получал награду в Кремле. Ведь его никто не заставлял ждать, даже не просил. Он сам решил, не считаясь со временем, сделать свою операцию, чтобы не сорвать график выпуска станков. К восьми часам утра тележки были освобождены от готовых корпусов. Пришедшая бригада без задержки приступила к выполнению очередного дневного задания.

Таких случаев можно вспомнить много. Это был удивительный народ. В нечеловечески трудных условиях ребята выполняли любые задания и, конечно, находили время для всяких детских шалостей и проказ.

Хочется вспомнить, как осуществлялось руководство заводом. Все руководящие товарищи исключили метод голого администрирования. Обычно директор завода Петр Федорович Тараничев собирал начальников цехов, бригадиров, мастеров у себя в кабинете. Вначале просто расспрашивал, как мы живем, шутками обменивался, затем беседовал о положении в стране, на фронте. Только после такой товарищеской, я бы сказал, задушевной беседы говорили о новом задании заводу. Объяснив, чего от нас требуют партия и правительство, Петр Федорович спрашивал, справимся ли мы. Обычно мы отвечали, что должны справиться.

Война... За эти годы тысячи станков ушли с нашего завода на предприятия оборонной промышленности. Семь тысяч секторов передних бабок собрано мной за это время. Миллионы деталей для фронта сделаны на станках, собранных руками членов нашей бригады. Иногда казалось: не осилим. Но упорство и настойчивость, а главное, сознание необходимости этой работы для Родины помогали нам преодолевать все препятствия. И наш труд был вознагражден сторицей: победа, ради которой мы трудились дни и ночи, пришла.

СВОИМИ МОЛОДЫМИ РУКАМИ

Враг приближался к Москве. Он безуспешно пытался вывести из строя московскую промышленность, в особенности те предприятия, которые непосредственно обслуживали фронт. Вокруг нашего завода падали бомбы, грохотали зенитные пушки. Взрывной волной высадило почти все стекла в окнах, по цехам гулял ветер. Но станки работали безостановочно. Около них стояли девушки и женщины, отцы, мужья и братья которых сражались с фашистами. Именно в эти дни наша комсомольско-молодежная бригада решила организовать работу без наладчика.

— Как, девушки, обойдемся мы без «няньки»? — обратилась я к членам своей бригады.

— Обойдемся,— твердо и решительно заявила Дробышева.

— Конечно, обойдемся! — поддержала и Островойтова.

Я поглядела на остальных. Их серьезные лица выражали решимость и уверенность.

Тут же было написано заявление на имя директора завода. Совсем коротенькое. В нем говорилось о том, что токари Марии Кожевниковой, желая внести свой вклад в дело разгрома врага, решили больше давать продукции оборонного значения и считают, что могут перейти на работу без наладчика.

Вскоре нас вызвали к директору. Он прочитал наше заявление, внимательно оглядел всех и улыбнулся. Большинство членов бригады работали на заводе, что называется, «без году неделя».

Это был «военный набор». До войны в автоматно-токарном цехе работали главным образом мужчины. Все они, за малым исключением, ушли на фронт, и у станков появились девушки, многим из которых в мирное время, может быть, и в голову не пришло бы заняться токарным делом. Некоторые из них перед войной заканчивали среднюю школу и уже выбрали себе профессию врача, агронома или педагога.

И вот мы стоим перед директором, ждем его решения по очень важному для нас вопросу.

— А не заплачете потом, не попросите снова наладчика? — спросил директор.— Смотрите, это дело серьезное.

— Нам нет расчета вас обманывать и себя подводить,— с обидой в голосе сказала одна из работниц.

В это время в кабинет директора зашел парторг завода, человек, которого на заводе все любили за сердечность, простоту.

— Мал золотник, да дорог,— сказал парторг, поняв, о чем идет речь.— Девушки хорошо изучили станок. Если сумеют производить текущую наладку станков собственными силами, то честь им и слава. Этим они высвободят высококвалифицированных рабочих для других участков производства, где ощущается в них большая нужда.

— Дело не только в этом,— повернулась я к парторгу.— Нам хочется добиться, чтобы у людей и у станков не было ни одной минуты простоя.

У наладчиков две руки. А бывало, и очень часто, когда разлаживались и прекращали работу сразу несколько станков. В среднем наладка требует 20—30 минут, это на один станок. А если одновременно стояли три станка — время утроивалось, наладчик не успевал, станки и люди простаивали. Станочники недодавали сотни деталей. С этим мы мириться не хотели, и не только мы.

— Приходите в цех, увидите! — сказала я, обращаясь к директору и парторгу.

И они пришли на участок, где работала наша бригада. Их сопровождали начальник цеха Ксенократов, инженеры Сыромятников, Головкин и другие.

Откровенно говоря, мы очень волновались: а вдруг произойдет какая неполадка? Очень не хотелось оскандалиться в такой серьезный момент.

Станки работали хорошо, ни один из них, как назло, не разлаживался. Я боялась, что так все и кончится и мои девушки не смогут показать свое умение быстро и хорошо исправлять неполадки.

А с другой стороны, было приятно доказать ровным ходом станков, что они у нас в полном порядке и работают без перебоев. Значит, за ними хороший уход, а это лучшая гарантия от неполадок и аварий.

Но вот один из станков остановился. Это был станок Островойтовой, одной из первых энтузиасток самоналадки. «Только бы не растерялась моя Дуся»,— пронеслось в голове.

Но Дусю было не просто смутить. Уверенно принялась она за работу, и скоро неполадка была устранена. Дуся улыбнулась — дескать, все в порядке! — и снова принялась выбрасывать готовые детали.

Директор одобрительно кивнул головой и уже хотел уходить, но в это время закапризничал станок Комаровой. Ну, думаю, беда! Но Комарова тоже показала свое умение быстро устранять неполадки. Со своим делом она справилась за 8 минут.

— Молодцы девушки,— сказал директор.— Действуйте без наладчика! Честь вам и слава.

Для того чтобы можно было представить, какие выгоды производству дала самоналадка, как она помогла сократить простои, приведу несколько цифр.

В нашей смене было 17 действующих станков. На 12 из них шла работа с самоналадкой, на 5 — без самоналадки. И вот в течение девятичасовой смены в среднем на первых 12 станках на вынужденный простой уходило всего 4 часа, а на вторую группу в 5 станков — 5 часов. Таким образом, станок у самоналадчицы в смену простаивал 15 минут, а там, где самоналадка не была введена, станок в смену терял на простои целый час!

Уже в начале применения самоналадки бригада выполняла план с превышением на 40 процентов. Значительно сократился процент брака, так как повысилась ответственность самоналадчиков. Производя переналадку, станочник сам отвечал за качество сделанной им переустановки, а значит, и за качество выпускаемой продукции.

Значительно повысился и заработок членов бригады. Раньше наладчик получал за свою работу 20 процентов от выработки каждого рабочего его бригады. При переходе на самоналадку каждый рабочий стал получать дополнительно 20 процентов к

своей выработке за месяц. Это явилось большим материальным стимулом для распространения нашего начинания.

Вслед за нами на самоналадку перешли десятки бригад завода. Она с успехом начала применяться на многих предприятиях Москвы. Потом самоналадка получила распространение почти на всех заводах страны.

Все это убеждало в том, что наша молодежная бригада стала на правильный путь, что мы потрудились не напрасно. Мы видели, что наши успехи идут на пользу Родине, помогают в борьбе с ненавистным врагом. Это наполняло наши сердца гордостью.

За свою работу, которой отдавала всю себя, в 1942 году я была награждена медалью «За трудовое отличие», а затем орденом Трудового Красного Знамени. В 1943 году Наркомат среднего машиностроения отметил всех членов нашей бригады значком «Отличник социалистического соревнования». Бригада бессменно держала знамя лучшей фронтовой не только по заводу, но и по всему району. Ей было присвоено почетное звание «Первая гвардейская бригада токарей Ленинского района Москвы», и райком ВЛКСМ вручил нам переходящий стяг Гвардейской бригады.

Наши успехи, дружная, слаженная работа, творческий рост людей в те очень суровые годы — результат большой помощи, которую мы постоянно получали от партийной и комсомольской организаций завода. Им — слава и честь!

Е. И. КАЗАНЦЕВА

«ТО НАША ОБОРОНА, ТО НАШИ РУБЕЖИ...»

Это было в начале сентября 1941 года. Наш рабочий комсомольский батальон в полном составе вышел в подмосковный лес на строительство оборонительных рубежей. Невольно остановились у опушки березовой рощи, зачарованные красотой уходящей осени. Стояли не одну минуту молча. Осень навевает почему-то грусть. Тогда же для грусти причин было больше, чем нужно: шла война, враг рвался к Москве...

Мне было жарко в кожаной куртке и шерстяной шапочке, это заботливая мама так снарядила в дорогу. Вере Стежкиной, соседке,— легче: она в синем комбинезоне, в резиновых сапогах. Такая маленькая, плотная, быстрая в движениях. Вера работала монтажницей на третьей очереди метро. Я была студенткой Московского университета. С самой Москвы шли мы рядом. Шли, говорили. Как-то быстро сблизились, подружились.

В подмосковном лесу пришлось работать долго. Рубили деревья, сооружали эскарпы, устанавливали надолбы, рыли волчьи ямы. Работали, что называется, не покладая рук. Часто под проливным дождем. По колено в жидкой глине крепили стенки ям досками.

Нелегко свыкаться с такой работой. Ныла спина, болели плечи, ладони покрылись водяными мозолями. К тому же враг

тревожил: редкая ночь обходилась без налетов. Долгие часы приходилось проводить в сырых щелях, тесно прижавшись друг к другу. А утром снова брались за работу.

Сооружение укреплений явилось для нас, девушек, проверкой стойкости и выносливости. Иногда было так трудно, что хотелось присесть и расплакаться, но горячее желание остановить рвавшегося к столице врага придавало сил, и мы работали.

Однажды я натерла ногу, так сильно натерла, что прихрамывала. А тут батальон отправился на дальний участок строительства. Что делать? Один из руководителей батальона посмотрел на мою ногу и покачал головой.

— Вы должны вернуться в Москву,— сказал он.

— Нет,— твердо заявила я,— хочу работать со всеми. Москва в опасности, на строительстве нужен каждый человек.

— Не отсылайте Лену в Москву, я помогу ей идти,— выступила вперед Вера.

Как было не поблагодарить Веру, мою дорогую подружку, за поддержку!

Когда руководитель колонны, смягчившись, отошел от нас, я крепко обняла Веру и поцеловала ее в румяную щеку.

— Еще как будешь работать,— подбодрила Вера,— меня вызовешь на соревнование!

На дальнем участке тоже занялись вначале лесом. После земляных работ рубка леса показалась легким делом. Работали споро, даже шутили, наполняя лес звонкими голосами.

Со мной и Верой рубили высокие осины две девушки в синих спортивных костюмах. Их движениями можно было залюбоваться. Это сестры — Надя и Оля Свешниковы, отличные спортсменки, известные тогда на московских теннисных кортах.

Где-то рядом запели. Оглянулись — в соседней роте. Песня все шире расправляла крылья. Звонкие голоса девушек всего батальона подхватили знакомую песню, и наполнился ею лес, будто пел вместе с комсомольцами:

Там тянутся по склону
Траншеи и ежи —
То наша оборона,
То наши рубежи!..
Мы здесь прошли с лопатой,
С киркою и пилой.
Фашисту нет возврата,
Он ляжет под землей!..

— Осторожно! Падает! Падает! — гулко разносятся по лесу громкие предупреждающие голоса.

Ветвистое дерево медленно, как бы раздумывая, падать ему или не падать, склоняется, потом резкий хруст — и дерево, распластавшись, лежит на земле. Одно, затем другое, третье... Еще падает дерево, и вдруг открывается ясное, чистое небо.

Идем по просеке, и перед нами раскрывается нежно-голубая даль горизонта. Вглядываемся и видим деревню на пригорке. Крыши домов ломаной линией отпечатались на голубом небе. Впереди деревни — равнина. Она вся изрыта окопами, ходами сообщений. К лесу равнина чуть всхолмленная, и там виднеются темные щели блиндажей, козырьки пулеметных гнезд. Здесь работала одна из рот нашего батальона. А деревню на пригорке называли Матвеевкой.

Не забыть мне одну ночь в этой деревне! Я тогда дежурила. Чтобы не уснуть, читала книгу. В избе было душно, хотя дверь в сени не закрывалась. Около полуночи раздался сигнал воздушной тревоги. Стены избы задрожали от стука зениток. Отрывистый гул вражеских самолетов становился все ближе и ближе.

С трудом подняла спавших. После трудного дня сон крепок, и никакие зенитки не могли его нарушить. Некоторых девушек пришлось силой выталкивать из избы, заставить укрыться в щели.

Вдруг слышим в темноте мужские голоса.

— Десант!..

Комсомольцы схватили лопаты. Мимо пронеслись колхозники верхом на лошадях. Где-то рядом затарахтел мотоцикл.

— Сюда!.. Сюда!

Мы побежали на голоса.

Впереди Вера, за ней Ваня Попков, рядом я. В небо взвились, затем зажглись и начали медленно опускаться, освещая равнину, ракеты. Вдруг нас накрыла густая тень, словно крыло огромной птицы. От неожиданности мы остановились: над нами, почти касаясь голов ногами, раскачивался на стропах парашюта человек. Увидев людей, сжался в комок. Потом фашист с силой отбросил тело в сторону и упал на землю.

Вера кинулась к гитлеровцу. Мы за ней. Как-то получилось так, что я оказалась первой рядом с диверсантом. Только хотела размахнуться лопатой, как вымуштрованный фашист опустился на колени и в упор выстрелил из пистолета. Вера потом рассказывала, что я вскрикнула и упала. В ярости Ваня Попков хватил фашиста заступом по спине. Парашютист медленно осел на землю. Ребята дружно навалились на него. Скрутив врагу руки,

они кинулись ко мне. Рана оказалась легкой. Узнав о случившемся, к нам сбежалась почти вся рота.

— Как чувствуешь себя, Лена? — доносилось со всех сторон.

Рядом раздался голос командира роты:

— Могу сообщить, фашистский десант полностью уничтожен. Выбросились 42 диверсанта, 24 пойманы, 18 убиты. Наши соседи — истребительный батальон — действовали, как надо. Да и мы отличились: захватили шесть парашютистов, седьмой на счету Лены...

Через месяц я встретила Веру в Москве, на улице Горького.

— Читала сводку? — едва успели расцеловаться, спросила она.— На Можайском направлении гитлеровцев остановили у населенного пункта М. Вспомни березы, чистое небо, равнину, изрытую ходами сообщений, деревню. Это и есть населенный пункт М., наша Матвеевка...

Г. И. НОСОВ

«РОДИНА СКАЖЕТ ВАМ СПАСИБО»

(Из записной книжки директора завода)

Заводу было предложено в самый короткий срок освоить выплавку и прокат броневой стали. Передо мной лежало решение, и я мысленно старался обозреть весь путь нашего комбината. Мы давно начали ломать установившиеся традиции и законы выплавки качественных марок стали. Но от тех марок стали, которые мы варили в больших печах, до броневой — дистанция огромного размера. И никогда даже в мыслях у нас не было, что Магнитогорскому заводу придется плавить такую сталь. Нигде в мире никто не пытался этого делать.

Но полученное нашим комбинатом важное задание нужно было выполнять. Стало быть, невозможное должно стать возможным. Труднейшую задачу надо было решать быстро, так же быстро, как молниеносно развертываются события на фронтах.

Первая военная задача заводу сводилась к следующему: в кратчайший срок смонтировать эвакуируемый с юга броневой стан и начать катать броню.

Весь технический персонал был мобилизован. Возник ряд проектов, где установить стан. Оказывалось, что всюду стан будет мешать нормальному производству.

В моем кабинете разгорелся горячий спор, на каком варианте остановиться. В разгаре дискуссии появляется озабоченный заместитель главного механика комбината Николай Андреевич Рыженко. Он один из наших старых кадровиков, знает каждый уголок завода, каждый кран и стан. Рыженко всегда там, где более всего нужен. Он всегда находил самые неожиданные выходы из трудных положений.

— А ваше мнение каково, где мы поставим стан? — спрашиваю я Рыженко.

Он будто собирается с духом и говорит:

— Где бы мы ни поставили его, он будет не на месте. А затем на монтаж стана уйдет слишком много времени, его у нас нет... Вы слышали сводку.

Этого я от Рыженко не ожидал. Не думал я, что он впадет в панику, мне хочется его оборвать, даже накричать на него. Но на какой-то миг я сдержал закипевшую во мне ярость и хорошо сделал. Рыженко продолжает излагать свои мысли:

— Я уверен, что мы можем гораздо скорее в больших количествах получать броневой лист.

— Каким образом? — почти кричу я.

— Будем броневые листы катать на блюминге.

Все буквально поражены.

Ни одной идеей нельзя пренебрегать прежде, чем ее всесторонне не изучишь, не проверишь. Тем более идеей Рыженко. Он имеет право на внимание. Завод ему многим обязан: немало сложных механизмов переделано по его проектам. В этом человеке сочетаются тонкий конструктор и отличный организатор.

— Вы хорошо продумали этот вопрос? — спрашиваю я его.

Рыженко не привык бросать слова на ветер. Он понимал, какое впечатление должно произвести его предложение, и на совещание пришел вооруженный техническими доводами и расчетами.

Первое, что натолкнуло его на эту мысль,— габариты блюминга: они допускают прокат листа. Второй вопрос: хватит ли у блюминга мощности на обжатие столь твердой стали. На этот вопрос Рыженко ответил утвердительно. Наконец, как кантовать (переворачивать) заготовку и убирать готовый лист. У Рыженко для этой цели были наготове простые остроумные приспособления.

Он тут же излагает все свои доводы и предложения, демонстрирует эскизы. Все убедительно!

Прошло совсем немного времени с тех пор, как третий блюминг был пущен. Мы долго не могли налюбоваться им. Такой

он красавец. Он сделан на Уральском заводе тяжелого машиностроения и даже внешне кажется солиднее, мощнее ранее установленного, немецкого блюминга. Рыженко подчеркивает и это.

— На том блюминге,— говорит он,— я бы не решился предложить катать броню, а на уральском можно, вполне можно.

Теперь все взоры обращены на начальника блюминга Царакова. Но он даже не дает себе труда как следует подумать. Не дожидаясь моего вопроса, он вскакивает и, страшно возбужденный, заявляет:

— Это немыслимо! Это нелепость! Блюминг полетит ко всем чертям! Листы на блюминге — это фантазия, которая плохо кончится!..

— Почему же это все-таки немыслимо? — как можно мягче спрашиваю я.

— Да потому, что ничего похожего никогда, нигде не делали! Потому, что нажимные винты не выдержат! Потому это немыслимо, что блюминг не для этого предназначен. Вы ведь не спрашиваете, почему нельзя подняться в воздух на... автомобиле!

Обе стороны выслушаны. Сразу принять решение, конечно, нельзя, но мысленно я уже представляю себе, как из-под валков блюминга выходит броневой лист. Какое это облегчение для завода! Какое облегчение для страны! Какой вклад в дело разгрома Гитлера!

Для обоснования своих предложений Рыженко просит 24 часа.

Я обязываю его, начальника блюминга Царакова и главного калибровщика Бахтинова в течение 24 часов представить исчерпывающие соображения по этому вопросу.

Они уходят, а мы продолжаем обсуждать варианты размещения стана, который идет к нам с юга.

Прошли сутки. Рыженко, Цараков, Бахтинов, почти все прокатчики и механики завода снова собрались за столом. У Рыженко — готовые эскизы приспособлений, которые превратят блюминг в стан для прокатки брони. Мы сможем тогда прокатывать столько брони, сколько у нас будет стали. Рыженко доказывает, что его план простой, реальный, осуществимый, что мы получим броню через несколько дней, задолго до прибытия и установки прокатного стана.

План Рыженко разрубает весь узел трудностей, с которыми мы встретились в первые же дни войны. Бахтинов и Бояршинов поддерживают этот план. Цараков за эти 24 часа своей позиции

не изменил. Наоборот, он пришел «дать бой» и «вооружился» расчетами и толстыми томами учебников по прокатному делу.

Цараков произносит обвинительную речь против Рыженко.

— Вы хотите в столь ответственный момент вывести из строя блюминг! Ваш план — авантюра! — восклицает он.

В разгар спора раздается звонок. Нас вызывает Москва. У аппарата народный комиссар черной металлургии И. Ф. Тевосян.

— Вы решили, где поставить стан? — спрашивает нарком.

Я отвечаю ему, что у нас возник новый вариант. Но на слове «вариант» Тевосян меня обрывает и горячо отчитывает:

— Вы доиграетесь с вашими вариантами. Вы, вероятно, не отдаете себе отчета в серьезности момента.

Я хорошо понимаю наркома. Точно так же мне хотелось вчера отчитать Рыженко, когда он впервые явился сюда со своим вариантом. Я не выдержал и, сколько есть мочи, стал кричать в трубку:

— Мы будем катать броню на блюминге!

И тотчас услышал взволнованный голос:

— То есть как «на блюминге»? А может это выйти?

Вкратце излагаю соображения Рыженко и его сторонников. В душе я уже был с ними. Но в то же время меня очень тревожила возможность поломки блюминга.

В разговоре с наркомом я подчеркнул, что это пока только предположение, что сейчас у меня в кабинете происходит горячее обсуждение проекта Рыженко. Имеются серьезные возражения. Риск большой. Начальник блюминга расчетами доказывает, что поломается станина, что из строя выйдут нажимные устройства, что возможны всякие другие беды. Словом, мы рискуем блюмингом.

Но товарищ Тевосян меня уже не слушает:

— Без риска ни одно дело не делается. Бросайте все и займитесь только этим делом. Поймите, от того, как скоро мы дадим броню, в значительной мере зависит ход войны.

Я положил телефонную трубку. На какое-то время воцарилось молчание, как будто ждали приговора.

— Что сказал нарком?

— Нарком верит, что мы настоящие советские инженеры и сумеем решить трудную задачу, раз этого требуют интересы Родины. Кроме нас, этого никто не сделает.

Я говорю это и смотрю на Царакова. Он весь съеживается, чувствую, что ему неприятны мои слова, но от своей позиции он не отступает.

Времени на размышления больше нет. Перевожу разговор на практические рельсы: надо начинать готовиться к опытной прокатке.

— Николай Андреевич, когда могут быть готовы приспособления? — обращаюсь я к Рыженко.

— Их можно сделать за восемь — десять дней.

— Итак, восемь дней. Начинайте подготовку. Ответственность возлагаю на вас, Царакова и Бахтинова.

Пока мы обсуждаем практическую сторону дела, снова звонит Москва. У аппарата И. Ф. Тевосян.

— Ваш план,— сообщает мне нарком,— принят. Если вы организуете прокатку броневого листа на блюминге и таким образом выиграете два-три месяца, Родина скажет вам спасибо.

Теперь я начинаю жалеть о том, что раньше времени рассказал наркому о нашем плане: вдруг прав Цараков! Я говорю об этом Тевосяну.

— Ничего, ничего,— успокаивает меня нарком,— будете горячее работать!

Дни и ночи проходят в подготовке. Несколько раз звонил народный комиссар, осведомлялся о ходе дел. Мы старались предусмотреть всякие случайности, но разве можно все предусмотреть! Решено было первые испытания провести не с броней, а с более мягкой сталью. В фасонолитейном цехе отлили слитки точно такого же размера и формы, что и броневой стали.

Наступил час испытания. У перил моста управления блюминга собрались почти все, кто так или иначе причастен к этому делу. Здесь и секретарь городского комитета партии, и парторг ЦК ВКП(б) на заводе.

Рыженко в последний раз проверяет механизм, за ним неотступно следует Цараков. Команда отдана. Кран поднял раскаленную болванку и перенес ее на рольганги. Старший оператор блюминга Спиридонов взялся за рукоятку. Вот уже болванку захватили валки. Оператор действует своими рычагами. Слиток идет вперед-назад, вперед-назад. Вдруг — треск... Блюминг стал. Рыженко, Цараков, главный энергетик бросаются вниз, в зал, где установлены моторы. Через несколько минут докладывают:

— Авария мотора.

Это было чистой случайностью. Прямого отношения к прокату листа авария не имела. Но с испытаний все ушли, как с похорон.

Двадцать восемь часов ремонтировали мотор. За это время многое было передумано. Поломка мотора была плохим предзнаменованием. Не отступить ли? Рискуем ведь блюмингом! Но нет! Как только мотор был отремонтирован и вся электрическая часть проверена, мы снова собрались на мостике.

На этот раз решили провести эксперимент до конца. В нагревательные колодцы, как и в прошлый раз, были погружены два слитка мягкой стали и несколько слитков брони.

Слитки мягкой стали прошли отлично, приспособления Рыженко работали безотказно. На стеллаже лежал первый в мире стальной лист, прокатанный на блюминге. Первая часть возражений Царакова развеяна. Тем сильнее теперь напряжение.

Команда. Слиток броневой стали идет к валкам. Теперь его не остановишь. На карте — блюминг, на карте — честь завода!

Оператор работает тонко, осторожно. Первый пропуск через валки, миллиметр обжатия. Второй, третий... двадцатый, тридцатый, сороковой, сорок первый, сорок второй, сорок третий, сорок четвертый, сорок пятый. Последние проходы, лист убран с блюминга.

Затем пошел второй слиток и третий.

Блюминг выдержал. Винты целы, мощности хватило. Наши советские люди выдержали серьезный экзамен.

Мы стоим у броневого листа, прокатанного на блюминге в Магнитогорске...

НУРУЛЛА БАЗЕТОВ

«КАКУЮ БОЛЬШУЮ СЕМЬЮ ПОЛУЧИЛ РАЗИМАТ...»

Чтобы добраться в Москве от вокзала до центра, я не воспользовался транспортом, пошел пешком. Хотелось посмотреть, как изменилась наша столица за последние годы,— не был я в Москве лет шесть, с 1954 года.

Изменения поразительные: не узнать улиц, домов, весь город стал каким-то другим, еще более нарядным, молодым, красивым. Действительно столица. Столица могучего, необыкновенного государства.

И во всем здесь чувствуется дыхание страны. В потоках ГАЗов, МАЗов, ЯЗов, в подъемных кранах уральских заводов, в автобусах Риги, Львова.

Глядел я на Москву — и словно доносился до моего слуха через уральские горы и степи, через тысячи километров гул наших свердловских, тагильских, серовских заводов, трудовой гул Урала.

Я не уроженец Урала. Родился в Лунинском районе, Пензенской области, есть там село Синарово. В Свердловск приехал в 1925 году и работал вначале в «Ураллеспроме», потом поступил на Верхне-Исетский металлургический завод в качестве чернорабочего. Сталеваром стал в 1938 году.

Тогда славились такие сталевары, как Мазай, Чайковский. Мазай первым снял с квадратного метра пода печи 10 тонн

металла. Мы снимали лишь по 3—3,5 тонны — маловато, конечно.

Раз соревнование — нужно бороться за лучшие показатели. Для начала я взял обязательство на 7 тонн. Брал смело, а все же сомневался. «А вдруг, Нурулла, в лужу сядешь!» — думал. Молодой был, неученый.

Поднатужился — сделал, даже перевыполнил обязательство, потом и 10 тонн получил. Конечно, победа далась не сразу, много думал, взвешивал, присматривался, у старых мастеров и инженеров учился.

У нас, татар, бытует сказка о степном орле, который стремится подняться все выше и выше. Успех окрыляет. И я вступил в соревнование с Мазаем.

Были на Урале в военные годы такие сталевары, с которыми сжилась слава. Сейчас многие из них на пенсии, а некоторые ушли на фронт и не вернулись — положили головы. Их славу должно беречь не только наше поколение, но и будущее.

Когда началась война, встал вопрос о переходе промышленности на военный лад. Перестроились и мы, металлурги, быстро перестроились, оборонная промышленность получила от нас то, что требовала. И когда сообщили газеты, что под Вязьмой «катюши» вступили в бой, мы тоже имели основание гордиться: там наша, уральская, сталь была.

В первые военные дни вызвали меня в партком.

— Вот ты, Базетов, 10 тонн снимаешь,— говорят,— а война требует не 10, а больше, надо 12 тонн.

— Ну, что ж, будет 12,— ответил я.

Мой почин подхватили сталевары Уралмашзавода Сидоровский, Валеев.

Когда над Москвой нависла военная опасность, развернулось соревнование фронтовых бригад. Наша смена стала фронтовой. Наш общий лозунг был: «Сегодня трудиться лучше, чем вчера, завтра — еще лучше, чем сегодня...».

К 24-й годовщине Советской Армии мы обязались не менее 75 процентов плавок проводить скоростным методом и снимать не менее 11 тонн металла с каждого квадратного метра пода мартеновской печи. И моя бригада крепко держала свое слово. Накануне Дня Советской Армии я снял с квадратного метра пода печи 11,4 тонны стали.

В годы войны мы буквально срослись с печью. Приходил я в цех к своей мартеновской печи еще задолго до смены, тщательно просматривал состояние механизмов. Проверял, плотно ли спущены клапаны, как работают форсунки, в порядке ли

шибера и все остальное. Заранее готовил инструмент, приводил в порядок свое рабочее место. Ни одна мелочь не ускользала от моего внимания: любой пустяк в конечном счете мог повлиять на выплавку стали.

Начиная завалку, я давал столько мазута, сколько в состоянии пропустить форсунки. Интенсивным горением создавал максимальную температуру. Тем самым ускорял процесс плавления стали. Заваленное в печь железо тщательно прогревал и только после этого подавал чугун. Такая завалка сокращала период плавления на 1—1,5 часа, а период доводки — на 20—50 минут.

Да, дополнительные тонны металла давались нелегко. За них нужно было драться каждый час, каждую минуту. Когда началась война, перешли с четырех на три смены, потом на две, то есть работали по 12 часов, без выходных, без отпусков.

Помню, привели к нам пополнение — из Смоленска и Курска мальчишек. Я отказываться начал от таких помощников. Зачем они нам? А начальник цеха говорит:

— Бери пополнение, Базетов, и с ним работай.

И вот троих взрослых металлургов, ушедших на фронт, заменили двенадцать подростков. Работали они по шесть часов: шестеро мальчишек — одну половину смены, шестеро — вторую. Делали, конечно, то, что могли, что было им по силе. Подносили лопаты, доломит, магнезит. Приходилось подставлять табуретки, чтобы они могли достать до заслонки печи. Тянется, бывало, малец к заслонке, а начальник цеха говорит:

— Ты, Базетов, смотри: и сталь варить надо, и ребят беречь надо, чтобы не сгорели.

Несладко было этим ребятам...

Однажды зимой 1942 года получил я письмо с фронта. Писал отважный пулеметчик Разимат Усманов. Парень он, видно, был грамотный, понимал, как нужно варить сталь. Он мне писал: «Читал я в газетах, что Вы соревнуетесь со сталеварами и добились повышения съема с квадратного метра пода печи с 3,5 тонны до 12 тонн. Я хочу Вас вызвать на соревнование. Хотя я Вас лично не знаю, но Вы мне приходитесь отцом или братом, а по фамилии и имени знаю, что Вы или сын узбекского народа, как я, или татарин. Если Вы согласны со мной соревноваться, то будете варить сталь, давать больше металла, а я буду истреблять больше врагов».

Потом пришло от Усманова еще одно письмо. Получил я его в марте 1942 года, за несколько дней до совещания стахановцев Свердловска. Выступая на совещании, я зачитал это

письмо. Вот оно: «Дорогой друг Нурулла! За время пребывания на фронте я видел своими глазами, как издеваются фашистские варвары над нашим родным народом, как позорят наши села, наши города. После всего виденного я дал себе зарок: не выпускать из рук пулемета до тех пор, пока бьется мое сердце или пока мне не скажут: «Ну, Разимат, поднимись от пулемета, так как все фашисты, забравшиеся на нашу землю, уничтожены...» Я тебя, дорогой Нурулла, прошу: вари стали как можно больше и чтобы она была как можно крепче, а мы на фронте эту сталь используем, как нужно. И чем крепче будет твоя сталь, тем скорее истребим всех гадов. За мою решимость не беспокойся. Сын узбекского народа не подведет. О моих действиях в ближайших боях ты услышишь.

Мое оружие для встречи с врагом готово, а встреча произойдет в самые ближайшие дни».

На письмо я ответил не словом, а делом. Встав на фронтовую вахту, снял с квадратного метра пода печи более 12 тонн стали. Потом дошел до 16 тонн — это было мое самое высокое достижение.

Так началось мое соревнование с Разиматом Усмановым, соревнование фронта и тыла.

Рабочие завода знали об этом соревновании, то и дело спрашивали: «Ну, что пишет наш Разимат?» Боец-узбек стал «нашим» для всего завода. Как же иначе — ведь он бил фашистов, вел счет битым, и каждый раз говорил себе: «Мало! Этого еще мало, Разимат, надо больше!» Там, где лежал он за своим пулеметом, там не пройти было врагу. Таков был наш Усманов!

В 1942 году правительство наградило меня за высокие съемы стали с пода печи орденом Ленина, а Разимат Усманов примерно в то же время был удостоен ордена Боевого Красного Знамени: он истребил 60 фашистов.

Впоследствии я получил из воинской части письмо, что Разимат тяжело ранен, лежит в госпитале. Письмо взволновало весь мартеновский цех. То и дело подходили ко мне сталевары, спрашивали: правда ли, что Разимат в госпитале?

— Он тяжело ранен?

— В каком госпитале находится наш Разимат?

Кто-то предложил написать Разимату всем цехом.

— Можно и всем цехом,— сказала работница Булычева,— но я напишу Разимату и от себя лично.

Письма от отдельных металлургов поступали в партийную организацию для отправки. Те, кто писал, не возражали, чтобы их читали.

«Дорогой тов. Усманов... Я тебя понимаю и жалею, как своего родного сына. Быстрее поправляйся и отомсти фашистам за свои раны. Бей врага, истребляй до единого»,— писала Булычева.

Горячие материнские слова!

«Мы восхищаемся Вашим героическим поступком, когда Вы, будучи трижды ранены, не оставили поле боя и продолжали громить фашистов. Ваш поступок служит нам примером и вдохновляет еще лучше овладеть специальностью сталевара, чтобы давать фронту еще больше тонн высококачественного металла»,— писали работники цеха Питерский, Королев, Шахмина.

Я читал эти и многие другие письма и думал: «Какую большую семью получил Разимат и как в этой семье любят славного пулеметчика!»

Вскоре получил я из той же воинской части письмо, что Разимат снова воюет.

В 1943 году я должен был везти подарки фронтовикам от трудящихся Свердловска. Думал заехать и в часть, где служил уже лейтенантом Разимат Усманов. Но обстоятельства изменились, и я не поехал на фронт. Нужно было варить сталь. Так и не удалось мне встретиться со славным сыном узбекского народа, моим другом Разиматом Усмановым. Потом получил извещение, что он погиб смертью храбрых в жестоких боях с гитлеровскими захватчиками.

Окончилась война, мы, уральские металлурги, начали варить сталь мира. Варю сталь мирную, а рядом словно Разимат стоит, подталкивает, мол, больше давай, Нурулла, больше.

В 1960 году подал заявление в партийную организацию с просьбой направить в отстающую смену. У нас четвертая смена очень слабо работала, никогда не выполняла плана. Следуя примеру Гагановой, я перешел в эту смену и только за квартал вытащил отстающую смену на первое место.

И вот я в Москве, проездом на курорт. За сотни километров от родного завода. Но и здесь чувствуется его дыхание. Чувствуется трудовой гул Урала...

СМЕЛОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

Обычная мартеновская печь на Уралмашзаводе. Печь № 3. Может, чуть меньше она, чем на крупных металлургических заводах. Но устройство то же. Нажмешь на рычаг — заслонка поднимается, и печь распахивает свой пылающий зев. Огненная вьюга бушует в ее раскаленном теле.

Что яростнее и прекраснее кипящей стали?

Работа сталевара трудная. Он всегда в движении: то подходит к гогочущей огнем печи и напряженно всматривается сквозь синее стекло в бурлящее кипение стали, то в разных направлениях пересекает площадку и бросает лопату за лопатой руду, известь, марганец, то опять нажимает на рычаг и заслонка падает, то он поворачивает руль регулятора, то командует брать пробу. Его глаза напряженно всматриваются в тяжелые литые капли огненной пробы. Какая это красота!

Еще совсем юным впервые увидел я мартен на Чусовском заводе, и сталь покорила меня. А ведь в те годы завод работал на дровах, газ был слабый, плавка тянулась долго, продолжалась до 70 часов. И все-таки я уже тогда решил, что самое лучшее дело для меня на свете — сталь варить!

Начал с того, с чего начинают обычно все металлурги,— работал заслонщиком и ужас как завидовал сталеварам!

«Скорее бы хоть подручным быть»,— думал. Но уже через три года я самостоятельно варил сталь...

Началась война, и наполнились гневом сердца металлургов. Они словно приказывали: «Давайте больше металла, фронт требует!» И, подобно миллионам рабочих, каждый из нас, металлургов, отвечал: «Сделаем!»

Уже в первые дни войны мы начали давать вместо 8—9 довоенных тонн стали 11—12. Успеха добились благодаря уплотнению графика. Потом все увереннее сжимали время. Однажды я провел плавку за 7 часов 20 минут вместо 9 часов по графику, сэкономив, таким образом, 1 час 40 минут, а это дало 12,8 тонны стали с квадратного метра пода печи.

Тогда это считалось крупной победой. Пришли меня приветствовать прямо к печи металлурги, руководство завода, представители райкома партии.

— А еще быстрее давать можно? — спросил кто-то.

— Дадим и больше,— ответил я, хотя знал, что это слишком смелое обязательство.

Смена кончилась, можно было идти домой, но я не пошел, а взял лопату, сплюнул на руки и завалил печь. Новую плавку выпустил за 6 часов 30 минут.

Когда в феврале 1942 года начальник цеха поставил нам, уралмашевским металлургам, в пример знаменитого верх-исетского сталевара Нуруллу Базетова, один из нас сказал в ответ:

— И Нуруллу можно перекрыть. Дадим для фронта больше!

Взяли слишком смелое обязательство. Нурулла Базетов — серьезный соперник. Но никто из нас, уралмашевских металлургов, не раскаивался, взяв такое обязательство. Ни одна победа не дается без риска!

Мы все рассчитали, продумали. Учли как свои сильные стороны, так и неиспользованные ресурсы. Заправляли печь, например, не включая форсунок,— это хлопотливое дело, зато печь не остывает. Правда, не сразу получилась эта операция. Отставали завалочные бригады. Пришлось потратить значительное время на их обучение. Внимательно следили мы, чтобы бесперебойно подавалось горючее. Вели печь на предельно высокой температуре.

Именно в эти дни я особенно почувствовал и оценил главное в искусстве сталевара: уменье точно определить момент, когда начинать доводку печи. Некоторые сталевары пропускают этот важный момент: или слишком рано начинают доводку, или долго ждут, когда металл подогреется.

Ф. В. Шарунова, первая в стране женщина-горновой. Нижний Тагил, 1942 г.

Многое в достижении успеха зависело от состояния печи, поэтому свод печи у меня всегда был под присмотром. Конечно, чего не бывает. И мне случалось прожигать свод печи. На всю жизнь запомнишь белый как кипень цвет печного свода, когда кирпичи начинают таять, тянутся как тесто. В дни войны со мной этого не бывало. Тогда пережечь печь — просто трагедия, ведь она на много дней выбывает из строя!

Сжимая время и следя за качеством, я снял однажды в марте 1942 года 13,5 тонны. Это был успех, хотя Нурулла давал больше.

Сдал печь своему сменщику Дмитрию Сидоровскому, опытному сталевару. Я тогда соревновался с ним. Прощаясь, пожелал успеха. И что же, Сидоровский преподнес мне сюрприз: он снял 15,3 тонны. Почти на две тонны перекрыл мою выработку!

Честно говоря, это меня задело. Пожал я руку Сидоровскому, поздравил с успехом и тут же заявил:

— А все-таки я тебя перекрою, друг!

Дал слово — держи. Вместе с бригадой я аккуратно завалил печь, следил за качеством шихты, держал высокую температуру. Сократил намного время плавки и снял 15,6 тонны. Сердце гордо забилось: перекрыл Сидоровского и Нуруллу Базетова с его 14 тоннами съема!..

Теперь Сидоровский поздравлял меня со своей обычно сдержанной улыбкой. Ничего лишнего не сказал — такой уж у этого человека характер.

Сидоровского называют на заводе «осторожным сталеваром». Он никогда не торопится. И все-таки работа у него спорится. Там, где другой идет на риск, наддаст жару, даже если по условиям плавки есть возможность снизить температуру, осторожный Сидоровский непременно воспользуется этой возможностью и даст печи «отдых». Он придирчиво выбирает шихту, заваливает печь с максимальной загрузкой, какая только допускается, и проводит это быстро и солидно. И все в нем солидно и спокойно: походка, неторопливые движения, манера давать приказания подручным, даже манера приспускать и поднимать синие очки на шляпу. Это не значит, что в его работе напряжение меньше, чем у любого металлурга. Только такой сталевар, как Сидоровский, мог преподнести мне с уверенным спокойствием сюрприз вроде 15,9 тонны стали!

Добились мы с Сидоровским высоких результатов и решили встретиться с Нуруллой Базетовым — этим верх-исетским богатырем стали.

Встреча прошла дружески и торжественно. Базетова окружили наши сменные мастера, руководители завода, партийной и профсоюзной организаций. Было о чем поговорить во время этой встречи. Следовало уточнить на основе новых достижений обязательства договора на социалистическое соревнование между двумя заводами. Так как встретились люди беззаветно влюбленные в свое дело, то страсти, естественно, разгорелись. Нурулла Базетов, помню, заявил:

— Я был доволен, когда Валеев вызвал меня на соревнование. Соревнование — большое дело, без него будешь топтаться на месте. И я уверен, что в соревновании победа будет за нами!

Тут я не выдержал, поднялся и заговорил:

— Базетову не удастся перекрыть нас. Мы сейчас первые и будем впереди! Кое-кто говорит, что у нас на Уралмаше лучше условия и потому мы можем давать высокие съемы. Давай, товарищ Базетов, я пойду на два дня работать на твою печь, а ты к моей станешь. Увидим, кто первый будет.

Сидоровский тоже выступил. Говорил, как всегда, спокойно, словно взвешивал каждое слово.

— Пока рано говорить, кто будет первым. Поработаем — увидим. Главное не в этом. Нам необходимо закрепить достигнутые успехи, поднять всех сталеваров до уровня передовых. В этом — главное.

Сидоровский был прав. Дело, конечно, было не в том, кто из трех сталеваров добьется бо́льших успехов. Надо было достичь такого положения, чтобы Советская Армия получала все больше боевых машин, отлитых из нашей стали.

К делу распространения передового опыта среди металлургов приложили руку партийная, комсомольская и профсоюзная организации, и вскоре на заводе вырос целый отряд талантливых металлургов. В ряды передовиков встали сталевары Талип Валеев, Ефим Узких, Александр Кузьмин и многие другие. И чем гуще делались эти ряды, тем больше стали получала страна.

Сталь, великолепная уральская сталь шла в те суровые военные дни могучей огненной рекой.

ГОРЯЧЕЕ ДЕЛО

Нас, сталеваров, называют людьми горячего дела. И это верно. Должность у нас самая что ни на есть горячая. Особенно летом, пока смену у мартена отстоишь, не один раз рукавом спецовки пот утрешь: на улице жарко, да от печи тоже жаром пышет. И вентиляция не помогает. Почти четверть века я варю сталь, и за эти годы однажды только случилось так, что на смене холодом на меня повеяло.

Был чудесный июньский день. Воскресенье. Стоял я у своей печи и привычно наблюдал, как металл кипит. Скоро выдавать плавку — обыкновенную мирную плавку мирной рельсовой стали. Делал свое дело, а сам думал о том, что надо бы в ближайший выходной вместе с женой, ребятами за город на Томь повыше податься, отдохнуть как следует, подышать свежим речным воздухом.

Вдруг вижу: из парткома товарищ через цех бежит, лицо побледневшее, взволнованное. Моя печь первая в цехе. Ко мне первому и подошел.

— Худо, Чалков, война!

И дальше помчался людей на митинг собирать. Тогда-то почуял я, будто не горячие, а холодные капли на лбу выступили. Потом был митинг. Лица у металлургов побледневшие, глаза сверкают гневом. Сам думаю: наверно, и мои глаза такие.

Какую ведь хорошую жизнь нашу подлые фашисты нарушили! Сегодня еще на смену шел по городу и радовался: какой он красивый, зеленый весь. И все это дело рук наших. Ведь когда я сюда впервые в 1931 году приехал, болото да кустарники были. Грязь непролазная. Сапоги в ней после дождя оставляли. Не только город вырос, похорошел. За эти годы люди выросли, другими стали. Кем я, к примеру, был тогда? Малограмотным пареньком из алтайской деревни. Начал работать землекопом. Потом курсы бетонщиков окончил, родной мне теперь мартеновский цех строил. Хорошо старался работать. Шутка сказать, какой заводище, первенец сибирской металлургии, в глухом месте сооружали! А когда впервые увидел, как мартен ожил, как сталь варится, твердо решил: нет мне другой дороги.

В 1933 году меня в числе других ударников строительства на эксплуатацию перевели. А в 1935 году первую самостоятельную плавку выдал. С каждым годом жизнь краше, полнее становилась. И вдруг — война! Страшное это слово.

Правда, в эти первые часы мы его полностью как-то еще не осознали. Не верилось, что удастся гитлеровцам вторгнуться в глубь нашей страны.

Шли мы со смены, многие свою стратегию развивали: «Ну, уж дадут наши фашисту! Не опомнится».

Но прошли первые дни, и черная тарелка репродуктора все более тяжелые вести сообщала. Шли захватчики вперед, шли быстро. Всю тяжесть положения, то, что бой не на жизнь, а на смерть будет, бой долгий и тяжелый, поняли мы окончательно. И приняли решение: работать, сил не жалея, чтобы нужды фронта, нужды страны в стали и прокате обеспечить. Вскоре и в цехе пошли изменения большие. Перед нашим комбинатом была поставлена боевая задача: освоить в кратчайший срок выплавку на комбинате специальных легированных сталей. Нелегкое это было дело. Ведь в практике мировой металлургии никогда на больших печах качественную сталь не варили. Считалось, что невозможно ее на большегрузных печах, таких, как наши, кузнецкие, выплавлять. Опыт перенять было не у кого. Нужно было создать новую технологию, освоить ее практически. Если бы этим в мирное время занялись, то, наверное, ушел бы на такое дело не один год. А тут ведь ждать нельзя!

Южные заводы качественной металлургии к тому времени на колесах оказались, эвакуировались.

Вместе с нами, сталеварами, сутками не отходили от печей наши инженеры. Исследовали, проводили опыты, советовались.

Тяжелые были первые месяцы. Да и что удивляться? Делали, казалось, невозможное. Легированная сталь, к примеру, варится при температуре намного более высокой, чем простая. Ведешь плавку, того и смотри — свод подожжешь. Это сейчас с этим делом у нас легко: свод магнезитовым, высокожаропрочным кирпичом выложен. А тогда, в годы войны, магнезитового кирпича не было, обыкновенный динас. Чуть прозевал, и поплыло. Бились долго, но к августу 1941 года начали легированную сталь варить. Но что это были за плавки! Мучение и только. Длились они по 15—18 часов. По разработанной технологии в плавку полагалось добавлять специальные смеси: кокс, шамотную глину. Это должно было улучшать ее ход. Но толку было мало. Того и гляди, шлак кверху поднимется. Металл не кипел, горел свод. Частенько металл в брак уходил. Одну-две плавки кое-как дашь хорошие, третья, глядишь, никуда. Сталевары сна лишились, все думали, как делу помочь. И так и этак прикидывали. Ничего не получается.

Шел однажды я со смены, а тогда как раз первых раненых в наши городские госпитали привезли. Гляжу, выносят сердечных на носилках: у того из-под бинта один нос заострившийся видно, у другого руки, ноги нет. Жутко мне стало. Показалось, вроде с укоризной они на меня смотрят. «Эх, ты, Александр Яковлевич,— думаю,— люди кровью истекли, грудью тебя защищают, а ты живехонек, здоров и не можешь так поработать, чтобы вволю металла для танков и орудий Родине дать в час тяжелый!»

Прошел не один день, не одна смена. Постепенно сталевары пришли к твердому убеждению, что все дело в добавлении смеси. Из-за нее и шлак поднимается. А что, думал я, если попытаться сварить сталь, не добавляя смеси?

Правда, тогда особенно внимательно нужно следить, чтобы свод не поджечь, печь не вывести из строя. Но ведь опыт-то у меня есть.

...В тот день пришел я на смену намного раньше. Зашел к начальнику цеха.

— Разрешите попробовать,— говорю,— без добавки смеси сталь сварить.

Он посмотрел на меня удивленно, внимательно выслушал, подумал.

— А не выведешь печь из строя? — спрашивает.

— Не выведу,— отвечаю,— а случится что, спрашивайте с меня со всей строгостью, по законам военного времени. Когда встал у печи, чувство такое меня охватило, будто к атаке на

передовой готовлюсь. Каждый нерв натянут как струна, но волнения, растерянности нет. Ведь все до мелочей обдумано, взвешено, решено. А через 11 часов в ковши полилась сталь. Это была победа. Мастер Петр Дмитриевич Никитин крепко пожал мне руку.

— Молодец ты, Чалков, великое дело сделал! Потом пришли поздравлять из парткома, от дирекции.

Вручили мне и так называемый сухой паек — дополнительное питание. Была там и плитка шоколада и, что греха таить, бутылка водки. Шоколад детишкам отнес. А водку после смены на радостях с друзьями распили. Пили за то, чтобы больше металла давать стране, чтобы скорее пришел день, когда гитлеровские полчища будут уничтожены, навсегда стерты с лица земли.

Сварили специальные стали в мартеновских печах и другие кузнецкие металлурги. Мы совершили таким образом переворот в технологии сталеварения.

Время шло. Наш Кузнецкий металлургический комбинат стал инициатором Всесоюзного социалистического соревнования в помощь фронту. Каждый из нас — доменщиков, сталеваров, прокатчиков — чувствовал огромную ответственность за бесперебойное снабжение металлом оборонной промышленности. Мы все больше наращивали темпы, совершенствовали мастерство.

В течение двух лет лично я выдал сверх плана столько стали, сколько необходимо было для изготовления 24 тяжелых танков, 36 пушек, 15 тысяч минометов, 100 тысяч гранат, 18 тысяч автоматов.

Самоотверженный труд кузнецких металлургов не раз отмечался высокими наградами. 167 раз цехам комбината присуждалось переходящее Красное знамя ГКО. И радостно было сознавать, что в замечательных успехах коллектива есть доля и моего труда. Но тогда я даже и подумать не мог, сколь высоко родная партия и правительство оценят мою работу.

23 марта 1943 года пришел я в цех в приподнятом настроении. Жена родила четвертого сына — Валеру. Но здесь меня ожидала еще одна радость.

— Иди срочно в партком,— сказали товарищи.

Поспешил я туда, а там уже немало людей.

— Поздравляем, Александр Яковлевич! Только что получена телеграмма. За освоение скоростных плавок качественной стали тебе присуждена Государственная премия.

Ушам я своим не поверил. Хочу сказать слово, поблагодарить за заботу и слов подходящих найти не могу. Комок к горлу подкатил. А все вокруг улыбаются, глаза у них радостные. Так этот день, 23 марта 1943 года, стал для меня двойным праздником. С тех пор младшего моего — Валеру прозвали лауреатом.

Но почет — почетом, а, кроме того, мне вручили и денежную премию — 50 тысяч рублей. Что с ними делать? Правда, время тяжелое, военное, все очень дорого было. Нашлось бы куда их истратить. Но, думал я, сейчас никому не легко. Мне и так живется материально полегче, чем другим. Зарабатывал хорошо.

Собрались мы как-то вскоре в парткоме и порешили сообща: премию передать в фонд Главного командования на изготовление автоматов для гвардейцев-сибиряков, которые в кровопролитных боях гонят с земли нашей немецко-фашистских захватчиков.

И вскоре на фронт было отправлено 400 автоматов, на ложах которых стояла надпись: «Сибиряку от сталевара Чалкова».

От сибиряков-гвардейцев я получил десятки писем. Письма читали всей семьей, читали на работе. Но первое — от командира 22-й гвардейской дивизии полковника Гудзь запомнилось мне особенно хорошо.

15 августа 1943 года он написал, что земляки мои с гордостью берут на вооружение автоматы — мой рабочий подарок фронту,— которые вручаются лучшим из лучших.

«...Торжественно, перед строем Ваш именной автомат вручен бесстрашному разведчику-сибиряку Борису Ивановичу Федорову. Он истребил более десяти немцев. Именной автомат вручен гвардейцу подразделения автоматчиков автоматчику Павлу Ивановичу Васильеву. При вручении автомата т. Васильев заявил: «Я истребил из советского автомата более 20 гитлеровцев. Клянусь, что из автомата т. Чалкова в новых сражениях я уничтожу десятки проклятых фашистов!»»

Боец Австринин писал: «Один из автоматов взят мной. Заверяю, что при первой возможности умножу счет истребленных фашистов».

Эти бойцы и командиры, которые за тысячи километров от нас сражались с захватчиками, стали мне особенно близки. Каждую весточку от них встречал я, как от родных.

Мой скромный труд высоко оценен. Я награжден несколькими орденами. Но особенно дорог мне гвардейский значок,

прикрепленный к моей груди прямо в цехе рукой бойца Мокрушина, приехавшего к нам на комбинат по поручению командования дивизии. Ныне он хранится в Музее революции СССР в Москве.

С фронтов Великой Отечественной войны все чаще стали приходить вести о новых победах. Враг разгромлен у Волжской твердыни. Сметены отборные фашистские дивизии на Орловско-Курской дуге...

Не отставали от фронтовиков и мы, сталевары. Новые, все более сложные марки стали варили скоростными методами. Были, конечно, и трудности. Но разве сравнишь их с теми трудностями, которые были в первые месяцы войны? Мы стали опытнее, закаленнее.

И пришел счастливый день, когда наши войска пошли на штурм Берлина — логова гитлеровских головорезов. Сидел я у репродуктора, и верилось, что моя сталь, воплощенная в грозные боевые машины, штурмует вражескую столицу.

А еще через несколько дней весь мир облетела радостная весть: фашистская Германия капитулировала.

9 мая 1945 года вместе с тысячами жителей нашего города я стоял на площади Побед и ликовал: наступил долгожданный день — День победы...

С тех пор прошло полтора десятилетия. Я по-прежнему живу в Новокузнецке и по-прежнему стою у своего мартена и варю сталь — мирную сталь для строек нашей славной семилетки. Как и я, стоят у мартенов три моих старших сына. Они тоже избрали почетную профессию сталевара.

Мы трудимся во имя построения светлого здания коммунизма, во имя того, чтобы никогда больше человечество не испытывало кровавых ужасов войны.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЗАДАНИЕ

У ПОДНОЖИЯ ГОРЫ ВОЛЧИХИ

Тот, кому довелось побывать на Первоуральском Новотрубном заводе, конечно, не мог не восхищаться могучей красотой этого гиганта индустрии, построенного в годы первых пятилеток. Вот здесь, в Первоуральске, привольно раскинувшемся у подножия горы Волчихи, в грозную военную пору я встретил Н. А. Тихонова, неуральца по рождению, но ставшего на время уральцем.

Накануне Великой Отечественной войны Николай Александрович был главным инженером завода имени Ленина в Днепропетровске, так сказать, родного брата Новотрубного. Когда гитлеровцы подступили к Приднепровью, Тихонов эвакуировал оборудование завода, затем сам взрывал его цехи и потом вместе с женой по бездорожью, под вражескими бомбами проделал сотни четыре километров на автомобиле; после эшелон... На Урале он стал сначала начальником цеха, затем — главным инженером Новотрубного завода.

Как сейчас, вижу его. Живой, энергичный, общительный, широко образованный, очень пунктуальный, Н. А. Тихонов представлял собой настоящего командира производства. Помню, когда я шел в первый раз к нему, секретарша предупредила: «Будьте, пожалуйста, аккуратны. Николай Александрович любит точность...» И действительно, всякие производственные летучки и совещания у Тихонова начинались минута в минуту, а бьющей через край энергии этого человека, казалось, могло хватить на десятерых.

На плечи Первоуральского Новотрубного завода тогда легла непомерная тяжесть. Он остался единственным крупным заводом в стране, поставляющим трубы. А что такое трубы, возможно, это представляет не всякий. Без труб не полетит самолет, не пойдет танк. Трубы — это стволы минометов, отопление в квартирах, добыча нефти, газа, чего хотите. Словом, без труб не могла существовать промышленность, без труб не могла быть одержана победа над врагом.

Труб надо было много, и самых разных, каких первоуральцы до того не делали. Каждый день, каждая проведенная смена напоминала боевые будни фронта. Каждый новый заказ фронта ставил и новые производственные и технические проблемы. Труд заводского коллектива в те дни был поистине эпическим, и в этом труде была частица и Н. А. Тихонова...

Печатаемый ниже открывок, записанный мною в те дни со слов Н. А. Тихонова, конечно, не рисует и тысячной доли того, что делалось в те годы коллективом первоуральцев. Но все же как капля воды дает представление об океане, так и он может напомнить о грозных и славных днях.

Борис Рябинин

9 сентября 1941 года.

Первый день работы начальником волочильного цеха. Когда получил это назначение, «доброжелатели» предупреждали: смотри, сядешь в лужу с этим цехом, он уже много месяцев не выполняет план.

Первая встреча. Утром пришла ко мне в кабинет молодая женщина. Невысокая, плотная, с узкими глазами и скуластым лицом, на голове белый кружевной платок, руки в желтых пятнах от кислоты. Подходит к столу и говорит:

— Товарищ Тихонов, вы меня, конечно, не знаете. Я кольцевая Зубарева с двадцать первого стана.

— Очень приятно,— говорю, а сам жду, что будет дальше. Она засмеялась, а потом как выпалит скороговоркой:

— Так вот, я хочу вам сказать... Женщины послали, злые мы на работу! Только просим вас очень: труб больше давайте!..

Выпалила и ушла. Ни здравствуй, ни прощай... Оригинальный способ знакомства! Однако не за тем же она приходила, чтобы показать себя? Насколько я мог заметить, это не в характере здешних людей. Тогда интересно, что это значит?

Еще одно знакомство. Тоже из первых. Разговаривал в цехе с девушкой по фамилии Кислицына. Она старшая стана. Очень

юная, тоненькая, с нежным лицом — полная противоположность Зубаревой. На заводе работает недавно, прошла курсы техминимума, а вот уже старшая стана. Перед этим окончила среднюю школу.

Я спросил ее:

— Тяжело вам?

А она мне:

— А вы за меня не беспокойтесь. Я здесь выросла. «Ого, думаю, какая ты!»

— Комсомолка?

— Ну, а как же?..

— Кольцевую Зубареву знаете?

— Зубареву? Я с ней соревнуюсь.

Интересно. Надо запомнить их обеих.

3 ноября.

Пришел мастер Голод. Этот Голод — интереснейшая личность. Он родился в маленьком местечке в Белоруссии, война забросила на Урал. Говорят, любит пофилософствовать. Дают ему распоряжение, а он тут же вслух начинает рассуждать, стоит ли выполнять или не стоит, если не стоит, то почему... За это ему не раз влетало. Но человек он ценный: никто лучше его не может протянуть трубу. На заводе Голод чувствует себя как рыба в воде. Знает всех и каждого. Со всеми на «ты». То тут, то там в цехе видна его примечательная фигура с большим животом. В трудную минуту на него можно положиться, как на самого себя.

8 ноября.

Трудно даже подсчитать, сколько часов в сутки работают люди. Просить остаться в цехе после смены не приходится. «Больше продукции фронту!» — под этим лозунгом идет вся наша жизнь. Нынешние Октябрьские празднества мы встречаем в условиях ожесточенных боев с германским фашизмом, и лучший подарок для нас в этот день — это дополнительная продукция фронту. Надо думать, в эти дни фашисты особенно яростно стараются укусить нас. Ну, да и мы тоже не теряем времени попусту! Уже несколько дней цех перевыполняет суточный график. Трудновато, но стараемся. Некоторое время сбивали нас с графика прокатчики. С секретарем парторганизации цеха напустили на них комсомольцев. Молодежь с Зубаревой поставила около заводоуправления большую доску с надписью: «Товарищи трубопрокатчики, стыдно! Вы срываете

поставки заготовки волочильному цеху, из-за вас волочильщики не выполняют программу!». Трубопрокатчиков это задело за живое. Начальник цеха звонит мне:

— А вы знаете, что наш цех краснознаменный?

— Нам от этого не легче.

— Да, но можно было договориться!..

— Сколько можно разговаривать?!

— Хорошо, мы пересмотрим график...

Все на заводе горячо обсуждали это событие. Зубарева ходила с торжествующим видом.

— Так им и надо! — говорит она.

Ух и злая она на прокатчиков! Из-за того, что прокатчики недодают заготовку, они с Кислицыной не могут развернуться в полную силу. Но теперь, кажется, дело с прокатом пошло на лад. Зато тянет назад недоброкачественная смазка. Без хорошей смазки нельзя получить хорошей трубы. До войны мы тянули тонкие трубы на подсолнечном масле, теперь масло нужно в пищу, приходится придумывать заменители. Эх, если бы у нас была доброкачественная смазка!..

21 декабря.

Получили заказ, да какой! — В трехдневный срок протянуть 40 тысяч метров труб с нулевой стенкой. Как услышал, что с нулевой, так у меня руки опустились. Это при нашей смазке?! Ночью позвонил мне в цех директор завода и сообщил, что это задание Государственного комитета обороны и не может быть и речи о том, чтобы его не выполнить.

— Умрите, но сделайте,— сказал он.

— Я понимаю, что задание нелегкое, но... сам знаешь, время какое.

Утром провели экстренное совещание инженерно-технического персонала цеха. Во всех бригадах до начала смены состоялись митинги. График изменили, выделив одну линию потока для нового заказа. Трубы с нулевой стенкой пойдут через станы Зубаревой, Кислицыной и других наиболее опытных кольцевых. Преимущественно через станы коммунистов и комсомольцев. На них вся надежда...

Каждый понимает: задание необычное для нас, фронтовое, 40 тысяч метров — это в несколько раз превосходит наши возможности.

Мы разработали специальную систему учета с таким расчетом, чтобы сведения о прохождении заказа поступали каждый час. На станции будут ждать паровоз и два вагона, которые

должны отвезти трубы на авиационный завод. Все предусмотрено, все учтено, дело за маленьким — за трубами... И вот очень трудная для нас битва началась. Первые сведения неутешительные. Мы идем наполовину ниже графика. Мои заместители повесили носы. Пытаемся найти дополнительные возможности увеличения производительности, но их нет. Секретарь цеховой парторганизации и я до утра не уходим из цеха, только не знаю, поможет ли это. Впервые испытываю чувство неуверенности в завтрашнем дне...

22 декабря.

Утро. Сутки прошли. Мы дали 6 тысяч метров. Это провал. Это даже меньше половины того, что нужно. Нас режет смазка. Трубы рвутся, получается много брака.

Полдень. Решили изменить калибровку. Нет никакой возможности продолжать так работу дальше — каждая третья труба идет в брак. Сделали калибровку менее жесткой — брак уменьшился, но прибавилась дополнительная протяжка через станы. Пришлось снять со станов ряд других заказов.

1 час 30 минут. Почти не спим вторую ночь. Многие даже отказались пойти на обеденный перерыв. Зубареву и Кислицыну подруги кормят тут же, у станов. Губы у кольцевых сжаты, брови сдвинуты, движения скупые. Сменный мастер сообщил мне, что по требованию кольцевых ускорено движение цепей станов.

Я не вижу Голода. Куда он девался? Это безобразие — в такое время оставлять цех! Часом позднее одна из работниц рассказала мне, что у Зубаревой ранен на фронте муж. Надо же было случиться: этот санитарный поезд, с которым он едет в госпиталь в тыл, прошел через нашу станцию именно сегодня. Зубарева узнала об этом несколько дней назад и хотела отпроситься, чтобы повидать мужа. Сегодня она даже не заикнулась об этом. Я все больше и больше начинаю уважать эту молодую женщину.

А у Кислицыной, сообщила та же работница, на фронте отец и брат. Брат за успешные боевые действия против немецких захватчиков награжден орденом. Герои там, и герои здесь. Можно ли победить нас?!

8 часов вечера. Прошло 36 часов с начала битвы. До истечения срока осталось столько же, а труб сделано только 11 тысяч метров. Что еще можно сделать — ума не приложим. Опозорились самым постыдным образом. Сорвать такой заказ! У некоторых женщин слезы на глазах, мужчины еще больше

нахмурили брови. Проклятая смазка: она украла у нас тысячи метров труб!

0 часов 35 минут. Явился ко мне Голод. Сел в кресло, улыбается во весь рот. Я подбирал слова, чтобы задать основательную взбучку за отлучку из цеха. А он, глядя на меня блестящими глазами, говорит:

— Имею кое-что сообщить!

Я молчу.

— Последняя новость техники,— и Голод вытаскивает из кармана пузырек с какой-то мутной жидкостью.— Смазка! Вам это понятно? Смазка! Она может помочь, а может и не помочь, но мне так думается, что она должна помочь, во-первых, потому, что это придумал я, Голод, а, во-вторых, когда-нибудь да должны ее придумать.

Как тут будешь сердиться на этого «философа»?..

— Вы испытали ее?..— спросил я его.

— Товарищ начальник, кого вы спрашиваете? Конечно!

Что оказалось? Он давно уже вошел в контакт с работниками нашей газогенераторной станции. Они стали особым способом получать жировые вещества из отходов. Перепробовали уйму рецептов, и вот Голод явился с результатами. А ведь молчал, не проговорился ни одним словом!

Мы спустились в цех и на моих глазах испробовали новую смазку на стане у Зубаревой. Трубы шли изумительно. Мне кажется, что эта смазка даже лучше подсолнечного или другого растительного масла. Я готов был расцеловать этого находчивого человека с улыбающимися, добрыми детскими глазами. Кольцевые засияли. Голод с важным видом ходил по цеху.

Мы немедленно дали жесткую калибровку. Зубарева тут же взяла на себя обязательство протянуть вдвое больше труб, чем она давала до этого. Ее примеру последовали многие другие работницы. И вот передо мной лежат первые данные: резкий скачок вверх. Будут трубы!

27 декабря.

Наш цех готовится первым рапортовать о выполнении годового плана. План закончен. Оставшиеся три дня будем давать сверхплановую продукцию: это подарок нашей армии к Новому году. У нас четкий, налаженный ритм, и я берусь утверждать, что цех теперь систематически будет выполнять программу. В новом году мы произведем кое-какую перестановку оборудования, чтобы устранить некоторые существенные неудобства. Этого требует от нас и охрана труда. Иной раз

мне кажется, что это совсем другой цех. Он как-то повзрослел.

Люди научились ценить минуты. Несомненно, последние месяцы для всех нас явились серьезной школой. На днях мой «зам» сказал мне:

— Знаете, Николай Александрович, здорово работали люди. Куда там довоенные темпы!..

Он прав. Это можно сказать про любого рабочего.

Авиазавод, которому мы послали тонкостенные трубы, прислал телеграмму: «Благодарим за качество и за срочность. Наши новые самолеты будут еще лучше громить врага. Сердечный привет всему коллективу».

Эта телеграмма — лучшая оценка нашей работы.

Д. Ф. БОСЫЙ

ТЫСЯЧНИКИ

Началась война. С первых дней тяжелая, кровопролитная. С фронтов приходили тревожные вести. Вскоре гул орудий отчетливо был слышен в Ленинграде. Мои товарищи один за другим добровольно уходили на фронт.

Я обратился в дирекцию завода с просьбой разрешить уйти с завода, вступить в армию.

— Хочу с оружием в руках защищать родной город. Здесь я живу, работаю, здесь моя семья!..— заявил.

— Надо будет — призовут,— ответили мне в дирекции,— а пока ты нужен на заводе. Ты — квалифицированный рабочий, выполняешь по две-три нормы, обучаешь молодежь.

— Обидно, поймите! Все мои товарищи на фронте, а я тут в тылу, не могу! — волновался я.

В разговор вмешался вошедший в кабинет директора парторг завода Денисов.

— Обидно, обидно... Ты, Дмитрий, должен понять, что здесь тоже фронт. Трудовой фронт. Без танков, самолетов, орудий не разгромить врага. Работай так, чтобы фронт сказал «спасибо», и твоя совесть будет чиста. Работай за двоих, троих, десятерых, работай за себя и за твоих товарищей, ушедших на фронт. Вот это будет по-фронтовому, это будет вклад в разгром врага.

Что тут скажешь? Конечно, парторг был прав. Без оружия врага не остановить, не разгромить. Я молча вышел из кабинета и встал к станку на вторую смену, на фронтовую вахту. Как-то по-особому воспринимал висящий недалеко от моего рабочего места плакат: «В труде, как в бою».

В конце июня завод спешно эвакуировался, эшелоны с его оборудованием один за другим потянулись на восток, никто из рабочих не знал куда. Оставляли родной город с тяжелым сердцем. Женщины плакали, мужчины глубоко втягивали дым папирос...

Обосновались в Нижнем Тагиле. Работали день и ночь, восстанавливая производство, и уже через десять дней начали выдавать продукцию.

Тогда же получил я письмо от брата Бориса, в котором он сообщал, что тоже находится на Урале, в госпитале. Приехал я к нему, обхватил руками его исхудалое лицо, молча читал в глазах то, что не скажешь словами.

Борис был тяжело ранен, мучительная боль не оставляла его уже не одну неделю; она застыла в глазах, отражалась в каждой черточке лица. Какая нужна сила, чтобы перенести эти муки, думал я, устоять в борьбе со смертью? Поговорил с ним, с его друзьями по палате, и стало ясно, что спасло советского бойца от смерти: братская спайка, взаимная выручка, воспитанная самой нашей жизнью воля к победе. Да, советские люди крепки как кремень! В борьбе с врагом они не знали ни устали, ни страха — из камня воды не выжмешь.

И еще глубоко взволновала меня их твердая вера в тыл, в кровную спайку, во взаимную выручку армии и тружеников тыла.

— За оружие — спасибо, есть чем бить врага, работаете что надо,— говорили мне бойцы.

...Ленинградцы буквально рвали из рук свежие газеты, старались не пропустить ни одной радиопередачи последних известий. Всех нас тревожила мысль о родном городе, вокруг которого сомкнулось кольцо блокады. Там оставались друзья, знакомые, там боролись в невероятно трудных условиях люди, которых называли так же, как и нас,— ленинградцы.

Все, что удавалось узнать на Урале о родном городе, производило глубокое впечатление. Как можно было слушать без волнения, например, сообщение радио о 63-летней уборщице одного из предприятий Марии Федосеевне Красновой. Она взялась добровольно охранять свой объект от воздушных налетов противника. Во время ее дежурства на предприятие были

сброшены четыре зажигательные бомбы. Три из них мужественная работница-ленинградка потушила сама, а четвертую — вместе с помощницей.

— Молодец, Мария Федосеевна,— сказал кто-то из рабочих, сгрудившихся у старенького репродуктора.

— Вернусь в Ленинград — обязательно найду эту женщину, пожму ей руку,— это сказал Николай Яблоков, один из наших лучших производственников.

Гордились мы теми ленинградцами, которые продолжали работать на предприятиях осажденного города. Несмотря на невероятные трудности, они день и ночь ковали грозное оружие. Ничто — ни блокада, ни бомбардировки, ни яростные атаки врага — не могло сломить их упорство.

— Да, это люди,— говорили те, кто слушал радио. Иногда добавляли:

— Ленинградцы!..

Поднимали наш дух и героические подвиги советских воинов, стоявших насмерть у стен Ленинграда. Неизгладимое впечатление осталось от сообщения о героической смерти за наш город связиста Леонида Рудакова. Восстанавливая нарушенную врагом связь, советский воин попал в окружение. 30 гитлеровцев набросились на одного, 15 из них Рудаков уложил из своей винтовки, но вот он остался без патронов. Чтобы враги не схватили его, он поставил винтовку на землю и бросился грудью на штык.

Некоторые наши рабочие переписывались с бойцами частей, которыми командовал генерал-майор Федюнинский. На лучших снайперов этих частей были заведены лицевые счета. Помню, против фамилии заместителя политрука Калинина появилась цифра 115, против младшего командира Лоскутова — 117, против гвардейца Малова — 100. Счет все время рос. Славных снайперов называли у нас так, как передовиков производства: «двухсотниками», «трехсотниками».

Мы работали, ходили по улицам освещенного заревом домен города, а мысли наши были там — на заводе, на фронте, в Ленинграде. Для Родины, для Ленинграда, для победы мы были готовы на все — на любое дело, на любые трудности, на любые лишения. Радостью наполнялись наши сердца, когда мы узнавали о новых победах на фронте, о трудовых успехах тыла, когда выявлялись какие-то новые пути повышения производительности труда.

Мы часто вставали на фронтовые вахты, работали сутками, не отходя от станков, жили одной мыслью: больше, больше,

больше. Пот катится, бывало, по лицу, туман застилает глаза, руки дрожат от усталости, но, если еще были силы, работали. Выполняли по две, три, по пять норм за смену.

Силы советского человека, умноженные ненавистью к врагу, были буквально неиссякаемы. Люди могли работать сутками. На Урале получила широкое распространение частушка о старом мастере Луке Федоровиче Казаке:

Говорят, заснул Казак,
Да не верится никак.

Седовласый мастер Средне-Уральской электростанции ремонтировал турбину 84 часа без сна, без отдыха, выполнив работу, на которую полагалось 144 часа.

Если силы человека военного времени были неиссякаемы, то возможности станка имели определенный предел. Пришлось постепенно придумывать разные приспособления к станку, чтобы выжать из него больше.

Я сконструировал несколько специальных фрез. Практически доказал преимущество своего метода 12 февраля, когда весь город встал на фронтовую вахту в честь 24-й годовщины Советской Армии. Работал 11 часов подряд. Для обработки выбрал «вилку» — деталь наиболее сложную, дефицитную, которую завод не мог освоить.

Эта деталь раньше обрабатывалась на вертикально-фрезерном станке, по одной штуке в два приема. С помощью своих приспособлений я работал одновременно на трех фрезерных станках. Закладывал в каждый станок сразу по четыре детали. В тот день я выполнил норму на 1480 процентов.

Через несколько дней моя выработка поднялась до 1600 процентов.

— Дмитрий Филиппович, да ты ломаешь старые приемы в работе. Новатор! — сказал мне технолог цеха.

— А как же иначе! — ответил я.— Хочу моему станку такие обороты дать, чтобы фашистам тошно стало.

Вскоре взялся я за другую деталь — «ухо» и по этой детали давал высокую выработку, выполнял норму на 1800—1900 процентов. По детали «коробочка» перекрыл все прежние успехи, довел выработку до 2100 процентов. При обработке этой детали мне удалось найти метод, с помощью которого я изготовлял сразу по 17 штук «коробочек».

Моей работой заинтересовались на заводе, из городского комитета партии пришли ознакомиться с новыми приемами. Написала о них местная газета, потом каждый день она помещала сводки о моей ежедневной выработке. Многое по распро-

странению нового метода сделала профсоюзная организация завода.

Прошло немного времени, и на многостаночное обслуживание с применением эффективных приспособлений перешли фрезеровщики Изотов, Алексеев, Николаев и другие. В марте на заводе уже больше 30 человек стали повседневно выполнять нормы на 1000 процентов и больше.

Заглянул я как-то на участок, где работал Дианов. Любо было смотреть: ни одного бездействующего станка, все рабочие полностью загружали свой день, никто не ходил без дела, не отвлекался. На доске показателей соревнования ни у кого не было меньшей выработки, чем 200—300 процентов.

В разгар предмайского социалистического соревнования у наших токарей и инструментальщиков разгорелся жаркий спор. Прекрасные токари Чавриков и Жизневский решили потягаться в работе с таким же прекрасным токарем Николаем Яблоковым, обогнать его.

— Хорошо,— спокойно ответил Николай.— Принимаю ваш вызов и, как пить дать, возьму вас, друзья, на буксир.

На следующий день инструментальщики с интересом следили за состязанием токарей. Им предоставили одинаковые, прекрасно оснащенные станки и однородную работу. Все трое работали с жаром. К концу смены на столиках у их станков лежали груды готовых инструментов, остродефицитных на заводе гаечных метчиков.

Победителем в этом неожиданно возникшем соревновании оказался Яблоков. Работая легко и ловко, он без особого напряжения дал за смену свыше 17 норм. Но крепкую производственную хватку обнаружили и токари Чавриков и Жизневский, каждый из них выполнил норму в этот день на 1200 процентов.

Два крупных выигрыша получил завод от этого соревнования. Во-первых, появились два новых тысячника. Во-вторых, трое токарей поработали за 41 человека и своим богатырским трудом в течение одной смены обеспечили завод дефицитным инструментом.

Я помогал проникнуть в мои «секреты» всем, кто желал работать по-новому, творчески, используя любую возможность взять от оборудования все, что оно могло дать.

— Если хочешь стать полным хозяином станка,— говорил я,— оснасти его приспособлениями.

Когда работник не понимал, что я имею в виду, то объяснял ему примерно так:

— Что такое приспособление? Приладишь к винтовке оптический прибор — и в руках меткого стрелка это снайперская винтовка. Приладишь к станку приспособление — и это станок нового качества.

Каждый рабочий завода старался что-то придумать, сделать какое-нибудь приспособление к своему станку, чтобы повысить производительность труда, стать тысячником. Конечно, не у каждого получалось. Здесь нужны были знания, опыт, сметка, изобретательность и горячее желание добиться успеха. Часто трудно было рабочему обойтись без инженера, техника, без их знания, совета.

Это прекрасно понял молодой инженер-конструктор М. Б. Ханин. Он работал в большой дружбе с передовиками производства, с теми, кто работал творчески, кто хотел стать в ряды тысячников. Комсомолец инженер Ханин оказал рабочим своими советами неоценимую помощь. Мало того, он предложил новый метод обработки деталей на фрезерном станке. По его методу обработка деталей производилась без остановки станка, беспрерывно. Для осуществления своего метода Ханин придумал специальное приспособление. В это приспособление закладывалось сразу 20 деталей. Вращаясь, оно подавало деталь под вращающийся набор фрез. Таким образом, обыкновенный фрезерный станок превращался в полуавтомат, на котором самую сложную работу мог выполнять даже неквалифицированный рабочий. Фрезеровщик третьего разряда Листопадов, например, пользуясь приспособлением инженера Ханина, сумел выполнить норму на 1450 процентов.

Инженер-новатор Ханин явился инициатором движения инженерно-технических работников за перевооружение станков.

Наш завод долгое время отставал, был в прорыве. В течение нескольких месяцев мы не выполняли программу. Центральный Комитет партии и правительство серьезно занимались заводом. Сменили руководство, создали условия для продуктивной работы. Дала свои результаты большая работа коллектива над тем, чтобы поднять производительность труда. И дело пошло значительно лучше. Завод начал набирать темпы и вскоре стал передовым предприятием.

Как-то пригласили меня в горком партии и попросили написать о своем методе.

— Расскажи фрезеровщикам всей страны о том, как ты работаешь, как стал тысячником,— сказали в горкоме.

Мне помогли написать одну статью, другую. Затем я выступил по радио. Писал и говорил о великом походе советских

Д. Ф. Босый, фрезеровщик, инициатор движения тысячников. Нижний Тагил. 1942 г.

людей за повышение производительности труда. Необходимо, говорил я, подчинить свою волю, свои знания, свои таланты, мысли целиком делу быстрейшего разгрома врага.

— Тысячником может стать каждый. Для этого нужно только одно — непреклонное желание и воля к победе, стремление во что бы то ни стало помочь фронту своим трудом.

В статьях я постоянно повторял то, что говорил своим товарищам на родном заводе:

— Если хочешь стать полным хозяином станка — оснасти его приспособлениями, обдумай всю свою работу.

Вскоре слово «тысячник» стало популярным на заводах, рудниках, стройках. На Урале, в Сибири, Поволжье, Казахстане, на Дальнем Востоке поднялась мощная волна нового движения за неслыханную производительность труда. Родились тысячи тысячников — смелых новаторов производства, талантливых рационализаторов, творцов современной технологии.

Насколько широко распространилось это движение, говорят цифры. На одном крупнейшем заводе в Нижнем Тагиле в марте было всего три тысячника, а уже в начале апреля их стало около шестидесяти. Более 30 тысячников появилось в апреле на предприятии, где директором был Фрезеров. Словно маяки, вспыхивали они то тут, то там.

...Слесари одного машиностроительного завода на Урале Владимир Сенько и Лев Серов были трехсотниками. А вот в апреле 1942 года каждый из них выработал по 43 с лишним нормы.

Владимиру Сенько поручили изготовить сложный штамп. На это требовалось много времени, ибо предварительная обработка штампа на фрезерном станке велась недостаточно продуманно. Коммунист Сенько, овладевший к тому времени не только слесарной, но и фрезерной специальностью, встал к станку, изменил угол резания и, работая на больших скоростях резания, дал около семи норм. Подготовив себе прекрасно отфрезерованные детали, Владимир Сенько уверенно взялся за свое основное дело — слесарное. И поскольку предварительная обработка была проведена по-новому, привычная ему слесарная обработка шла особенно хорошо. Так Сенько стал многостаночником, тысячником.

...На «Уралмаше» инициатором движения тысячников явился знатный новатор Чугунов.

— Строгать боковые стороны шаблонов будем на станке, незачем это делать вручную. Время дорого,— сказал он своим товарищам.

Лишний припуск на деталях Чугунов стал снимать на фрезерном станке. Подготавливая под закалку шаблоны, он применил способ обработки этих шаблонов партиями, а не, как раньше, каждого в отдельности. В результате работа, на которую затрачивалось раньше 64 часа, была выполнена за 4 часа.

...На совещаниях передовиков Урала можно было видеть седоусого слесаря Григория Яковлевича Лушпая и 15-летнего ученика ремесленного училища Василия Барановского.

На груди у старика сверкал орден Красной Звезды, медаль украшала блузу юного ремесленника. Это были земляки-украинцы. Сыновья Григория Яковлевича сражались на фронте, отец Барановского ушел в партизаны.

— Я стараюсь работать так, чтобы мой отец мог гордиться своим сыном. Моя выработка достигла 1000 процентов,— говорил Вася.

— Не придется краснеть сынкам за старика,— с гордостью заявлял слесарь Лушпай.— От Босого не отстану.

...Хорошо выступил по радио ученик Красноуральского ремесленного училища Леонид Потапенко. В красном уголке нашего цеха звонко разносился его молодой голос:

— 13 мая я выполнил дневное задание на тысячу процентов, а 14 мая — на 1550. За две недели мая я завершил двухмесячную программу.

...Иван Мезенин, токарь-железнодорожник, рапортовал не только о выработанных трех тысячах процентов, но и рассказывал о своих многочисленных учениках, об Алиханове и Антоновой, только недавно пришедших на завод и уже выполнявших норму на 300—500 процентов.

Фрезеровщики других заводов, познакомившись с новыми приемами, с моим методом работы, вызывали меня на соревнование. Звонили по телефону, писали, а некоторые обращались с предложением начать соревнование через газету. Так, новосибирский токарь Павел Ширшов прислал свое письмо с вызовом на соревнование в редакцию газеты «Уральский рабочий», и газета поместила это письмо на своих страницах. Я тут же ответил сибиряку. Рассказав Ширшову о работе нашего завода, о своих последних достижениях, я писал:

«Охотно принимаю твой вызов на соревнование. Будем работать так, чтобы фронт сказал спасибо! Будем передавать свой опыт отстающим рабочим, чтобы не было у нас не выполняющих норм. Будем увеличивать число двухсотников и трехсотников, потому что не одиночки-рекордсмены, а весь коллектив завода решает выполнение плана».

Узнали о моем начинании не только фрезеровщики, но и бойцы фронта. «Будем соревноваться с тобой, т. Босый,— писали воины одной части,— мы на фронте — оружием, а ты — на заводе, у станка, кто чем силен. Соревноваться так, чтобы ни один фашист не ушел с нашей земли живым».

16 мая 1942 года 600 тысячников Урала собрались в Свердловске на первое свое совещание. Любо было смотреть на этих людей — настоящих богатырей труда. Каждый из них работал за десятерых. Эти 600 человек давали столько продукции, сколько мог выпустить многотысячный коллектив большого завода.

...Вот входит в зал старик лет шестидесяти с орденом на груди. Рядом с ним — девушка, совсем молоденькая. За ними несмело переступает порог зала быстроглазый мальчик лет пятнадцати, в темной, не по росту гимнастерке ремесленника. Это

Леня Потапенко, ученик Красноуральского ремесленного училища, выступление которого передавали незадолго перед совещанием по радио. Ему бы жить еще без тревог, забот, а он поднимается на трибуну совещания, говорит:

— 14 мая я выполнил норму на 1600 процентов!

Вот они, думал я, слушая Леню, подростки военного времени.

Один за другим поднимались на трибуну богатыри Урала и рассказывали о том, как им удалось стать первыми тысячниками на своих предприятиях.

В президиуме совещания я сидел рядом с серовским металлургом. Повернулся он ко мне, улыбается.

— Ты ли это, товарищ Босый? Не подменили тебя тагильцы? Тот ведь Босый с бородой.

В ответ я только провел рукой по щеке, мол, сбрил, расстался с бородой перед отъездом на совещание.

Много у меня с ней, бородой, приключений было. Как-то случилось так, что вся работа нашего цеха срывалась из-за одной маленькой детали, которая называлась «гребенкой». Эта «гребенка» чуть не подвела завод, чуть не сорвала выполнение фронтового задания.

Начальник отделения говорит мне:

— Как ты у нас с бородой, то обязан справиться с «гребенкой».

Стали мы вместе с инженером думать, прикидывать. Подготовили все, что нужно, и я пустил станок на наивысшую скорость. За две смены завалил этими «гребенками» весь цех.

Когда я получил приглашение на совещание тысячников, решил сбрить бороду: неудобно было с бородой выступать на областном совещании. Дернуло меня сказать об этом моему другу — председателю завкома. Тот на дыбы: не смей, Димитрий, тебя весь Урал знает по газетам с бородой, а ты сбрить... Скажут, подменили.

Слушая серовского металлурга, я вспомнил председателя завкома и чуть было не рассмеялся. Волнение его оказалось не напрасным...

К этому времени относится посещение нашего завода писательницей Мариэттой Шагинян. Уральцы любили эту умную, энергичную женщину и за пламенные статьи, и за ту горячую привязанность к Уралу, которая чувствовалась в каждой ее статье, в каждом ее слове. Эвакуировавшись из Москвы, она официально жила в Свердловске, но видеть ее можно было скорее в Нижнем Тагиле, в Перми, в колхозах Южного Урала.

Везде успевала побывать эта уже немолодая женщина, чтобы рассказать о героическом труде уральцев для победы.

Я встретился с ней в завкоме. Беседа была теплой, все сынком она меня называла и писала, писала. Через несколько дней появилась статья в газете «Правда» о моей работе. Много тогда было написано о тысячниках, но такого я не читал: она сумела понять душу рабочего и раскрыть ее. Мариэтта Сергеевна нередко писала мне, спрашивала, чем живу, как работаю, делилась своими творческими планами. Газету «Литературный Урал» № 1 с надписью писательницы на первой странице «Сыночку моему, Димитрию» я берегу как дорогую память о ставшем родным мне Урале.

Весной 1942 года сообщили на завод, что за достижения в работе мне присвоено звание лауреата Государственной премии. Не думал я, что мой скромный, будничный труд заслужит такую высокую оценку.

Трудно было описать мое душевное состояние в те дни. Я считал, что высокое звание лауреата Государственной премии может быть присвоено только крупным ученым, известным артистам, писателям, музыкантам, художникам, а тут я, рабочий, удостоен этой высокой чести!..

Полный радости за такую оценку моего труда, вдохновляемый мыслью, что мой станок — это тоже оружие, грозное оружие, я с еще большим жаром взялся за работу, старался выжать из станка все, что только возможно, и даже то, что раньше считалось невозможным.

12 февраля 1943 года, в первую годовщину моих первых рекордов, я встал на фронтовую вахту в честь 25-й годовщины героической Советской Армии. В изготовленное мною многоместное копирное приспособление закладывал сразу восемь деталей — «качалок». Еще больше увеличил число оборотов станка. В эту смену я выполнил норму на 6200 процентов, изготовил деталей за 27 фрезеровщиков.

Это была моя самая высокая выработка за первый год работы по-новому. За этот год я выполнил шесть годовых норм, обучил 16 молодых рабочих, многие из которых вскоре начали выполнять нормы более чем на 200 процентов. За год работы я предложил восемь высокопроизводительных приспособлений, повышавших выработку от 10 до 40 раз, и несколько десятков более мелких приспособлений и усовершенствований.

Когда я брал от начальника смены мастера Февро чертежи новой детали, то думал не о том, как буду ее делать, а в первую очередь, в чем буду ее делать и чем. Так зарождалась мысль о

новом оригинальном приспособлении, повышающем производительность труда. А работал я всегда на трех фрезерных станках. На первом станке обрабатывал плоскости основания детали, на втором — плоскости фрезерования обеих сторон детали, а на третьем — завершал эти операции.

Так вот и работал всю войну, не считаясь с силами, думал лишь о том, чтобы приблизить час победы над лютым врагом. Часто вспоминал слова парторга Денисова о том, что станок — это тоже оружие, способное бить врага. Парторг был прав.

В. Д. СЕМКОВ

ЗВЕЗДА НАД СТАНОМ

У доски показателей хмурились металлурги: и в августе подводили прокатчики, не справлялись с планом. Уже несколько недель с начала войны не горела над станом огромная пятиконечная звезда...

Причина была всем ясна: планы выпуска продукции значительно увеличились, а станы, как и прежде, часто простаивали из-за перевалки валков. В мирное время, когда работали по-другому, на это не обращали внимания. План выполнялся, и хорошо. В дни войны — иное дело: чтобы выполнить план, очень высокий по сравнению с довоенным, нужно было работать как-то иначе, изо всех сил, совершенствовать производство.

Нельзя сказать, что прокатчики не выполняли план, работали хуже других. В те дни плохо работавших трудно было найти на заводе: война подтянула даже самых отстающих. Люди считали себя мобилизованными, фронтовиками тыла и работали действительно по-фронтовому. Но прокатчиков подводила перевалка, и тут они ничего не могли сделать. Валки — хозяйство вальцетокарного цеха. Этот цех и должен был помочь прокатчикам.

Вальцетокари, помню, не спали тогда не одну ночь: не давала покоя эта перевалка. Закроешь глаза — и ты словно в цехе: бегут по рольгангам горячие слитки, видишь озабоченные лица прокатчиков...

Еще до заводского гудка вставал я с постели, быстро одевался, наскоро завтракал и отправлялся в цех.

Оттого что звезда не светится над станом, в цехе кажется темнее обычного. Из пылающего колодца вынимают нагретый добела слиток, кладут его на массивные ролики рольганга. Обдавая жаром, металл плывет к обжимной клети, попадает в нужный калибр, или, как говорят прокатчики, ручей. Слиток снует между валков, пока не вытягивается на десяток метров в длину. Потом полукруглая полоса задается в черную клеть, затем в чистовую и вскоре отправляется по рольгангу к дисковым пилам, рассекающим ее на ровные отрезки. Зубья вгрызаются в еще горячую багровеющую сталь. Фонтан искр взлетает под крышу.

— Что так рано, Владимир Дмитриевич? — прокричит, бывало, оператор, что стоит возле стана и, как дирижер, командует руками.

В ответ только махну рукой: что, мол, спрашиваешь? Ведь знаешь! Поворачиваюсь и ухожу к себе в цех, к вальцетокарям.

Не одну неделю сидел я, углубившись в чертежи и расчеты. Сделал более десяти вариантов предложений, но ни один из них не удовлетворял меня. Все это было не то, что требовалось, не могло намного ускорить перевалку валков на станах:

У нас на Урале говорят: время и труд все перетрут. После длительного напряженного труда нужное решение было найдено. Это решение позволяло сократить расходы валков на несколько сотен тысяч рублей в год. Брак сокращался больше чем вдвое. Завод мог дополнительно прокатывать в год десятки тысяч слитков.

Закончив работу над чертежами, я уже ясно представлял, как прокатчики выйдут из прорыва. Звезда над станом снова вспыхнет ярким светом, думал, совсем по-другому загрохочут валки, быстрее пойдет прокатка.

Однако все обернулось иначе. Тогдашнее руководство прокатного цеха не отличалось смелостью, боялось риска. «Как бы не получилось хуже, как бы не сорвать выполнение плана»,— так почти всегда встречал новые предложения слишком осторожный начальник цеха. Отказался он перестроить работу станов и на основе моего нового предложения.

— Перестройка займет много времени, а у нас план,— холодно встретил меня начальник цеха.

— План, который вы постоянно не выполняете! — вскипел я.

Пришлось обратиться к общественности. Под воздействием партийной организации вальцетокарям было разрешено выточить опытную пару валков по новой схеме и установить их в обжимную клеть.

Трое суток вальцетокари не выходили из цеха. Ели у рабочих мест, спали по очереди в конторке по два-три часа в сутки. Слесари-шаблонщики умело, с точностью до десятых долей миллиметра вырезали из листовой стали фигуры последовательных превращений полосы в готовый сорт, калибры. Кузнецы изготовили резцы нового образца, точильщики заправили их. Вальцетокари выточили новые валки. Наконец, они были установлены.

Я страшно волновался. Мне казалось, что что-то упущено, что чего-то недостает в новой схеме. Еще раз проверил чертежи. Все было правильно. Утром, перед началом смены, обследовал все нагревательные колодцы, пилы. Мое волнение передалось другим вальцетокарям, и они бегали по прокатному цеху, проверяли, смотрели еще и еще раз, правильно ли установлены валки.

Наступил момент, которого мы ждали с таким нетерпением. Оператор поднял руку, слиток задали в валки. Брызнула окалина. Очищенная от тусклой корки сталь засияла, выбежав меж выходных линеек. Прокатка началась...

Вскоре стало ясно, что смена не справится с заданием. Не так-то легко освоить новое дело! Следующая смена сработала еще хуже. Люди растерялись. Раздались голоса, что предложение Семкова непригодно. Руководство цеха вынуло из обжима новые валки и поставило старые. Начали катать металл по старой схеме.

Но разве можно было останавливаться на полпути! В мирное время еще куда ни шло, а тут война, гитлеровцы рвутся к Москве, оборонные заводы требуют новых и новых высоколегированных марок сталей и профилей. И вальцетокари не сдались, не отступили. Мы были уверены в своей схеме и упорно ее отстаивали. Нас поддержали передовики прокатного цеха. В условиях войны они хотели работать по-новому, тревожились за работу цеха, который плелся в хвосте, срывал выпуск многих важных видов профилей. За нас была партийная организация завода. «Товарищи прокатчики! На вас смотрит весь завод. Зажгите звезду над станом!» — призывал лозунг, вывешенный комсомольцами над входом в прокатный цех.

Руководство завода разрешило прокатить по новой схеме еще один слиток.

— Смотри, Владимир Дмитриевич, если и на этот раз ничего не получится, больше не позволим экспериментировать,— сказал директор, подписывая распоряжение начальнику прокатного цеха.

Опытные прокатчики крупносортного стана начали да так и работали по новой схеме всю смену, намного перекрыв задание. Следующая смена работала тоже по-новому и тоже перекрыла задание. На другой день фронтовая смена превысила проектную мощность крупносортного стана почти в полтора раза. Прокатчики о такой производительности раньше и не мечтали.

В результате внедрения нового предложения расход прокатных валков уменьшился, перевалка их сократилась почти в шесть раз!

Над прокатным станом снова ярко засветилась огромная пятиконечная звезда. Над входом в цех появился лозунг: «Привет прокатчикам — фронтовикам тыла!».

...За годы Великой Отечественной войны я внедрил в производство около десятка ценных рационализаторских предложений. Помню, большой эффект дало удлинение валков 7-й клети стана «320». Около 100 тысяч рублей позволила сэкономить предложенная мной универсальная калибровка для прокатки шестигранки на стане «320». Почти столько же дало применение этой калибровки на стане «450». Более 500 тысяч рублей позволило сэкономить заводу удлинение валков 4-й клети стана «450». Способствовали увеличению выпуска заводом металла для нужд фронта и такие мои предложения, как прокатка на мертвых затворах на стане «850», отливка крупносортных валов в кокилях, удлинение валков 8-й клети стана «320», переход на прокатку из утяжеленного слитка, новая технология прокатки одного из видов круга. Внедрение моих предложений в производство дало возможность серовским металлургам сэкономить в годы войны около 5 миллионов рублей!..

— Миллионером станешь,— шутили друзья, имея в виду вознаграждения за внесенные мной предложения.

Действительно, вознаграждения были значительные. Только за одно из предложений мне причиталось получить около 20 тысяч рублей. Но я не брал этих денег. По моей просьбе они перечислялись в фонд обороны. «Металлом и рублем хочу бить гитлеровцев»,— писал я в одном из своих заявлений о перечислении денег на нужды фронта.

...Теперь за моими плечами сорокалетний стаж. Все сорок лет прошли в цехе, в котором обрабатывал валки для станов

и мой отец. Совсем юным занял я место отца у станка, и вот — сорок лет... Здесь я стал мастером, начальником цеха, старшим калибровщиком завода. В родном цехе родилось около 50 рационализаторских предложений, давших стране более 40 миллионов рублей экономии. За трудовые дела отмечен орденами, медалями.

Каждый год из сорока лет чем-то примечателен. Но особенно незабываемы военные годы. Рабочий отдавал тогда все, что имел,— силу, мастерство. Он работал сутками, творил, изобретал, экономил, делал все, что было в его силах, даже сверх сил, лишь бы помочь одолеть врага, лишь бы не угасала в цехе звезда трудовых побед.

ТРУДНЕЙШИЙ ВОПРОС

Пять братьев было у меня, и все воевали. Так же как и я. Кто — где. Федор на танке, он удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Василий — тот был у пушки. Александр испытывал на авиационном заводе моторы. Там же работал слесарем-лекальщиком Иван. Меньшой, Владимир, напильником действовал в ремесленном училище. Я работал токарем восьмого разряда на дважды орденоносном Уральском заводе тяжелого машиностроения имени Серго Орджоникидзе, в ремонтно-механическом цехе.

Весть о бандитском нападении фашистов на нашу страну поначалу поразила каждого: слишком неожиданно это было. Однако в чувство пришли быстро. Тогда засверлила мысль: а все ли мы делаем, чтобы фашиста поскорее загнать в землю?

Не все в цехе у нас вначале работали так, как нужно было тогда работать. Отставали многие юноши и женщины — те, что пришли к станку уже в дни войны. Опыта у них не было. Тогда и явилась у меня мысль — взяться за обучение новичков.

Нужно было обратиться за советом к общественности: как, мол, вы, товарищи, смотрите на это?

В цеховом комитете поддержали, сказали: давай, Павел, доброе дело затеял. На следующий день вижу в цехе призыв

висит: «Берите шефство над новичками, передавайте им свой опыт, навыки, сноровку».

Это к опытным рабочим обращался цеховой комитет. Ага, подумал, значит, попал я в самую точку, и тут же заявление написал в цехком:

«Беру на себя обязательство обучать новичков. С завтрашнего же дня начну учить токарному делу Тетюкова, недавно поступившего к нам в цех».

И принялся я за дело. Прежде всего решил Тетюкова приучить к чистоте и порядку. Каждый опытный производственник знает, что на грязном, плохо смазанном станке нельзя добиться высокой производительности труда. А если инструмент лежит несподручно, то будь ты токарем даже самой высокой квалификации, а настоящей производительности все равно не дашь.

Борис Тетюков оказался парнем живым, смышленым, но с ленцой, предпочитал все делать не спеша, в развалку. Надо было сразу же отучить его от этого, иначе толку из парня не вышло бы.

Пришлось серьезно поработать, чтобы Тетюков научился ухаживать за станком, обращаться с инструментом и бережно его хранить. Я сознательно не проявлял к нему снисходительности, не давал скидок на его неопытность. Новому рабочему надо сразу привить твердую дисциплину, чувство ответственности за порученное дело. Я смотрел за своим учеником не со стороны, а все время помогал ему, давал практические советы, наглядно показывал лучшие методы работы. Не выпускал Тетюкова из поля зрения в течение всей смены. Делать это было легко, так как рабочее место ученика было рядом. Часто оставался с ним и после работы, иногда занимаясь и до нее, бывало, использовали для учебы и обеденный перерыв.

Учеба наша подвигалась успешно. Под моим присмотром Тетюков освоил, как надо производить заточку и установку резца, как закреплять детали в патроне, познакомился с теорией резания. Через некоторое время он начал разбираться в чертежах, эскизах.

Когда Тетюков приобрел первые знания и навыки, я стал приучать его к чтению технической литературы, принес ему из цеховой библиотеки несколько популярных книжек по токарному делу.

Уже через две недели цехком проверил результаты наших совместных занятий с Тетюковым. Борис стал работать значительно лучше. На заседании цехкома старший мастер Илюхин,

который с первых же дней оказывал мне всяческую поддержку, заявил:

— Особенно ценно, что Спехов сумел за короткий срок привить Тетюкову нужные навыки по уходу за станком и инструментом. Достиг он этого потому, что все время следит за учеником, помогает ему быстрее освоить специальность.

Цеховой комитет решил провести совещание по вопросу обучения новичков, чтобы привлечь остальных старых производственников к этому делу.

На совещании, где и мне пришлось выступить, рассказать об опыте работы с Тетюковым, выяснилось, что в цехе 83 человека не выполняют норму. Все это были новички, недавно принятые на завод. Было решено серьезно взяться за обучение молодых рабочих.

Первым выразил желание последовать моему примеру токарь Кузнецов. Он заявил на собрании:

— Есть у меня на участке молодой рабочий Ячник. Нормы он не выполняет. Я берусь обучить его.

Его поддержал зуборез Мамаев.

— Для начала возьму я себе одного ученика. Дело пойдет — можно будет и нескольких выучить. Пока обязуюсь помогать молодому зуборезу Аверкиевой.

Негарев дал слово обучить новичка Нестерова, Воейков — молодого токаря Вдовина.

К этому времени Тетюков уже самостоятельно работал, и я решил взять другого ученика — Леонида Терентьева.

Терентьев сдал техминимум, уже несколько месяцев работал в цехе, а норму все не выполнял и не мог сдать пробу на разряд. Тот рабочий, к которому он был прикреплен, заболел.

— Почему у тебя дело не ладится? — спросил я Терентьева.— Парень ты молодой, здоровый, у тебя каждая работа должна в руках гореть.

— Да я думаю в другой цех податься,— ответил мне Терентьев,— не выйдет, видно, из меня токарь...

— Вот что, Леонид, давай договоримся: я тебя буду учить, но и ты со своей стороны приложи все старания. Давай будем работать вместе.

Терентьев стал моим учеником. Это было в начале 1942 года. Воспринимал он учебу медленнее, чем Тетюков, но к делу относился добросовестно, честно. Я очень привязался к этому молодому парню и от всей души радовался каждому его успеху, переживал малейшую его неудачу...

Дней через десять Терентьев говорит:

— А как мы работаем? Как заработок делить будем?

Тогда ему было всего 16 лет, недавно из деревни приехал — не понимал еще наших заводских порядков. Я объяснил ему, что все, что мы заработаем, будем распределять поразрядно.

— Если я заработаю 600 рублей, то ты — рублей 260; я заработаю 800 рублей или тысячу — твоих будет 350—400 рублей,— втолковывал я Терентьеву.

Он подумал и давай нажимать. Так я парня заинтересовал, да и сам постарался выложить перед ним все «секреты» производства, которых у меня накопилось немало за 23 года работы у станка.

И что вы думаете? Скоро настал день, когда мастер Казанцев взял деталь из рук Терентьева, посмотрел на нее внимательно и сказал:

— Не к чему придраться, сделано отлично, молодец!

Терентьев в течение четырех месяцев освоил станок, изучил настройку его, начал совершенно самостоятельно выполнять сложные работы третьего-четвертого разрядов. Давал не меньше 160—180 процентов нормы. С 1 июля Терентьеву дали третий разряд.

Как-то дали ему пробу — сделать винт. Винт нормируют четвертым разрядом. Он сделал. Потом он сделал гайку к этому винту, сам подобрал резец и прекрасно нарезал...

Потом взялся я обучать Калмыкова. Парень он молодой, ему только шестнадцатый пошел. И он сдал техминимум, но нормы не выполнял. В первую же смену я заготовил ему инструмент, дал четыре детали — бегунки для кранбалки, показал, как делать. Не забыл объяснить чертеж, показал, каким резцом обрабатывать деталь,— там требовались фасонные резцы. Одну деталь он сделал под моим присмотром. Со второй уже сам справился и даже расточил отверстие по калибру. Потом третью и четвертую детали сделал. В первый день дал 60—70 процентов нормы, на следующий день — 100 процентов, а когда работал один, с трудом вырабатывал 40 процентов, самое большее — 50 процентов нормы.

Прошло еще несколько дней — вижу, растет мой ученик. Тогда поручил ему более сложную работу — делать двойные звездочки. Дал инструктаж, подбросил заготовку. И только помог сделать резцы для чистой обработки, а остальное пошло как по маслу.

Я старался передать своим ученикам не одни лишь производственные «секреты», но и годами накопленные навыки. Длинные тонкие валы у нас обрабатывались обычно проходным

резцом. Я же применял для этой работы подрезные резцы и достигал более высокой производительности труда. Так же начали делать и некоторые мои ученики: Чистяков, Агалахова, Лепехина, Дрягин.

К лету 1942 года опытных рабочих на заводе стало совсем мало — ушли на фронт. Их место заняли девочки с тоненькими косичками да возмужалые парнишки, прямо со школьной скамьи в цех пришли. Что тут делать будешь?

Опытных рабочих для обучения каждого подростка в отдельности не хватало. Да и время не ждало: станки должны были работать.

В те дни появилась у меня новая мысль. С ней пошел в цехком, прямо к председателю.

— Мне бы еще двух-трех учеников сразу, понимаете? — говорю и боюсь, что не поймут.

— Так больше новичков подготовлю, больно их много теперь в цехе. Первые мои ученики техминимум кончали, а эти-то прямо из школы. Если дадите мне трех учеников, да другому, третьему, то можно быстро этих ребят к делу приспособить...

Председатель цехкома выслушал меня до конца, потом поднялся. Ну, думаю, не согласится, не поддержит мою новую мысль. Прошелся он раз-другой по комнате и остановился передо мной. Тяжелую рабочую руку на плечо положил и сказал:

— Пойдем в партком, кажется, ты здорово придумал.

В парткоме не только поддержали, но даже предложили мне организовать стахановскую школу для молодых токарей.

Начались у меня горячие дни. Ночью думал, как лучше наладить это дело, а с утра со старшим технологом Авериным двигали его. Особенно трудно было составить программу занятий. Старались не увлекаться количеством вопросов, но думали и над тем, чтобы чего-то не упустить. Оставили в программе только то, без чего токарь никак не мог обойтись. Как было, например, не рассказать об организации рабочего места, не научить устанавливать деталь на станок? Нельзя токарю не уметь заточить резец, установить его. Или какой же это токарь, который не обработает конус? Нужно знать ему хотя бы в самых общих чертах теорию резания металла, уметь пользоваться измерительным инструментом.

К занятиям в школе я каждый раз усиленно готовился, возобновлял в памяти прочитанное, подбирал чертежи, примеры из производственной практики. Нелегко мне это давалось — какой же из меня лектор? Теоретические занятия проводили в красном уголке, практические — в цехе, у станка. Особенно я

старался рассказать моим ученикам то, чего они не могли прочитать в книгах, что почерпнуто из многолетнего опыта.

Когда первая стахановская школа закончила свою работу, результаты учебы были обсуждены на собраниях; о нашем опыте рассказывалось в стенных газетах, листовках, на страницах заводской многотиражки. Польза от этого дела была, конечно, большая: за две недели школа подготовила сразу полтора десятка квалифицированных рабочих!

Радостно было наблюдать, как успешно шли дела у моих учеников. Можно сказать, прекрасно работали Кузнецова, Мамаева, Негарева и другие. На глазах росли молодые рабочие, приобретали умение, навыки, становились передовыми рабочими, хотя им было тогда по 16—17 лет.

Дело, которое мы начали, нашло горячую поддержку и среди инженерно-технических работников нашего цеха. Первым откликнулся мастер Мерзляков. В его смене работала одна только молодежь. Новички Осолодков, Муратов, Брянцев, Шаврин, Яковлев, Стихин выполняли нормы на 50—60 процентов. И вот Мерзляков стал обучать новичков. Результаты этой учебы оказались весьма плодотворными. Новые рабочие, которые две-три недели назад не справлялись с нормами, стали перевыполнять их. У меня сохранилась копия приказа начальника цеха от 1 июня 1942 года. В нем сказано, что по результатам работы за май надлежит повысить в разрядах молодых станочников, которые выполняли работу по повышенному разряду и давали хорошее качество продукции. Здесь названы фамилии новичков: Осолодкова, Муратова, Брянцева, Шаврина, Яковлева, Стихина. Всем им был присвоен четвертый разряд.

В результате такой вот работы с новичками наш цех в мае перевыполнил план на 200 процентов. Добились мы выполнения нормы всеми новыми рабочими и справились досрочно с полугодовой программой.

Стали обучать новичков и кадровые рабочие в других цехах. Помню, к концу 1942 года свыше 200 рабочих завода взяли индивидуальное шефство над новичками. Сотни мастеров высокой производительности труда руководили стахановскими школами, в которых за короткое время обучилось 1400 новых рабочих.

Я лично подготовил за время войны свыше 50 новичков. Каждому из них внушал: приступая к работе, думай, как скорее, проще и лучше обработать деталь, вводи новую технику, не останавливайся на достигнутом.

Радостно было наблюдать, как с каждым днем ученики все увереннее подходят к станку, как с каждым днем проворнее

работают их руки, как все больше и больше дают они стране, фронту продукции. Помогая молодым рабочим быстрее освоить свое дело, мы, старые производственники, выполняли свой долг. Мы знали, что, если придется уйти опытному рабочему на фронт, его есть кому заменить. И станки не стояли, давали фронту необходимую продукцию.

Говорят, у нового — крылья птицы. Наше начинание быстро распространилось по всем заводам страны, и движение за подготовку новых кадров стало массовым. Сколько тысяч молодых рабочих было обучено в стране таким вот образом, не знаю, думаю, что очень много.

За это дело, за подготовку молодых рабочих, ну, конечно, и за высокую производительность труда я орден получил, орден Ленина.

Часто думаю, вспоминая те дни, что если бы мы пустили это дело на самотек, если бы каждый молодой рабочий получал квалификацию сам по себе, то, чувствую, из этого мало было бы пользы. Только у нас, в Советской стране, не допустили бы этого.

Поэтому моя заслуга в этом деле невелика. Что я? Один в поле не воин. Тут партия поработала — вот чья заслуга в этом. Благодаря ее заботам труднейший вопрос военных дней — вопрос кадров был решен. Успешно решен.

М. М. ОВЧИННИКОВ

ЗАВОД — ВОИН

ГРОЗНЫЕ ДНИ

На бронзовой мемориальной доске, укрепленной на стене дома, где помещается партийный комитет, вычеканено:

«В этом здании в первые дни Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. формировалась Кировская дивизия, принимавшая участие в отражении фашистских войск на дальних подступах к Ленинграду».

Сразу же, как только началась война, сюда, в партком, хлынул поток заявлений от коммунистов и беспартийных с настойчивой просьбой отправить их добровольцами на фронт. Поступило пятнадцать тысяч заявлений!..

Вечером 10 июля 1941 года Нарвская застава провожала ополченцев на фронт. Рядом с бойцами шли их родные и близкие. В одном строю вместе с убеленными сединами участниками гражданской войны, снова взявшими в руки оружие,— И. С. Глазковым, А. С. Рыбаковым, В. О. Цилосани шагала безусая молодежь. Это были девятнадцатилетний токарь Володя Окунев, младший сын Цилосани — Игорь, ученики подшефного заводу ремесленного училища Виктор Бастов и Василий Забелин, жестянщик Алексей Мальков и другие молодые патриоты. Во главе колонны ополченцы несли заводское знамя...

Рабочие места тех, кто ушел в народное ополчение и в кадровые части Советской Армии, заняли их родные — матери, жены, сестры, младшие братья.

Это были люди, никогда не стоявшие у станка, совершенно не знакомые с производством, подчас не имевшие никакой специальности. Новым рабочим нужно было дать профессиональные навыки, приобщить их к жизни коллектива.

Большую помощь в этом деле оказали кадровые производственники. Некоторые из них незадолго до войны ушли на пенсию, но, как только над Родиной нависла грозная опасность, они возвратились на завод.

Первым вернулся замечательный путиловский умелец, семидесятилетний кузнец Иван Николаевич Бобин, награжденный за свой многолетний труд на заводе орденом Трудового Красного Знамени. Его примеру последовали старейший прокатчик Тимофей Иванович Иванов, опытный слесарь Иван Севастьянович Пегов и другие пенсионеры.

Приходили старики на завод и удивлялись — так он преобразился. Повсюду были вырыты траншеи и щели укрытия, возведены баррикады, доты и дзоты. Стены и крыши цехов покрыла причудливая маскировка.

На заводском дворе в те дни можно было наблюдать такую картину. Одну из просторных площадей в обеденный перерыв заполнили сотни рабочих и служащих. У всех через плечо сумки с противогазами.

— Прошу желающих принять участие в показательном обезвреживании зажигательных бомб,— говорит инструктор МПВО.

Охотников находится много. Одна из работниц берет в руки щипцы и смело бросает дымящуюся бомбу в кучу песку. Пожилой рабочий вытаскивает ее оттуда и быстро опускает в бочку с водой. Люди воочию убеждаются, что при умении и сноровке можно легко обезвредить вражескую «зажигалку».

Занятия внезапно прекращаются... Протяжно звучит сигнал воздушной тревоги — это фашистские стервятники вновь пытаются прорваться к городу. Заводской двор мгновенно пустеет. На крыши цехов поднимаются бойцы пожарных команд. В боевую готовность приводятся звенья медико-санитарных дружин.

Короткое время обеденного перерыва истекло, люди занимают свои места у станков.

Основным заданием, порученным партией и правительством коллективу завода, было тогда обеспечение массового выпуска боевых машин. Эти могучие машины, вызывавшие в стане врага смятение и панику, пользовались большим уважением у бойцов.

Прием авиабомб, изготовленных одним из сибирских заводов сверх плана. 1944 г.

29 июня 1941 года на завод пришло письмо от начальника Главного управления бронетанковых войск Советской Армии генерал-лейтенанта Я. Н. Федоренко. Он сообщил, что фронт остро нуждается в еще большем количестве боевых машин, и от имени советских бронетанковых сил просил коллектив сделать все возможное для ускоренного их выпуска.

Под строгий контроль коммунистов была взята работа всех цехов и отделов, связанных с выполнением этого ответственного задания. И они добились поставленной цели. Цикл сборки каждой машины был сокращен почти на 10 часов.

Такую же оперативность проявили коммунисты и когда вскоре было получено новое задание — наладить массовое производство одного из видов мощного оружия.

Партийный комитет принял тогда решение срочно создать салазочный участок — фактически крупный цех специального профиля. На организацию участка были посланы сотни рабочих, инженеров и техников. Работа здесь кипела день и ночь. Многие, чтобы сберечь время и не тратить его на поездку с завода домой и обратно, перешли на казарменное положение. По мере вступления в строй станков, сразу же после их наладки, к ним

подходили рабочие и приступали к изготовлению деталей. Не прошло и месяца со дня начала монтажных работ, как салазочный участок был полностью сдан в эксплуатацию.

В это время по решению правительства часть важного заводского оборудования была эвакуирована в глубокий тыл. В тех же эшелонах вывозилась не завершенная производством продукция. К месту новой работы на Урал уехали три тысячи высококвалифицированных рабочих, инженеров и техников. Два последних эшелона отбыли 18 и 19 августа.

В последних числах этого месяца гитлеровцы овладели станцией Мга, Октябрьской железной дороги, перерезали последнюю магистраль, связывавшую Ленинград со страной.

Началась блокада...

«ЗА КИРОВСКИЙ ЗАВОД — ОГОНЬ!..»

13 сентября 1941 года, не помню в котором часу, послышался свист, а потом взрыв. Потом еще и еще. Сомнений не было: фашисты били по нашему заводу из пушек. Пролилась кровь первых жертв...

Сколько раз после этого [1] в слитный гул работающих цехов внезапно врывался грохот разорвавшегося снаряда, с пронзительным свистом летели осколки, все кругом заволакивалось удушливым дымом. Обливаясь кровью, сдерживая стоны, люди падали возле станков, как бойцы возле своих орудий.

Когда враг подошел к городу, старые путиловцы — Б. П. Казаков, А. К. Мирошников, И. Е. Блинов, А. Н. Корпусова и другие ветераны труда — обратились через газету «На защиту Ленинграда» к воинам Советской Армии.

«Помните,— писали они,— что нет в мире такой силы, которая бы заставила нас, путиловцев-кировцев, заколебаться, мы плавим сталь, и мы тверды как сталь.

Боролись мы с царем и капиталистами — сломали их, боролись мы с белыми генералами и интервентами — сломали их, боролись мы с разрухой и голодом — сломали их. Неужели ослабли наши рабочие руки, забыли мы свое героическое прошлое? Нет, никогда не были так могучи мы, как сейчас, силой и ненавистью к врагу... Побеждает тот, кто презирает смерть, кто не знает страха, кто сквозь огонь неудержимо идет вперед».

[1] За время блокады Ленинграда гитлеровцы обрушили на Кировский завод 4423 снаряда, сбросили 78 фугасных бомб, не считая зажигательных.— *Ред.*

Из траншей переднего края были видны трубы и корпуса Кировского завода. Бойцы знали: если понадобится выполнить для них срочный заказ, там, на заводе, не подведут.

Так оно и было. Инженеры и конструкторы помогали бойцам строить укрепления, во фронтовой обстановке проверяли боевые качества создаваемого ими оружия и затем вносили необходимые усовершенствования. Слесари-сборщики выезжали на передовую и под огнем врага тут же, на поле боя, ремонтировали поврежденные танки и пушки.

Рассказывали, что старший сержант Примаков, побывав на заводе, принес на свою батарею поднятый в одном из цехов снарядный осколок.

— Видите, ребята? — сказал он.— Там этих осколков столько, что и не сосчитаешь. На каждом шагу можно найти. Вчера опять досталось заводу. А люди работают, как в бою.

И когда на батарею пришел приказ, у орудий раздалась команда:

— За Кировский завод — огонь!

СТАЛЬНАЯ ВЫДЕРЖКА

Суровой была первая блокадная зима в Ленинграде.

На заводском дворе лежали глубокие сугробы, с крыш цехов свисали ледяные наросты. Настороженную тишину нарушали доносившиеся с переднего края и уже ставшие привычными звуки коротких пулеметных очередей, глухой гул артиллерийской стрельбы... То тут, то там можно было видеть в стенах зданий зияющие провалы — следы варварских обстрелов и бомбежек.

В блокадном дневнике работника завода Н. А. Балясникова сохранились такие записи:

«30 ноября 1941 года. Когда возвращался из города на завод, недалеко разорвалось два или три снаряда... Вчера встретил Гусева. Он ранен, взрывной волной его отбросило, ударило о камни. Повреждена нога. Остальное, как он говорит, «все в порядке». Так вот и живем. Одним словом — город-фронт.

5 декабря. Обедал вчера в четыре часа, а сейчас уже около пяти, и у меня ни крошки во рту не было. Работаю через силу. Голова кружится. Но надо удержаться, не сдаваться.

25 декабря. Сегодня увеличили хлебную норму: служащие получают теперь вместо 125 граммов — 200, рабочие вместо 250 — 350 граммов. Это вызвало у всех большую радость».

Прибавка хлебного пайка, улучшение питания населения стали возможными благодаря тому, что осажденному городу помогала вся страна.

Помощь в основном шла по узкой дороге, проложенной по льду Ладожского озера, связывавшей Ленинград с Большой землей. От этой ледовой трассы, названной ленинградцами «Дорогой жизни», зависело бесперебойное снабжение города и его фронта самым необходимым.

В строительстве и обслуживании легендарной трассы активное участие приняли и кировцы.

Среди посланных на трассу коммунистов-кировцев был бывший красногвардеец, участник штурма Зимнего дворца и обороны красного Питера от банд Юденича Александр Карпович Мирошников.

Как отличный знаток и организатор производства, он задолго до войны был выдвинут на должность руководителя внутризаводского транспорта. На Ладоге кадровый путиловец-кировец смело и бесстрашно водил с группой товарищей груженные топливом железнодорожные составы. Ночью и днем, в жгучие сорокаградусные морозы, в пургу и бураны доставлял он нужные грузы героическим ленинградцам. Не раз попадал он под ожесточенные обстрелы и бомбежки, особенно в тяжелые январские дни 1943 года, когда шла яростная битва за узкую, идущую вдоль Ладожского озера полоску земли. Только после полученной здесь тяжелой контузии Александр Карпович оставил порученный ему партией ответственный пост...

Одним из тех, кто приумножал славу завода в эти невероятно трудные дни, был и квалифицированный слесарь коммунист Петр Александрович Зайченко, награжденный тогда орденом «Знак почета», а сейчас являющийся инструктором внедрения передовых методов труда на участках.

Этой награды он был удостоен по праву.

Вспоминается холодный, полутемный цех. При свете факела, который держит подручный Володя Маликов, Зайченко, не спавший двое суток, ремонтирует танковый мотор. Его руки, руки опытного мастера, закоченели, от каждого прикосновения к металлу сводит пальцы. Но задание срочное. Бойцы, прибывшие с фронта в поврежденном танке, стоят тут же. Они тоже не спали — они были в бою. Зайченко это знает, надо торопиться. Обогрев руки у пламени факела, он снова берется за инструмент и через полчаса заканчивает ремонт...

А как не вспомнить здесь имени бригадира сборщиков Федора Васильевича Задворного!

Ослабевшего от истощения старого мастера врачи уговорили отлежаться дома, выписали ему бюллетень. Но, узнав от навестивших его товарищей, что в цех для ремонта прибыли с фронта боевые машины, он взволновался, собрал остатки сил и с помощью тех же товарищей пришел на участок. Здесь, сидя в кресле из цеховой конторы, он руководил сложным ремонтом, давал необходимые указания и советы. Но старику не терпелось самому осмотреть поврежденную башню.

— Вот что, ребята,— наконец сказал он,— взобраться к вам на верхотуру у меня не хватит силенок. Давайте-ка поднимите меня на башню. Веселее дело пойдет!

Сборщики не посмели отказать своему бригадиру. Они тут же придумали хитроумное приспособление. Кресло, в котором сидел Задворный, с помощью подъемного крана, хотя это и противоречило правилам техники безопасности, было поднято на уровень башни, и, действительно, дело в руках у ремонтников сразу стало спориться — ведь рядом с ними был такой опытный мастер, как Федор Васильевич...

Одной из жертв первой блокадной зимы был старый мастер Дмитрий Степанович Зайцев, проработавший на заводе почти пятьдесят лет. Окончательно ослабевший от недоедания, морозным зимним утром он все же, как обычно, отправился на работу. Трамваи не ходили, а путь был не близкий.

Почти подойдя к дверям своего цеха, он упал, несколько метров преодолел ползком и потерял сознание. Его подняли, уложили на узкую скамейку. Дмитрий Степанович открыл глаза и едва слышно произнес:

— Братцы, друзья мои, крепитесь, не сдавайте города. Мы сильнее фашистов! Мы их все равно одолеем!

Через несколько дней он умер. Но свою твердую уверенность в разгроме врага ветеран труда передал своим детям — коммунистам Александру, Павлу, Надежде, воевавшим на фронте, и Вере, продолжавшей трудиться на производстве...

Именно в эту грозную пору родилась трудовая слава знатного фрезеровщика Евгения Францевича Савича, ныне продолжающего успешно трудиться на нашем заводе.

Вместе со старыми производственниками он неделями не покидал родной цех. В лютую стужу слабеющий от голода Савич нередко сутками простаивал у своего станка: фронт требовал выполнения срочных заказов. В цеховом же бомбоубежище под грохот фашистских снарядов, рвавшихся на заводской территории, Евгения Францевича приняли в ряды Коммунистической партии.

Именно тогда Евгений Савич и стал на путь неутомимого новаторства и дерзания. В цехе не хватало рабочих рук — и сын потомственного путиловца, активного участника революционных событий Франца Матвеевича Савича, решил работать одновременно на нескольких станках. Пытливый, любознательный юноша успешно освоил семь различных производственных профессий и в совершенстве овладел ими.

Евгений Савич был в числе группы кировцев, которые в начале ноября 1942 года, в канун празднования 25-й годовщины Великого Октября, были на беседе в Смольном.

Теплой и задушевной была эта беседа. Нас расспрашивали о делах коллектива, о том, где укрываются рабочие во время обстрелов и воздушных налетов, как организовано питание, что делается для облегчения труда женщин и подростков. Внимательно выслушали рассказ Евгения Савича о себе и своих товарищах по цеху, его обещание и впредь трудиться, как подобает коммунисту.

...Взволнованные и окрыленные спускались кировцы по каменным ступеням штаба Великого Октября — Смольного, ставшего теперь штабом обороны города Ленина. Как и тогда, четверть века назад, с Балтики налетел холодный ветер, в темном осеннем небе шарил тревожный луч прожектора.

НАША БОЕВАЯ МОЛОДЕЖЬ

Много благородных патриотических дел совершили тогда комсомольцы завода. Молодых энтузиастов, в буквальном смысле слова, касалось все.

Именно наша комсомолия выступила инициатором ремонта трофейного оружия и боевой техники в свободное от работы время.

Как родился этот почин?

Летом сорок первого года среди трофейного вооружения, захваченного на Ленинградском фронте и выставленного на площади у Кировского райсовета, комсомольцы механического цеха обратили внимание на бронемашину с фашистской свастикой на борту. От прямого попадания снаряда у нее были повреждены гусеницы.

— Давайте отремонтируем ее и пошлем опять на фронт. Пусть повоюет, но уж теперь против гитлеровцев! — предложил кто-то из комсомольцев.

Мысль понравилась. Исковерканную бронемашину доставили на завод, общими усилиями приступили к ее ремонту, и дело увенчалось успехом! Спустя три недели через городской комитет комсомола отремонтированная бронемашина была в торжественной обстановке передана воинам Ленинградского фронта. На ее борту было написано: «Трофейный броневик. Отремонтирован комсомольцами и несоюзной молодежью во внеурочное время». С этого и началось массовое движение за ремонт трофейной техники и оружия.

В тяжелых условиях блокады комсомольцы взяли шефство над детским домом, где воспитывались малыши, родители которых погибли или находились на казарменном положении, и детский дом стал лучшим в городе.

В подшефных домохозяйствах, на квартирах больных, ослабевших от голода людей комсомольцы организовали дежурства, убирали их комнаты, приносили дрова и воду, выкупали по карточкам продукты. Вместе с профсоюзной организацией они собирали подарки для фронтовиков и помогали семьям бойцов, проводили в цехах рейды по проверке правильного расходования электроэнергии. На лесозаготовках и торфоразработках, в подсобных хозяйствах, где выращивались овощи для заводских столовых, комсомол был тоже всегда впереди.

Весной 1942 года комсомольцы первыми выступили в поход за чистоту. Тогда это имело огромное значение. Ведь в только что пережитую суровую зиму было не до уборки снега и льда. Некоторые улицы и переулки, особенно те, где при бомбежках и обстрелах был поврежден водопровод, покрылись толстой ледяной коркой. А как были загрязнены дворы! С наступлением теплых дней в городе могли вспыхнуть эпидемические заболевания.

Нелегкая была задача! Но комсомольцы с молодым задором принялись за дело и своим примером увлекли остальных.

Трудно в нескольких словах рассказать о том вкладе, который внесли в оборону Ленинграда комсомольско-молодежные бригады и смены, руководимые Фросей Фроленковой, Марусей Забирохиной, Натой Калятиной, Сашей Логовским, Ниной Солдатовой и другими отважными комсомольцами Кировского завода.

Этим бригадам и сменам за их трудовые подвиги по праву было присвоено звание фронтовых. Назывались они еще бригадами и сменами «мстителей». Побеждать не числом, а уменьем, трудом, мстить врагу за кровь ленинградцев — таков был девиз молодых патриотов.

Партийный комитет в июне 1942 года горячо одобрил инициативу комсомольской организации об открытии участникам социалистического соревнования лицевых счетов.

Как на фронте в лицевые счета летчиков, снайперов, артиллеристов заносилось количество истребленных ими фашистов, так и здесь, на заводе-воине, в лицевые счета производственников записывалась продукция, сделанная их руками сверх плана. Партком рекомендовал комитету ВЛКСМ и завкому профсоюза широко распространить эту подсказанную жизнью фронтового города замечательную форму соревнования во всех цехах, среди всех производственников.

А как работали наши ремесленники? Все стекла в окнах здания, где находилось заводское ремесленное училище, были выбиты и заменены фанерными листами, во многих местах разрушены стены, повреждены коммуникации. Но ребята не падали духом.

За самоотверженную работу в мастерских и цехах завода, за участие в сооружении оборонительных рубежей, за борьбу с последствиями обстрелов и пожаров воспитанники нашего училища получили от военного командования не одну благодарность. Достаточно назвать лишь цифру: к 17 декабря 1941 года мастерскими училища было выпущено оборонной продукции на два с половиной миллиона рублей!

Только голод и холод заставили на время прервать планомерную работу училища. Многие ремесленники ослабли, стали болеть, часть из них эвакуировали, других положили на излечение в стационары. Остальные перешли на завод и, разделяя вместе со всеми кировцами лишения и испытания блокады, под руководством старших товарищей заканчивали здесь курс профессионального обучения.

«ЗАВОЕВАННАЯ И НАМИ ПОБЕДА...»

...18 января 1943 года блокáда была прорвана.

Эта волнующая весть мгновенно облетела все цехи, где работала ночная смена. Кировцы поздравляли друг друга, не стыдясь радостных слез, горячо обнимались.

Рано утром на стыке цехов состоялся митинг. Торжественно прозвучали заключительные слова единогласно принятой резолюции:

«В ответ на блестящую победу под Ленинградом мы даем клятву — удесятерить свои усилия для помощи фронту, выпу-

скать еще больше продукции, чтобы приблизить час окончательного разгрома врага!»

Узнав о прорыве блокады, одна из лучших работниц механического цеха Ануфриева, заступив в ту ночь на смену, сняла со станка не 150, а 200 штук трудоемких деталей.

100 процентов сменного задания выполнил в эти дни молодой литейщик кандидат в члены партии Андрей Кузнецов.

300 с лишним процентов нормы — таков был ответ на победу войск фрезеровщика Евгения Савича...

В результате прорыва вражеской блокады, несмотря на продолжавшиеся артиллерийские обстрелы и бомбежки, условия жизни в осажденном городе заметно изменились. В короткие сроки на узкой полоске отвоеванной у врага земли была построена железная дорога. Это дало возможность улучшить снабжение ленинградских предприятий сырьем и топливом, увеличить нормы выдачи продуктов.

Завод оживал, набирался сил...

Памятен вечер 27 января 1944 года. Как и все ленинградцы, кировцы слушали по радио приказ Военного совета Ленинградского фронта:

«...Граждане Ленинграда!

Мужественные и стойкие ленинградцы! Вместе с войсками Ленинградского фронта вы отстояли наш родной город. Своим героическим трудом и стальной выдержкой, преодолевая все трудности и мучения блокады, вы ковали оружие победы над врагом, отдавая для дела победы все свои силы.

От имени войск Ленинградского фронта поздравляю вас со знаменательным днем великой победы под Ленинградом!..»

Как только смолкло радио, привычный сумрак по-военному затемненного города был разорван сотнями огней. В небо взвились ослепительные ракеты. Воздух потряс грохот салюта из трехсот двадцати четырех орудий. Это Родина извещала весь мир об исторической победе — о полном освобождении Ленинграда от вражеской блокады!

Многие из нас, находившиеся в тот незабываемый вечер на заводе, наблюдали победный салют с крыш цехов и других зданий. Зачарованные сказочным зрелищем, мы не могли оторвать восхищенных глаз от величественной панорамы любимого города, вместе с которым пережили девятьсот дней беспримерной обороны.

При каждом новом залпе салюта трепетно вздрагивали людские сердца: вот она, желанная, завоеванная и нами победа!

Город Ленина победил!

КОГДА ВОЙНА ПРИШЛА НА ИЖОРУ

В транспортном цехе, где я работал, было созвано внеочередное партийное собрание. Повестка дня короткая: «О подготовке к защите города». Секретарь партбюро Барканов был немногословен.

— Военная гроза вплотную надвигается на нас. Ижорцы должны быть готовы взять в руки оружие. Предстоит смертельная схватка с врагом. По решению райкома партии в Колпине формируются истребительные батальоны. Запись в них — добровольная. Кто первый?..

Несколько мгновений стояла напряженная тишина. Резко поднялся с места диспетчер Витман:

— Я готов. Записывай!..

Потом встали сразу трое: начальник смены Петров, молодые техники Михайлов и Губерниев.

— Записывай!..

Всего месяц назад, 20 июня, получил я партийный билет и теперь гордился тем, что в числе первых мог откликнуться на призыв партии. Двое моих братьев: Сергей — слесарь-водопроводчик и Григорий — грузчик — уже ушли на фронт. В Колпине оставалось еще двое братьев. Старший, Алексей, работал мастером в термическом, младший, Владимир,— учеником слесаря в железнодорожном цехе.

Наш 72-й истребительный батальон, один из четырех в городе, спешно обучался военному делу. Днем работали, а после смены, едва перекусив, шли на сборный пункт. Занимались до 10—11 часов вечера. Пот катился градом, ноги гудели и подгибались от усталости, а мы окапывались, разбирали и вновь собирали пулеметы, винтовки. Понимали, что знание военного дела может пригодиться в любую минуту.

С каждым днем обстановка становилась все тревожнее. В середине августа уже был слышен далекий гул, на ночном горизонте отсвечивались пожары.

Получили команду: «Оружие всегда иметь при себе!».

На заводе шло формирование рабочего батальона, которому предстояло принять на себя удар гитлеровцев при подходе их к Колпину. Старший мой брат — Алексей ушел в батальон в числе первых. Я тоже решил подать заявление и, не откладывая, пришел к начальнику цеха Бессонову.

— Отпустите меня в рабочий батальон. Нельзя больше ждать, фашисты рядом.

— А кто на заводе останется? Я один, что ли? — встретил резко начальник.

Днями и ночами пропадали мы в своем железнодорожном цехе. Заводские ворота в эти дни не закрывались. Шли платформы с котлами и трубами ТЭЦ, с крупными станками. В Ленинград, на один из заводов, отправляли трубопрокатный стан.

Все меньше людей оставалось на заводе. А те, кто стоял у станков, работали за пятерых, десятерых. Работали и токарями, и наладчиками, и слесарями. Винтовки стояли в пирамиде тут же, прямо у станков.

Ранним утром 29 августа на город и завод обрушился град артиллерийских снарядов. Коршунами заметались черные тени фашистских стервятников. Сотни раненых и убитых рабочих и жителей города подобрали в этот день отважные девушки-дружинницы на улицах, в цехах завода, в развалинах домов.

Вместе с сильно поредевшими в жарких боях воинскими частями Ижорский рабочий батальон принял грудью яростный натиск фашистов, подошедших вплотную к Колпину. Светлые воды Ижоры окрасились первой кровью...

Три недели гитлеровцы непрерывно штурмовали колпинские рубежи. В одно время им удалось подойти почти вплотную к заводу, но контрударами ижорцы оттеснили врага на его старые позиции. У батальона не стало тыла: орудия гитлеровцев простреливали все мало-мальски значительные дороги, улицы,

перекрестки. Открытая со стороны реки главная магистраль, соединяющая восточную и западную части города, была у врага как на ладони. Стоило на ней появиться группе людей или машине — сейчас же сюда сыпались снаряды. Вода в реке у этого «перешейка смерти» буквально вскипала.

Во время затишья часть ижорцев возвращалась на завод и работала. Снова гудели станки, слепила глаза сварка. Рабочие разыскивали в цехах, на заводском дворе листы знаменитой ижорской брони, резали ее и отправляли на позиции для укреплений. А транспортники в это время вывозили в Ленинград запас топлива — уголь, нефть. Слесари и паровозные машинисты под руководством начальника службы тяги завода Е. Е. Раевского между боями сооружали бронепоезд. Они выбрали самый лучший паровоз, несколько платформ и обшили броней, благо у нас ее было много. Вскоре бронепоезд вышел на заводские пути. Старшим машинистом на нем всю войну прошел Раевский. Он водил эту грозную боевую машину, вооруженную морскими орудиями, по многим участкам Ленинградского фронта, жестоко круша окопавшихся гитлеровцев.

В один из дней вражеский снаряд пробил крышу цеха и разорвался. Токарь Иванов был ранен осколком в ногу, но он ничего не сказал об этом товарищам. Замотав рану тряпкой, стоял у станка до тех пор, пока не обработал всю порученную ему партию корпусов снарядов.

Слесари, жестянщики, медники делали печки-«буржуйки» для землянок, ремонтировали пулеметы, изготавливали некоторые части для ракетных снарядов. Поработав четыре-пять дней, люди снова уходили в окопы.

К декабрю 1941 года гитлеровцы затихли, закопались глубоко в землю. Но их батареи непрерывно вели огонь по нашему городу и заводу. Ижорцы тоже надежно укрепились. Взвод, в котором я сражался, вкопал около путей старенький танк, накрыл его с боков толстой броней. Каждый из нас имел винтовку, патроны, по нескольку «лимонок». Но сидеть в этом «доте» было невмоготу: мы оказались вроде бы не у дел — не работаем и не воюем.

Очень трудно было с боеприпасами, недоставало и оружия. Бойцы-ижорцы получали скудный паек. И тот нужно было делить. У многих в Колпине остались семьи, которые нуждались еще больше. Мы отрывали крохи от пайков и в часы передышек относили их в город, родным.

Недолго побыл я на передовой. В числе тринадцати бойцов меня послали на завод, где формировалась броневая рота ба-

тальона. Командиром ее стал начальник смены листопрокатного цеха Черпенко, комиссаром — механик Белозеров.

Меня назначили командиром одного из броневиков. На передовую машины уходили группами, у каждой группы был свой район обороны. Нашему дивизиону поручено было оборонять участок от Московского шоссе у Красного Бора до Октябрьской магистрали.

Вскоре бронеавтомашины были взяты от нас на другие участки фронта. Мне поручили командовать расчетом противотанкового орудия. Командиром взвода был ижорец прокатчик Гижевский.

В случае необходимости взвод должен был до последней возможности защищать город и заводские ворота. Мы закопали наши пушки в землю, оборудовали крепкие огневые точки. Воспользовались для этого паровым краном, работавшим неподалеку на территории завода. И вообще заводские транспортники очень много помогали бойцам-ижорцам при переброске вооружения, боеприпасов, материалов для сооружения огневых точек. Паровые краны, автомашины сослужили тогда добрую службу.

В 1944 году, в один из морозных дней января, наша артиллерия открыла ураганный огонь по позициям гитлеровцев. Взревели над нашими головами краснозвездные штурмовики и бомбардировщики. Загудела, заколыхалась земля под ногами. Начался бой за изгнание проклятых фашистов с ижорской земли, за снятие блокады Ленинграда. Наша «сорокапятка» палила на радостях без цели, просто «за компанию». Теперь-то снарядов у нас было достаточно.

Ижорский рабочий батальон пошел в наступление. Ребята из моего расчета тоже рвались в бой, а приказа снимать точку не было. Тогда они ухитрились уйти от меня в минометные расчеты. Не смея покинуть закопанную пушку без приказа, я остался один. Рвал и метал, но ничего сделать не мог. Начальник рубежа Гижевский организовал наконец отправку на завод всего того имущества, которое могло только помешать в наступлении. Пушку мою, не способную к движению, тоже увезли. Подхватив винтовку, я бросился догонять стремительно наступавший батальон.

Фронтовые дороги... Колпинские рабочие, никогда не державшие в руках винтовки, стали отличными снайперами — это Николай Залесских, Николай Рабышко, Георгий Розанов, Владимир Андреев, Владимир Михайлов. Старые мастеровые, чьи руки привыкли к рычагам станков, к кузнечным молотам,

теперь били вымуштрованных фашистских головорезов за здорово живешь.

Бывшие начальники цехов обнаруживали вдруг у своих подчиненных-рабочих такие качества, о которых в мирное время и не подозревали. Никто, например, и не думал раньше, что простой рабочий Виктор Потемкин может так метко, прямо артистически накрывать орудийным огнем дальние цели.

Рядом со мной строчили из своих пулеметов прокатчик Василий Жевнеров и шихтовщик Михаил Юдин. Последний оказался поистине талантливым пулеметчиком.

Немало ижорцев полегло в этом бою. За трудную операцию батальон был награжден орденом Боевого Красного Знамени. Получила ордена и медали большая группа бойцов и командиров.

В один из дней батальон был выстроен. Перед строем поставили стол, покрыли белой скатертью. В президиуме необычного собрания были лучшие воины. Зачитывается приказ.

Рабочий краснознаменный Ижорский батальон, говорилось в приказе, с честью прошедший через испытания войны и внесший большой вклад в дело разгрома гитлеровских захватчиков, возвращается обратно в Колпино.

Требовалось в кратчайшие сроки восстановить завод: стране нужны были сталь, прокат, трубы, новые машины. Славным воинам-ижорцам предстояло совершить новый подвиг...

Грузовые автомашины остановились на окраине Колпина. Батальон последний раз построился в походную колонну. Впереди — заводской духовой оркестр. Торжественным маршем прошли мы по главной улице к центру города. Сотни колпинцев встречали нас цветами и объятиями. Крепко расцеловала Владимира и меня наша старая мать, поздравила с наградами, с победой. Алексей уже раньше возвратился на завод.

На площади, у главных ворот завода, прозвучала последняя команда:

— Батальон, стой! Смирно!

Многое, очень многое говорили нам слова, произнесенные на митинге: «Вечная слава ижорцам, отстоявшим родной город и завод, грудью защищавшим колыбель революции — город Ленина».

...Всем нам дали месяц отдыха. Но разве можно было усидеть дома, когда на заводе уже дымили мартены, весело пересвистывались паровозы. Тогда каждая пара рук была на вес золота. Не прошло и пяти дней, как я тоже пошел на завод.

В сорок первом с болью выпускали мы с завода эшелоны с оборудованием, теперь с радостью их принимали. Шли платформы и вагоны, груженные строительными материалами. Составами поступала битая гитлеровская техника. Исковерканные танки незадачливых крестоносцев отправляли прямо под копер, а оттуда в мартены.

Восстановление завода требовало от ижорцев большого напряжения сил. Трудно было с материалами, оборудованием, топливом, хотя все это уже и поступало в немалых количествах. Но коллектив умело преодолевал трудности. Не оказалось, например, шпал для восстановления путей, и рабочие сами вызвались организовать их заготовку. Мне довелось руководить этими работами, и я видел, с каким горячим энтузиазмом трудились бывшие солдаты в лесу, управляясь с пилой и топором не хуже, чем с гаечным ключом или винтовкой. На моих глазах рабочий народ, умеющий одинаково хорошо и воевать и работать, поистине сворачивал горы.

...То место у заводских ворот, где вместе с боевыми друзьями я почти год сидел у пушки, сровняли с землей. Мир пришел на Ижору... Он завоеван нашими руками, и мы никому не позволим его нарушить.

Б. А. БОРИСОВ

ПОБЕДИТЕЛЯМИ ВЫШЛИ СЕВАСТОПОЛЬЦЫ

...Глухие, тяжкие раскаты нарушили первый сон... За окном медленно таял зеленоватый свет ракеты. Похоже было на сигнал гарнизонной тревоги. Снова прогремели далекие залпы. Репродуктор издал сухой треск, и твердый, настойчивый голос диктора объявил о большом сборе и гарнизонной тревоге.

Первая мысль: возобновились учения. Но странно, еще не было такого случая, чтобы начальник гарнизона не предупредил руководство города заранее. «Может, командование решило проверить и нашу готовность?» — подумал я.

Телефонный звонок. Послышался голос дежурного из штаба береговой обороны:

— Товарищ секретарь горкома! По поручению генерал-майора Моргунова сообщаю, что в городе объявлен большой сбор, вводится боевое, угрожаемое положение. Понимаете, бо-е-вое?..

Большинство трудящихся нашей страны узнало о нападении гитлеровской Германии лишь в 12 часов дня из правительственного сообщения по радио, а на Севастополь налет вражеской авиации был совершен в три часа утра.

В городе была объявлена воздушная тревога, наши самолеты поднялись в воздух, зенитная артиллерия приведена в боевую

готовность, и врагу не удалось нанести Севастополю больших повреждений. Был разрушен лишь один дом. Ни один военный объект не пострадал.

Гитлеровцы хотели запереть Черноморский флот в бухте, но это им не удалось. Корабли вышли на просторы Черного моря и наносили удары по врагу.

Как только окончился налет, в пять часов утра, мы обратились с призывом к населению Севастополя соблюдать спокойствие и порядок, считать наступившее воскресенье рабочим днем, и все предприятия в этот день работали, как обычно. Нужно было перевооружить суда, обслужить флот, привести в порядок противовоздушную оборону, перестроить всю работу на военный лад.

Севастополь до войны с суши не был укреплен: кто мог ожидать, что фашистские войска от границы дойдут до него! Поэтому с самого начала войны пришлось строить укрепления вокруг города. Строили преимущественно женщины. Было возведено три линии укреплений.

Основные предприятия Севастополя были перебазированы; эвакуировались женщины, дети, старики; вывозилось оборудование и культурные ценности. В Севастополе создавались дивизия народного ополчения, партизанский отряд, истребительный батальон, готовилось подполье, и когда гитлеровцы подошли к городу, то на его подступах встретили мощные оборонительные рубежи, на которых вместе с моряками и бойцами Приморской армии родной город защищало и население Севастополя.

Бомбардировка Севастополя, начавшаяся с первого дня войны, особенно усилилась с 30 октября, когда враг подошел к городу.

Вскоре весь Крым был ими оккупирован, Севастополь оказался в тылу у врага: по прямой линии от этого небольшого кусочка суши до ближайшего кавказского берега было около 400 километров.

Пополнение, вооружение, боеприпасы, продовольствие, медикаменты теперь доставлялись в Севастополь только морем. Только морем эвакуировались раненые и гражданское население.

Севастопольцы сковывали свыше 200 тысяч немецко-фашистских войск, нанося им серьезный урон. Оборона Севастополя имела в то время огромное значение для страны, которая собиралась с силами, готовила новые кадры, ковала оружие, чтобы бить врага.

В дни первого наступления[1] ежедневно совершалось по нескольку налетов вражеской авиации на город, разрушались предприятия, разрушалось жилье, выбывали из строя водопровод, телефонная сеть, но город продолжал жить и оказывать помощь фронту. Мы переводили предприятия под землю, используя старые штольни, различные склады. В частности, в помещении одного из подземных складов было создано предприятие, где производились минометы, гранаты, мины, небольшие авиационные бомбы. Там люди работали, жили. В подземном помещении завода шампанских вин были расположены мастерские, где шили для фронта обмундирование, белье, обувь, головные уборы. Укрывались в землю и другие предприятия, в скалах долбили убежища для населения. В убежищах и подвалах укрывались школы, ясли, медицинские учреждения.

К началу второго наступления гитлеровцев на Севастополь[2] большинство предприятий, учреждений и основная часть населения находились глубоко под землей.

Трудящиеся города работали по 12—16 часов в сутки, проявляя чудеса героизма. Пример в борьбе с врагом показывали коммунисты и комсомольцы.

Партийная организация Севастополя насчитывала перед войной 3600 человек, а когда мы провели последнюю мобилизацию перед третьим штурмом[3], в партийной организации осталось всего 400 человек, а в дни штурма — около 300. Комсомольцев до войны в Севастополе было 7000 человек, после мобилизации перед третьим штурмом — 700, а в дни третьего штурма — 400.

Когда вражеский снаряд угодил в главный корпус СевГРЭС № 1, коммунист Г. Ф. Красненко, рискуя жизнью, первым бросился к месту аварии и предотвратил взрыв котла. Когда осколки снаряда перебили на подстанции кожух силового трансформатора, коммунист Д. Н. Загоревский, не обращая внимания на рвущиеся снаряды, перекрыл краны поврежденного трансформатора и прекратил утечку масла.

[1] Первое наступление гитлеровцев началось 10 ноября 1941 года. В течение двенадцати дней противник пытался прорвать оборону Севастополя. В упорных оборонительных боях мужественные защитники города обескровили немецко-фашистские войска, сорвали их наступление.— *Ред.*

[2] Второе наступление гитлеровцев на Севастополь началось 17 декабря 1941 года. В результате двухнедельных непрерывных боев и это вражеское наступление было остановлено.— *Ред.*

[3] Третий штурм Севастополя противник предпринял 7 июня 1942 года.— *Ред.*

Работнице Морского завода комсомолке Насте Чаус во время налета оторвало руку. Когда она вышла из госпиталя, мы хотели ее эвакуировать. Девушка категорически отказалась. И не только руководство предприятия, но и городской комитет обороны не могли заставить ее изменить свое решение.

— Я не поеду, давайте мне станок,— заявила она.

— Как же ты будешь выполнять план с одной рукой? — спросили мы.

— Я буду давать 200 процентов и больше.

И действительно, работая на штамповальном станке, юная патриотка выполняла план на 240—250 процентов и была награждена орденом Красной Звезды.

Примеру коммунистов и комсомольцев следовали все бойцы, защищавшие Севастополь, все население героического города.

Ни артиллерийские, ни бомбовые удары не были страшны рабочим спецкомбината № 1, прикрытым толщей скалы. Каждый день на передовую в аккуратной ящичной упаковке отправляли 50- и 82-миллиметровые мины, минометы, ручные и противотанковые гранаты. В ответ бойцы присылали множество писем с благодарственными отзывами и просьбами: «Нельзя ли прислать для нашей части сверх плана десяточек минометов?», «Хотелось бы побольше противотанковых гранат! Уж больно хорошо действуют, сильно, безотказно!».

Помню, 10 или 12 декабря мне пришлось побывать на Спецкомбинате. По стенам были развешаны лозунги, плакаты, показатели выполнения плана. «Боевой листок» № 9 был посвящен рабочему Николаеву, который, выполняя задание для фронта, в течение двадцати семи часов не оставлял своего рабочего места. А «Листок» № 12 рассказывал о старике Петрове, перекрывшем замечательный рекорд Николаева на целых пять часов.

Большую работу в дни обороны вели женщины. Их можно было встретить везде.

Особенно отличилась Мария Тимофеевна Тимченко, внучка участника обороны Севастополя 1854—1855 годов. Она организовала женщин на строительство укреплений, на обслуживание госпиталей, на сбор подарков и стирку белья фронтовикам, была комендантом большого убежища, часто ездила на фронт. Все четыре ее сына погибли на фронте, но это не сломило Марию Тимофеевну. После войны она активная участница восстановления города.

Домохозяйка Гуленкова заменила на производстве трех монтеров. Ее примеру последовали сотни женщин Севастополя.

17 декабря 1941 года начался второй штурм. Гитлеровцы к этому штурму тщательно готовились. Они бросили большие силы против Севастополя. Наши стали отходить. Враг подошел к Братскому кладбищу, по сути к самому городу. Сложилась очень тяжелая обстановка. Флот бросил на отпор врага все силы. Мы мобилизовали на фронт многих коммунистов, комсомольцев, рабочих, народное ополчение. Люди работали день и ночь. Рабочие Мехстройзавода и других предприятий ремонтировали боевую технику прямо на фронте.

В эти дни на заводе «Молот» возникло движение пятисотников. Завод «Молот» — в прошлом артель промкооперации, которая производила ведра, умывальники, кровати. С начала войны он стал выпускать боеприпасы, минометы. Инициатором движения пятисотников был комсомолец Головин. Однажды на завод зашел с фронта лейтенант, который знал, что Головин выполняет план на 300 процентов.

— Вы 300 процентов плана даете? — спросил лейтенант Головина.

— Триста,— ответил Головин.— А вы?

— Пятьсот.

И Головин взял обязательство выполнять план на 500 процентов. Инициативу Головина подхватили другие комсомольцы завода «Молот». Многие комсомольцы начали выполнять план на 500 процентов. Их примеру последовали комсомольцы спецкомбината № 1. Здесь появились даже тысячники.

Почин Головина вошел в историю обороны Севастополя. Это было замечательное движение, сыгравшее большую роль в дни обороны.

Второй штурм был отбит. Отбит он был главным образом благодаря прибывшему пополнению. Гитлеровцы отошли на старые позиции. Начался период затишья.

Несмотря на то что враг находился от города в восьми — десяти километрах, мы решили восстанавливать Севастополь. В начале января городской комитет обороны принял развернутое решение о восстановлении. В работу включилось все население, моряки, приморцы.

Нужно сказать о замечательной дружбе фронтовиков и населения города. Фронтовик, пришедший в город, мог здесь отдохнуть, сходить в кино, посмотреть панораму и другие достопримечательности города, мог помыться в бане. Он видел, что город живет нормальной жизнью: ходят трамваи, работают

кинотеатры, открыты магазины — в общем, видел, что город не собираются оставлять. Это очень воодушевляло бойцов, они возвращались на фронт с новым запасом сил.

В дни затишья на предприятиях города развернулось мощное соревнование. Мы учредили переходящее знамя городского комитета обороны, сыгравшее большую роль в те дни. Сейчас оно хранится в Музее Черноморского флота как реликвия.

Ширилось движение рационализаторов и изобретателей, изыскивались различные заменители недостававшего сырья, материалов. Очень плохо было с топливом, и вот два старика — Нагорный и Самодей — научили нас делать из угольной пыли брикеты. В результате предприятия вышли из трудного положения. В городе ощущался недостаток витаминов. Бывший управляющий комбината «Массандра» Н. К. Соболев научил севастопольцев из хвои получать экстракт, которым снабжали госпитали, партизан, больницы, детей.

Кратко о периоде третьего штурма. Враг сосредоточил тогда под Севастополем огромные силы: много авиации, танков. Уже с 2 по 6 июня на город было совершено свыше 9 тысяч самолето-вылетов и сброшено 46 тысяч бомб крупного калибра. Кроме того, было обрушено много снарядов, мин, зажигательных бомб. Город почти весь был разрушен, горел, но севастопольцы не дрогнули, и на предприятиях продолжалась работа. Если днем нельзя было выбраться на улицу, то восстановительные работы, перевозка раненых, снабжение населения хлебом и водой производились ночью. В последние дни обороны население получало по 200—300 граммов хлеба, главным образом сухарями и мукой. Воды выдавалось нередко по кружке в день.

В дни третьего штурма особенно отличилась молодежь. На предприятиях она работала день и ночь. Ночью охраняла предприятия на случай выброски десанта или прорыва врага в город. Девушки и женщины обслуживали госпитали, давали свою кровь, многие ушли добровольцами на фронт. Молодежь доставляла по ночам хлеб в общежития, подносила воду.

Севастополь был оставлен нашими войсками. Но победителями вышли севастопольцы: они в течение 250 дней сдерживали огромные силы врага и нанесли ему огромные потери.

В один из ноябрьских дней 1941 года меня вызвали в управление порта и вручили совершенно неожиданный приказ: подготовить вверенный мне корабль к заграничному плаванию.

— Ваш ледокол необходим для обслуживания Северного флота. На корабль погрузите все необходимое для длительного плавания. Дальнейшие указания относительно маршрута перехода будут даны в Стамбуле,— сказали в управлении порта.

Ледокол «А. Микоян», которым я тогда командовал,— чисто гражданское судно. Он был построен по заказу Главсевморпути и к началу Великой Отечественной войны находился на Черном море. Корабль имел стандартное водоизмещение 10 тысяч тонн. Экипаж его к осени 1941 года насчитывал 169 человек. Среди старшин и матросов оказалось немало бывших рабочих судостроительного завода, участвовавших в постройке судна.

И вот этому сугубо гражданскому судну, совершенно безоружному, было приказано оставить Батуми и выйти в открытое море. Во время стоянки в порту суровым напоминанием нам о том, что делается на море, служили военные суда, постоянно бороздившие воды вокруг порта и готовые в любую минуту вступить в бой с гитлеровскими подводными лодками.

Несмотря на жесткие сроки, мы вовремя подготовили корабль к дальнему плаванию. И вот 24 ноября, когда над портом спустились густые вечерние сумерки, ледокол вышел из Батуми в открытое море. Сильные порывы ветра и тяжелые волны обрушились на корабль. Потом наступила темная ночь, такая темная, что в десяти метрах ничего не было видно. Шли без огней. Не отклоняясь от взятого на Босфор курса, рано утром увидели турецкий берег.

В Стамбуле на борт судна прибыл представитель советского посольства в Турции и передал мне задание, сущность которого заключалась в следующем: прорваться через Эгейское море мимо военно-морских баз противника и прибыть в один из восточных портов наших союзников на Средиземном море.

— Там будут переданы дальнейшие указания относительно маршрута следования,— заключил, прощаясь, представитель посольства.

Это была нелегкая задача. Военная обстановка на Эгейском и Средиземном морях, через которые пролегал путь ледокола, складывалась крайне неблагоприятно для нас. Поблизости от нашего курса находились неприятельские военно-морские базы. Итало-фашистский флот держал под своим контролем все острова Эгейского моря. В районе островов Самос, Кос и Родос дислоцировались дивизион эскадренных миноносцев, отряд торпедных катеров и части торпедоносной авиации.

Пройти здесь незамеченными, избежать встречи с противником было почти невозможно, тем более, что противник не мог не догадываться о нашем намерении прорваться в Средиземное море. Ведь даже кратковременное пребывание ледокола в Стамбуле не могло остаться незамеченным для сотрудников итальянского и германского посольств, здания которых расположены на берегах Босфора.

Хотя все наше оружие состояло из нескольких пистолетов, мы деятельно готовились к прорыву и к возможному бою. Никого не покидала вера в успех задуманной операции. Была разработана инструкция, согласно которой экипаж по боевой тревоге разделялся на две части. Одна из них составляла группу сопротивления. В случае попытки фашистов захватить ледокол ей предстояло оказать врагу сопротивление. Вторая часть экипажа образовала группу затопления. Ей поручалось в случае безвыходного положения по команде с мостика взорвать и затопить корабль.

Стоянка в Стамбуле продолжалась всего несколько часов. С наступлением сумерек ледокол снялся с якоря и в ночь на

29 ноября вышел из Дарданелл. Погода благоприятствовала нам. Ночь была темной и дождливой, видимость не превышала пяти кабельтовых, ветер достигал шести-семи баллов.

По Эгейскому морю мы шли только ночами. Днем выбирали якорную стоянку близ пустынного турецкого берега, среди небольших островов, на фоне которых судно было малозаметным.

Однако, несмотря на все наши предосторожности, на третьи сутки после выхода из Дарданелл у острова Родос мы были обнаружены. Вахтенный вызвал меня на палубу.

— С правого борта катера!..

Тут же доложили о двух самолетах-торпедоносцах, поддерживающих несущиеся на нас торпедные катера.

— Торпеда!..— слышу возглас.

Началась ни с чем не сравнимая схватка безоружного ледокола с хорошо вооруженным противником. Мы не могли противопоставить врагу ничего, кроме маневра. Спасло нас энергичное маневрирование. Фашисты выпустили по ледоколу шесть торпед. Ни одна из них не достигла попадания — каждый раз удавалось уклоняться от смертельного удара. Израсходовав все торпеды, самолеты открыли огонь по судну из автоматических пушек. Атаки фашистов продолжались в течение двух часов. К счастью, малокалиберные снаряды не пробивали толстой обшивки ледокола. Поняв это, фашисты сосредоточили огонь по мостику и надстройкам. Один за другим на судне возникали пожары. Но все они были своевременно ликвидированы героическими усилиями моряков.

В машинном отделении между тем моряки готовили корабль к взрыву. На переборках мелом были написаны лозунги: «Умрем, но не сдадим корабль врагу!»

В этом неравном поединке ледокол получил свыше шестисот пробоин в надстройках и дымовых трубах. Рулевой Рудаков и командир отделения сигнальщиков Полещук получили ранения, но не покинули своих боевых постов.

Усилившийся ветер и спустившаяся мгла помогли нам оторваться от противника и укрыться среди островов у турецкого берега. Наступила ночь, и мы, форсируя ход, дошли до английской военно-морской базы Фамагуста на острове Кипр.

Вскоре мы продолжили наш путь. Следующая стоянка была в палестинском порту Хайфа. Здесь экипажу снова пришлось выдержать тяжелое испытание. 20 декабря на магнитно-акустической мине, сброшенной во время одного из налетов итальянской авиации, подорвался британский танкер «Феникс», груженный нефтью и соляром. Танкер переломился пополам. Загорев-

шаяся нефть стала растекаться по акватории порта. Огонь перекинулся на соседние суда, в том числе и на наш корабль, а также на брекватер, где была расположена английская зенитная батарея. В порту поднялась паника. Команды коммерческих судов, оставив их на произвол судьбы, убегали из порта. Бросились спасаться и экипажи портовых буксиров. Это увеличило опасность, грозившую стоявшим в порту судам,— исчезла возможность вывести их из опасной зоны.

В эти критические минуты экипаж нашего корабля вновь проявил мужество, дисциплинированность. Возникшие на корабле пожары были быстро потушены. В самые кратчайшие сроки мы сумели дать ледоколу ход и вывести его из бушующего на воде пламени.

Как только корабль оказался в относительной безопасности, мы тут же организовали помощь иностранным кораблям, терпевшим бедствие. Для этой цели использовали не только корабельные средства, но и портовые буксиры. Начальство порта передало их в наше полное распоряжение. Моряки ледокола спасли команды двух танкеров и солдат зенитной батареи, а также оказали необходимую помощь другим кораблям.

Только на третьи сутки пожар в порту был полностью ликвидирован. Английское морское командование прислало с нарочным письмо на мое имя, в котором благодарило личный состав ледокола за мужественное поведение и морскую лихость при спасении английских солдат и моряков иностранных судов.

Вскоре нам был указан пункт прибытия — бухта Провидения на Чукотке.

Дальнейшее плавание ледокола было по-прежнему одиночным. Из Средиземного моря через Суэцкий канал корабль прошел в Красное море, в Индийский океан, затем проследовал вокруг Африки, пересек Атлантический океан по 34-й параллели южной широты, вышел Магеллановым проливом в Тихий океан.

Мы пересекали районы, где в любой момент могли стать жертвой фашистских подводных лодок или рейдеров. В пути нам не раз приходилось слышать радиосигналы с гибнувших судов, по большей части торпедированных германскими или японскими подводными лодками. Опасность подстерегала нас повсюду. Моряки понимали, что при встрече с подводной лодкой или рейдером нам не удастся спастись с помощью одного лишь маневрирования, как это было в Эгейском море. И мы принимали все меры, чтобы скрытно от врага провести свой корабль к месту назначения.

Команда стойко преодолевала все невзгоды, связанные с длительными переходами, с непрекращающейся по нескольку дней качкой. Во время штормов, которые достигали огромной силы, крен корабля доходил до 56 градусов. Личный состав трудился с огромным напряжением сил. Но и в этих условиях моряки отлично несли вахты, пунктуально выполняли свои повседневные обязанности. И это несмотря на то, что люди были лишены даже нормального отдыха — спать приходилось крепко привязав себя к койке.

Особенно проявили себя в походе коммунисты Холин, Злотник, Попков, секретарь партийной организации Барковский, второй механик Донаусов, котельные машинисты Десятников, Силаценко, Тарасов, рулевой Рузанов, командир отделения сигнальщиков Полещук, коммунисты Марлян, Фаворов, Хилько, Мороз и многие другие.

В самые трудные минуты лучшие люди экипажа обращали свои мысли к родной Коммунистической партии и вступали в ее ряды. Партийная организация корабля, состоявшая в начале плавания из 35 человек, к концу похода уже насчитывала 59 членов и кандидатов партии. 98 моряков ледокола были комсомольцами.

Во всех странах, порты которых посещало наше судно, население радушно встречало советских моряков, видя в них представителей героического советского народа, несущего главную тяжесть борьбы с фашизмом.

Незабываемое впечатление произвела на нас встреча в чилийском городе Вальпарайсо. 13 мая, при очередном сходе экипажа «А. Микояна» на берег, к порту были поданы два автобуса для экскурсии по городу и осмотру его достопримечательностей. Это было сделано еще и с той целью, чтобы возможно быстрее увезти нас из порта и не дать возможности населению встретиться с советскими моряками.

Масса народу ожидала нас за территорией порта. Отовсюду слышались приветственные возгласы, и, когда автобусы медленно пробирались через стиснувший их живой коридор, в открытые окна было заброшено несколько аппликаций, одна из которых попала мне прямо в руки.

После осмотра города вернулись на корабль. Закончив прием воды, вечером того же дня «А. Микоян», напутствуемый горячими пожеланиями счастливого плавания, успехов и победы в войне советскому народу, ушел из Вальпарайсо, взяв курс на Кальячо (Перу). На корабле мы ознакомились с аппликациями. Они были изготовлены местной организацией Коммунистиче-

ской партии Чили для передачи их нам. Аппликации выражали глубокое уважение трудящихся Чили к героическому советскому народу, несокрушимую веру в его победу над силами фашизма.

Одну из этих аппликаций я храню как реликвию, как память о встрече с трудовым населением чилийского города Вальпарайсо, города такого далекого и такого близкого...

Через девять с лишним месяцев после выхода из Батуми, оставив за кормой почти 25 тысяч миль, мы вновь подошли к берегам нашей Родины.

С приходом в бухту Провидения ледокол был передан представителям Главсевморпути. Но плавание нашего экипажа на этом не было завершено. Морякам было поручено провести судно к месту его назначения — в Северодвинск. И они с честью справились с этой трудной задачей, пройдя 3800 миль по Северному морскому пути.

Ледокол «А. Микоян» и поныне находится в строю и несет свою службу в советской Арктике.

Когда я решил стать машинистом, все отговаривали. Молодым считали для такого дела.

— Молодость не беда,— отвечал я.— Скоро от этого недостатка избавлюсь.

Меня поддержали партийная и профсоюзная организации депо Новосибирска, где я работал тогда помощником машиниста, и путевка на курсы машинистов была получена.

На курсах много времени уделял слесарному делу, хотя некоторые машинисты считали, что водителю локомотива это необязательно. Я не соглашался, спорил, доказывал, убеждал.

— Извозчики вы, белоручки,— горячился, споря с этими машинистами.

Они улыбались в ответ, мол, зелен еще, чтобы опытных людей учить. Но я не сдавался.

— А если война. В военных условиях мало только водить поезда. Надо в совершенстве овладеть специальностью слесаря. Ведь боец не только стреляет, но и отлично разбирается в своей винтовке или пулемете. Так должно быть и у нас, транспортников.

В родное депо я вернулся с курсов не только с дипломом машиниста, но и с квалификацией слесаря шестого разряда.

В те дни на Томской железной дороге произошел такой случай. Машинист Степанов вел состав. В дороге он заметил, что не работает инжектор. Степанов пытался устранить неисправность, но для этого у него не хватало умения. Не сумев даже отыскать причины повреждения, он бросил поезд на перегоне и поехал с резервным паровозом за помощью. Это создало путаницу на перегоне. Пришлось закрывать отрезок пути, высылать ремонтных слесарей, ломать график.

А ведь неисправность была несложной. Знай Степанов немного слесарное дело, он смог бы сам устранить неполадки в локомотиве.

С первого же дня работы машинистом я завел новые порядки. Почти весь текущий ремонт паровоза делал в пути и на стоянках. Сам вместе со своей бригадой. Так начали поступать и некоторые другие машинисты нашего депо, в частности мой друг Геннадий Чирков. Да и не только нашего депо. В те дни я записал в своем дневнике: «У меня на душе праздник. Приятно сознавать, что ты имеешь десятки настоящих друзей в разных депо дороги. В Инской машинисты Шолкин и Ширяев полностью отказались от услуг слесарей и ремонтируют паровоз своей бригадой. В Тайге взяла на себя значительную долю ремонта бригада машиниста Чуданова, в Рубцовке — Попова, в Промышленном депо — Моисеева, в Топках — Лихоеда».

Росло в массах новое движение — движение за совмещение профессий. Кое-где путеобходчики сами ремонтировали пути. Телеграфисты-транспортники не только передавали депеши, но и учились ремонтировать аппараты и сеть, проводники вагонов осваивали технику ремонта вагонов.

Когда в Новосибирск прибыл новый паровоз, администрация депо решила отдать его комсомольцам. Бригадиром назначили меня, помощником стал Геннадий Чирков.

В бригаде установился твердый порядок. Не позже чем за сутки до очередного промывочного ремонта записывалось в специальную книгу все, что сами не могли исправить в локомотиве. Обычно таких записей ко дню промывки набиралось не один десяток.

Грязный, засыпанный угольной пылью паровоз въезжал в депо. Тут охлаждался котел, горячей водой смывали накопившуюся грязь, и специальная ремонтная бригада слесарей устраняла неисправности машины, заменяла износившиеся детали. Во время промывки я обычно не уходил домой, оставался в депо, чтобы присмотреться к работе опытных слесарей, поучиться у них, расширить свой технический кругозор.

Благодаря новым методам работы наша бригада добилась длительной службы паровоза без ремонта, без захода в депо. Наш локомотив всегда был на путях.

Но не всегда перед нами были открыты пути. Обидно было видеть, что здоровый паровоз и исправные вагоны с грузом, который ждали фабрики, заводы, часами стояли без движения на станции. Ты стараешься наперекор метелям и суровым морозам, с большой скоростью ведешь поезд, а подъехал к станции — стоп, красный сигнал преграждает тебе путь.

Моя бригада стала добиваться «зеленой улицы». Так называют водители локомотивов открытый путь, когда далеко впереди горят зеленые огни светофоров.

— Машинист должен быть хозяином «зеленой улицы»,— заявили мы работникам диспетчерской службы.

Диспетчеры, казалось, не реагировали на требование машинистов. Диспетчерские комбинации на путях, говорили они,— особая область, она не имеет отношения к паровозникам. Равнодушие диспетчеров выводило меня из себя.

— Всего надо ждать,— доказывал я.— Сегодня пропускаем по перегону, скажем, шестнадцать составов, а завтра потребуется сто. К этому надо готовиться...

Вскоре диспетчеры, пользуясь отличной и быстрой работой машинистов, составителей и осмотрщиков, не стали ждать следующей «нитки графика», или, иначе говоря, следующего поезда по расписанию. Поезда шли один за другим, в пути не «простаивали». Были использованы все резервы мощности железной дороги.

Движение за совмещение профессий получало все больший размах. Оно увлекало за собой рабочих — станочников, комбайнеров, трактористов, шоферов, проникало на заводы, фабрики, на поля.

Особенно широкое распространение получило это движение в годы войны, когда в связи с призывом людей в армию сложилась тяжелая обстановка с рабочими кадрами. У нас в депо всю войну не хватало машинистов, помощников и особенно кочегаров, не хватало и слесарей-ремонтников.

О том, что враг напал на нашу землю, я узнал, когда вернулся из очередного рейса. Скорее, почувствовал, что случилось что-то тяжелое, увидев встревоженные лица людей, которые со всех сторон шли к депо.

— Беги скорее, Николай, война.— Кто-то подтолкнул меня сзади.

Если бы ударили по голове здоровенным кулачищем, то не

так это ошеломило бы меня, как эта весть. Почти не помнил, как бежал в депо.

На митинге говорили коротко, в глазах выражалось больше. Выступил и я, сказал:

— Мне страна доверила водить поезда. И еще быстрее, еще аккуратнее, чем прежде, буду доставлять маршруты, груженные углем, металлом, грозным советским оружием. Наша бригада готова к любому рейсу на любое расстояние. Если пошлют нас на бронепоезд, мы поведем его уверенно, смело, точно и грозные пушки будут метко разить врага...

Тут же начали редеть наши ряды. В ремонтных цехах депо остались лишь старики да подростки. То и дело уходили в армию паровозники, некоторых призвали, другие ушли добровольно, многие стали водить бронепоезда, работать на прифронтовых железных дорогах.

И я решил просить отправить меня на фронт, но в парткоме и слушать не захотели, сказали, что работы и здесь, в Сибири, много.

Действительно, движение на железных дорогах усилилось. Из Сибири и в Сибирь днем и ночью бесконечным потоком шли поезда. Из центра и с юга страны двигались на восток целые заводы на колесах. Вслед за оборудованием прибывали в Сибирь рабочие коллективы. Ехали с семьями в наскоро оборудованных теплушках. Только за первые месяцы войны из угрожаемых районов прифронтовой полосы было перевезено в Сибирь около полутора миллионов вагонов, или 30 тысяч поездов с эвакуированными грузами.

Все меньше и меньше приходилось бывать дома.

Каждый без вызова приходил в депо и встречал свой паровоз на путях станции, чтобы быстрее снарядить его в очередной рейс.

...Мчится наш поезд на запад. Локомотив такой же чистый и исправный, каким был в мирные дни. Проносится станция за станцией. Вздуваются и опадают бегущие мимо распаханные холмы. Вырываются из тумана неясные силуэты деревьев и тут же исчезают.

Вот и станция с длинным хоботом колонки для набора воды. По расписанию здесь предусмотрена остановка. Но мы экономно расходуем воду и пар и можем следовать дальше. Диспетчер уверен, что наша бригада не подведет, и дает «зеленую улицу», чтобы поезд быстрее доставил грозное оружие фронту.

И снова несемся на всех парах вперед, мимо распаханных холмов, ровных полей, мимо деревень и городов...

Однажды только вернулся из поездки домой, как с телефонной станции сообщили, что меня вызывает Москва. Звонили из Наркомата путей сообщения. Нужно было взять в Новосибирске эшелон угля и как можно скорее доставить его в Москву.

— Сколько взять? — спросил я.

— Пять тысяч тонн.

Подумав, что ослушался, переспросил, но ответ был тот же.

— Я не увезу столько. Ведь норма по Уральскому перевалу 1250 тонн на паровоз.

— А вы попытайтесь. Попробуйте двумя локомотивами.

И вот два паровоза слаженно ведут состав. На одном — я, на втором — Орлов. Время от времени перекликаемся условными гудками, где что нужно сделать — идти ли на малом пару или прибавить, а может, и совсем закрыть и использовать «живую силу» поезда — инерцию.

А до самого горизонта было белым-бело от рано выпавшего снега...

Все шло хорошо, и вдруг... Орлов решил продуть котел, выпустить из него соли и грязь, которые обычно откладывает на стенках котла бурлящая вода, что ухудшает парообразование. Краны открыл, а закрыть не мог, не поддавались и все тут. Из них захлестал кипяток, смешанный с паром.

«Как можно скорее потушить топку» — пронеслось в голове. Даю знак, и бригада при помощи особых рычагов проваливает огонь в поддувало. Когда появилась возможность без риска для жизни подойти к крану и ощупать его рукой, помощник Орлова обнаружил в нем небольшой болт, как он оказался здесь — неизвестно. То ли забыли его котельщики во время ремонта, то ли чья-то злая рука намеренно оставила его в котле.

Паровоз вышел из строя. Каждый в бригаде чувствовал надвигающуюся беду: ответственное задание под угрозой! Но никто не растерялся, не опустил руки. Как только прибыли в Чулымскую, быстро отцепили аварийный паровоз, а на его место взяли другой.

Благополучно миновали Барабинск. Позади — Омск, Петропавловск, Курган. Пройдено свыше двух тысяч километров. Скоро Урал... Чтобы перевалить через перевал, нужно было или отцепить половину вагонов, или вызвать еще два локомотива. Выбрали второй способ.

И вот зрелище, которое, пожалуй, впервые пришлось видеть железнодорожникам этих мест: три мощных паровоза в голове эшелона и один в качестве толкача в хвосте. Первый

Машинист-новатор Н. А. Лунин на своем паровозе. 1942 г.

вел я, второй — Ласточкин, третий — Шикунов, на четвертом — Чирков.

Когда взобрались на самое высокое место перевала, наступила темная уральская ночь, поднялась пурга. Ветер неистово бил в лицо, бросал охапки сухого снега, точно хотел помешать нам идти дальше. И, кажется, нет конца этому пути. Но еще усилие, еще — и самое трудное позади. На остановке машинисты молча пожали друг другу натруженные руки, как же: одержана большая победа...

Через три дня эшелон, весь до единого вагона, прибыл в Москву. За нами потянулись через высокий перевал другие эшелоны, которые вели отважные машинисты из Инской, Барабинска, Омска, Тайги. Столица была спасена от топливного голода.

В моем дневнике появилась новая запись:

«Москва! Как не похожа ты стала на ту Москву, которую я видел полтора года назад! Ты словно заснула, погрузившись

в сплошную темь. Подступы к тебе изрыты окопами, а въезды ощетинились стальными «ежами» и бетонными надолбами...

Я беседовал со многими жителями города, у всех у них твердая вера в победу.

Дорогие москвичи, я расскажу о вашем мужестве своим землякам, чтобы и они не знали страха и трудились так же самоотверженно, как трудитесь вы».

Мы были счастливы, открыв «зеленую улицу» движению машинистов-тяжеловесников, боровшихся за лучшее использование локомотивов, за наибольшее количество перевезенного груза в каждом эшелоне.

Вскоре мы услышали о замечательной победе машинистов Ищенко и Якушева из Актюбинского депо, Оренбургской дороги. Двумя паровозами с высокой скоростью они доставили в назначенный пункт эшелон с углем весом 6680 тонн. Примерно в то же время на Зусьском узле, Пермской дороги, скопилось очень много составов. Чтобы ликвидировать «пробку», машинист Трофим Мусихин попросил диспетчера прицепить к его паровозу состав весом в полтора раза больше нормы и мастерски доставил его на Горьковскую железную дорогу.

1942 год. В статье «На пути к победе» Михаил Иванович Калинин писал: «...Советские железнодорожники утерли нос некоторым зарубежным «специалистам», предсказавшим, что наш транспорт не справится со своими задачами в военное время».

Но с кадрами по-прежнему было трудно, очень трудно. Не хватало машинистов, совсем плохо обстояло дело с помощниками и кочегарами. И тут возникла мысль, которую нельзя было не поддержать: каждая бригада должна обслуживать еще один паровоз. Конечно, нагрузка на каждого увеличивалась. Времени для отдыха почти не оставалось. Но что было делать: война.

— Отдыхать после войны будем,— ответил за всех Чирков.

В это время в депо прибыл из прифронтовой полосы паровоз. Весь израненный, избитый осколками. Жалко было смотреть на машину. Сколько же ей, думалось, пришлось перенести? И наша бригада взяла второй паровоз, этот паровоз. Как же заботливо мы лечили его, чистили, выхаживали, и он ожил, радостно засопел, обдавая нас горячим паром.

Теперь два паровоза обслуживали не шесть, а пять бригад. Все меньше и меньше бывали мы дома. Из поездки отправлялись в депо, где помогали слесарям сделать сложный ремонт, который не могли выполнить сами в дороге. Это дало возможность сократить бригады слесарей. Прежде в бригаде Царенко

было около 20 слесарей, а уже на втором году войны — только 8. В бригаде Богатова число слесарей с 25 сократилось до 12. Новый метод работы позволил высвободить много людей и в других смежных цехах. За первые пять месяцев войны только на рабочей силе и материалах депо сберегло 124 790 рублей.

Люди не считались со временем, работали, сколько надо было. Однажды, вернувшись из поездки, мы собирались отдыхать. Но неожиданно потребовалась паровозная бригада для поезда специального назначения, и мы отправились в новый рейс.

Несмотря на усталость, машинисты были предельно собранными, внимательными, готовыми встретить любую случайность. А она подстерегала нас в пути, как говорят, на каждом шагу. Бывали исключительно тяжелые моменты.

Как-то зимой 1941/42 года вели мы тяжеловесный состав в сторону Иркутска. Оставался какой-нибудь час до оборотного депо Болотная. Но что случилось? Почему вдруг стрелку манометра лихорадит? Она падала все ниже и ниже. Паровоз выбивался из сил.

— Беда, Николай, колосниковая решетка...

Я уже и сам видел, в чем дело. Нужно было менять колосниковую решетку. В мирное время охладили бы паровоз и вывели с перегона. Но тогда, когда Советская Армия отбивала бешеный натиск врага на Москву, когда дорога была каждая минута, нужно было делать что-то тут же, на перегоне, и вести поезд дальше, к фронту.

Молча беремся за работу. С неисправной колосниковой решетки горящий уголь перегребли в другую часть топки и забросали его лопатами сырого угля. Спрыгнув на землю, я захватил два бревна и вскарабкался с ними обратно на паровоз. Бревна уложил на дымящий уголь. Ласточкин хотел помочь.

— Не надо! Дай ватник, скорее! — прокричал я.

Ласточкин снял ватник, стянул большие брезентовые рукавицы и шарф. Его глаза выражали тревогу.

— Делали это люди и до меня и еще делать будут,— говорю ему.— Давай!

Натянул ватник и коротко приказал:

— Воду!

Ласточкин из брезентового рукавчика облил меня с головы до ног. Надвинув на глаза мокрую кепку, надев вторую пару рукавиц, я полез по двум бревнам в топку паровоза.

В топке было невыносимо жарко, душно. В первое мгновение казалось, что тело сдавило раскаленными клещами.

Стиснул зубы и почувствовал, как на них хрустит уголь. Не дыша, лежал я на дымящихся бревнах и менял колосник — тяжелую чугунную плиту. «Только бы не потерять сознание»,— думал. Через сорок секунд в топке стоял новый колосник. Ласточкин содрал с меня рукавицы, дымящийся ватник. А я никак не мог утолить жажду...

Мы рассматривали паровозную бригаду как боевое отделение фронтовиков. За своими локомотивами ухаживали с такой любовью, как танкисты за грозными машинами. Именно поэтому почти все паровозные бригады нашего депо блестяще водили поезда, добивались огромных пробегов паровозов без промывочного и подъемного ремонта.

За новые методы труда, позволившие во много раз сократить объем промывочного ремонта, увеличить пробег паровоза без ремонта, в начале 1942 года я был удостоен высокой награды — Государственной премии первой степени.

В 1943 году, когда гитлеровцы были разгромлены у Волги, каждый советский человек старался помочь возрождению города-героя. Кто чем мог — сбережениями, продукцией, выпущенной сверх плана, непосредственным участием в восстановлении.

В апреле я обратился в правительство с письмом, в котором сообщил, что купил на свои сбережения эшелон угля весом в 1000 тонн и желаю лично доставить этот уголь в город-герой. Из Москвы была получена телеграмма, в которой выражалась благодарность за заботу о восстановлении народного хозяйства освобожденных районов страны.

И вот 10 апреля мой состав прибыл на станцию Бекетовка.

Эшелон замедлил ход, остановился на первом пути, у самого перрона. И тут я увидел огромное количество людей. Оказалось, на вокзал пришли встречать состав с углем рабочие заводов, железнодорожники, представители городских и областных организаций.

Опустившись на одну ступеньку лесенки, держась левой рукой за поручень, я поднял правую руку кверху и каким-то не своим голосом произнес:

— Здравствуйте, дорогие товарищи!

В ответ послышались приветственные восклицания.

Тут же, на вокзале, состоялся митинг. Волнуясь, я сказал:

— Трудящиеся далекой Новосибирской области, железнодорожники Томской магистрали поручили мне передать вам сердечный, братский привет.

Раздались возгласы:

— Спасибо!

— Благодарим!

Собравшись с мыслями, рассказал о патриотических делах тружеников тыла.

— Когда вы защищали свой родной город, мы, сибиряки, посылали вам на помощь своих лучших воинов, которые вместе с вами стояли насмерть у Волги. Железнодорожники Томской железной дороги подвозили вам оружие и боеприпасы. А когда вы победили, мы задумались: чем и как вам помочь, чтобы быстрее залечить раны города-героя. Я тоже долго думал над этим и решил купить для вас эшелон угля. Прошу принять, дорогие товарищи, мой подарок: 1150 тонн угля.

После митинга меня пригласили в центр города. Побывал я на железнодорожном узле, в заводских районах. Все увиденное произвело на меня потрясающее впечатление. Таких чудовищных разрушений я не представлял себе.

— Будь трижды проклят фашизм! — невольно вырвалось у меня.

Поразило то, что увидел в северной части города: около асфальтированной дороги, накренившись, стояла большая крытая автомашина немецкой марки, рядом — полуразбитая вражеская пушка, задравшая кверху дуло; от пушки до машины протянута веревка, а на веревке развешено белье. На машине — вывеска: «Улица Нагорная, дом 2».

— Кто же здесь живет? — спросил я.

— Мы,— ответила женщина, стоявшая у помятой кабины.

— Кто «мы»? — подошел я к ней.

— Ну, вот я, папа, мама, братишка. Интересуетесь нашей хатой? Могу показать.

Она открыла дверцу машины, и я увидел довольно обжитой уголок: стол, скамейку, зеркало, самовар, две обгоревшие кровати, занавески на маленьких окнах и даже цветы.

— Хорошо, очень хорошо, но тесновато, наверное! — шутя заметил я.

— Ничего, в тесноте, да не в обиде,— улыбнулась доброй улыбкой женщина.

— Весну и лето проживем, а к зиме дома построим. Приезжайте на новоселье!

В другом месте я с удивлением разглядывал еще более оригинальное жилье: сбитый транспортный немецкий самолет. В нем устроилась семья рабочего завода «Баррикады». А сколько обжитых блиндажей и подвалов было! И нигде не слышно

было ни одной жалобы на трудности. Всюду встречались жизнерадостные, бодрые люди.

— Удивительно чудесный вы народ! — говорил я волжанам, уезжая в Сибирь.— Расскажу о вас, о вашей жизни и борьбе моим товарищам, железнодорожникам Сибири. Мы будем помогать вам и впредь, чем сможем...

В том же году я со своими напарниками доставил эшелон с подарками от трудящихся Новосибирска только что освобожденному Воронежу. Сотни тяжеловесных поездов с неслыханными скоростями провела наша бригада в тот знаменательный год — год великого перелома на фронтах Отечественной войны.

До победного конца войны по железным дорогам Сибири шли на запад эшелоны с танками, артиллерией, углем, металлом. Их вели опытные машинисты, настоящие хозяева «зеленой улицы».

Е. М. ЧУХНЮК

К САМОМУ ФРОНТУ

Впервые я встретилась с врагом в июньское утро 1941 года. Мой помощник, Саша Ганцов, что было духу закричал:

— Самолеты!..

Если бы тут же не раздались сигналы воздушной тревоги, я не обратила бы внимания на возглас с тендера: тогда пролетало на запад много наших самолетов.

От надрывных сигналов всю меня охватило волнение — ведь впервые это было. Не зная, что делать, выглянула из будки паровоза. Самолет с отчетливо выделявшимся черным крестом медленно разворачивался в сторону станции. «Сейчас начнет бомбить» — пронеслось в голове, и я невольно вздрогнула: состав был нагружен боеприпасами. Что делать? Отскочив от окна, схватилась за реверс. Паровоз окутался облаком пара, рванулся и стал быстро набирать скорость. По гулу разрывов бомб, по ударам осколков почувствовала, что бомбежка началась и бомбы рвутся где-то рядом. Еще крепче нажала на регулятор, и поезд вырвался на перегон.

Но стервятники не хотели упускать состав, погнались вслед. Завязался поединок. Чтобы сбить расчеты вражеских летчиков, я набирала скорость, потом резко тормозила. Сброшенные

бомбы рвались то впереди, то позади поезда, не причиняя ему никакого вреда. Растратив боезапас, самолеты улетели.

Я повела поезд обратно на станцию. Вагоны во многих местах были пробиты пулями и осколками. Были раны и на паровозе, но груз остался цел, а это — главное.

Так начался мой боевой путь в дни Великой Отечественной войны.

Военные годы... В жизни каждого человека есть периоды, которые никогда не забываются. Глубокую борозду в моем сердце проложили те, теперь далекие годы...

Советские железнодорожники обслуживали фронт, не щадя своей жизни. Машинисты работали без отдыха, часто по нескольку суток не отходили от реверса, урывая для сна лишь часы. Поврежденные вагоны исправлялись без отцепки, прямо в составе. Когда враг разрушал бомбами устройство водоснабжения, приходилось собирать людей, и они, передавая из рук в руки ведра, наполняли водой тендер паровоза. Нередко за сутки приходилось выдерживать по нескольку налетов авиации.

Помню, в Брянске прицепила я свой паровоз к составу с ранеными в то время, когда враг уже прорвался в город и прямой наводкой своих батарей обстреливал станцию.

Или случай под Орлом. Путеобходчик красным сигналом предупредил, что гитлеровцы перерезали дорогу. Но и сзади был враг. Бросать ставший родным локомотив и поезд было тяжело, и я решила прорваться. Набрав самую высокую скорость, рванулась навстречу врагу и буквально в десятке метров от обалдевших от изумления немецких танкистов вырвалась из кольца. Град пуль и артиллерийские снаряды вреда не нанесли.

Однажды вызвал меня к себе начальник депо. Я тут же явилась, думая, что предстоит срочная поездка к фронту. А он прямо с ходу заговорил о тыле.

— Трудно вам, Лена, здесь...

— Не только мне...— ответила осторожно, почуяв неладное.

— Да, всем трудно, это верно, но вам особенно, и мы решили перевести вас в тыловое депо, куда-нибудь на Урал, в Казахстан,— сказал он, опустив глаза, и добавил мягко: — Ведь вы женщина...

Я вспомнила родное село Дьяківку под Уманью и расплакалась. «Не пущу на паровоз. Не женское это дело»,— говорил отец. С начала войны о родных я ничего не знала. Оттого и заплакала, услышав от начальника депо те же слова, которые говорил мне отец, не пуская учиться на машиниста.

От работы в далеком тылу я наотрез отказалась. И снова вернулась к своему локомотиву. В тот день я особенно усердно чистила его густо избитое осколками тело.

А вечером — в рейс, прямо к передовой. Правда, передовая тогда была рядом: бои шли на подступах к столице. И мы водили поезда в непосредственной близости от неприятеля, часто под непрерывным обстрелом пушек и минометов, в ночной тьме, без единого сигнала. Подвозили боеприпасы, водили составы с ранеными, накапливали стратегические резервы для разгрома гитлеровцев. И я была в числе первых машинистов, которые повели свои локомотивы на запад по освобожденной подмосковной земле...

Летом 1942 года на железнодорожном транспорте начали формироваться паровозные колонны особого резерва. Мой локомотив был зачислен в колонну № 4 , которую тут же перебросили к Сталинграду.

«Несмотря ни на что обеспечить подвоз боеприпасов и продовольствия возможно ближе к городу»,— говорилось в приказе по колонне.

Часто встает перед моими глазами голая, выжженная огнем и солнцем, черная степь. Прорваться через нее поближе к скрытому густым дымом городу было почти невозможно. Я говорю «почти», потому что прорывались. С каким-то нечеловеческим упорством мы водили составы через эту степь. Водили мимо станций, стертых с лица земли, мимо горящих составов, изуродованных, сваленных под откос локомотивов. Сколько раз во время этих поездок приходилось расцеплять состав, чтобы отвести в сторону горящий вагон, пожарными приспособлениями паровоза сбивать пламя, хотя взрыв грозил каждую секунду гибелью! Часто пробоины в котле паровоза заделывались металлическими пробками тут же, среди бушующего пламени.

Конечно, было страшно, очень страшно...

Но страшное не всегда запоминается так, как смешное. На станции Петров Вал, когда началась сильная бомбежка, я вскочила в воронку у паровоза и присела. Повернувшись, заметила, что сижу, тесно прижавшись к холодному металлу невзорвавшейся 250-килограммовой бомбы...

От грохота разрывов бомб почти все члены бригады оглохли. Объяснялись больше жестами. Во время одной бомбежки мне распороло мышцы ноги. Я стала изрядно хромать, но уйти с паровоза отказалась. Разве это было можно? Ведь в городе-герое люди умирали, но не отступали!

Однажды взяла состав с противотанковыми пушками и боеприпасами. Пройдя вдоль поезда, насчитала четыре платформы с зенитными пулеметами.

— Не бойся, сестричка, мы тебя в обиду не дадим. Крой смело! — говорили солдаты-зенитчики.

Ну, и начала крыть, все больше поддавая пару. Проскочила один перегон, другой. На небе ни облачка, жара. Едем мимо бахчей. Кавуны лежат здоровые, медовым соком налитые. Помощник мой пару на паровоз притащил — рассыпчатые, как у нас на селе. Вспомнила родные места и загрустила:

— Где-то сейчас мои старички и как-то им там в неволе?..

Но долго предаваться воспоминаниям не пришлось, враг появился: один разведчик, за ним другой. Держатся высоко, оставляя на безоблачном небе длинные белые хвосты дыма. Раз появились разведчики, следовало ждать бомбардировщиков. И через несколько минут они появились.

— Воздух! — закричал солдат, наблюдавший за воздухом с тендера.

К поезду под углом шли три бомбардировщика, видимо, рассчитывая накрыть нас несколько впереди. Я резко остановила поезд, а зенитчики открыли сильный огонь. Бомбы легли впереди, метрах в ста от паровоза.

Самолеты стали разворачиваться для нового захода, но снижаться не решились: побоялись пулеметов. Два раза они сбрасывали штук по десять бомб, и все впустую: накрыть поезд не удавалось. Тогда они перестроились, между самолетами образовались большие интервалы:

— Не иначе как зажать нас хотят! — кричит мне помощник.— Теперь держись, Лена.

Но держаться не пришлось. Откуда ни возьмись, вынырнула тройка наших истребителей. Вражеские самолеты сейчас же врассыпную, а один сразу рухнул неподалеку от нас. Взрыв был так силен, что мне показалось, будто паровоз на рельсах подскочил. Мы все повеселели, удачно отделавшись от гитлеровских стервятников. Улетая, один из наших ястребков дважды покачал нам на прощанье крылом, мол, счастливого пути.

Проехали две станции, и снова появились вражеские самолеты. Теперь поезд подвергался атакам через каждые 20—30 минут. У одной станции загорелись два вагона, однако бригада успела пожар потушить, не отцепляя их. При новом налете в куски разворотило платформу с пушками. Осколками были убиты два пулеметчика. Что только не делали, чтобы снять

платформу с пути! Гитлеровцы из пулеметов строчат, а мы, не обращая внимания на врага, орудуем тросами, рельсами. Кое-как платформу свалили и состав вновь сцепили.

Ожидая, пока исправят путь, выдержали еще четыре налета гитлеровских самолетов. Когда ведешь поезд, работа кипит, не думаешь об опасности. Стоять же под огнем — приятного мало. К тому же укрыться негде: кругом голая степь, чувствуешь себя словно в западне. Но нужно было держаться, выстоять, назад дороги не было, только вперед, к защитникам волжской твердыни. Там ждали нас, ждали пушки, снаряды, которые мы везли.

Навстречу прошел паровоз.

— А вагоны где? — спрашивали.

Машинист безнадежно махнул рукой. На полу будки лежал с оторванной по бедро ногой механик.

Когда был исправлен путь, поехали дальше. Несколько перегонов проскочили удачно. На одной станции нас никто не встретил, нигде не было ни души. Подошли к землянке дежурного — и все стало ясно: прямое попадание. В живых никого не осталось, кругом только клочья мяса, кровь. На выходной стрелке лежал убитый стрелочник с сигнальными флажками в руке: погиб на боевом посту...

Едем дальше, туда, откуда доносится сплошной гул. К нам привязываются два самолета, летят низко, непрерывно делая заходы. Осколками и пулями пробит тендер, пробоины в котле, разбито водомерное стекло. Кругом парит, в будке дышать нечем. Пришлось остановиться и отцепить четыре вагона. Едва оттащила их на ветку, как в одном вагоне начали рваться патроны. Тут узнаем, что сопровождавшим нас зенитчикам удалось всадить гостинец прямо в брюхо стервятнику. Он задымил и с черным хвостом пошел к земле.

На перегоне — опять налет. Десятка два черных воронок остались позади состава. Думали, проскочили благополучно, и вдруг снова пришлось остановиться: поврежден путь. Появляются путейцы и быстро засыпают воронку, меняют рельсы.

На одном разъезде обстреляли состав термитными снарядами. Загорелись сразу несколько вагонов. Начали водой из паровоза шлангом тушить огонь, работали, словно пожарники, и спасли вагоны.

На следующую станцию въехать нельзя было — там рвались вагоны со снарядами. Наступала ночь, но от зарева было светло: горизонт от края до края полыхал огнем. Проехали

станцию уже глубокой ночью. Чудо как быстро солдаты уложили обходной путь. Теперь отчетливо была слышна непрерывная канонада. Это город-герой!

Сначала на паровозе сидел комендант эшелона, затем ушел, сказав улыбнувшись:

— Боялся, что сбежите. Все-таки женщина. Теперь вижу: не сбежите!

Выгрузились быстро, буквально за час. Бойцы работали не разгибаясь. Я подсчитала, сколько довела вагонов, и совестно стало. «Может, не умею работать?» — подумала. А полковник, руководивший выгрузкой, поднялся на паровоз, пожал мне руку, обнял, поцеловал. У самого глаза красные, видно, давно не спал.

— Спасибо всем вам, железнодорожникам, спасибо. Дни сейчас трудные...— сказал, продолжая пожимать руку.

Обратно ехали немного быстрее, хотя воздушные бандиты не оставляли нас ни на минуту. Одна бомба угодила прямо в тендер. Бросить ставший родным локомотив было больно. Дорого тогда Родине стоил каждый паровоз. Сколько нам, машинистам, приходилось видеть на откосах путей безжизненных, изувеченных машин! А заводы страны выпускали танки, минометы. Пришлось подумать, как спасти локомотив. Начали латать развороченный тендер досками, просмоленным брезентом и своим ходом привели паровоз в подмосковное депо на ремонт.

Теперь даже не верится, что все это могло быть...

И вот нашу колонну перебросили в глубокий тыл. Механики ворчали, подавали рапорты с просьбой перевести их в колонны, обслуживающие фронт. Но мы тогда были на военном положении, и приказ начальства нужно было выполнять, как военный приказ. Скоро мы убедились, что нам предстоит выполнить задание не менее трудное, чем на фронте.

Тогда, в 1943 году, хозяйство страны уже работало слаженно. Фронт получал все необходимое: достаточно танков, артиллерии, самолетов. Но с топливом было еще плохо. Нам постоянно напоминали о бережном расходовании угля. Особенно большие трудности с углем переживали центральные районы страны, до войны потреблявшие в основном уголь Донбасса и Мосбасса. В 1943 году Донбасс только еще начали освобождать, а Мосбасс лежал в развалинах. Некоторое время уголь в эти районы поставляли из далекого Кузбасса, за тысячи километров.

Ближе находился Воркутинский угольный бассейн, расположенный в низовьях Печоры. И здесь быстрыми темпами были

развернуты горные работы. В несколько месяцев не только была налажена добыча угля, но и построена железная дорога для его вывоза.

Северо-Печорская дорога змейкой тянется по лесам среди необозримых болот. Природа здесь суровая, и условия жизни в период освоения магистрали были тяжелые.

Но страна требовала воркутинский уголь...

Колонна № 4 паровозов особого резерва перебрасывается на Северо-Печорскую дорогу. Приказ по-военному точен: обеспечить вывоз угля! В эту зиму на Севере стояли лютые морозы. Термометр неделями показывал 55—60 градусов ниже нуля. На станциях рельсы цепко схватывали сталь колес, замерзала смазка в буксах, и нередко мощные локомотивы были бессильны тронуть с места тяжелые составы с углем.

И в эти морозы нам, машинистам, приходилось десятки часов не отходить от реверса, высунувшись из будки, смотреть вперед, принимая бьющий в лицо ледяной ветер. Слезились глаза, лицо деревенело от жестокого мороза. А рядом, в огневой коробке паровоза, клокотало пламя, и волна горячего воздуха обдавала машиниста всякий раз, когда раскрывалась дверца топки. От разницы температур ныло все тело, судорожная дрожь охватывала с головы до ног.

Да, это был новый фронт, работа здесь предстояла нелегкая. Морозы и непрерывные бураны — опасные враги для машиниста, да еще на новой дороге, к профилю которой нужно было привыкать. Хорошо, что я основательно подготовила паровоз к зиме. Все его части были тщательно утеплены. От войлока на маслопроводных трубках до брезента в будке — все предусмотрено, приглажено. И локомотив служил верно, ни разу не подвел.

Путь от Ижмы до Княж-Погоста далекий, но мне казалось, можно сократить время пробега. Все рассчитав — а времени на размышления у реверса было много,— я однажды подошла к селектору и вызвала диспетчера дороги.

— Я проведу состав за 11—14 часов, дайте только «зеленую улицу»,— попросила я диспетчера.

Видно, он сомневался, потому что ничего определенного не сказал. И мне его сомнения были понятны. Слишком необычным было мое предложение для местных условий. Движенцам изрядно надоели жалобы многих машинистов на трудности, вечные опоздания поездов и брошенные составы на промежуточных станциях.

И все же началось большое соревнование за скоростное продвижение по дороге угольных маршрутов. Ничто не действует

так убедительно, как живой пример. Видимо, было задето самолюбие «местных» машинистов, потому что вскоре мое время пробега повторил один, затем другой. То, что считалось недостижимым, становилось обычным. Конечно, это было не легко. Требовалось большое напряжение сил, энергии, внимания, приходилось бороться за каждую минуту, зорко следить за тем, как топил помощник, помогать ему, расчетливо использовать профиль участка. Борясь за время, приходилось отказываться от дополнительного набора топлива в пути. Да, было трудно, но разве тем, кто в эти часы лежал в окопах или шел сквозь пургу, под огнем вражеских батарей в атаку, было легче? Машинисты это прекрасно понимали, и особенно те, кто прибыл с колонной № 4. Перед их глазами, где бы они ни работали в то время, стояла немеркнущая картина волжских боев...

Вскоре почти все машинисты дороги включились в соревнование за скоростное движение поездов, начали водить тяжеловесные поезда в два-три раза быстрее, чем прежде. Это в значительной мере способствовало улучшению положения с вывозом угля из Печорского бассейна...

Летом 1943 года я оказалась под Курском, как раз тогда, когда там развернулись жестокие бои. На одном из участков в глубоко эшелонированную линию нашей обороны вклинились немецкие механизированные части. Остановить их продвижение могли только наши тяжелые танки. И вот танковая бригада грузится буквально в считанные минуты. Мне приказано доставить эшелон непосредственно к месту прорыва гитлеровцев. Вижу, генерал — командир бригады смотрит на меня с недоверием.

— Мы должны быть в Н-ске через час и ни минутой позже,— сурово говорит он.

В пути эшелон семь раз попадал под бомбы гитлеровцев. Казалось, не прийти вовремя в указанный в маршрутном листке пункт. Даже видавший виды генерал начал нервничать. Рядом рвутся бомбы, а он все на часы посматривает. Наконец добрались до нужной станции. Оказалось, не только не опоздали, а прибыли на десять минут раньше.

У самой станции шел бой. Мгновенно были сброшены приставные площадки с платформ, и танки с ходу, один за другим ринулись в атаку. Гитлеровцы были отброшены от станции, и скоро шум боя отодвинулся довольно далеко.

...Наша армия победоносно продвигалась на запад. По только что восстановленным военными железнодорожниками колеям вслед за войсками, почти вплотную к линии фронта двигались наши составы. Брянск, Унеча... Вот и освобожденная, ставшая

мне родной белорусская земля. В Гомеле, где жила моя сестра, я училась до войны, здесь получила специальность машиниста. Нельзя было без содрогания смотреть на картину разрушений в близких сердцу местах. Вместо станции встречали нас зияющими глазницами окон остовы зданий. Один-два только что восстановленных пути. Остальные перебиты в десятке мест, у каждого стыка. Шпалы выворочены путеразрушителем. Оборудование депо вывезено подчистую, здания, поворотные круги подорваны. Ничего, кроме развалин, не осталось и от красавца Гомеля. Исчезли десятки кварталов...

Всегда буду помнить ноябрьскую ночь 1943 года. Лил сильный дождь. Когда поезд прибыл на небольшую промежуточную белорусскую станцию, к паровозу подбежал дежурный по станции.

— Механик, ваша фамилия Чухнюк? — спросил.

— Верно! — ответила я.

— Скорей идите к телефону. Вас срочно вызывают из штаба колонны! — снова донесся из темноты голос дежурного.

Я взяла телефонную трубку. Издалека услышала знакомый голос начальника колонны Николая Павловича Ломовцева. С волнением в голосе он поздравил меня с присвоением звания Героя Социалистического Труда. В штабе слышали Указ Президиума Верховного Совета СССР, только что переданный по радио.

Трудно было сразу поверить словам начальника. А когда поняла, что это не шутка и не сон, всю меня охватила волна большого счастья и горячей благодарности партии, народу. И долго я не могла прийти в себя от волнения, даже забыла, что телефонная трубка в руках.

Радостно было сознавать, что я одна из трех женщин в стране — все три железнодорожницы,— получивших это высокое звание. Одновременно со мной звание Героя Социалистического Труда было присвоено работнице Кировской железной дороги Жарковой и героине обороны Ленинграда стрелочнице Александровой.

«За что меня наградили? — думала я, возвращаясь к паровозу.— Неужели сделала что-то необычное?» Ведь все, что делала, нужно было делать.

Капли дождя текли по лицу, смешиваясь со слезами радости...

ОГНЕМ, БОЕМ, ЖЕЛЕЗОМ

Полтора месяца наш героический Сталинград находился в условиях жесточайшей осады. Областная и городская партийные организации выдержали суровый экзамен, экзамен огнем, боем и железом...

Уже в первые дни войны город начал жить новой жизнью, жизнью военного времени. Его промышленные предприятия, производившие мирную продукцию, быстро перестроились на выпуск боевой техники для удовлетворения нужд фронта. Тракторный завод, например, перешел на конвейерный выпуск боевых машин. Реконструированный блюминг завода «Красный Октябрь» давал все больше проката оборонного назначения.

В городе было организовано серийное производство танковых и авиационных бронекорпусов, бронеобмундирования, бронекатеров, артиллерии и минометов разных калибров, автоматов, боеприпасов и другого военного снаряжения.

На предприятиях города и области родились фронтовые производственные бригады, девизом которых было: «Все для фронта, все для победы!». В ходе соревнования выполнялись по две, три и четыре нормы в смену. На тракторном заводе образцы самоотверженного труда показал кузнец Васильев, давший рекордную выработку — 2800 шатунов за смену, кузнецы и штам-

новщики Яковлев, Шигаев, Медунов, Белоусов, Бородин, Матвеев и др. На металлургическом заводе «Красный Октябрь» постоянно выдавали скоростные плавки сталевары Черкасов, Алешкин, Потапов, отличились мастера блюминга Тарасов и Дегтярев.

Патриотизм волжан в те дни был огромен.

Днем и ночью приходили они в обком и горком партии, в городской комитет обороны, в облисполком, в райкомы партии с различными ценными предложениями. Сотни изобретательских и рационализаторских предложений было принято от трудящихся города и области в те дни.

Как-то в городской комитет обороны пришел рабочий-рационализатор с завода «Баррикады». Он сразу озадачил своим предложением: с помощью сконструированного им приспособления можно было стрелять из винтовки бутылками с зажигательной жидкостью по вражеским танкам и сжигать их.

Решили немедля выехать на полигон и проверить приспособление. Договорились, что мишенью будем мы — трое работников городского комитета обороны. Поставили условия: на дистанции 500 метров стрельба ведется одной бутылкой, 300 метров — тремя бутылками, на дистанции 150 метров — пятью бутылками.

Отошли мы на дистанцию 500 метров и дали условный сигнал начинать стрельбу. Последовал винтовочный выстрел, и по строгой траектории с визгом понеслась на нас бутылка с зажигательной жидкостью. Едва успели отскочить в сторону, как бутылка взорвалась, полыхнув пламенем.

На дистанциях 300 и 150 метров положение «мишени» оказалось весьма тяжелым, так как на нас уже летело три, а потом пять бутылок с зажигательной смесью.

Предложение рабочего-изобретателя было принято и использовано нашими истребителями фашистских танков во время обороны города.

В 1942 году гитлеровцы повели наступление на южном участке фронта, намереваясь прорваться к Волге, захватить нефтеносные районы Кавказа. В июле бои развернулись на дальних подступах к нашему городу, потом в Донской излучине.

Ежедневно 150 тысяч трудящихся города и области выходили на строительство оборонительных рубежей. Приводились в боевое состояние уже готовые рубежи и противотанковые рвы, поврежденные весенним паводком и подпочвенными водами. Возводились дополнительные линии оборонительных укреплений. Сооружались укрытия для населения. Спешно строились

важные железнодорожные линии, многочисленные донские и волжские паромные переправы, линии связи, аэродромы и посадочные площадки, мосты, дороги и другие сооружения.

В связи с участившимися налетами вражеской авиации были приняты срочные меры по укреплению противовоздушной обороны города. В частности, несколько сотен неиспользованных артиллерийских установок были переделаны на зенитные. Боевые расчеты этих установок комплектовались из рабочих, артиллеристов частей народного ополчения.

К борьбе с врагом готовились восемь истребительных батальонов, корпус народного ополчения, в состав которого входили стрелковая дивизия, танковая бригада, артиллерийский полк, минометный дивизион, рота автоматчиков, рота связи и казачья кавалерийская дивизия, сформированная на Дону.

В связи с нависшей угрозой труженики области проявили большую заботу о государственном и колхозном имуществе. Из фронтовой полосы были эвакуированы машинно-тракторные станции, вывезены запасы хлеба и другое имущество. Оставался скот только у отдельных колхозников, которые еще не ушли в тыл. Как было поступить с этим скотом? Решили посоветоваться с Москвой, с А. И. Микояном. Последовал ясный и категорический ответ:

— Перегонять в тыловые районы только скот колхозов и совхозов. От колхозников принимать на добровольных началах, причем с обязательством возврата по требованию.

— Но противнику могут остаться десятки тысяч голов скота,— высказали мы свое мнение.

— Советская власть не может применять меры принуждения по отношению к колхозникам,— категорически заявил А. И. Микоян. — Партийные и советские работники обязаны поговорить с колхозниками, предупредить их, что если они не доверят свой скот Советской власти, то его заберут фашисты.

После разъяснительной работы, проведенной партийными и советскими работниками среди населения, тысячи голов скота были своевременно эвакуированы из районов прифронтовой полосы за Дон и Волгу.

В те дни каждый воин с болью в сердце переживал суровое предупреждение: «Кто отступает — совершает преступление». Борьба с паникерами являлась одним из условий повышения боеспособности частей на фронте, трудовой дисциплины на предприятиях города. Помнится, в поселок «Красная слобода» возвращалась из города группа старух, продавщиц молока.

Устроились женщины на пароме, ходившем через Волгу. В это время к парому подошла машина. Приехавший на ней военнослужащий грозным голосом приказал:

— Выбросить женщин с бидонами!

70-летняя старуха гневно возразила:

— Сынок, зачем же ты меня будешь выбрасывать? Ведь у нас разные дороги. Я еду домой, в слободу, а ты куда, милый, бежишь? Твой маршрут вон на машине написан: «Вперед, на запад!» Что ж ты, дорогой, перепутал, где восток, а где запад?..

— Не твое дело, бабка, в наши дела военные соваться,— горячась ответил военнослужащий.

— Нет, мое это дело! Пора и честь, сынок, знать! Пробежал много, а уж за Волгу бежать стыдись, пора и опомниться! — сурово сказала старуха.

— Правильно, бабка! — раздалось со всех концов.

Наблюдавший эту картину комендантский патруль после проверки документов предложил беглецу вместе с машиной проследовать в комендатуру города.

7—8 августа 1942 года войскам противника удалось вклиниться в нашу оборону на южном участке фронта и выйти к Красноармейску. Создалась серьезная угроза нашему городу с юга. По предложению командующего фронтом А. И. Еременко городской комитет обороны в течение ночи скомплектовал и отправил на фронт несколько артиллерийских дивизионов и танковых подразделений, оснащенных на предприятиях города и укомплектованных танкистами и артиллеристами из числа обученных рабочих. Наступление вражеских войск было отбито. Враг потерял десятки танков и много другой военной техники.

Потерпев поражение на южном участке фронта, немецко-фашистские войска предприняли танковое наступление в излучине Дона. Чтобы остановить врага, нужно было много боевой техники.

Член Военного совета фронта Н. С. Хрущев поставил перед областной партийной организацией задачу: с 13 по 20 августа удвоить выпуск боевых машин в городе.

— В настоящее время,— говорил Н. С. Хрущев,— наша армия ведет кровопролитные танковые бои в излучине Дона. Враг заставляет нас отходить прежде всего из-за его преимущества в танках. Мы должны противопоставить врагу нашу мощь. Ваш город может и должен резко увеличить выпуск боевых машин для фронта.

Все лучшие силы городской и областной партийных организаций, все резервы промышленных предприятий были поставлены на выполнение фронтового заказа. И ежедневно на фронт отправлялись все новые и новые соединения боевых машин.

19—21 августа 1942 года немецко-фашистским войскам удалось переправиться через Дон, а 23 августа прорваться на северо-западном участке фронта к Волге. Создалась напряженная обстановка. Городской комитет обороны принял решение о направлении на фронт истребительных батальонов и частей народного ополчения.

Первым вступили в бой тракторозаводцы. 1200 рабочих-автоматчиков пошли в наступление на врага. Их прикрывали 60 танков, снятых в этот день с конвейера.

На помощь тракторозаводцам поспешили истребительные батальоны и части народного ополчения заводов «Баррикады» и «Красный Октябрь», батальоны Дзержинского и других районов. Попытка немецко-фашистских войск с ходу овладеть городом провалилась.

В боях на подступах к тракторному заводу пало много верных сынов рабочего класса нашего города — бойцов и командиров истребительных батальонов и частей народного ополчения. Среди них И. А. Симонов, П. Л. Кондратьев, И. А. Фомин, А. М. Момотов, Н. Вычугов, Г. П. Поздныпев, А. П. Кузьмин, С. Ч. Бондарев, И. М. Орлов, О. К. Ковалева — женщина-сталевар.

В эти дни фашистская авиация обрушила на город тысячи фугасных и зажигательных бомб, пытаясь смести его с лица земли. Совершалось по 2 тысячи самолето-вылетов в день. Шли непрерывные воздушные бои. По эскадрильям врага вели огонь свыше 500 зенитных орудий. Только за 23 августа наши зенитчики сбили 90 вражеских самолетов.

Трудными были эти дни. Они стоили жизни многим тысячам жителей города. На наших глазах враг беспощадно разрушал все, что создавалось напряженным трудом. В огне чудовищных пожаров, под бомбами гибли фабрики и заводы, жилые дома, памятники старины.

25 августа город был объявлен на осадном положении. 7500 патриотов взялись за оружие и сражались на подступах к городу вместе с частями Советской Армии. 5600 рабочих с наших предприятий пошли добровольцами в отряды саперов и под огнем врага днем и ночью возводили дополнительные оборонительные укрепления. 15 тысяч жителей города героически боролись с огненной стихией в частях местной противовоздушной

Рабочие тракторного завода совместно с танкистами ремонтируют поврежденные на фронте танки. 1942 г.

обороны. Они тушили пожары, спасали женщин, детей, стариков, выводили их в безопасные места. 43 тысячи юношей и девушек города вступили добровольцами в Советскую Армию.

В эти тяжелые дни в боевые подразделения 62, 64, 57-й армий влилось свыше 75 тысяч жителей города, в основном рабочих, сменивших станки на боевое оружие.

29 августа немецко-фашистское командование предприняло новое наступление, теперь по направлению к центру города. Положение чрезвычайно обострилось.

Член Военного совета фронта Н. С. Хрущев предложил укрепить фронт в месте прорыва врага силами ополченцев, так как свежих боевых резервов не было. Обком партии и городской комитет обороны объявили призыв 1000 коммунистов, комсомольцев и рабочих предприятий. Откликнулись 1245 бойцов народного ополчения и истребительных батальонов. Первым прибыл на позиции 2-й батальон металлургов завода «Красный

Октябрь», состоявший из 256 рабочих, преимущественно коммунистов. Вместе с частями 10-й дивизии войск НКВД подошедшие резервы отразили вражеские атаки и не допустили гитлеровцев к центру города.

На подступах к городу шли ожесточенные бои, а на заводах самоотверженно трудились оставшиеся рабочие, обеспечивая фронт боевой техникой и снаряжением. Даже тогда, когда фашистская авиация нещадно бомбила заводы, а артиллерия прямой наводкой била по цехам, на предприятиях не прекращалась работа. На цехи тракторного завода было сброшено около восьми тысяч фугасных бомб. Завод был разрушен, но работал до конца. В сентябре 1942 года он сдал фронту свыше 200 боевых машин и 150 тракторов-тягачей. На уцелевших стенах главной конторы завода рабочей рукой было написано: «Фашисты! Вы проклянете день, когда пришли сюда. За вами по пятам ходит смерть! И нет для вас другой дороги, кроме как в могилу».

Металлургический завод «Красный Октябрь» в сентябре, когда сталь невозможно было плавить, перешел на ремонт гвардейских минометов, производство окопных печей, ежей для оборонительных линий, шанцевого инструмента и т. п.

Те, кто оставался в цехах, считали себя обиженными, рвались на фронт, чтобы отомстить врагу за свой город, за свои страдания. Старейшие металлурги завода «Красный Октябрь» Шамов, Невежин, Рычков, которым в то время перевалило за 60 лет, потребовали от секретаря Краснооктябрьского райкома партии Кашенцева отправить их с истребительным батальоном на передовые позиции. Долгие объяснения не дали результатов, старики настаивали на своем. Тогда Кашенцев предложил им заменить ушедших на фронт бойцов пожарной команды. Негодующе поворчав, старики заявили:

— Ну, хорошо, согласны. Пожарная охрана — это тоже теперь передовая линия огня,— и пошли выполнять боевое поручение.

Изумительный героизм и отвагу на трудовом посту проявил коллектив мельницы № 4 под руководством директора коммуниста Кошелева и секретаря горкома партии по промышленности Стыркина. Находящаяся в центре города, под непрерывным артиллерийским обстрелом с Мамаева кургана, подвергнутая многократной бомбежке, мельница ежедневно вырабатывала до 200 тонн муки для фронта и городского населения. И только после 14 сентября 1942 года, когда бои велись в центре города, мельница прекратила свою работу. Полуразрушенное, изреше-

ченное пулями и осколками здание мельницы сохраняется как памятник беспримерного мужества.

На городскую ГРЭС гитлеровцы выпустили 900 тяжелых снарядов, сбросили свыше 200 авиабомб. Однако станция бесперебойно обеспечивала город электроэнергией почти в течение всей обороны. По две-три смены подряд стояли на боевом посту у котлов и турбин фронтовые бригады старшего кочегара Харитонова, мастеров Воскобойникова и Разметчикова. В самые тяжелые для города дни партийно-хозяйственные руководители ГРЭС — директор Землянский, парторг Климов, главный инженер Зубанов и другие — всегда были на своих постах, всегда с коллективом станции.

О героической работе коллектива ГРЭС свидетельствует такой факт. После длительной непрерывной бомбежки 23—28 августа на протяжении многих километров была повреждена высоковольтная электросеть города. Остановились промышленные предприятия, прекратилась подача воды, что парализовало борьбу с пожарами. Было решено немедленно восстановить электросеть. На линию вышли ремонтные бригады ГРЭС под руководством Столярова и Панкова. В рекордно короткие сроки электроснабжение было восстановлено. Во время этой героической работы под градом осколков авиабомб погибли 16 рабочих.

С предельным напряжением сил работали железнодорожники, речники Нижне-Волжского пароходства. Фронтовые бригады железнодорожников и водников приняли на себя немало ударов вражеской авиации и артиллерии, но не оставляли своих постов, самоотверженно обслуживали фронт.

Вот пример стойкости и мужества железнодорожников. Станция Сарепта, находясь длительное время в блокаде, обеспечивала под постоянным огнем противника перевозку войсковых частей и боевой техники. Волевой командир этой станции коммунист Сурков, впоследствии удостоенный звания Героя Социалистического Труда, умело организовал работу.

Когда Сарепта оказалась под жесточайшей авиационной бомбежкой, составитель поездов Андропов вывел из бушевавшего огня 127 вагонов с фронтовыми грузами. Составитель поездов Ткаченко, рискуя жизнью, предупредил взрыв 50 вагонов боеприпасов. Старший стрелочник Игнатов вывел в безопасное место маневровый паровоз с 28 вагонами груза. Расчистив от завалов стрелочную улицу, машинист Плешаков и секретарь узлового парткома Прохоров вывели из горящего депо 13 паровозов.

Бессменно работали водники, обслуживая фронт. Помощник капитана катера «Вторая пятилетка» Н. В. Воробьев заменил погибших на посту капитана Кадомцева и его помощника Быкова и всю навигацию перевозил раненых и фронтовые грузы. Механик парохода «Ласточка» В. Д. Григорьев, пренебрегая опасностью, закрыл во время сильного пожара бензопровод и спас от гибели стоявшие рядом суда. Смертью храбрых погибли капитан парохода Рачков, начальник причала Смирнов, заведующий транспортным отделом горкома партии Егоров, работавший комиссаром парохода.

Участок фронта, проходивший по северной окраине завода «Баррикады», защищала 308-я (впоследствии 39-я гвардейская) дивизия полковника Гуртьева. В составе дивизии была рота из рабочих завода. Командир роты старший лейтенант Бурлаков сообщал: «Командиру 308. Доношу, что 14. 10. 42 в личном составе потерь нет. Район завода и Нижнего поселка подвергался тяжелому артиллерийскому и минометному обстрелу, который продолжался всю ночь. Продолжалась непрерывная бомбежка с воздуха. Созданные на заводе укрепления частью разрушены, частью испорчены. Устроено 13 индивидуальных стрелковых окопов и устроены амбразуры. Бурлаков».

«Командиру 308. Доношу, что цехи 43 и 19 заняты противником. Гарнизон роты попал в окружение, связь с ним прервана. Северо-западнее находятся шесть танков противника. Нахожусь в обороне с отрядом рабочих. Положение серьезное. Бурлаков».

«Доношу, что при обороне завода в ночь с 16 на 17 в 10. 42 рабочий отряд 2-й роты занял оборону северо-западнее угла завода. Утром с соседнего участка прорвалась большая группа немцев. Часть их уничтожили. Положение серьезное. Ст. лейтенант Бурлаков».

Рота Бурлакова, состоявшая из рабочих, почти вся погибла. 17 октября подошли свежие силы дивизии полковника Людникова и заняли рубеж, который был удержан ценой жизни многих патриотов.

Об упорстве и стойкости бойцов рабочих отрядов писал 3 октября в своей полевой книжке фашистский обер-лейтенант Гуго Вайнер, убитый вскоре при атаке одной из баррикад в заводском поселке: «Мы и раньше слишком хорошо знали дьявольское упорство русских, которое они проявляют в бою, если этого захотят. Но такого упорства от них мы все же не ожидали. Это оказалось для нас слишком неприятным сюрпризом.

Наш полк тает, как кусок сахара в кипятке. Этот город — какая-то адская мясорубка, в которой перемалываются наши части. Запах разложившегося мяса и крови преследует меня. Я не могу есть и спать. Меня рвет от этого проклятого города. Боже, зачем ты отвернулся от нас!»

Усилиями воинов Советской Армии, ее солдат, офицеров и генералов, усилиями рабочих нашего славного города, усилиями всего советского народа, под руководством Коммунистической партии немецко-фашистские полчища у Волги были окружены и уничтожены.

Прошло с тех пор много лет, но память о героическом подвиге города у Волги жива. Она будет жить в веках.

ПОД ЗЕМЛЕЙ

Парторг Чекушкин, прибыв из Сталинграда, собрал актив и рассказал о том, что там происходит. Его речь была скупа, но ясна. Каждый понимал, что означал выход врага к заводским поселкам.

Тут же стихийно собрался митинг.

Люди говорили, а где-то рвались бомбы, стучали зенитки. Над правым берегом стлался дым — это горел наш родной город.

Выступали многие. Даже те, кто никогда не сказал слова на собраниях, поднимались на трибуну. Говорили коротко, но так, словно клятву давали. Рабочие поклялись бороться до последней капли крови за родную Волгу, за любимый город.

С этих дней — а это было в конце августа 1942 года — заводские будни стали еще более напряженными. Люди стали и дисциплинированнее, и дружнее. Тот, кто давал одну норму, стал работать за двоих, троих. Трудились, не жалея сил, не зная усталости. Здесь же, на заводе, рабочие проводили тревожные ночи, забываясь чутким и недолгим сном.

Над поселком и судоремонтным заводом все чаще появлялись фашистские бомбардировщики, выли сирены, падали фугаски...

Постепенно люди привыкли к опасности. Когда однажды потребовалось срочно доставить баржу с готовыми изделиями на

правый берег, в желающих не было недостатка. Даже женщины просились. Отобрали тех, кто первыми изъявили желание отправиться в опасный рейс. Во главе группы ушел коммунист Ситняковский.

«Юнкерсы» кружились над Волгой. От разрывов бомб баркас с баржей бросало из стороны в сторону. Осколки впивались в деревянную обшивку. Когда добрались до середины реки, бомбежка усилилась. Гитлеровцы решили не пропускать баркас на правый берег. От взрывов бомб фонтаны воды поднимались высоко в небо, потом падали густым дождем. Мы наблюдали за трудным рейсом наших товарищей и уже хотели, чтобы они вернулись обратно. Но мужество, упорство победили: люди сделали свое дело.

Гитлеровцы зажгли цехи завода, которые находились на правом берегу. Начальник одного из этих цехов коммунист Куница с рабочими Никитенко и Трояном вынесли из огня все ценные чертежи, ящики с инструментами и доставили их под обстрелом на левый берег.

...Поселковая баня находилась неподалеку от завода. По старой привычке сюда приходили местные жители с чистыми узелками. Но теперь всех, кто хотели помыться, ждало разочарование: баня была закрыта. У дверей стояла девушка из заводской военизированной охраны.

— Нынче баня, видать, не работает? — спрашивали жители.

— Баня сегодня выходная! — скупо отвечала девушка.

Выходной день в бане длился, однако, долго. Но баня работала! Днем и ночью работала: в ней был оборудован один из новых цехов завода. Здесь изделия завершали свой путь перед отправкой на фронт.

В сгоревших цехах одного завода остались тысячи готовых изделий, которые необходимо было пропустить через последнюю, ответственную операцию. И вот темной ночью взял я группу рабочих и под огнем отправился на заводском баркасе на правый берег, к территории сгоревшего завода. В хаосе разрушенного оборудования судоремонтники нашли свои изделия и за четыре ночи перевезли их на левый берег, в баню.

Для работы в новом цехе отбирали лучших и преданных людей. В большинстве это были женщины и девушки. Работу цеха возглавил энергичный мастер Овчинников.

Руководители завода, партийная организация, весь коллектив жили в эти дни делами «бани».

Ловко работали девушки. Тон задавала судоподъемщица Клавдия Рубцова. Часто был слышен ее звонкий голос:

— Девушки, милые, давайте поскорее!

И работницы спешили. Вскоре они стали выполнять нормы специализированных заводов. «Баня» сначала давала 200 штук изделий, потом 500—600 и, наконец, 1200!

Через несколько дней рабочие завода получили возможность проверить качество своей продукции. Крепко запомнили ее гитлеровские бандиты...

Поселок и завод подвергались систематическим налетам: что ни день — то две-три бомбежки. Вражеские бомбы, артиллерийские снаряды и мины обрушивались на заводские цехи, жилые дома, на пароходы и баржи, стоявшие в затоне. Люди самоотверженно боролись с огнем, спасали станки, машины, отстаивали все, что можно было отстоять, от испепеляющего огня.

Если нельзя было стоять у станка днем, работали ночью. Заводоуправление перебралось в блиндаж. На наблюдательных постах несла сторожевую вахту наша молодежь. Так продолжалось до тех пор, пока не стало очевидным, что завод больше работать уже не сможет. Нужно было перевести его куда-нибудь в более безопасное место.

И вот в тринадцати километрах от завода, на хуторе колхоза имени Фрунзе, началась новая необычная работа.

— Нельзя будет работать на земле,— говорили судоремонтники,— зароемся в землю.

И действительно, вскоре завод стал работать под землей. Появились землянки-цехи, землянка-электростанция, землянка-столовая, землянка-баня. За короткий срок под землей вырос целый городок, шутливо названный «копай-город».

Отсюда посылали летучие бригады на фронтовые переправы для срочного ремонта поврежденных судов, для подъема затонувших пароходов, для установки понтонов на волжских переправах. Неутомимо работал начальник судоподъемного цеха Шарипов, которого днем встречали на одной переправе, а вечером — на другой. Плотники Ушанов и Аблеев, механик Генкин, котельщик Грачев, слесарь Жирнов и многие другие кадровики завода забыли, что такое сон, отдых.

Хутор колхоза имени Фрунзе быстро приобрел популярность среди воинских частей. Регулировщики фронтовых дорог, затерявшихся в Ахтубинской пойме, безошибочно показывали, как туда проехать. Шли на хутор грузовики, легковые автомобили, мотоциклы. Здесь их «лечили», меняли детали, возвращали к жизни.

Когда лед сковал Волгу и инеем разукрасились ахтубинские леса, завод перевели на «зимние квартиры», в Булгаков-

ский затон. Отвердевшая от январских морозов земля звенела под кайлами строителей нового «копай-города». На скатах неглубоких оврагов появились первые землянки. Под землей снова заработали кузница, литейная, электростанция, хлебопекарня. Опытные мастера утеплили эти подземные цехи; в жилых землянках люди старались создать хотя бы самые элементарные удобства.

Новый адрес завода быстро узнали фронтовики. Сюда за десятки километров приезжали представители воинских частей с различными заказами.

Наступила ранняя зима, суда вмерзли в лед там, где их застал мороз. Их надо было ремонтировать. Заводские мастера разъезжали по зимовкам, чтобы на месте установить объем работ, помочь советом, делом. Следом за ними шли бригады слесарей, плотников, судоподъемщиков.

У судов, работавших в ледовых условиях, особенно часто ломались гребные колеса. В кузнечном цехе создалось напряженное положение: кузнецы не справлялись с изготовлением колесных деталей. Я предложил костыли и полубабки изготовлять не кузнечным способом, а путем сварки. Дело пошло на лад.

Большим событием явился пуск парового молота, установленного в землянке. Теперь кузнец Марченко вместо трех костылей для гребных колес давал за смену десять.

Люди сильно уставали, но вечерами часто собирались в просторной землянке заводского парткабинета. Здесь можно было послушать последние известия по радио, прочитать последний номер газеты. Сюда часто приходили коммунисты. Их приглашал парторг. Здесь горячо спорили, критиковали начальников цехов и мастеров, вносили свои предложения...

Не забывали мы и оставленный нами полуразрушенный завод. Когда было время, ездили посмотреть на него, заглянуть в родные углы. Ходили по опустевшим цехам, прикидывали, строили планы.

Как только Советская Армия разгромила окруженную у Волги группировку врага, судоремонтники вернулись на свой завод. Сразу же закипели восстановительные работы. Очищали цехи от обломков железа и кирпича, собирали уцелевшее оборудование. Первым был пущен цех ширпотреба, возрождалась жизнь и в других корпусах. Но завод под землей продолжал еще служить главной базой для ремонта и восстановления флота в горячую преднавигационную пору.

К. М. САЗЫКИН

БОЕВОЙ РАБОЧИЙ БАТАЛЬОН

23 августа 1942 года по заводу пронеслась тревожная весть:

— Враг вырвался к городу!

Истребительный батальон завода спешно собрался и вышел за город, туда, откуда с воем и визгом летели снаряды и мины...

Сталинградские металлурги делали все, что требовал от них фронт. Они значительно увеличили выпуск стали, необходимой для оборонной промышленности. По просьбе командования фронта был организован капитальный и текущий ремонт машин для минометов. Нужно было, и металлурги освоили также производство сложных приспособлений для минометов, стальных ежей для противотанковых заграждений, бронированных колпаков для дотов. Когда встал вопрос о шанцевом инструменте для населения, работавшего на строительстве оборонительных рубежей, коллектив завода в короткий срок обеспечил выпуск тысяч лопат, кирок, ломов.

В июне 1942 года был организован на заводе истребительный батальон.

Среди бойцов-рабочих было немало участников обороны Царицына, такие, как наш командир Позднышев, пулеметчик Бондарев (нормировщик блюминга), боец Жиряков (из сорто-

вого цеха). Все они воевали в 1918 году. Мне тоже пришлось сражаться на фронтах гражданской войны...

И вот 23 августа обстановка потребовала, чтобы мы, не прекращая усиленной работы завода, организовали вооруженный отпор врагу. По боевой тревоге люди пришли в штаб батальона из цехов, с огородов, из дому. Некоторые были одеты в праздничную одежду, так как было воскресенье.

Наиболее пожилые бойцы батальона заняли оборонительный рубеж у нашего завода, в Вишневой балке, а остальные выступили на тракторный, к реке Мокрая Мечетка. Здесь я заметил среди бойцов Ольгу Ковалеву, не числившуюся в батальоне. Обыкновенно встречал ее в цехе, у печи, одетую, как мужчина, в брюки, а тут она была в сером женском костюме, праздничной косынке. У нее был выходной день, она собиралась в город и не успела переодеться.

На заводе «Красный Октябрь» Ковалеву знали все. Это была женщина средних лет, выросшая в Дубовском детском доме, работавшая на заводе сначала каменщиком горячей кладки, потом помощником сталевара и сталеваром. Кажется, она была первой женщиной-сталеваром в Советском Союзе. Ее бригада считалась передовой в мартеновском цехе, занимала в соревновании сталеплавильщиков ведущее место.

Так как Ольга в батальоне не числилась, я сказал ей:

— Уходи, Ольга! Твое место не здесь.

Она не ответила. Мне пришлось несколько раз повторить:

— Уходи, Ольга!

Она посмотрела пристально на меня своими черными глазами и твердо сказала:

— Никуда я не пойду, и ты не выгоняй меня.

Спорить с ней было трудно, это была женщина резкая, суровая. Посоветовавшись с командиром батальона Позднышевым и учитывая просьбу мартеновцев, мы оставили Ольгу в батальоне — на нее можно было положиться.

Находясь в обороне, мы ожидали наступления гитлеровцев из-за Мечетки, но противник атаковал нас с воздуха. Тут мы понесли первые потери. При разрыве бомб, упавших в садик, где были наши окопы, погибли Николай Жиряков и рабочий листопрокатного цеха Федор Комчаров. Несколько человек было ранено, их пришлось отправить в госпиталь. Убитых мы похоронили тут же, в садике.

Противник укрепился за Мокрой Мечеткой в хуторе Мелиоративный, у дороги на Дубовку, и, видимо, поджидал подкрепления. Утром 25 августа мы получили ручные пулеметы и

нам приказали перейти Мечетку и занять рубеж для наступления на хутор.

Обращаясь к бойцам батальона, я сказал, как говорили старые красногвардейцы молодым добровольцам, впервые взявшим в руки оружие:

— Кто боится смерти, заявите сейчас же, мы отпустим домой. Товарищей нельзя подводить своей трусостью.

У нас таких не оказалось.

Командиры рот Семенов, Мордвинов, политруки Петелинский и Едкин провели беседы в своих подразделениях, объяснили задачу, показали маршрут движения, и бойцы двинулись вперед.

За Мечеткой, недалеко от гражданского аэродрома, батальон сосредоточился в ложбине, минут пятнадцать мы ждали сигнал атаки. Бойцам не терпелось увидеть врага, притаившегося в хуторе. Они выглядывали из-за бугорка, оживленно передавали друг другу свои наблюдения:

— Забегали, засуетились...

Я по близорукости своей не видел фашистов. Но хуторок был маленький — несколько построек, и мне казалось, что их там немного и мы легко справимся с врагом.

Взвилась ракета, и люди поднялись во весь рост. Бойцы побежали цепью. Правый фланг вел командир Поздрышев, левый — я. Наше наступление поддерживалось с тракторного завода огнем нескольких танков. С нами в атаку пошла пулеметная рота.

Противник открыл сильный огонь. Упал раненный в грудь навылет политрук Едкин, упали еще несколько бойцов, но батальон быстро продвигался вперед. Только в середине цепи произошла какая-то заминка, я бросился туда и увидел Ольгу Ковалеву, стоявшую возле залегшего в лощине пулеметного расчета. Размахивая рукой, она что-то доказывала пулеметчикам, что-то требовала от них.

А дело было вот в чем. Пулеметы мы получили прямо с заводского склада. Перед наступлением не хватило времени, чтобы разобрать их, как следует протереть. А в этот день был очень сильный ветер с песчаной пылью. Густосмазанные пулеметы быстро забило песком, и они стали отказывать в работе. Ребята, с которыми спорила Ольга, залегли, чтобы разобрать пулемет и протереть его. А Ольга добивалась, чтобы они вернулись в цепь. Она была возмущена тем, что ребята, имея винтовки, возятся с неисправным пулеметом.

— Сначала надо взять хутор, а потом будем приводить в порядок пулемет,— доказывала она бойцам.

В пылу возмущения Ольга, должно быть, забыла, что стоит под огнем противника; похоже было, что это происходит не на поле боя, а в цехе. Она командовала тут, как у себя в бригаде, у мартеновской печи.

Вероятно, оттого, что поле, по которому мы наступали, все хорошо знали, бойцы чувствовали себя здесь полными хозяевами, и их сначала трудно было заставить маскироваться, делать перебежки. Люди бежали не пригибаясь, стремились как можно скорее добраться до противника, точно были уверены, что, как только доберутся до него, дело будет кончено.

Потом нам рассказывали, что гитлеровцы не сразу поняли, кто это идет на них в атаку. И одежда наша их смутила — очень пестрая: кто в шлеме, кто в кепке, кто вовсе без головного убора, а особенно, должно быть, их поразило то, что мы издалека поднялись в атаку, когда надо было еще передвигаться перебежками. Они вообразили, что это моряки на них идут, и начали отступать. Мы видели, как вражеские автоматчики бежали к роще, что за хутором, но к этой роще уже подходили истребители-тракторозаводцы, наступавшие навстречу нашему левому флангу. Гитлеровцы вернулись назад, заметались по хутору.

Вдруг с правой окраины хутора нам стали давать сигналы прекратить огонь. Мы не понимали, в чем дело, и продолжали стрелять с ходу, пока к нам не прибежал связной тракторозаводцев. Он сообщил, что правая сторона хутора уже занята батальоном рабочих тракторного завода. Тогда по цепи была передана команда взять левее.

Наш левый фланг был уже у самого хутора, но гитлеровцы оправились и, отбив тракторозаводцев, обрушились на нас сильнейшим минометным огнем. Часть наших бойцов задержалась у дороги, идущей на Дубовку. Здесь стояли два подбитых танка. Это были танки учебного батальона. Накануне танкисты, как обычно, вышли сюда на полевые занятия. Увидев какие-то машины, появившиеся на бугре, они решили, что это их условный «противник», а это оказался самый настоящий противник. Оба танка были подбиты раньше, чем их экипажи поняли свою ошибку.

Подбитые танки послужили для нас хорошим укрытием. Часть бойцов, залегших за танками, вела огонь по возвращавшимся из рощи вражеским автоматчикам, а часть ворвалась в хутор.

В центре цепи левого фланга продвигалось отделение помощника мастера мартена № 1 Кузьмина, в составе которого была Ольга Ковалева. Добежав до подбитого танка, она залезла на него. На какое-то время я потерял ее из виду, так как бежавший рядом со мной командир взвода Юшин упал, раненный в грудь, и мне надо было оказать ему помощь, оттащить в укрытие. Там лежали пустые бочки из-под керосина. Только я оттащил за них Юшина, как на дворе хутора был убит пулеметчик Орлов. От меня до него было всего метров десять, но все мои попытки подползти к нему, чтобы взять его пулемет, оказались тщетными. Это расстояние простреливалось вражескими автоматчиками, они не допускали меня к убитому.

Мы лишились уже многих товарищей, а минометный огонь все усиливался. Поэтому, потеряв связь с командиром, я приказал бойцам отползти метров на сто от хутора, в зеленую посадку. Убедившись, что все раненые вынесены, я тоже стал отползать. Чтобы не выпускать из глаз противника, отползал пятясь. И вот чувствую, что ноги во что-то уперлись, оглянулся — Ольга Ковалева. Она лежала ничком, раскинув руки. Косынка с головы слетела, ветер растрепал волосы, у правой вытянутой руки — винтовка, у левой — выроненная граната, лицо окровавленное, левый глаз выбит. Видно было, что она упала, когда бежала вперед, в сторону хутора.

Гитлеровцы перебегали в нескольких десятках метров от меня. Я успел только взять винтовку и гранату Ольги, чтобы сохранить на память об этой мужественной женщине, не уступившей своего права защищать родной город.

Неподалеку от Ковалевой лежал убитый командир ее отделения Александр Кузьмин.

В этом же бою погиб и командир батальона Позднышев. Не увидев меня среди бойцов, отступивших в зеленую посадку, он подумал, что я лежу раненый, решил меня спасти и пополз с двумя бойцами — Борисовым и Хамовым — обратно к хутору, по другой дорогой, поэтому мы не встретились. Он был убит, когда разыскивал меня...

Ночь мы провели в обороне. Нас осталось сорок три человека. Вынесенные с поля боя раненые были отправлены в госпиталь.

Продовольствия у нас не было. Когда были в боях, о еде не думали. А через три дня, в период затишья, очень всем захотелось есть. Надо было организовать питание. Назначили старшиной Борисова, который через командование полка быстро организовал доставку питания, и бойцы повеселели. Глав-

ное, курить было что. Борисов получил на заводе «Красный Октябрь» также фуфайки и теплые брюки. Стало теплее и мягче в окопах лежать.

26 августа на наш участок прибыли два танка майора Васкевича, и мы опять пошли в атаку. Танкисты, молодые, азартные ребята, вырвались вперед. Гитлеровцы отрезали нас от них минометным огнем и стали бить по танкам. Танкистам тоже пришлось вернуться, не дойдя до хутора. После этого нам было приказано больше в атаку не ходить, держать оборону. Наша численность уменьшилась до 34 бойцов.

С часа на час мы ожидали атаки противника, но почему-то он не наступал. Ночью бойцы Лодянов и Сисеров вызвались пойти в разведку. Вернувшись, они сообщили, что гитлеровцы зарываются в землю, рубят лес, строят блиндажи, землянки. Разведчики указали танкистам места, где ведутся работы, и они по этим местам дали огонь.

Со стороны хутора часто доносились стоны и крики: «Товарищи, помогите!», «Ваня, выручай!» Трудно сказать, что там происходило, может быть, это гитлеровцы нас провоцировали, заманивали в засаду, может, действительно наши люди, попавшие в руки врага, звали на помощь. Тяжело было слышать доносившиеся из тьмы стоны и крики. Не раз бойцы готовы были ринуться на помощь, особенно болезненно переносил это Александр Соколков. Но строгий приказ удержал их.

В обороне мы просидели несколько дней, не вылезая из окопов. Только по нарядам старшины бойцы ходили к мосту Дубовской дороги за родниковой водой. Линия обороны растянулась на большое расстояние, боец от бойца лежал далеко, нас осталось мало. Не спали по трое-четверо суток. Подменить некем. Напряженно, до боли всматриваешься в темноту, и все кажется: кто-то подползает к тебе. Чувствуя всю ответственность за оборону и сохранение жизни бойцов, я, невзирая на усталость и боли в коленях и локтях, переползал всю ночь от бойца к бойцу, подбадривал их и давал немного подремать.

Только днем можно было установить кое-какую очередность, чтобы побольше подремать, если в это время враг не бомбил нас или не обстреливал из минометов. А из автоматов строчили они непрерывно — и днем и ночью. Нельзя было поднять головы. Поэтому можно было только переползать по линии обороны.

По этой же причине наш танк чуть было не раздавил командира батальона Семенова, заменившего убитого Позднышева, и политрука Петелинского, которые находились в неглубо-

ком окопчике и видели, что на них движется танк, меняя позиции, но не имели возможности выскочить из окопчика. Они остались на месте, и гусеницы танка их сильно помяли. Пришлось отправить их в тыл; командиром батальона был назначен Мордвинов, а помощником — Соколков.

Как-то утром в начале сентября мы увидели двух командиров, вышедших из оврага Мечетки и смотревших в бинокль. Я лежал в нескольких метрах от них в лощине. Они меня не видели.

— Что смотрите? — окликнул я их. Они подошли ко мне.

Это были лейтенант и сержант. Я представился им.

— На смену вам пришли,— сказал лейтенант.

— Вдвоем? — удивился я.

Они засмеялись. И оба вернулись вниз. Потом из оврага стали подниматься группы бойцов. Одна за другой.

— Струхнули гитлеровцы, не идут в атаку? — спросил меня пожилой командир в очках.

— Днем и ночью топорами стучат,— ответил я и доложил обстановку, какая к тому времени сложилась на этом участке.

Он спросил меня, куда можно выдвинуть наблюдателей. Я показал на лощину метрах в восьмидесяти от хутора, где были гитлеровцы.

— Не годится, надо поближе к противнику,— сказал он.

Я не понял: как, думаю, ближе, ведь место открытое — не доберешься! Когда мы отходили во второй эшелон, я видел, как два бойца поползли в сторону хутора...

Во втором эшелоне мы находились примерно до 15 сентября 1942 года. Потом вместе с другим отрядом рабочих заняли оборону на своем родном заводе, который не прекращал усиленной работы.

Н. Ф. ПОЦЕЛУЕВ

РОДНОЙ КАТЕРОК

Вся моя жизнь прошла на Волге. И отец мой и дед были волгарями. Еще мальчишкой брал меня отец на выучку. Рос я и учился, всякую работу выполнял на реке. Юность моя прошла за штурвалом.

Сталинградская битва застала меня рулевым на катере «Сталь», принадлежавшем заводу «Красный Октябрь».

Работали мы с мотористом Андриановым круглосуточно. То поручали нам перевозить на левый берег раненых, то детей и женщин, а оттуда — войска, идущие на защиту города.

Большей частью на буксире у нас был громадный дощаник «16-я годовщина», на котором шкипером работал старый волгарь Дрынкин.

Ведем мы как-то на буксире дощаник, а он людьми переполнен. Налетели вражеские бомбардировщики, пикируют один за другим.

Страшно было слышать, как кричали дети:

— Мама, мамочка!

А у нас моторы вовсю стучат, каждая минута дорога: спешим ввести дощаник в безопасную бухту. Спрашиваю у Дрынкина:

— Убитые и раненые есть?

— Обошлось,— отвечает он мне.

Однажды надо было перебросить за Волгу конный парк завода. Лошади нужны были для отправки людей и груза к железной дороге. На дощаник погрузили 75 лошадей.

Взяли мы на буксир дощаник и пошли к левому берегу. Вдруг слышим в воздухе гул.

Я только крикнул в рупор: «Газу подбавь, газу!», как огромные столбы взметнулись из воды.

Бомбардировщики прошли над катером с запада на восток, а потом сделали второй заход — с востока на запад. Воют бомбы, разрывы совсем рядом. Подбрасывало нас, как пробку. Ну, а мы идем полным ходом, взрываем винтами воду, то и дело меняем курс. Так и дотянули дощаник до левого берега.

Все труднее становилось пересекать Волгу. Все больше и больше появлялось пробоин в корпусе катера. Не раз на ходу заделывали мы пробоины и откачивали воду.

Ведешь катер вдоль берега, ночь темная, от горящих мазутных баков по воде стелется дымовая завеса, а кругом то и дело вспыхивают и потухают огни. Иногда из темноты вдруг услышишь далекий голос:

— Товарищи, спасите!

Многих людей подобрал наш катер. Как-то несколько часов подряд мы спасали бойцов с подожженного фашистами парома.

Навсегда запомнилась темная морозная ночь с 5 на 6 декабря. Дул ветер, на Волге ледоход. А нам предстоял ответственный рейс. Надо было доставить для гвардейской дивизии генерала Родимцева продукты и боеприпасы. Отплыли мы от левого берега, держим курс в направлении своего завода. А кругом все гремит: бои идут.

Вот и середина Волги. Но трудно пробиться нам: катер и дощаник затирает льдами, а течение относит нас к той части города, где к берегу вышли фашистские захватчики. Пришлось со льдами повоевать! Несколько часов мучились мы, пока вывели катер на чистую воду. Дощаник пришвартовался к кромке льда ниже завода.

А потом мы направились обратно к левому берегу. И снова нас стало затирать льдами, а уже брезжит рассвет. Посмотрел я на часы — пять утра. Гитлеровцы в это время начали нас обстреливать из минометов. Видно, засекли наш катер с Мамаева кургана. Осколки стучат по корпусу, пробивают палубу. Одно прямое попадание за другим. Разбита носовая часть, разбита корма.

«Ну вот он и последний рейс»,— подумал я. Андрианов спрыгнул на лед. Корма катера задралась. Вот и нос уходит под

воду. Спрыгнул и я. Стою на льдине и смотрю, как скрывается «Сталь» под воду.

Что сказать ему, дорогому товарищу, на прощанье?

— Пока руки и глаза целы, не уйдем с Волги,— решили мы тогда с Михаилом Андриановым.

Пришел я к начальству и говорю:

— Нет катера, погиб он, как герой.

Заковало Волгу льдом. Стал я пешком через Волгу ходить. То девушек-разведчиц переведу, то дадут мне поклажу какую, то пакеты. Иду, а сам словно вижу, как катер мой «Сталь» по Волге плывет, словно слышу, как за кормой шумит вода.

Так ходил я по заданию, пока гитлеровцев не отогнали с «Красного Октября».

Решили на заводе поднять катер со дна Волги. Какой радостный это был день, когда я снова увидел свой катерок! Как родное дитя, обмыл его, ни на минуту не оставлял во время ремонта. А когда прошел лед, я снова встал за штурвал на катере «Сталь».

...С течением времени катерок наш состарился, пришлось списать его, поставить на берегу на долгую стоянку. Острый нос его, весь изрытый осколками, был виден далеко, и я по нескольку раз в день выходил из цеха завода, чтобы посмотреть на свой катерок.

Потом приехали к нам сотрудники Музея революции СССР собирать материал об обороне города, срезали они нос катера и увезли в Москву. Сказали: показывать будут. Что ж, пусть показывают, пусть знают люди, как мужественно защищали волгари свой родной город, свою матушку Волгу.

ВЫСТОЯЛИ И ПОБЕДИЛИ

Проектно-изыскательские партии нашего института проводили работы на Севере, на Дальнем Востоке и в ряде других мест.

Когда началась война, нас перебросили на Северо-Западный и Северный фронты. Там мы строили укрепленные районы, сооружали фронтовые дороги.

В январе 1942 года, когда гитлеровцы были отброшены от Москвы, вышло постановление Государственного комитета обороны о срочном строительстве железной дороги Саратов — Камышин. Многих из нас сразу же перебросили на этот участок. Отправляли в спешном порядке, не давая времени на сборы, используя любой транспорт. Ехали с оборудованием, техникой. Часть рабочих устроилась на попутные поезда, грузовики.

Изыскательские и проектные работы отнимают много времени. Чтобы проложить железнодорожную линию, иногда требуются годы. А здесь у нас времени было в обрез. К тому же недоставало нужного инструмента и оборудования, все находилось в глубине страны и на Севере: на фронтах инструмент для изыскательских и проектных работ не был нужен, мы там занимались другими вещами.

В первое время нам было очень трудно. Мы перестали быть только изыскателями и проектировщиками, которые намечают

и проектируют новые железные дороги, мы стали также строителями. Вели работы от начала до конца. Сами проектировали и сами строили.

У нас была острая нехватка строительных материалов. В связи с переходом на выпуск военной продукции промышленность перестала производить многое из того, что необходимо для строительства железных дорог. Не хватало цемента, металла, многого не хватало, и нам пришлось на месте изыскивать заменители. Проектировали и строили по облегченным нормам, как временные сооружения. Делалось все возможное, чтобы выполнить задание в срок. О невыполнении не могло быть и речи, даже слова такого на строительстве не было слышно. При всех обстоятельствах работу нужно было выполнить.

Очень остро чувствовалось отсутствие строительной техники. В настоящее время немыслимо строительство без бульдозеров, тракторов. Мы тогда ничего не имели, кроме автомашин, которые использовались для подвозки рельсов, да нескольких старых экскаваторов. Строили дорогу с помощью тачек, носилок, люди были плохо одеты, плохо питались. И все-таки строили. Еще как строили!

В июле начались бомбежки. Особенно помню первую. Самолет шел на бреющем полете. Он бросал бомбы и стрелял из пулемета и пушки. Осколки с шумом впивались в землю. От пыли и дыма стало темно. Воздушной волной сбило нескольких рабочих. Налет продолжался более четверти часа.

Работы не прекращались и под бомбами. Мы чувствовали, насколько важно и ответственно порученное нам дело. Вдоль строившейся дороги двигались в сторону фронта части на машинах, пешком. В обратном направлении вывозилось все, что можно было вывезти, шли беженцы.

Строительство дороги было скоростным, даже сверхскоростным. В военные годы в стране строилось в среднем 1020 километров пути в год. Таковы были темпы в это тяжелое время. Строившаяся нами линия была наиболее срочной.

Мы не могли возводить постоянных сооружений, вокзалов. Вместо них строили землянки, где мог бы поместиться дежурный по станции и куда можно было подвести телефон. Конечно, строя землянку, мы знали, что потом на ее месте поднимется вокзал.

Дорога прокладывалась на зауженном полотне, лишь бы положить шпалы. На мосты не хватало камня, цемента, и мы делали их деревянными; суходолы просто засыпали. Поставить там сооружения у нас не было ни времени, ни материалов.

Не было рельсов. Днепропетровский завод был эвакуирован, уральские заводы прокатывали металл для боевой техники, для тех же танков. Пришлось снимать рельсы с малоэксплуатируемых дорог и укладывать их на фронтовых линиях.

В местах, где требовался большой объем работ, устраивались временные обходы, иногда допускались большие отклонения от намеченной трассы. Это делалось для того, чтобы ускорить строительство, быстрее пропустить поезда.

Все инженеры и техники, все рабочие-строители, молодые и старые, были охвачены большим патриотическим подъемом. Не было и речи о продолжительности рабочего дня, о выходных. Работали беспрерывно, много часов, пока хватало сил. Подразделению, партии или отряду давалось задание, и оно выполнялось. Когда вели укладку пути, на базу, в бараки на ночлег не возвращались. Спали тут же, на месте, тут же ели.

Строительство начали в феврале 1942 года, а уже 7 августа на южном участке, от Камышина до Сталинграда, замкнули рельсы. Участок позволил создать кольцо Поворино — Иловля — Петров Вал — Балашов. Кольцо дало возможность выпустить огромное количество поездов через Поворино — Петров Вал на Балашов и дальше в глубь страны.

Только за 20 дней эксплуатации участка было вывезено 26 тысяч вагонов ценного оборудования, 600 паровозов. Скопление этих вагонов и паровозов в городе-герое тормозило работу транспорта, задерживало продвижение воинских поездов, мешало быстрому перебазированию ценного эвакуированного оборудования из прифронтовых районов на восток. Участок позволил ускорить вывоз колоссальных ценностей Украины.

Враг разведал о движении из Поворина к Сталинграду и начал усиленно бомбить этот участок. Горели станции и разъезды. Но поезда шли и шли. В этом, конечно, большая заслуга эксплуатационников, особенно машинистов.

Вспоминается такой случай. На наших глазах шестерка немецких бомбардировщиков с диким ревом бросилась на идущий поезд. Чувствовалось, что у реверса — опытный машинист. Он легко маневрировал: то замедлял ход, то быстро набирал скорость.

Поединок продолжался более четверти часа. Каждая секунда, минута его была испытанием воли, духа машиниста. Поезд продолжал свой путь. Четыре самолета, израсходовав боезапас, повернули на запад. Оставшиеся два сделали заход и легли на боевой курс. Через минуту засвистели бомбы, поезд исчез в дыму. Потом нам рассказывали, что раненый машинист,

залитый кровью, продолжал держать реверс. И он довел поезд до станции назначения.

В период сильных боев в городе-герое нас перебросили на северный участок, от Саратова до Вольска. И тут работа шла теми же срочными темпами. Строили всю осень и первую половину зимы 1943 года.

7 января ночью нас, группу строителей, в которой были Татаринцев, Хомчик, Золотницкий, Побожий, Перегудов, Филимонов, Варш, Жильцов и другие, пригласили к начальнику строительной организации Гвоздевскому на необычное совещание. Гвоздевский держал телефонную трубку и отвечал на вопросы из Москвы. Там рождалось решение о важной стройке. Нужно было соединить железные дороги, подходившие с юго-запада и севера к фронту, новой дорогой.

Тут же считали, составляли таблицы, решали, какие строительные объекты нужно будет сооружать, сколько потребуется материалов, определяли сроки строительства.

— На подготовку — сутки! — приказал начальник.

9 января двинулись в путь. Не успели даже сменить сапоги на валенки. А погода была суровая — мороз, метель, ветер. Дорог по правому берегу Волги практически не было, по левому — то же самое. Поехали по Волге, по льду. Продвигались днем и ночью. Машины тянули на руках, утопая по пояс в сугробах, катали бочки бензина, чтобы заправить трактор. Дорогу часто приходилось расчищать. И так 200 километров.

Через двое с половиной суток пришли почерневшие, с обмороженными ногами в Камышин. Час отдыха, проверка машин — и дальше. Здесь армейская служба дорог была поставлена блестяще. Особенно после Иловли: в свете фар то и дело появлялась традиционная будка и шлагбаум, расцвеченные белыми и черными полосами.

Нам предстояло строить дорогу на участке Паншино — Калач, протяженностью 57 километров. Штаб нашего отряда разместился в хуторе Вертячий. Здесь не осталось ни одного целого дома — все сожжено и разбито. Нам рассказали, что фашистский офицер расстрелял группу хуторских ребят за пропажу портсигара. Трагедия хутора Вертячий пробуждала в нас жгучую ненависть к врагу и желание как можно больше сделать для его быстрейшего разгрома.

Наметили, где должна быть проложена дорога, и тут же началось строительство. Строили дорогу и находившиеся здесь воинские части, и строительные железнодорожные батальоны,

и гражданские лица — люди из приволжских городов. Никаких строительных материалов мы с собой не привезли, использовали те, что нашлись на месте.

Шли вслед за войсками. Намеченная нами линия дороги уходила туда, где еще находились гитлеровцы. Проектируя дорогу, мы были уверены, что через несколько дней территория, которую занимал враг, будет наша, что окруженные немецко-фашистские войска будут разгромлены. Нас не бомбили, противнику было не до нас, но под обстрелом бывать приходилось, имелись жертвы.

Вот что я записал в свой дневник в те дни:

...Находимся под обстрелом... принимаем раненых, укрываем их в щелях и землянках. Топить нечем и бесполезно; только затеяли натаять снегу, как приказали двигаться вперед. Спать некогда: провести изыскания на участке протяженностью 57 километров — дело нелегкое. На дворе 33 градуса мороза и страшные ветры. Ночью укрываемся от ветра в воронке или в разбитом самолете, других укрытий нет.

24 января. Наш отряд зашел в Гумрак, затем растянулся до Воропонова: надо здесь уложить шпалы и рельсы. Мы ходим по искалеченной земле. Деревень нет — одни печи и прутья железных кроватей торчат из-под снега.

Технические совещания и встречи с начальниками партий проводим ночью при свете фонаря, на снегу, в центре бывшей деревни такой-то: других координат не найти в этом хаосе разрушения.

...В Бекетовке держит штаб Рокоссовский.

...Беспрерывно бьют «катюши» и наша дальнобойная артиллерия. Уже половина трехсоттысячной группировки Паулюса перебита.

...Наши товарищи на трассе. Были случаи взрывов и ранений.

Офицер-минер, ограждая наш отряд от мин, наткнулся на мину в снегу и подорвался. Скляров, трассируя линию дороги, поставил вешку. На ее место нужно было забить колышек. Он замахнулся ломом, чтобы пробить лунку в мерзлой, развороченной минами и занесенной снегом земле,— вдруг взрыв! Кричим: ложись! Только бдительность спасла группу трассировщиков. Минные поля не везде обозначены на местности, да и не с руки нам обходить их при сверхскоростной стройке. Так и шагаем по полям с красными флажками, когда нет впереди минеров.

...Сотни и сотни сгоревших немецких танков, целые кладовые снарядов, миллионы патронов россыпью и в ящиках, тысячи орудий, автоматов, винтовок.

...Снабжаемся за счет врага. Гитлеровцы сбрасывают продукты своим окруженным частям, а мы приходим и подбираем их.

...День и ночь идут тысячные толпы пленных. То и дело из балки или блиндажа высовываются завернутые в тряпье гитлеровцы с поднятыми руками. Их щадят и отправляют на пункт приема пленных. Но бой еще идет, из всех щелей по гвардейцам бьет свинец, тут и там упрямые вояки взлетают на воздух вместе с бревнами блиндажей.

2 февраля. Уже некого выколачивать. Паулюс со своим штабом сдался.

Нас по приказу командования направляют в город провести техническую разведку. Едем среди сплошных развалин и догорающих остатков построек. Мечтаем все это восстановить. Восстановить прекрасный железнодорожный виадук у Мамаева кургана. Восстановить городской и железнодорожный мост. Тракторный завод, гордость наша, лежит в развалинах. Улицы завалены битым кирпичом, грудами металла. В хаосе трупов, мин, снарядов, кирпича и металла трудно что-либо понять с первого взгляда.

...Вот оно, место, где стояла насмерть прославленная дивизия. На прибрежной стене крупными, в рост человека буквами написано: «Здесь стояли насмерть гвардейцы дивизии Родимцева. Выстояв, они победили смерть!»

...В город идут с того берега женщины искать свое жилье.

...На изрешеченной осколками стенке разрушенного дома наклеена листовка. Это воззвание обкома партии к населению с призывом отдать все силы возрождению города.

...С 10 февраля тракторный завод должен начать ремонт танков и другой военной техники. К этому времени мы обязаны подготовить подходы к заводу. Вместе с нами этим будут заниматься и все воинские части, которые здесь находятся.

...Всюду бьет ключом жизнь: раздаются звонкие голоса комсомольцев, прибывших на восстановление города, на линии от Камышина движутся беспрерывным потоком эшелоны с мощной техникой.

...Становится тепло, текут ручьи. Люди повеселели от тепла, от того, что они, труженики войны, выстояли и победили.

А. М. КОШУРНИКОВ

ПОДВИГ ИЗЫСКАТЕЛЕЙ

О ДНЕВНИКЕ ИНЖЕНЕРА А. М. КОШУРНИКОВА

Кошурниково, Журавлево, Стофато... Три маленькие станции на большой Южно-Сибирской магистрали, строительство которой завершается. Станции названы в память А. М. Кошурникова, А. Д. Журавлева и К. А. Стофато, трагически погибших на изыскании линии Абакан — Тайшет.

Произошло это в суровом 1942 году, в период тяжелых оборонительных боев на фронтах...

В то время на востоке страны проводилось много железнодорожных изысканий, в том числе и на линии Абакан — Тайшет.

Начальником экспедиции на линии Абакан — Тайшет был талантливый инженер А. М. Кошурников. Он в короткий срок организовал изыскания по двум основным направлениям: на Тайшет и на Нижнеудинск. Особенно его интересовало нижнеудинское направление. Вследствие трудности работы в условиях малоисследованного горного района Кошурников сам отправился на рекогносцировочное обследование трассы. Его спутниками были молодые инженеры А. Д. Журавлев и К. А. Стофато.

Отряд Кошурникова 5 октября 1942 года вышел на оленях из села Верх-Гутары. 12 октября отряд дошел до реки Казыра и дальше вниз двинулся на плоту. Об этом Кошурников писал в своем последнем письме, отправленном с проводником, который вернулся с оленями обратно.

Во второй половине октября погода испортилась. Зима наступила раньше обычного. С огромным трудом отряд прошел вниз по реке 180

километров. Впереди было уже предгорье, нужно было пройти еще 52 километра, всего 52 километра, чтобы добраться до ближайшего населенного пункта. А погода все ухудшалась, силы участников экспедиции падали.

Однако это не могло сломить настойчивости и упорства изыскателей. Они ни на минуту не сомневались в успешном исходе своего трудного похода. С нечеловеческими усилиями преодолевая каждый метр, изыскатели, верные своему гражданскому долгу, продолжали вести наблюдения за берегами Казыра, продолжали записывать... Быть может, вглядываясь в обрывистые берега быстрой реки, они видели будущую дорогу, мосты через бурные притоки Казыра, поезда, мчащиеся к высокому снежному перевалу... Эти чудесные советские люди думали о будущем, о жизни, которая через несколько лет расцветет на суровых берегах Казыра — красивейшей реки Саянских гор...

Распухшими руками, в которых едва держался карандаш, Александр Кошурников продолжал вести подробную запись в своем походном дневнике...

Кошурников рассчитывал 25 октября выйти к предгорьям Саян, встретиться здесь с изыскательской партией, работавшей на западном участке линии. Прошло 25 октября, затем праздник 7 Ноября, прошел и день Нового, 1943 года. Вестей от отряда не было. На поиски изыскателей вышли группы лыжников, поднялись в воздух самолеты авиаразведки, но отряд не был обнаружен. В середине зимы были найдены три мешка с вещами и продуктами, оставленные экспедицией на берегу Казыра.

Верить в гибель своих товарищей никто из изыскателей не хотел. Кошурников был известен как очень опытный путешественник, сильный, волевой человек.

В последнем своем письме А. М. Кошурников писал жене: «Если меня долго не будет, то жди спокойно. У меня слишком большая жадность к жизни, и со мной ничего не случится. В худшем случае приду пешком. Здесь до жилья уже не так далеко — всего 150 километров, что при всех неблагоприятных условиях можно пройти пять-шесть дней...»

Летом 1943 года был обнаружен труп А. М. Кошурникова и его дневник, объяснивший гибель всего отряда.

Дневник А. М. Кошурникова [1] — это документ большой человеческой силы. Он является не только частью истории изысканий железнодо-

[1] Дневник А. М. Кошурникова хранится в фондах Музея революции СССР. В сборнике опущена часть дневника с 5 октября, в которой рассказывается о подготовке экспедиции. С 10 октября — с того времени, когда экспедиция вышла в малодоступный горный район на реке Казыр,— дневник дан с незначительными сокращениями.— *Ред.*

рожной линии Абакан — Тайшет, не только памятником погибшим, но и документом, прославляющим труд изыскателей, характеризующим замечательные качества советского человека.

Начальник «Сибгипротранса»
С. М. Герасимов

Начальник «Томжелдорпроекта»
А. Г. Рябинин

10 октября.

Ночевка на р. Большой Казыр в 1,5 километра ниже р. Ванькиной (на карте — Прохладная). Левый берег. Выехали в 11 часов. Задержались утром из-за того, что олени всю ночь простояли голодные. Нет мха, а отпустить их нельзя — пойдут шляться искать мох. Утром немного пощипали листьев на пойме и этим ограничились. Без мха олень может работать не более трех дней, потом худеет и обессиливает.

Плохо, что проводник не знает дорогу. Потеряли из-за этого часа три. Шли с ночевки горой, в то время как нужно было идти поймой. До стрелки 6 километров, или 5 часов. Километра два рубили тропу. От ручья, который впадает в Казыр недалеко от слияния Правого и Левого Казыра, нужно идти вверх, в гору. Я это знал, но начало тропы не нашел. Опять рубили.

Брод через Казыр выбрал удачно. Сначала перебрели протоку, а потом основное русло. Броды легкие. От бродов до стрелки шли опять без дороги. На стрелке — избушка заповедника, тут же, в 100 метрах ниже,— брод через Левый Казыр. Брод тоже легкий. Дальше тропы нет. Вел по звериной тропе. Сначала по сухим пойменным протокам, а потом по надпойменной террасе. Дорога тяжелая. Густая тайга с завалами, часто приходится рубить. Ниже встретилась тропа, которой пользовались охотники лет 15—20 тому назад. Есть редкий лес, но тропа за последнее время не расчищалась и сильно завалена — почти непроходима.

Таким образом прошли за день 13 километров, и то с большим трудом. На ночлег пришли усталые. Разрешил зарезать оленя. Зарезали комолого. Он жирный, малоуезженный и устал. Несколько раз в дороге ложился. Получив разрешение на убой, все воспрянули духом в предвкушении шашлыка. Поели, попили чаю, и у всех восстановилось хорошее настроение...

Осталось идти до устья речки Запевалихи по прямой 5,5 километра. Если будет не очень густая тайга, то пройдем часа за

три, если придется рубить, то, по опыту сегодняшнего дня, протянемся часов пять. Хочется завтра за день сделать плот и отплыть хотя бы километров десять.

Ночевка опять без мха. Срубили два дерева и немного подкормили оленей древесным мхом.

На Казыре исключительно много зверя. Сплошь все исхожено изюбрем, сохатым и медведем. Местами тропы так хорошо пробиты, что трудно поверить, что это зверь. Нам еще зверь не встречался. Медведь уже не бродит, на днях он ложится в берлогу и сейчас ведет себя спокойно. Я ни разу не встречал медведя и встречать не особенно хочется. На всякий случай ружье держу все время при себе, наготове пара патронов, заряженных разрывными пулями,— это тем более необходимо, что казырский медведь пользуется дурной репутацией.

Вечером прошелся немного по берегу с осторогой, сжег один факел из бересты, заколол одного хариуса граммов 700 весом, а другого «смазал». Рыбы в Казыре очень много.

Река Казыр с того места, как я ее знаю, то есть с устья Малой Кинты, сначала представляет из себя бурную речку, быстро падающую по камням. Принимая в себя притоки, Казыр становится многоводнее и уже ниже Прямого Казыра течет довольно мощным потоком по перекатам и порогам. Тихих плесов почти нет. В 2,5 километра выше слияния с Левым Казыром Казыр разбивается на протоки. Начинают встречаться заломы по островам и на отмелях. Течение становится спокойнее. В месте слияния и ниже на протяжении 3 километров Казыр расчленен рядом островов на протоки. Острова частично покрыты лесом, есть тальниковые. С Ванькина ручья Казыр имеет вид уже настоящей сформировавшейся реки, однако встречаются еще шиверы и перекаты.

Долина Казыра покрыта тайгой. Сначала преимущественная порода — кедр, подчиненные — ель, лиственница и пихта. Ниже кедра становится меньше, господствует ель. Еще ниже, за слиянием Казыра с Левым Казыром, все чаще появляется пихта, но ель не уступает господства. Лес очень стройный, высокий, хорошего качества. По островам и на поймах встречаются береза, ольха, тальник...

11 октября.

Ночевка на левом берегу Казыра, примерно против пикета 2655. Доехали на оленях, проехали речку Запевалиху, не заметив ее. В общем прошли за день километров 9—10, но со

сплошной рубкой. Километров 8 рубил я, пока не устал, потом меня сменил Журавлев. Спрямляя излучину реки, пропустил устье Запевалихи. По лесу она течет несколькими отдельными ручейками, и я не ожидал, что это и есть Запевалиха. Прошли дальше, чем предполагали.

Казыр здесь спокойный. На всем протяжении левобережного хода имеется надпойменная терраса, удобная для проведения ж.-д. линии. Встречаются два или три небольших скальных мыска, которые пройти не представляет никакого труда.

Утром долго провозились с мясом. Выехали в 12 часов и остановились на ночлег в 17 часов 30 минут. За пять с половиной часов прошли только 9—10 километров, и то при напряженной рубке.

Завтра отправляемся на плоту, а оленей возвращаю обратно. Сухая пихта для плота есть.

12 октября.

Стоим на месте. За целый день не смогли сделать плот.

Проводник с оленями уехал в 12 часов дня. Погода испортилась. Днем был очень сильный ветер, в тайге только треск стоял от падающих деревьев. Днем шел дождь, а сейчас (10 часов вечера) идет какая-то изморозь. Над костром тает и падает мелкими капельками на тетрадь.

Завтра утром подниму всех пораньше, сплотим плот (все заготовлено) и, я надеюсь, отплывем часов в 10—11 утра. Костя забыл на предыдущем лагере иголки, нитки, дратву, долото и гвозди. Все это находилось в одном мешочке. Особенно жаль долото и гвозди: нечем долбить проушины в гребях. Приспособился делать это топором.

У Кости отстают у сапог подошвы, на что он смотрит с философским спокойствием. Придется приказать прибить, а то останется босиком.

13 октября.

Ночевка на пикете 2640. Оказывается, ошибся: Запевалиху мы не проехали, а не доехали до нее. Предыдущая стоянка была не доходя до Запевалихи километра два с половиной. Продвинулись на 4 километра, а исколесили километров 10.

Отплыли сегодня в 11 часов, а встали на ночевку в 17 часов 30 минут. Плот получился хороший, хотя и много мы положили труда на его постройку. В общей сложности затратили 36 человеко-часов на его изготовление.

Не обошлось без приключений. Ниже Запевалихи через всю реку залом и лишь с левого берега мелкой косой — перекат. Пришлось перегонять плот через этот перекат стяжками, по колено в воде. Конечно, вымокли, но зато прошли без аварии, которая была бы неизбежна, если бы прозевали. Вся река с шумом на повороте идет под залом, и вряд ли кому-либо удалось из него выцарапаться благополучно.

Вообще, плыть можно не от Запевалихи, а от Ванькина ручья — здесь Казыр спокойный и вполне пригоден для сплава. На всем протяжении левый берег более удобен для ж.-д. трассы, так что линия, камерально трассированная по правому берегу, намечена неверно. Жалею, что не захватил пару пикетажных книжек. У нас на плоту один человек свободный и мог бы составить прекрасную глазомерную лоцманскую карту.

Сегодня 13 октября, по существу уже 14, так как сейчас 3 часа ночи. Как и полагается в Сибири, в этот день снег. Вчера провели плохую ночь. С вечера до утра шел снег, и нас изрядно вымочило. Виноват, конечно, я. Нужно было сделать балаган, а не полагаться на милость божию. При всем моем опыте просто поленился, в результате — промокли. Утром встали — вся земля покрыта снегом толщиной в сантиметров 10. Рыхлый, мокрый. Встали поздно, пока то да се — и отплыли в 3 часа дня. Нужно поторапливаться, а то остались считанные дни до шуги, а тогда с плотом амба, придется идти пешком.

Сегодня ночуем очень хорошо. Сделали балаган, заготовили много дров, пополам лиственница и пихта. Сухо, тепло. Завтра подниму всех в 6 часов, чтобы не позднее 8-ми отплыть. Нужно во что бы то ни стало добраться до Саянского порога — это по трассе 32 километра. Боюсь, что за день не доедем.

Как и прежде, по обоим берегам — тайга. Сейчас стало больше попадаться березы. Преимущественно ель, кедр, пихта, лиственница. По склонам — кедр, ель, пихта. На левом берегу, не доезжая полкилометра до ночевки, на мысу — гарь. На правом — та же гарь начинается ниже ночевки.

14 октября.

Ночевка на правом берегу реки Казыр, на пикете 2480. Весь день была отвратительная погода: шел снег, и дул сильный встречный ветер, который очень задерживает плот. На тихих плесах плот не двигается, приходится помогать шестами. Как и вчера, один раз пришлось слезть с плота — сели на косой шивере ниже Катуна. Столкнули скоро, но Костя сильно замерз. Сначала крепился, а потом попросил Журавлева встать на

гребь, а сам сел, скорчился и стал похож на воробья зимой. Пришлось приставать к берегу, варить чай и сушиться, на что ушло два часа.

К вечеру ветер стих, плот пошел лучше. В 4 километрах ниже Катуна долина Казыра сжимается. Начинают показываться скалы, непосредственно падающие в реку то с правого, то с левого берега. Скалы невысокие, метров 10—12, а выше идет спокойный косогор градусов 8—12. Склоны гор покрыты погибшим лесом, начиная чуть не с самой Запевалихи. Лишь по склону, по погибшему лесу, вырос молодой березняк, а выше — осинник.

Пока долина все еще проходит в пределах распространения изверженных пород. На конусах выноса притоков наблюдал граниты, диориты и гранодиориты в виде крупных обломков, плохо окатанных.

15 октября.

Ночевка на левом берегу Казыра на пикете 2385.

День не обошелся без приключений. Выехали в 8 часов 30 минут. Прошли две шиверы благополучно, а на третьей сели, да так плотно, что пришлось всем вылезать в воду и по пояс в воде сталкивать плот. Ванна не особенно приятная. Протолкали почти полчаса, а потом спустили еще через две шиверы и вылезли на берег для капитальной сушки. Просушились 3,5 часа и поплыли дальше. Спустили благополучно еще через четыре шиверы. Эти аварии нельзя приписать моему неумению водить плоты. Они являются причиной слишком малой воды. Будь бы вода сантиметров на десять больше, и все обошлось бы благополучно. Сегодня во время аварии подмочило сухари и соль, остальные продукты в порядке. Соль сейчас сушим, а сухари положили морозить. По ночам настолько холодно, что застывают в тихих местах большие забережники и днем не оттаивают.

Сегодня весь день температура ниже 0 градусов. Выпавший вчера в лесу снег не растаял.

Погода поправилась: весь день светило солнышко, и ветер переменился с западного на восточный — дует нам попутно и помогает плыть. Прошли Прорву. На пикете 2432 при впадении одного из рукавов Прорвы стоят две избушки: одна — обыкновенное зимовье, а другая — дом с двумя окнами, обращенными к реке. На берег не выходили — некогда.

При впадении Прорвы в Казыр — широкая пойма на правом берегу. От устья Прорвы Казыр течет более спокойно, есть не-

большие перекаты, но они опасны только тем, что очень мелкие; на двух перекатах, по всей ширине реки нет места глубже 0,5 метра. От Катуна до Прорвы Казыр имеет очень большое падение, частые перекаты, чередующиеся с глубокими плесами, глубина которых достигает 6—7 метров, образуется стремительный поток, очень опасный в малую воду благодаря наличию крупных камней, разбросанных по руслу. От пикета 2540 до пикета 2440 Казыр течет по узкой долине, чем и объясняются крутое его падение и обилие перекатов.

(Раздумье: все-таки на всем протяжении левый берег лучше для трассирования, чем правый. На пикете 2410 Казыр омывает левый берег, который на протяжении 1500 метров покрыт скальной осыпью, а сверху стоят скалы, питающие эту осыпь,— это единственное плохое место левого берега). На пикете 2457 на левом берегу взял образец камней № 4.

16 октября.

Пикет 2316. Прошли Саянский порог. Выехали в 8 часов 30 минут и в 10 часов 30 минут подошли к порогу. По пути один раз сели на мелкой шивере по моей вине. Можно было легко пройти, а я зазевался и посадил плот. Слезал в воду один и легко его столкнул. Ночь была очень холодная, вероятно, температура падала ниже 10 градусов. К утру на реке поднялась шуга и покрыла почти всю поверхность. Правда, шуга тонкая, мелкая, но это уже плохо. Если морозы будут продолжаться, то плыть будет нельзя. Тогда срублю на дереве лабаз, сложу туда все вещи и с минимальным запасом продовольствия направимся пешком.

Начиная часов с 11 шуги стало меньше, а потом и совсем прекратилась. Стало теплее. Небо покрылось тучами, и в 17 часов пошел снег. Свое имущество — а его у нас около 200 килограммов — перетаскали на себе по правому берегу ниже порога. Таскать далеко — километра два с половиной, но можно идти берегом, не пробираясь по гари.

В окрестностях Саянского порога — гарь. Какой-то предприимчивый охотник поджег умышленно тайгу — «чтобы зверь лучше водился». От последней ночевки до Саяна, как и раньше, по берегам много погибшего леса. Живого леса примерно процентов 30 от всей площади.

Правый берег опять-таки хуже левого для трассы.

В устье Саяна зимовья нет.

Речка Саян большая, по камням перейти нельзя, приходится

бродить. Против впадения Саяна с правого берега впадает ручей метров на 250 ниже по течению.

Саянский порог в такую воду, как сейчас, для плотов, безусловно, легко проходим, и, будь бы со мной Козлов, мы, конечно, не бросили бы плот, а спустили бы его, возможно, без имущества, но зато не пришлось бы строить новый. Пытался поймать плот. Сделал ниже пятого слива салик и приготовился ловить, но на втором сливе плот сел и дальше не пошел. Будем делать новый. Сухая пихта есть недалеко от берега. Надеюсь, восемнадцатого будем ниже Петровского порога.

Очередная и большая неприятность — «расписался» Костя Стофато. Еще вчера жаловался, что у него болит бок. Говорит, что он упал с оленя на камень и с тех пор бок болит. По-моему, здесь дело хуже. Он простудился, и у него плеврит. Пока он сам двигается — не беда, потащим за собой, ну, а если сляжет, тогда придется его оставить, вместе с ним оставить для ухода Журавлева, а мне пешком отправляться до погранзаставы, добиваться получения гидросамолета и вывозить их до наступления зимы. Обстановка очень незавидная.

Единственно, о чем сейчас мечтаю,— как можно скорее добраться до порога Щеки, а там 100 километров как-нибудь пройду пешком.

18 октября.

Ниже Саянского порога сделали новый плот из сухостойной пихты в 8 бревен, длиной около 6 метров. Получился легкий крепкий плот большой подъемной силы. Делали вдвоем с Журавлевым. Стофато едва шевелится. Помогает нам по хозяйству — готовит обед и понемногу ковыряется в лагере.

Отплыли в 15 часов 30 минут. В 17 часов 15 минут пристали к берегу на ночлег, потому что начало сильно темнеть, а впереди шумит большой перекат — побоялся идти на него в потемках. Вообще, этот участок реки неспокойный, от Саянского порога до ночлега за сегодняшний день прошли 13 перекатов, из которых 4 довольно серьезные.

Видели на берегу медведя. Костя стрелял в него, но «промазал». Медведь очень большой, черный, вероятно, не менее 15—18 пудов чистого мяса. Досадно, что такой лакомый кусок ушел от нас. Я первый раз в жизни видел в тайге медведя. Рассчитывал, что они уже легли на зиму; оказывается, еще ходят. Нужно быть осторожнее.

В Казыре очень много рыбы. Плывем на плоту и все время видно рыбу. Видели одного большого тайменя — килограммов

на 30, одного поменьше, несколько ленков и много харпусов. Жалею, что нет лодки. Ели бы рыбу. Ходил вчера вечером по берегу с берестой и заколол одного харпуса и маленького таймешонка. Обидно иметь под боком столько рыбы и только смотреть на нее.

В двух километрах ниже Саянского порога гибник кончился, началась живая тайга. Породы — те же, что и раньше: кедр, ель, пихта, немного лиственных — береза, осина, ольха, рябина. Лиственницы почти нет...

19 октября.

12 часов. Устье реки Татарки, пикет 2191.

Остановка из-за ветра, никак не дает плыть, дует с запада и на плесах останавливает плот. На карте указано ошибочно: зимовье значится между ручьем и Петровкой, а на самом деле оно на правом берегу Петровки. Следовательно, тот перекат, из-за которого остановились вчера ночевать, был Петровский порог. Утром я его просмотрел и решил вещи перенести, а плот спустить. Так и сделали. Петровский порог проплыли на плоту. При такой воде, которая сейчас, порог легко проходим.

От Петровского порога до реки Татарки 11 перекатов, считая, что сам порог состоит из одного слива. Перекаты проходимы, правда, три из них мелкие, плот задевает за камни, но проходит.

В километре выше Татарки видели на берегу сохатого. Журавлев стрелял, ранил, но, очевидно, легко: зверь ушел. Почти у самой Татарки через реку перебегал медведь, хорошо было видно, как он прыгал, а потом поплыл. Стрелять было далеко.

Погода стоит плохая. С 16 на 17 всю ночь шел снег, с 17 на 18 — тоже. Сегодня ночью снега не было, зато сейчас идет крупными хлопьями со встречным ветром. Плыть нельзя. Просидели до 16 часов. Ветер полностью так и не стих. Поплыли искать себе ночлег.

От реки Татарки прошли еще два переката, из которых второй очень мелкий, так что плот пройти не смог. Пришлось опять лезть в воду, толкать стяжками. Это по счету четвертая ванна. Здесь Казыр разбивается двумя галечными островами на три протоки, причем все одинаково мелкие. Остановились на ночлег с километр ниже Татарки. Прошли за день очень мало, причина — ветер.

20 октября.

Пикет 2070. Остановились напиться чаю. Прошли 11 километров. Выехали утром в 8 часов. Была морозная ночь, что нам

кстати, а то мясо мокрое, могло бы испортиться. Сейчас его подморозило.

Проплыли благополучно. От ночевки до устья реки Яшиной проплыли 8 перекатов, от Яшиной до Саетки — 6 перекатов и ниже Саетки — 4. Перекаты довольно легкие. Плывем хорошо, если не считать, что немного мешает встречный ветер. Замедляет ход примерно на километр в час.

От Татарки до пикета 2070 горы покрыты сплошным зеленым лесом, только на некоторых вершинах — гибник. Породы — кедр и ель пополам, немного пихты, в виде исключения — лиственница. Начиная с пикета 2070, ниже по реке лес весь погиб, берега и горы голые. По гибняку поросла береза.

Утром шла шуга, но меньше, чем первый раз. На ходу с плота заколол харпуса весом около килограмма.

Того же числа.

Ночь. Порог Щеки, или, как значится на карте, Стены. Доехали до порога к 16 часам. Прошли еще после дневного чая 6 перекатов. Итого за день провел 24 переката, из которых не все уж такие простые.

В порог спустили плот на веревке. Двое вели по берегу, а я шел на плоту. Думаю, завтра плот провести таким образом, сколько удастся, а потом отпустить. Надеюсь, что плот пройдет цел, а мне удастся его поймать ниже порога.

Место в окрестностях порога исключительно интересное. Правда, горы не такие мощные, как в Центральных Саянах, но все-таки представляют довольно внушительное зрелище. Река прорывается в узкую щель, зажата с боков в сильно извилистом ущелье. Повороты есть более чем под прямым углом при ширине реки метров 7—10. Спад очень большой. К сожалению, у меня нет никакого инструмента, которым я мог бы определить высоту падения.

Замечателен порог в большую воду, когда река заполняет все ущелье. Сейчас благодаря малой воде порог не особенно интересен. Глубина ущелья метров 15—20, а выше по обоим берегам — террасы, которые не отражены на карте. Рельеф и ситуация в этом месте изображены неверно. Для трассирования линии место не представляет никакого труда. Ход по террасе по своей сложности ничем не будет отличаться от других участков террасы, а я при камеральном трассировании представлял себе это место исключительно сложным и вынужден был уйти с левого берега на правый. В натуре этого не требуется. Можно легко трассировать линию и левым и правым

берегом в зависимости от того, как это потребуется на других участках линии.

До жилья — Пономаревских заимок остается 99 километров, то есть такое расстояние, которое можно пройти при любых условиях: зимой, летом, в распутицу, без продовольствия и т. д., так что я имею уже до 80 процентов шансов на благополучное завершение своей поездки.

Главное, что меня беспокоит, это то, что я обещал двадцатого приехать. Сегодня уже двадцатое, а я еще далек от цели. Будут волноваться, и я ничем не могу дать о себе знать.

С продовольствием благополучно. Нет только крупы — нечем заправлять суп и не из чего варить кашу. Хлеба и сухарей имею килограммов 30—35, мяса килограммов 50, масла килограмма 2, есть соль, чай. Табаку мало. Других продуктов нет, но и с тем, что есть, можно еще свободно жить дней 20.

Исключительно плохо с обувью у товарищей. У Кости сапоги почти развалились. Он ходит, подвязывая их веревочками. Есть у него валенки, но у них пятки дырявые, так что можно одевать только на лагере. У Алеши сапоги тоже никуда не годятся, зато есть крепкие ботинки, которые его могут выручить. У меня с обувью вполне благополучно, если не считать, что сапоги промокают. С верхним платьем хорошо.

Главный и основной недостаток — нет у нас ни одного рабочего. Все приходится делать самим, а это сильно утомляет. Взять хотя бы ежедневную заготовку дров на ночь. Нужно напилить и стаскать к лагерю 2—2,5 кубометра. Самим приходится готовить пищу, а из-за этого один должен вставать в 5 часов утра. Самим приходится делать плоты и перетаскивать имущество через пороги, а это тоже тяжелая работа — без дороги, по камням и бурелому километра 2—3 тащить на себе килограммов 200—250 груза.

В таких поездках необходимо иметь человека два рабочих, таких, как Василий Булыгин, который мог бы и плот сплотить и вести его по реке.

Лоцманские обязанности лежат на мне, а это исключает возможность в пути с плота вести записи. Многие детали забываются и вечером их не зафиксируешь.

Здоровье Кости лучше.

21 октября.

Ночуем ниже порога Щеки. За целый день только и сделали, что перетащили свои вещи на 3 километра. По словам Громова и Колодезникова, плот нужно делать ниже реки

Малой Маетки. Почему — не знаю. Завтра утром пойду посмотрю. Если это так, то придется еще тащить вещи на себе 1700 метров.

С плотом пришлось проститься. Случилось то, чего я больше всего боялся: в пороге, в двух узких тихих коридорах, река встала. Забило шугой, и вряд ли до весны растает. Если так будет повторяться дальше, то перспектива у нас не особенно завидная. Придется рубить лабаз, складывать в него все вещи, а самим налегке, с минимальным запасом продовольствия идти пешком — благо осталось недалеко до жилья.

Изумительно красивое место этот порог! Вчера мы видели только его начало. Дальше, через небольшой промежуток всего метров в 600—700, река снова входит в узкую щель и течет почти на протяжении целого километра по извилистому коридору. Ширина коридора достигает вряд ли более 10 метров.

Очень интересно здесь во время паводка, когда вода заполняет этот коридор до самого верха, а он в некоторых местах достигает глубины 20 и более метров. В таком высоком подъеме воды я убедился по наносам, которые лежат на верху скал, ограждающих коридор.

По левому берегу есть разрубленная дорога, которой пользовались для перетаскивания лодок волоком в обход порога. Сюда заходили минусинские охотники-соболятники лет 20 тому назад. Сейчас тропой никто не пользуется, и она местами завалена и заросла. Тянется эта дорога только в пределах самого порога, а дальше нет, и вот здесь с вещами идти очень плохо. В конце порога с левого берега вплотную к реке спускается скала — единственное препятствие для трассирования линии левым берегом. Здесь на протяжении 70 метров или нужно рубить полку, или идти в тоннель той же длины, или выше, в пазухе, класть линию на подпорную стенку длиной тоже 70 метров при высоте ее 8 метров. В этом отношении правый берег здесь лучше. В пределах порога имеется терраса, расположенная выше горизонта высоких вод, по которой можно легко уложить трассу...

22 октября.

Неудачный день. Утром с Алешей пошли смотреть реку. Оказалось, что выше Маетки река замерзла на протяжении более 200 метров. Маетку перейти не могли. Речка большая, вся зашугована, перейти можно только по пояс в воде; мы, разумеется, не рискнули. Нужно делать мост, но у нас с собой не было топора, да и поблизости нет подходящего дерева, чтобы перебросить сразу с берега на берег.

Вернулись назад и решили перейти на правый берег и там делать плот. Это чуть не стоило жизни Журавлеву, который провалился под лед и едва выцарапался на берег. Плохо то, что был он один, и если бы не вылез сам, то мы со Стофато хватились бы его не раньше, чем через два часа. Однако все обошлось благополучно, если не считать того, что он подмочил лейку, и, вероятно, пропала пленка со съемкой порога Щеки.

На правом берегу — опять неудача. Нет сухостойной пихты. Придется плот делать кедровый, а он гораздо хуже пихтового.

Ходил вниз по реке ниже Малой Маетки. В одном месте река почти насквозь промерзла, остался узенький проливчик. Если будет мерзнуть таким темпом дальше, то не может быть и речи о дальнейшем путешествии на плоту. Делаю последнюю попытку с плотом.

23 октября.

Весь день делали плот. Леса под руками нет, приходится рубить далеко от берега и на себе таскать бревна, а кедровые бревна очень тяжелые. Не знаю, как будет плот держаться на воде. Если будет сидеть глубоко, вероятно, придется сделать новый там, где есть пихта.

Погода сегодня исключительно хорошая. Тепло, как летом. Работали в одних рубашках. Лед на реке немного подтаивает. Шуги утром не было. Если такая погода простоит дней 5—6, то поспеем приплыть на плотах, если же опять заморозит, то плоты придется оставить и идти пешком.

Всего по Казыру пройдено 100 километров, из которых 64 на плоту и 36 на оленях.

Очень короткий день. Всего светлого времени 10 часов, а за это время много не сделаешь. Сегодня вечером — починка одежды. У всех что-нибудь да надо починить — у кого обувь, у кого одежду. Рвется очень сильно, да и вдобавок у костра горит почью. Почти каждую ночь — погорельцы. Вчера ночью погорели у Алеши ватные брюки, а у меня — стежонка. Чувствуется общее утомление у ребят, да и у меня тоже. Правда, никто об этом не говорит, однако заметно. Малоприспособленная публика к такой жизни. Я тоже что-то начал сдавать, нет уж той неутомимой энергии, которая была раньше, очевидно, сказываются годы. Нужно брать с собой рабочих.

24 октября.

Ночевка на правом берегу Казыра в устье ручья, который впадает в Казыр на пикете 1918.

Опять не повезло сегодня. Отплыли хорошо, даже очень хорошо. Прошли порог ниже устья Малой Маетки, благополучно прошли еще 4 шиверы, и на повороте реки нас постигла неудача. Река замерзла на протяжении около 200 метров. Сначала думал бросить плот, но потом осмотрел место, посмотрел лед и решил прорубиться. Это заняло много времени и труда, однако пробились. Прошли сквозь лед метров 150—170.

Выручили два теплых дня — вчера и сегодня. Лед подтаял и довольно легко долбился. Очень хотелось сегодня пройти Китатский порог, но ничего не поделаешь, против природы не попрешь. Сейчас идет дождь — это хорошо. Поднимется температура воды, и растают перехваты, которые, вероятно, ожидают нас еще впереди. Плохо только то, что вместе с этим растает и наш запас мяса, которое за последнее время так хорошо замерзло.

Ниже впадения Малой Маетки опять пошла живая тайга по обоим берегам. Ехать приятнее. Уж очень безотрадное впечатление производит этот погибший лес.

Ребятки намаялись на льду и спят. Я готовлю ужин. Завтра при благоприятных условиях пройдем километров двадцать.

25 октября.

Ночуем ниже Китатского порога, примерно на пикете 1895.

Опять неудача. До порога дошли скоро и благополучно. Выше порога пристали к берегу, и я пошел смотреть порог. Посредине реки — скалистый остров. Основное русло идет слева, где и находится собственно Китатский порог, а справа — небольшая протока, загроможденная камнями. В большую воду этой протокой можно спустить плот, а при теперешнем горизонте это почти немыслимо. Кроме того, ниже порога река замерзла шугой, так что пройти с плотом совершенно невозможно.

Решил плот бросить и ниже порога рубить новый, уже четвертый по счету. Сам порог непроходим при любой воде. Примерно в 800 метрах выше порога имеется тоже крутой слив, однако к нему хороший заход и посредине только два камня, которые легко избежать. Этот слив прошли хорошо, хотя вал довольно значительный, на плот плескало почти по колено. Кроме этого слива от пикета 1918 до Китатского порога имеется еще три переката, которые легко проходимы и интереса не представляют.

Вещи обнесли по правому берегу, и на правом же берегу в рекордно короткий срок — за 6 часов — срубили новый пихтовый плот. На утро работы осталось максимум на 1—1,5 часа.

Завтра дальше в путь. Мало продуктов, сегодня доели хлеб, сухарей осталось дня на 4, табаку на 2 дня. Имеем килограммов 30 мяса и соль. С этим еще можно жить. До жилья остается 90 километров, если раньше не встретим рыбаков Артемовского золотопродснаба. Нужно торопиться. Если река со своими ледяными перехватами не подведет, то все кончится вполне благополучно, в противном случае придется немного голодать, вернее, посидеть без хлеба. Неприятно, что опаздываю, вероятно, обо мне уже по-настоящему беспокоятся.

26 октября.

Утром доделали плот, спустили его на воду. Отплыли в 13 часов. Прошли две шиверы, и после второй река оказалась опять замерзшей на протяжении примерно метров 300 при толстом льде. Сходил посмотреть, вернулся и решил дальше не плыть. Если делать новый плот, то это займет целый день, и нет гарантии, что через 2—3 километра его снова не придется оставить.

Пересортировали свое имущество. Взяли на человека килограммов по 15 груза, а остальное сложили в три мешка и подвесили на видном месте над рекой, на утесе, на корне выворота.

Рассчитываю зимой послать охотника с картами и имущество привезти. Остались наши личные вещи, отобранные образцы камней, мяса килограммов 20, соль, охотничьи принадлежности, острога, веревка, топор и пр. Взяли с собой одну заднюю ногу оленя килограммов на 15, оставшиеся сухари 4—4.5 килограмма, соли килограмма 2 — вот и все наше продовольствие.

Надеюсь через 5—6 дней дойти до предгорья, а оттуда уж доберемся домой. Из одежды взял каждый по полушубку и плащу. Телогрейки оставили. Я еду в сапогах, Журавлеву дал свои валенки. Кроме того, у него есть ботинки, которые требуют ремонта. Стофато идет в валенках, сапоги у него совершенно развалились, валенки требуют ремонта — потерты пятки.

На первых же шагах нашего пути досталось очень трудное место — гарь по скалам. Продвигаться исключительно тяжело, особенно с грузом.

Пошли левым берегом, почти наугад. Руководствовался тем, что на левом берегу меньше притоков, что Базыбай нужно обходить также по левому берегу и как будто короче путь.

Если будут благоприятные условия, то ниже Базыбая поплывем снова. Для этого взяли с собой пилу и топор.

Вчера всю ночь шел снег, днем было переменно, а сейчас прояснило, очень холодно, и светит луна.

27 октября.

Дошли до пикета 1762. Утром перешли речку Воскресенку. Речка маленькая, свалили одну топкую пихту и по ней перешли. С правого берега увидели Верхний Китат и на правом его берегу, при устье,— избушку. Верхний Китат в противоположность большинству остальных притоков впадает в Казыр в одном уровне.

Лес частью погиб, частью стоит зеленый. Больше пошло лиственных. Из хвойных — пихта, ель, кедр. Лиственница с Петровского порога исчезла совершенно.

Левый берег для трассирования лучше правого.

28 октября.

Левый берег Казыра, пикет 1666. Исключительно тяжелый день. С 6 часов пошел снег и шел хлопьями весь день и сейчас идет (23 часа). Навалило сантиметров 15, а главное, снег повис на деревьях и падает при малейшем прикосновении. В результате к вечеру мы были мокрые до нитки. Журавлев шел без плаща и промок насквозь. Меня несколько спас плащ. За день прошли всего 10 километров (по трассе), что в натуре километров 12—15.

Завтра пройдем Базыбай, а там, если река не имеет тенденции замерзнуть,— сделаем плот и поплывем. У меня сегодня за день пропали сапоги; или я их сжег во время сушки, или на подошвах была гнилая кожа, в результате подошвы на обоих сапогах пропали.

Утром перешли реку Бачуринку по льду, днем прошли мимо реки Соболинки, впадающей с правого берега. Около устья Соболинки на правом берегу — зимовье.

Продовольствия: хлеба на 2 дня — при экономном расходовании, табак на 1 день. Полагаемся на мясо: его у нас много, и экономить нет смысла.

29 октября.

Пикет 1585. Порог Базыбай. Дом рыбака. За день пройдено по трассе только 8 километров. Порог проходили уже в потемках, так что видел его плохо. Вся река здесь собирается в сливе шириной не более 7—10 метров. Шуму много. Собственно порог состоит из одного главного слива, совершенно непроходимого ни на плотах, ни на лодках. Выше этого слива имеется

несколько шивер и перекатов, которые при малой воде легко проходимы.

Перешли реку Састку. Речка маленькая, и в самое половодье, вероятно, ее можно переходить вброд.

Начиная со Спиридоновской шиверы, по левому берегу большие заросли малины. В нынешнем году было очень много ягод, все они посохли и висят почерневшие. Начал попадаться все чаще березняк и осинник. Встречаются экземпляры диаметром до 70 сантиметров. Из хвойных — преимущественно пихта и кедр, меньше ель, лиственницы нет. Только сегодня за последние 10 дней встретилось штук 5—6 одиночных лиственниц.

Зверя мало. Медведь лег, его следов давно уже не видно, сохатый и изюбрь, вероятно, подались на зиму на северные склоны Саян, так как здесь очень много снегу. Кстати, снег продолжает идти. Выпало уже так много, что очень мешает идти. Мы буквально за собой тянем с Саян зиму. Снег нас просто преследует и не дает убежать. Однако надеюсь, что в районе от Курагина до Минусинска снега еще нет и я застану осень, правда, очень позднюю, но все-таки без снега.

До жилья осталось 58 километров, а может быть, и меньше, если встретим рыбаков, охотников или погранпикет. И то, и другое, и третье очень желательно, так как с продуктами дело обстоит очень плохо. Сухарей, собственно сухарных крошек, осталось на один день. Мяса в той норме, как мы его потребляем,— на 4 дня. Табак сегодня кончился, это портит настроение. Идти очень тяжело, несмотря на небольшой груз, который несет каждый из нас. Хуже всех чувствует себя Стофато, он идет очень плохо, все время падает и сильно устает. Стал раздражительным, а это плохой признак. Лучше всех чувствует себя Журавлев, а я — средний. Правда, мне идти значительно тяжелее, так как я в сапогах, а Алеша в пимах.

Сегодня установил трехсменное дежурство: с 21 до 24, с 0 до 3 и с 3 до 6 часов. Это для присмотра за костром и изготовления завтрака, а то до сего времени я был штатным кочегаром — топил всю ночь, ребята спали, как суслики.

Завтра еще пойдем пешком — хочу посмотреть, как ведет себя река. Во всяком случае пока ничего радостного не предвидится, так как выше порога есть перехват и ниже порога река тоже замерзла, на большом протяжении или нет — не знаю.

Ниже порога долина Казыра расширяется, горы отступают и, вообще, такое впечатление, что горная часть кончилась и началось предгорье.

Как-то мы его одолеем почти без продовольствия и без дороги?

31 октября.

Ночуем на пикете 1516. Дело плохо, очень плохо, даже скверно, можно сказать. Продовольствие кончилось, осталось мяса каких-то два жалких кусочка, сварить два раза — и все.

Идти нельзя. По бурелому, по колоднику, без дороги и при наличии снега 70—80 сантиметров, да вдобавок еще мокрого, идти безумие. Единственный выход — плыть по реке от перехвата до перехвата, пока она еще не замерзла совсем.

Так вчера и сделали. Прошли пешком от Базыбая три километра, потом сделали плот и проплыли сегодня до пикета 1520. Здесь в колено забило снегом и смерзлось, пришлось плот бросить. Это уже пятый наш плот. Завтра будем делать новый плот. Какая-то просто насмешка! Осталось до жилья всего 52 километра, и настолько они непреодолимы, что не исключена возможность, что совсем не выйдем. Заметно слабеем, что выражается в чрезмерной сонливости. Стоит только остановиться и сесть, как сейчас же начинаешь засыпать. От небольшого усилия кружится голова. Все совершенно мокрые уже трое суток. Просушиться нет никакой возможности. Сейчас пишу, руку жжет от костра до волдырей, а на листе вода. Но самое страшное наступит тогда, когда мы не в состоянии будем заготовить себе дров.

1 ноября.

Перенесли лагерь к месту постройки плота — на пикет 1512, против впадения реки Базыбая. Все ослабели настолько, что за день не смогли сделать плот. Я совсем не работал. Утром не мог встать: тошнило, и кружилась голова. Встал в 12 часов и к 14 дошел до товарищей. Заготовили лес на плот и стаскали его к реке, заготовили на ночь дров — вот и вся работа двух человек за день. Я расчистил в снегу место под лагерь площадью 18 квадратных метров и поставил палатку — тоже все, что я сделал за день.

Разговариваем очень мало, односложно и не особенно вежливо. У всех опухли лица, руки и главное — ноги. Я с громадным трудом утром надел сапоги и решил их больше не снимать, так как еще раз мне их уже не надеть. Все погорели, буквально нет ни одной несожженной одежды, и все равно все мокрые до нитки. Снег не перестает, идет все время, однако тепло, летит мокрый, садится, на него падает новый, и таким образом поддерживается ровный слой сантиметров 80 мокрого, тяжелого снега.

Продовольствие кончилось, остался маленький кусочек мяса, от которого понемногу отрезаем и варим два раза в день. Табаку нет, курим древесный мох.

Базыбай — большая река, впадает в Казыр справа в одном уровне. Воды несет много.

3 ноября. Вторник. Пишу, вероятно, последний раз. Замерзаю. Вчера, 2 ноября, произошла катастрофа. Погибли Костя и Алеша. Плот задернуло под лед, и Костя сразу ушел вместе с плотом.

Алеша выскочил на лед и полз метров 25 по льду с водой. К берегу пробиться помог я ему, но на берег вытащить не мог, так он и закоченел наполовину в воде.

Я иду пешком. Очень тяжело. Голодный, мокрый, без огня и пищи.

Вероятно, сегодня замерзну [1].

[1] Последняя запись в дневнике. Она едва разборчива. Видно, А. М. Кошурников совсем обессилел, еле держал карандаш. Судя по всему, он погиб именно в этот день.— *Ред.*

Я СЛОВНО ВНОВЬ РОДИЛАСЬ

С тех пор прошло много лет, а словно было все это совсем недавно...

В 1943 году мне было только двадцать лет. Из них четыре я стояла у станка. Три года станочницей, год бригадиром.

В мою бригаду входили пять девушек, пять строгальщиц, я была шестая. Все совсем юные, от 17 до 22. Некоторые прямо со школьной скамьи. Пришли они на завод, чтобы заменить у станков своих братьев, отцов, ушедших на фронт.

Работа в те годы была известно какая — трудная. Очень было трудно работать. Когда получали фронтовой заказ, не отходили от станков по две, а бывало, и по три смены. Те, которые послабее были, не выдерживали, приходилось подменять на час, другой.

Да еще работали при электрическом свете — все окна были закрашены черной краской от вражеской авиации. Четыре года в цехе дневного света не видели. Выйдешь, бывало, на улицу — и голова кругом, хватаешься за что-нибудь, чтобы не упасть. Сказывалось, конечно, и недоедание, хотя в 1943 году питались лучше, чем в первые годы войны.

Станки наши стояли в два ряда, по три в каждом. За войну они немного устарели, но мы не замечали их морщин. Никто не обижался: старенькие станки крепко зажимали и точно стро-

гали деталь — затвор для полуавтоматической винтовки, потом — для пистолета-автомата. Добрые стальные кони нас не подводили.

Называли нашу бригаду комсомольской, потому что все мы были комсомольцами, затем бригада получила звание фронтовой, комсомольско-молодежной фронтовой стала называться. Это когда норму начали выполнять на 200—300 процентов. Званием фронтовиков труда дорожили и выработку не снижали.

Нами были довольны, и некоторые девушки считали, что «дальше ехать некуда». Особенно горячилась веселая и упорная Тамара.

— На фронте армия наступает, а шесть комсомолок стоят без движения на своей площадке,— говорила я.

— Выработка доведена до 280 процентов к плану, продукция отличного качества, станки сверкают. Бригада изменила режим работы, ускорив механическую подачу в три раза. Раньше деталь делали в 2,17 минуты, теперь ее снимаем со станка через минуту,— горячилась Тамара.— Кому это снилось? Посмотри, даже старички еле-еле тянутся за нами!

Да, мы работали хорошо, но можно было работать еще лучше, еще больше давать деталей фронту. Советская Армия тогда стремительно наступала. Мы, труженики тыла, должны были тоже повысить темпы работы.

В это время бывало так, что я по трое суток не выходила из цеха: то обдумывала приспособления к станкам, то проверяла работу ремонтировщиков. Много раз мысленно пересматривала технологию работы над деталью.

Здесь уже все было рассчитано. Деталь изготовлялась за одну минуту. Подготовительная операция — поместить резец, поставить и зажать деталь, включить и выключить мотор — занимала 0,28 минуты. Резец выполнял свою функцию в 0,72 минуты. В эти три четверти минуты человеку нечего было делать. Три четверти рабочего времени строгальщик зря стоял у станка!

Мне хотелось заполнить это время.

— Не так мы богаты, чтобы выбрасывать на ветер столько времени,— говорила я девчатам.

Нужно было что-то придумать, но что? Мысли не давали мне покоя. Видела, что и мои подружки думают о том же. Странная это была жизнь: ходишь, отдаешь привычные распоряжения, следишь за выработкой продукции, бегаешь к мастеру, устраняешь неполадки, а мысли о другом.

Бывает так, что решения, которые ищешь месяцами, приходят вдруг. Как-то я проходила по цеху. В полутьме тонули

Е. Г. Барышникова, бригадир комсомольско-молодежной бригады 1-го Государственного подшипникового завода. Москва, 1943 г.

машины, люди. И здесь я ясно увидела, что станки стоят не так, как нужно, как следовало бы им стоять. Не так!

Рабочая часть одного станка в первом ряду была отделена мотором от станка второго ряда. Но почему же? Ведь если повернуть второй ряд станков к первому ряду рабочим столом (суппортом), то одному человеку можно будет работать сразу на двух машинах! Резец строгает деталь в 0,72 минуты, этого вполне достаточно, чтобы поставить вторую деталь на второй станок, и еще остается почти полминуты. И можно будет снять трех человек для другой работы...

— Не может быть! — думала я, всматриваясь в расстановку машин.— Станки поставлены в цехе по плану больших специалистов, вделаны в цементный пол наглухо, тут пробовать нельзя...

Несколько дней ходила словно слепая, все сомневалась, взвешивала, боялась ошибиться. Придя домой, долго не могла уснуть. Делала грубые чертежи, перестановки станков. Вертела их так и этак, наконец расставила в шахматном порядке. Рабочие места пометила кружками. Долго не могла я подойти со своим неумело сделанным чертежом к мастеру — молодому весельчаку. Боялась его острого языка, потом все же решилась. Он выслушал с интересом, но испугался.

— Ох, Катя-Катерина, голова и так горит, как бы не сорвать план, а ты с таким предложением. Ведь все нужно поставить вверх ногами!..

— Горит, да не сгорает твоя голова,— пробормотала я, уходя к своим девушкам.

После смены зашла к начальнику цеха, решила идти напролом. То боялась к мастеру подойти, а теперь прямо к начальнику цеха. Развернула я перед ним свои немудреные чертежи, мол, смотрите Дмитрий Иванович, я вся тут. Долго он смотрел в мои листики, что-то чертил нервной рукой, считал. Потом убежденно сказал:

— Расход времени на перемонтаж, на приобретение новой споровки рабочего не покроет экономии от сокращения рабочей силы. Не пришлось бы вернуться к старым методам работы! Надо дождаться для экспериментов конца войны.

Вернулась я на свое рабочее место будто побитая. Взяла под руку вещи, вышла из цеха. Холодный осенний ветер тряс голые деревья, бросал в лицо мелкую снежную пыль. В такую погоду обычно не до мыслей. Втянешь глубоко голову в воротник старенького пальто и рвешься навстречу ветру. А тут и ветер не помогал. Хотелось кричать что есть силы: «Не могу, не могу так работать...» Обхватила дерево руками и так стояла, долго стояла, подставив ветру лицо. Но что было ветру до моих мыслей?..

На следующий день пришла на работу почти больная, работала вяло, как-то безотчетно.

Девушки видели это, сочувствовали, но считали, что тут я «перехватила» — придумала совершить целую революцию в цехе.

Отвела душу на собрании комсомольцев. Выложила все, что накопилось за время долгих раздумий. Мысли подкрепила чертежами. Не постеснялась сказать несколько крепких слов в адрес цехового руководства. Собрание забурлило — молодежь горячая.

— Мешают идти вперед,— говорили одни — те, кто был за меня.

— Нельзя вертеть станками всем, кому захочется...— выкрикивали другие.

Мнения резко разделились. Все же большинство комсомольцев было за меня. Даже нашлись горячие головы, которые требовали всей организацией цеха отправиться к директору. Какие это были замечательные ребята!..

На следующий после комсомольского собрания день бригада решила взять новые обязательства. Я предложила за счет улучшения организации труда, рационализации производства вдвое сократить нашу бригаду и выполнить задание на 370 процентов.

Девушки внимательно выслушали мои предложения. Спорили, спорили долго, раскрасневшись.

— Снова дуришь, Катя. Не выполним мы обязательств, никто не согласится ломать порядок в цехе.

— Почему 370 берем, давай ровно 400.

— А может 500 взять?..

— 500 опасно,— сказала я.— А вот 400 можно.— Все остановились на 370 процентах.

С новыми обязательствами бригады и чертежами пошла я на прием к директору.

По отзывам тех, кто сталкивался с ним, это был смелый человек, который не боялся опыта, если от этого выигрывало дело. Шла на прием с тяжелым сердцем. Легко сказать: ручаюсь за всю бригаду. А вдруг не получится?!

Когда в конторе сказали: сейчас из кабинета выйдет главный инженер и мне можно будет войти, растерялась, хотела бежать. Даже направилась к дверям, но тут пригласили войти к директору. Он приветливо поздоровался, предложил сесть. От такой встречи стало легче, спокойнее на душе.

Я развернула свой чертеж и начала говорить. Объясняла недолго — ораторствовать я никогда не умела. К тому же объяснял дело чертеж, пусть и незамысловатый.

Директор долго его рассматривал, слегка ероша рукой темные волосы. Прошло в молчании десять — двадцать минут. Потом Андрей Геннадиевич — так звали нашего директора — повернулся всем корпусом ко мне и долго смотрел на меня, додумывая... Наконец спросил:

— Понимаете ли вы, что значит ваше предложение для страны?

Решила я этот вопрос только для своей площадки, а в данную минуту от волнения вообще ничего не сознавала, но на вопрос директора ответила утвердительно:

— Понимаю!

— Нет, не понимаешь,— сказал Андрей Геннадиевич.— Не понимаешь! Ведь все строгальные станки на заводах смонтированы так же, как у нас. Перемонтаж высвободит сорок — пятьдесят тысяч человек. Это дело, Катя, очень большое, если оно удастся. А я полагаю, что здесь должна быть удача! Сегодня в восемь часов приходи сюда, будем договариваться с цеховым начальством. Надо их убедить!

Я словно вновь родилась.

Уходя из кабинета директора, оставила обязательства бригады на столе. Мы писали:

«Отдадим все свои силы на повышение производительности труда и с меньшим количеством рабочих обязуемся выполнить план не ниже чем на 370 процентов».

Перемонтаж сделали за двенадцать часов. Проклятый цемент для площадки слишком медленно затвердевал.

Наконец бригада могла занять место у станков и начать работу. Было это 15 ноября. Есть в жизни даты, которые не забываются. Этот день навсегда останется в моей памяти.

Приняли смену не шестеро, а только трое: Тамара Гарапина, Леля Андрианова и я. Другие ушли из нашей бригады на другой участок. Там они работали тоже славно, честь нашей бригады не роняли.

Весь механосборочный цех, все строгальщики, фрезеровщики, шлифовальщики пришли посмотреть, как работают девушки на двух станках. Пришел и директор. Рядом с ним в пролете стояли начальник цеха и слегка улыбающийся мастер.

Не все верили в наш успех. Раздавались голоса, что слишком самоуверенна теперь молодежь, что едва ли что-нибудь получится из нашей затеи.

— Многостаночное обслуживание на нашем участке — дело нереальное,— сказал кто-то из наблюдавших за работой бригады.

Были минуты, когда и мы начинали сомневаться в наших силах. Но правильный расчет, упорство, опыт побеждали. Мы не допускали ни одной минуты простоя. Постепенно прибавляли скорость станкам. Старались согласовать работу станков таким образом, чтобы, пока на одном станке происходит стружка, на другом установить новую деталь.

Конечно, нелегко было работать за двоих. Не так просто было справиться с двумя станками. К концу смены все тело гудело, руки дрожали. Но на фронте разве легче было?

В конце смены подняли лицо от станков и увидели яркие буквы «молнии»: «Привет славным труженикам тыла!» В «молнии» говорилось о том, что фронтовая бригада Барышниковой, работая на шести станках втроем вместо шести человек, дала рекордную выработку: 431 процент нормы. Это наши друзья — комсомольцы постарались.

С этого дня работа словно окрылила нас. Мы придумывали все новые и новые приспособления для станков. По нашей просьбе нам сделали кронштейн для зажима детали, чтобы резец мог выбирать более толстый слой металла; приспособление для зажимной пневматики; много разных мелочей, которые

помогли повысить выработку плана до 500 процентов. Вместо 180 деталей бригада давала 800.

Да, человеческая воля не знает пределов...

Уже на следующий день комсомольцы начали примериваться, нельзя ли и им работать за себя и товарища. Оказалось, что во многих случаях можно. За несколько дней фронтовые бригады на нашем заводе высвободили у себя около ста рабочих.

Опыт обслуживания станков сокращенными бригадами получил широкое распространение. Как-то газета «Правда» сообщила результат нашего почина: свыше 19 тысяч молодежных бригад, сократив по нашему примеру свой состав, высвободили для других участков производства почти 80 тысяч человек.

Правительство наградило меня орденом Ленина.

У нас, простых советских девушек, появилось много друзей. Мы получили около 100 тысяч писем. Юноши и девушки из разных городов страны писали, что они стараются работать так же хорошо, как и наша бригада, чтобы трудом ускорить желанный час победы.

Особенно много писем приходило с фронта, теплые, сердечные письма от тех, кто громил врага. Редко выдавался на фронте часок, чтобы отдохнуть, но воины находили время написать нам, трем девушкам; их письма были нам особенно дороги.

«Вторично мы прочитали сегодня о вашей бригаде,— писал комсорг Н-ского подразделения т. Тюрин.— За ваши трудовые дела вам фронтовое спасибо. У вас большие успехи в труде, а мы все лучше овладеваем снайперской техникой, чтобы ни одна пуля не прошла мимо фашистского лба».

Писали пехотинцы и краснофлотцы, рядовые бойцы и офицеры. Писали коротко и подробно, в прозе и в стихах. От всех этих писем веяло дыханием войны, одной мыслью: фронт и тыл едины. Как писал командир одной части И. Ф. Моисеев:

Далеко от вас, но с вами
Мы воюем бок о бок.
Я из пушки здесь стреляю,
А у вас в руках — станок.

Да, мы воевали рядом, люди фронта и люди тыла, поэтому и победили, одолели фашистского зверя.

ВДАЛИ ОТ ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

С запада доносилась мощная артиллерийская канонада. Мы собрались на последний митинг, чтобы дать клятву где бы мы ни были гордо нести звание члена коллектива ордена Ленина Харьковского тракторного завода.

В тот же день каждый из нас в последний раз окинул близкую нашему сердцу картину. Родной завод раскинулся на десятки километров. Взгляд не мог не задержаться на лучшем в городе кинотеатре, на великолепных домах рабочего поселка. И это все такое родное, близкое пришлось оставлять. Конечно, каждый сознавал, что ненадолго это, что придет на нашу улицу светлый праздник.

Работать без устали, не знать ни минуты покоя, пока нашу землю топчет враг,— вот единственное, чем жили мы в те трудные дни. И когда товарный эшелон с частью коллектива нашего завода прибыл в один из волжских городов, мы тут же, отказавшись от отдыха, пошли к станкам.

А загремели бои у Волги — харьковчане снова снялись с места и двинулись, теперь уже с большой группой волжан, дальше на восток, на седой Урал, чтобы там, вдали от переднего края, снова встать к станкам, выдавать армии первоклассное вооружение.

Здесь сразу же постигла меня неудача. В первый день работы на новом месте я был выведен из строя. Танковая башня сорвалась с крюка и придавила ногу. Только случайно уцелел.

Два месяца был прикован к постели в госпитале. Когда стал на костыли, тут же отправился на завод. Сил больше не было сидеть без дела в трудное для страны время. Нужно было работать, несмотря ни на что.

В цехе предложили работу второстепенную, легкую, скажу прямо: канцелярскую. Поработал я на новой должности несколько дней и больше не мог. Разве можно было усидеть за столом, перелистывать бумажки, когда товарищи в цехе сутками работали? Сил не было, иногда голодные, что греха таить, а работали.

К тому же с выполнением производственной программы заводом был настоящий провал. Наш цех не выходил из прорыва. И в основном из-за сварщиков. Везде в проходах скопились горы танковых корпусов и башен, а варить некому.

Бросил я сначала один костыль, а потом и другой. Ступить больной ногой не мог, но костылей не было. С трудом добирался от башни к башне, почти ползком. И варил, ожесточенно варил. Мы не имели права, никакого права мы не имели отставать, срывать программу...

Несколько дней работал один, потом был назначен бригадиром сварщиков. Сколотили бригаду и направили на самое прорывное место. Налаживай, Егор, дело, сказали. И я старался. Но попробуй быстро наладить дело с молодыми, наскоро обученными людьми. Тут и семь пядей во лбу не помогут, и руки умелые не выручат. Обучать нужно было ребят, сколотить их в крепкий коллектив, а то каждый сам по себе. В этом вопросе сослужили нам добрую службу «десятиминутки» — беседы, которые мы ежедневно проводили после смены. Обсуждали на них итоги дня и планы на завтра. И члены бригады таким вот образом чаще общались между собой, живее реагировали на производственные неполадки.

Не успели оглянуться, как начался 1943 год.

Новый год — новое задание. В феврале поручили нам быстро, прямо сверхсрочно освоить сварку башен самоходных артиллерийских установок. Сложное и трудное это было задание. Вначале было носы повесили. Но тут к нам на участок пришел мастером коммунист Шапкаренко, толковейший человек и очень обходительный. К каждому человеку умел подход найти. С ним мы просто ожили. Вместе начали искать пути выполнения ответственного задания. Все ребята думали. И раз-

работали мы график, где все было продумано, подсчитано. Составили его так, чтобы задание выполнить на неделю раньше срока.

Армия наша в те дни здорово наступала. Только успевали слушать сообщения об освобождении городов.

Дошла очередь и до Харькова. Понятно, что от радости харьковчане словно другими людьми стали. Радовались вместе с нами и уральцы.

— Нужно бы отметить, Егор, освобождение твоего родного города,— обратился ко мне один из сварщиков.— Давайте встанем на фронтовую вахту всей бригадой.

Поддержали предложение и решили задание выполнить не к 1 марта, а к 23 февраля — к 25-й годовщине Советской Армии.

Успех взбудоражил ребят. Предложения сыпались — только успевай обдумывать. И то давайте сделаем, и это. И наконец:

— Стоит ли нам ходить ночевать домой? На это теряем два часа. Не лучше ли временно «прописаться» на жительство прямо в цехе?

22 февраля, в конце смены, с нашего участка краны убрали последнюю башню, которую мы обработали в счет фронтового задания. Через несколько минут вся бригада, радостная, гордая достигнутой победой, отправилась на заводской митинг, посвященный 25-летию Советской Армии. Бригада поручила мне рассказать о наших успехах. Не мастак я говорить, но, кажется, складно получилось.

На следующий день — новая радость: наша бригада была названа фронтовой, заняла второе место по городу. Когда член бригады Бухаров принимал переходящий вымпел, шутя сказал: «Маленькое знамя завоевали, завоюем и большое».

В апреле 1943 года почти всех моих ребят взяли на другие участки. Взяли самых опытных сварщиков. Пришлось снова набирать и учить новичков. Пришла в бригаду Наташа Борисова. На следующий день привела она свою подругу Тасю Мещерякову, потом пришли Феня Курносова, Нина Дворяшина. Так и сложилась наша бригада, почти сплошь женская.

С новичками было трудно выполнить план. К тому же несвоевременно подавались заготовки. Приходилось оставаться после смены, чтобы выполнить сменное задание. А работали в те дни по 11 часов в сутки.

Чего-чего, а трудностей было много. Временами не было защитных очков. Пользовались всевозможными заменителями.

Но они были плохой защитой для глаз. То у одного, то у другого воспалялись глаза. Приходилось постоянно прикладывать к ним холодный компресс.

Нередко выходила из строя аппаратура, часто отсутствовал гибкий кабель. Бывали простои из-за отсутствия аустенитовых электродов. Плохая спецодежда приводила к ожогам.

Трудностей было хоть отбавляй, но мы их преодолевали.

Выручала находчивость. Как сохранить провода, аппаратуру? Закрепить их за определенными лицами, они будут их беречь и по-хозяйски хранить. Усталые люди после окончания смены оставляли провода спутанными. Сменщики тратили уйму времени, чтобы распутать, привести их в порядок.

Началась борьба за сокращение цикла сварки. Расставили людей строго по операциям, рассчитали затраты времени на каждую операцию, разработали маршруты движения изделий по участку. Очень скоро цикл сварки стал занимать 3—4 часа, вместо 10—12 часов. А корпус танка «Генерал Рокоссовский» был сварен за 2 часа 40 минут. Это был рекорд!

Сколько изнурительного труда стоила подготовка готовых изделий к сдаче!

Дело в том, что на металле оставались застывшие брызги аустенитовых электродов. Тело корпуса покрывалось металлическими «бородавками». Приходилось срубать их зубилом. Часами возились мы с каждой готовой башней, срубая «бородавки».

Все мучительно думали, как облегчить свой труд, ускорить сдачу башни. И придумали совсем случайно.

Решили мы побелить стену в цехе против наших рабочих мест, навести красоту. Для этого были использованы отходы карбида. Ученица Тамара Тарновская закончила побелку и шутки ради написала свое имя на башне танка. Мастер сделал выговор озорнице. Когда я начал варить башню, на которой девушка запечатлела свое имя, то к своему большому удивлению заметил, что брызги электрода, попадая на окрашенную поверхность, отскакивают от нее, как горошинки. Вот диво, подумал, и притащил ведро с карбидом. Покрасил башню и после сварки легко прошелся по ней щеткой: башня оказалась чистой, без единой «бородавки». Это помогло сберечь дорогое время, сохранить силы сварщиков.

В апреле 1943 года мы выполнили месячное задание на 313 процентов и вышли победителями в соревновании комсомольско-молодежных бригад. Первенство в городе оспаривали 600 бригад. Кто выйдет победителем — вопрос, который многих

волновал. При подведении итогов соревнования мнения разошлись: одни считали, что знамя должно принадлежать нашей бригаде, другие же были за бригаду Цаплинского с Кировского завода. Только на третьем заседании жюри приняло решение: первое место разделили две бригады. Такое решение раззадорило ребят. Работали в марте с небывалой энергией, и знамя прочно закрепилось в нашей бригаде.

Шло время. И скоро люди обнаружили, что нам не хватает знаний, что только обмен опытом может помочь прогрессу и росту. Пришли к выводу: помимо индивидуальной учебы, надо создать школы для обобщения опыта и коллективного его изучения, привлечь мастеров, технологов, ведущих инженеров. Квалификация сварщиков повысилась в результате учебы на три разряда. Испытания прошли с оценкой «хорошо» и «отлично».

Мастерство заметно возросло, но этого было мало.

Возникла необходимость решительно изменить организационную структуру в цехе.

В самом деле, что происходило в цехе? Отсутствие поточности приводило к тому, что изделия перебрасывались с места на место, а в каждом таком изделии не одна тонна веса. Встречные потоки мешали делу. Сварочная аппаратура была разбросана по всему цеху. Длинные провода приводили к потерям мощности. Несколько сварщиков прилипнут, бывало, одновременно к одной башне, и она накаляется так, что от нее пышет жаром, как от горячей печки. А тот, кто залез внутрь, чувствует себя, как в парной. При потоке всего этого не могло быть.

Хромала и организация дела в цехе. Башни обрабатывались на двух параллельных участках. Каждый участок имел бригаду сварщиков. На участках одновременно велись слесарные и сварочные работы, здесь было по одному старшему мастеру и по два сменных мастера, подчиненных старшему. Понятно, к чему это приводило: к обезличке, к тому, что при обнаружении дефектов Иван капал на Петра, и наоборот. На одном участке сварщики не успевали выполнять работу, на другом — простаивали.

Наша бригада, продумав все досконально, предложила объединить оба участка, собрать сварщиков в одну бригаду, слесарей — в другую. Вместо двух старших мастеров и четырех сменных оставить одного старшего и двух сменных.

Скажем прямо, не всем понравилось это предложение. Нашлись «знатоки», которые утверждали, что ничего из этого не получится. Но наши расчеты оказались верными. После реор-

ганизации производительность труда в бригаде возросла в два-три раза. Высвободились четыре сварщика. Выпуск продукции на участке повысился на 66 процентов. Возросла заработная плата рабочих, были высвобождены один старший мастер, три сменных, четыре бригадира, восемь электросварщиков.

Организационная перестройка сопровождалась осуществлением рационализаторских мероприятий, внедрением автоматической электросварки академика Е. О. Патона. В результате один сварщик начал работать за пять-шесть человек.

8 декабря 1944 года «Правда» сообщила об успехе нашей фронтовой бригады, о наших предложениях. Народный комиссар танковой промышленности В. А. Малышев писал в том же номере газеты: «Назрела настоятельная необходимость укрупнить не только бригады, но и многие участки и цехи. Это позволит нам высвободить тысячи высококвалифицированных людей из управления производством в цехах, на участках и в бригадах и направить их на работу туда, где квалифицированных работников не хватает. В этом особая ценность почина т. Агаркова».

Спустя некоторое время в печати еще раз выступил В. А. Малышев. Он писал: «С момента почина Е. Агаркова прошло всего 4,5 месяца. За этот срок в танковой промышленности на основе укрупнения ликвидировано 115 цехов, 513 производственных участков и более 600 бригад. Высвобождено 6087 человек, в том числе 2297 инженерно-технических работников и служащих, 3790 квалифицированных рабочих».

Со всех концов страны шли в адрес нашей бригады письма.

Шли письма с заводов, фабрик и строек, шахт, железнодорожного транспорта, от солдат и офицеров. Воины Уральского добровольческого корпуса, бывшие рабочие и служащие нашего завода, писали:

«Здравствуй, дорогой Егор! Мы очень рады за тебя, за твоих товарищей как за подлинно советских людей, товарищей и друзей, которые всеми силами стремятся помочь воинам Советской Армии разгромить ненавистного врага — немецкий фашизм!»

Возникнув в небольшой рабочей бригаде на Уральском заводе, движение за улучшение методов производства в короткое время получило огромный размах, стало важным фактором организационной перестройки промышленности, имело огромное народнохозяйственное значение. Оно, это движение, разгорелось как пламя.

А. Г. ШАШКОВ

ЗА СЕБЯ И ЗА ТЕХ, КТО УШЕЛ НА ФРОНТ

На нашем заводе среди сборщиков было немало подлинных виртуозов своего дела. Но удивляло меня у них одно: не признавали «старики» коллективной работы. Они уверяли даже, что в бригаде «сборщик теряет свое лицо», что он не сможет дать работу такого высокого класса, не сможет отвечать за работу станка, если не собирал его весь своими руками. Инженеры звали их «энциклопедистами сборки». Немудрено, что некоторые «старики» не признавали операционников «настоящими» машиностроителями и не сразу раскрывали ученикам свои производственные секреты.

Когда началась война, завод сразу же увеличил выпуск специальных станков. Ведь требование фронта: «Больше снарядов! Больше пушек! Больше самолетов!» для нас означало: «Больше станков!».

С осени 1941 года на заводах Москвы начали создаваться первые комсомольско-молодежные бригады. Молодые энтузиасты брались работать за себя и за тех, кто ушел на фронт.

Увеличение выпуска станков тогда очень лимитировала сборка. Быстро подготовить сборщиков высокого класса было немыслимо. Мастерство накапливается годами.

В это трудное для завода время, в сентябре 1942 года, начальник цеха Фролькис сказал в беседе со мной.

— План выпуска станков увеличен, с каждым месяцем мы должны давать все больше и больше продукции. Но с кадрами сборщиков дело обстоит из рук вон плохо. Молодежь должна помочь цеху.

Думал-думал я и предложил начальнику цеха:

— Давайте организуем комсомольско-молодежную бригаду из новичков. Будем собирать станки и учиться по ходу работы.

Предложение поддержали в комитете комсомола, одобрили руководители завода и парторганизации.

В бригаду пришли 16—17-летние подростки, окончившие по пять — семь классов средней школы. Комсомольцы Смирнов и Клюев, молодой слесарь Фадеев, все шесть человек не имели никакого представления о работе с металлом, о специальности сборщика. Только двое из шести имели второй рабочий разряд.

Когда «зеленые» новички обступили станину, на которой надо было крепить узлы, и растерянно глядели на детали, кое-кто посочувствовал мне.

— Зря берешься, Шашков. Лучше бы один работал, как до сих пор.

Не скрою, что и я волновался. Ведь я не был педагогом, а только сборщиком седьмого разряда, имел дело с металлом, а тут надо было «обрабатывать» людей.

Передо мной встал вопрос: как обучать новичков? И начал я с того, что передавал свои навыки членам бригады. Мне помогали советом и деловой поддержкой начальник цеха Фролькис, комитет ВЛКСМ. Да и сами ребята рвались к делу. Я видел, с какой завистью смотрят они на блестящие, промазанные станки, которые сдавали их соседи по цеху.

— Не горюйте, ребята,— сказал я,— сегодня вы новобранцы, завтра станете боевыми солдатами. Об одном только условимся: работать на совесть.

Наша смена заступала на работу в 8 часов утра. За 16 минут до начала смены бригада собиралась на короткое производственное совещание.

— Смирнов не нарезал вчера резьбу для установки смазочного устройства и подвел этим всю бригаду,— начал я как-то такое совещание.— Товарищ Смирнов, почему оказалось невыполненным задание?

Смирнов замялся. Смущаясь, он сказал, что не мог найти метчики.

— Никуда это не годится,— говорю ему.— Разве так работают по-фронтовому? Ты оправдываешься тем, что не нашел инструмента. А почему не спросил у меня? Говоришь, что не

хотел отрывать от дела. А разве лучше было подвести своих товарищей?

Смирнову сказать нечего, но он знает теперь, что его работа на виду у всей бригады.

Мы чувствовали, что если постигнем «душу» станка, хорошо узнаем его особенности, то будем работать гораздо увереннее, а значит, продуктивнее.

И наша бригада превратилась в своего рода технический кружок, школу.

Были у нас люди, которые рассуждали так: «Время теперь военное, тратить его на учебу некогда». Мы на учебу «вообще» не потратили ни одного часа. В плане наших занятий не стояли ни технология металлов, ни принципы работы. У нас была одна дисциплина, один предмет занятий — станок, который мы собирали: назначение отдельных узлов, их сборка, взаимодействие.

Занимался с нами Косман, конструктор станка, который мы собирали. Каждый день, точно в назначенное время, на нашем участке появлялся преподаватель. Это было как бы сигналом для нас: инструмент складывался в ящик, мы уходили в кабинет технолога цеха. Инженер подробно разбирал каждый узел станка. Ребята старались не пропускать ни одного слова — ведь этот час кроме учебы давал им отдых после напряженной физической работы.

С вниманием ловил каждое слово преподавателя Володя Смирнов. Он как-то говорил мне: «Война прервала мою учебу. Но я не забыл о своей мечте стать инженером. С детства читаю технические книжки, увлекаюсь моделями. И как приятно, что теперь я буду и работать и учиться».

Надо отдать должное инженеру Косману: он сумел своими беседами возбудить у нас интерес к технике, любовь к знаниям. Он был для нас не только учителем, но и руководителем, особенно в те дни, когда мы собирали первый экземпляр станка «3250». Косман дневал и ночевал с нами, помогал нам на всех этапах сборки, кропотливо знакомил со своим детищем. С помощью Космана нам удалось быстро освоить новый станок и уверенно приступить к его сборке.

Накопив опыт, мы решили включиться в соревнование молодежных бригад столицы. Обязательства свои бригада перевыполнила: в январе 1943 года собрала 10 станков, в феврале — 11. К 25-й годовщине Советской Армии нам впервые вручили переходящее Красное знамя МГК ВЛКСМ. Мы получили звание лучшей комсомольско-молодежной бригады Москвы.

К этому времени на каждого из нас приходилось по два, а то и три станка.

Одна из наиболее трудоемких работ — установка суппорта на столе станка. Эта операция отнимала у квалифицированного рабочего шестого-седьмого разряда не меньше трех-четырех часов. Мы подсчитали возможности хода стола и пришли к заключению: шпонки суппорту не нужны. Сложное и громоздкое его крепление мы заменили простыми болтами.

Предложение наше было принято. Установку суппорта вместо 4 часов проделывал теперь за 15 минут слесарь третьего разряда. На этом завод сэкономил 11 500 рублей.

От работы каждого зависел общий успех. Как-то прогулял Виктор Салыков. Когда о прогуле узнали в МГК ВЛКСМ, у нас тотчас же отобрали знамя: недисциплинированность недопустима в фронтовой бригаде. На совещание в бригаду пришел из заводского комитета комсомола Саша Рябов. Он сказал:

— Нельзя допускать, чтобы в лучшей бригаде был прогульщик. Такого разгильдяя надо было бы с позором выгнать. Но лучшая фронтовая молодежная бригада должна уметь не только наказывать, но и перевоспитывать людей. Если верите в свои силы, оставьте Виктора в бригаде.

Угроза исключения из бригады подействовала на парня. Он стал исправляться, лучше работать.

В процессе соревнования мы организовали свой труд по-новому: расчленили сборку на три группы операций.

Не все ребята имели одинаковую квалификацию, в соответствии с этим мы и расставили людей по группам работ. Теперь независимо от умения все были загружены одинаково. Нельзя было отстать: подведешь следующую группу.

Расчленение сборки на группы операций привело к специализации каждого слесаря. Этим мы добивались того, что новички становились грамотными сборщиками.

Специализация вела и к тому, что молодые сборщики работали не механически. Они начали указывать на недостатки в отдельных узлах, которых не замечали до нас ни конструкторы, ни техконтроль.

В конце 1942 года мы дали 6 станков, потом собирали все больше и больше, дошли до 14. За полгода наша выработка выросла больше чем вдвое.

Но набирали темпы не мы одни. Вот почему, когда бригада давала уже 14 станков, знамя у нас отобрали. Это очень огорчило всех. Мы решили собрать 16 станков. Поднатужились, собрали, но знамя вернуть не удалось. Стало ясно, что един-

ственный путь к первенству — это еще более тщательная перестройка труда внутри бригады. Снова начались поиски. Еще более упорядочили рабочий день, присматривались к работе каждого сборщика.

В это время бригаде доверили сборку нового станка «313». Этот универсальный круглошлифовальный станок был сложнее предыдущих. В нем больше деталей, крупнее габариты, сложнее механизм. Он более высокого технического класса.

Теперь на помощь к нам пришел конструктор Лурье. Он провел с нами цикл бесед о станке, помог освоить его.

Положение осложнялось еще и тем, что мы, собирая новую для нас модель, должны были обеспечить увеличение выпуска станков, чтобы вернуть отобранное у нас знамя.

Мы решили перейти на скользящую поточную сборку. Каждый овладел уже своей группой работ, и переход прошел без затруднений. В результате мы поставили новый рекорд: собрали 22 станка.

До войны 22 станка давал весь цех. Теперь же этого добились шесть молодых сборщиков. Знамя МГК ВЛКСМ было снова у нас.

Из месяца в месяц повышая производительность труда, мы довели сборку до 26 станков. Но у нас уже появились серьезные «конкуренты». Хотя вскоре бригада собрала 28 станков, но победу праздновать не пришлось: бригада Степенина с завода имени Орджоникидзе обогнала нас, и к ней перешло знамя.

Пошли разговоры, что для бригады созданы «тепличные» условия. Тогда по приказу начальника цеха нам стали подавать детали в последнюю очередь. Несмотря на это, мы все-таки сдавали станки первыми.

Своими успехами мы показали преимущество бригадного труда над индивидуальным. Наша комсомольско-молодежная бригада давала к концу 1942 года в 1,5 раза больше станков, чем весь завод до войны. Выработка за 16 месяцев увеличилась в 6 раз. К тому же каждый станок, выпускаемый заводом, обходился теперь на 6000 рублей дешевле, чем до войны.

Точно и логично расчленив в свое время сборку на операции, мы сделали первый шаг к переходу на поток — задача, которую предстояло решать всем заводам станкостроения.

В конце 1944 года ОТК поставил свою отметку на формуляре станка, сборку которого мы только что закончили. Это был 263-й по счету станок, собранный нами за год и 62-й станок, выпущенный сверх плана.

Наша удача в труде была обусловлена тем, что мы непрестанно искали более совершенные методы сборки, повышали квалификацию каждого рабочего, уделяли большое внимание организации труда внутри бригады.

Когда мы собрали наш рекордный станок, у Красного знамени собралась вся бригада.

Я зачитал письмо:

«Дорогой друг, танкостроитель или самолетостроитель!

Этот станок, который ты получишь, как и десятки других, сделан нами сверх плана.

Свое слово мы сдержали и впредь будем верны своему комсомольскому слову. Береги станок, люби эту умную машину. Обрабатывай больше деталей для наших боевых машин».

Письмо, подписанное всей бригадой, мы вложили в патрон готового к сдаче станка.

А. М. ЧЕРКАСОВА

ВСЕ НАЧАЛОСЬ С «ДОМА ПАВЛОВА»...

На площадь Павших борцов, принаряженную, как в праздничные дни, стекались люди. Шли стройными колоннами героические защитники Сталинграда. Шли рабочие и работницы — те, кто остались в городе, чтобы выполнять боевые заказы фронта. Пошла и я на площадь. Люди бросались в объятия, целовались, поздравляли друг друга с победой. Но вот, словно по сигналу, площадь затихла. На трибуну — а трибуной были две грузовые автомашины — поднялось несколько человек.

— Кто это? — спрашиваю соседа.

— Ну що ты, не бачишь? Це ж генералы наши, а упереди сам Микита Сергеевич Хрущев будет.

— Хрущев?! — переспросила и начала всматриваться в человека, имя которого было тогда на устах у защитников нашего города.

Рядом с ним стоял Василий Иванович Чуйков, командующий 62-й армии — той армии, которая встала у Волги и не сдвинулась.

Много говорили выступавшие, так говорили, что от волнения слезы застилали глаза. Потом клятву давали: «Мы клянемся, что не посчитаемся ни с какими трудностями, напряжем

все свои силы, всю свою энергию, отдадим все для того, чтобы быстрее и лучше залечить зияющие раны родного любимого города, для помощи фронта, нашей героической Советской Армии, во имя скорой и полной победы советского народа над лютым врагом».

Прямо с митинга пошла я разыскивать районную власть. Встретилась с Мурашкиной Татьяной Семеновной, председателем исполкома.

— Давайте поручение. Сидеть теперь без дела — совесть изведет,— сказала я.

Татьяна Семеновна рада была каждому человеку: людей-то в районе на пальцах пересчитать можно было. В начале боев все почти эвакуировались за Волгу. Предлагали и мне выехать с детьми. Но я заявила, что никуда не поеду. Мне, говорю, и тут дело найдется. Буду защищать город, как могу. Беспокоились о детях, но тут я нашлась: у меня такая землянка, что никакая бомба ее не прошибет, сказала. И действительно, землянка моя уцелела.

Конечно, пришлось хлебнуть горя. Бои самые что ни на есть жестокие развернулись на Мамаевом кургане — это всем известно. А моя землянка-то находилась у кургана, рядом. День и ночь грохотало, земля, словно живая, дрожала. Свыклась я с военной обстановкой и взялась за работу. Днем, конечно, из землянки ни шагу, а ночью было можно выбраться, и я выходила на передовую линию, часто под обстрелом, уносила оттуда в свою землянку тяжелораненых воинов. Как умела, перевязывала, а лечила больше материнской заботой и лаской. Так действовала до конца боев в городе...

Татьяна Семеновна знала меня еще до войны, была тогда я активной общественницей, несколько раз избиралась председателем уличного комитета. Поэтому недолго придумывала председательница мне дело.

— Надо позаботиться о детях,— сказала она.— Возьмись-ка за восстановление детского дома.

Трудное это было задание. Я не знала ни одного дома, который не был бы грудой развалин. Пошли искать место для детского садика вместе с Татьяной Семеновной. Остановились у маленького полуразрушенного домика. В нем во время боев жили вражеские офицеры. Мало кто из них выбрался отсюда живым. Весь домик был набит трупами.

Вынесли мы из домика трупы, очистили его от всякого хлама, мусора, стали все мыть и дезинфицировать. Потом облазили все блиндажи в поисках одеял, посуды, стульев.

Садик наш оказался не совсем уютным, но все же это был уголок, где дети могли жить, играть, веселиться.

— Ничего,— говорила Татьяна Семеновна,— придет время— будут у нас опять просторные и светлые школы, детские ясли, а пока — в тесноте, да не в обиде.

Из каких только ям не вытаскивали детей! Бывало, смотришь: идет к нам военный, а на руках у него малыш...

Часто мне приходилось тогда в райкоме партии и в райисполкоме бывать. То Мурашкину спросишь про детишек наших, то в райкоме партии товарищ Грачева какую мысль подаст. У них у самих были дети маленькие, они нашу нужду хорошо понимали.

Бывало, соберемся мы все вместе и думаем, что бы еще сделать, чтобы люди меньше лишений чувствовали. Народу в нашем городе с каждым днем все больше становилось: и из Сибири прибывали, и из Татарии, и из Башкирии. Чего только не везли к нам поезда!

Каждый день областная газета помещала сообщения со всех концов страны о братской помощи нам в восстановлении города. Берегу эти газеты, как самое мне дорогое. Иногда разверну, вспомню...

...Коллектив одного из заводов собрал 100 тысяч рублей на восстановление нашего города и обратился в правительство с ходатайством открыть в Госбанке СССР специальный счет для перечисления средств в фонд возрождения города-героя.

Такой счет был открыт.

...В городе Н. рабочие завода в течение одного часа собрали и внесли на специальный счет 94 тысячи рублей. Коллектив завода, где был директором Филимонов, решил отчислить в фонд 15 процентов своего месячного заработка. Кроме того, за один день здесь собрали наличными свыше полумиллиона рублей.

...Рабочие и работницы Ашхабадского стекольного завода изготовили для нас сверх плана 30 вагонов оконного стекла.

...Ивановцы отправили заводское оборудование, тысячи комплектов постельных принадлежностей, 20 тысяч метров ткани.

...Два эшелона леса прислали комсомольцы и молодежь Архангельской области.

...Пять вагонов пиломатериалов, много различных станков и инструментов доставили горьковчане.

Помню, на площади Павших борцов состоялся многолюдный митинг, посвященный встрече с делегациями трудящихся Горьковской и Саратовской областей.

В составе делегации саратовцев был знатный колхозник страны Ферапонт Головатый, особенно дорогой наш гость. Ведь это он в самые тяжелые дни Сталинградской битвы купил на свои сбережения боевой самолет и вручил его защитнику города-героя гвардии майору Еремину. Советские люди, следуя его почину, стали покупать за свой счет самолеты и танки для героических советских воинов.

Саратовцы привезли цемент, известь, мел, алебастр, лесоматериалы, стекло, гвозди, водопроводные трубы.

Особенно взволновала меня торжественная встреча молодых строителей из Кировской, Тамбовской и других областей. Встреча эта происходила на разрушенном вокзале. Прибывшая молодежь прежде всего увидела развалины.

— Да что же восстанавливать-то здесь? — громко спросила одна из девушек.— Заново строить нужно. И мы построим!

По путевкам Центрального Комитета комсомола к нам приехало тогда более 20 тысяч молодых строителей. Жили там, где строили, большинство в палатках; их были сотни, целые палаточные городки.

Смотрела я на все это, и захотелось мне сделать больше. Но что именно? Долго думала об этом и решила: организовать добровольческую бригаду из наших женщин и выйти на помощь восстановителям.

Татьяна Семеновна поддержала меня, обещала всяческую помощь.

— Это очень хорошо! — сказала она, крепко, по-мужски пожимая мою руку.

Бригада была организована быстро, в один день. Все, с кем пришлось мне беседовать, изъявили желание вступить в бригаду. Оставалось взять дом для восстановления.

В то время много разговоров шло о доме на площади 9 Января, который во время обороны города отстаивала группа бойцов сержанта Павлова. Как заняла она этот дом, так ни на шаг от него и не отступила. 56 дней горстка наших бойцов отбивала атаки врага. Про Павлова тогда в военных газетах, в листовках писали. Всех воинов призывали быть такими же, как этот сержант. Так и прозвали этот дом, еще когда оборона была, «домом Павлова».

Вот и решили мы, женщины, что надо нам, женам фронтовиков, за этот дом взяться.

Вышли к «дому Павлова» мы 13 июня 1943 года, в воскресный день. Собралась вся бригада: воспитательница Мария Ку-

бузова (муж ее в армии погиб), комсомолка Маруся Вилячкина, подруга моя Долгополова, воспитательница нашего детского дома Александра Васильевна Мартынова. У нее четыре сына в армии были, а с собой на работу она взяла пятнадцатилетнюю дочь Людмилу. Пришли и другие женщины, члены первой трудовой добровольческой бригады.

Перед тем как приступить к работе, осмотрели мы дом. Вслух надписи на его стенах читали. Кто-то написал на уцелевшей стене черной краской: «Мать-Родина, здесь насмерть стояли гвардейцы Родимцева. Этот дом отстоял сержант Я. Павлов».

Было жарко, душно. В пыли трудно дышать, но мы работали без устали, разбирали завалы, таскали мусор, выбирали целые кирпичи и складывали их штабелями. Работаем и смеемся: вот бы Павлову сейчас посмотреть, как женщины-домохозяйки вместе с молоденькими девчатами в его доме хозяйничают.

Вечером присели тут же, где работали, и завязалась дружеская беседа. Все высказывались за то, чтобы выходить на восстановление дома ежедневно после основной работы, а по выходным дням работать с утра до вечера. Вспоминали о тяжелых днях обороны, о прежних трудностях.

На следующий день подошел ко мне высокий мужчина, представился корреспондентом областной газеты. Кажется, Ульев. Начал он расспрашивать меня, как это мы додумались бригаду такую сколотить. Я ему обо всем рассказала, да еще добавила, что если бы и другие женщины за это дело взялись, то не одна бригада была бы.

— Вот бы об этом в газету написали,— предложил корреспондент.

Подозвала я всех к столу, начали мы составлять обращение. Каждый старался вставить свое слово. Получилось простое, но волнующее письмо. Мы призывали «трудиться на восстановлении родного города так же самоотверженно, как борются с врагом наши отцы, мужья и братья». Подписались под обращением и снова за работу принялись.

Газета поместила наше обращение на видном месте, да еще со статьей «Благородный пример бригады Черкасовой». Бюро горкома партии и исполком горсовета приняли специальное постановление в поддержку нашего почина.

После всего этого сразу появились десятки бригад восстановителей, и движение ширилось и разрасталось.

Мне рассказывали, что после опубликования нашего обращения в газете во всех районах города прошли митинги, на которых трудящиеся выражали свою готовность объединиться в трудовые добровольческие бригады. Бригады, отряды формировались тут же, на митингах и собраниях.

Такой отряд был создан, например, на собрании коллектива завода имени Сакко и Ванцетти. После работы отряд в полном составе во главе с директором завода и секретарем партийной организации выходил на восстановление трамвайной линии по Рабоче-крестьянской улице. Ни один человек не уклонился от работы, пока не было выполнено социалистическое обязательство.

...20 июня. Воскресенье. Город проснулся раньше обычного. Задолго до восхода солнца улицы заполнились людьми. На работу вышло все взрослое население города-героя...

Чего только не делали тогда наши добровольцы! И трамвайные пути укладывали, и металлический лом собирали, тротуары чистили, вывозили шлак на ремонт шоссейных дорог, завалы разбирали и фундаменты рыли, водопровод прокладывали, клубы и кинотеатры строили. Потом стали и цветы сажать, окапывать деревья в садах, ямы рыть для новых посадок. Много новых скверов, бульваров создали в городе. Мечтали на Мамаевом кургане Центральный парк разбить. Чтобы там, где стояли насмерть советские воины, цветы цвели. И еще мечтали у подножия горы стадион возвести.

Вначале мы землю копали, подготавливали котлованы и траншеи, а потом заделались и штукатурами и за кладку кирпичей взялись. Один раз кирпичную стенку выложили — говорят нам: плохо. Три раза ее разбирали, а все-таки вывели.

Мне особенно нравилось укладывать кирпичи. Правда, у меня сначала кирпичи ползли то влево, то вправо, то вниз, то вверх, а потом наловчилась, стала класть кирпич к кирпичу. Стоишь, бывало, наверху, смотришь с четвертого этажа на город и думаешь: сколько труда нужно, чтобы снова здесь повсюду дома стояли. Сколько надо кирпича уложить!..

Мы еще строили, еще не успела штукатурка высохнуть, а уже в «доме Павлова» первые готовые комнаты заселять начали, детишки появились. Бывало, смотришь: какой-нибудь карапуз кирпич схватит и тоже наверх тащит. Даже дети у нас в детском доме стали из кубиков «дом Павлова» складывать.

Когда узнали о нашей работе бойцы на фронте, начали они с нами переписываться. Интересовались, как в городе, который

они отстаивали, люди живут. Большая переписка у нас с фронтами началась. А вот от Якова Павлова писем не приходило. Мы уже думали, что он погиб на войне. А оказалось, что ранен был, в госпитале лежал.

Уже кончилась война, когда узнали мы вдруг, что приехал к нам в гости Яков Федотович Павлов, привез привет от гвардейцев дивизии Родимцева. Приехал не сержантом, а младшим лейтенантом, на груди его были Золотая Звезда Героя Советского Союза, ордена и медали. А сам он такой невысокий, худенький, сероглазый. Я вначале не знала, с чего начать разговор, волновалась, вижу: и он смущается — кругом народу много.

Наш гость несколько раз обошел «свой дом» и все благодарил нас, строителей.

Потом собрались мы все в квартире фронтовика Жукова, который теперь жил в «доме Павлова». Собрались за праздничным столом, вроде как на новоселье. И жильцы были, и работники райкома партии, даже делегаты от предприятий на вечер пришли.

Зашел Павлов и ко мне домой. Уселись мои девочки к нему на колени, начали волосы ему теребить, отличия рассматривать. А он рассказывал свою историю. Из госпиталя ему не удалось вернуться в родную дивизию. Поэтому долго не знал, что присвоено ему звание Героя Советского Союза. Но вот попался в его руки журнал, в котором был помещен снимок, как мы на восстановлении «дома Павлова» работали. Он сказал своим товарищам:

— Вот посмотрите, дом, который я оборонял.

Связался Павлов со своей дивизией, вернулся он в свой полк, вместе с этим полком до Берлина дошел.

Когда собрались мы провожать Павлова, снова подошли к «его дому». Попрощался он с жильцами; перед тем как уехать, написал на фасаде здания: «Дом у Черкасовой принял пригодным для жилья. Павлов».

ДОРОГИ К ПЛАСТАМ

1

Горела Горловка, подожженная отступающими гитлеровцами, шли через город наши войска. У поворота шоссе фронтовой художник на куске фанеры написал: «Боец! Оглянись и запомни! Здесь была когда-то «Кочегарка». Отомсти!» Возле щитка с этой надписью замедляли движение колонны, и грозно вспыхивали глаза солдат.

А горняки шли к шахте. Не густо нас было в те дни, почти все старики. Многие кадровые шахтеры дрались на фронте, часть их трудилась в восточных угольных бассейнах страны. Другие... Вспомнят о них шахтеры, притихнут в печали, обнажат головы.

Впереди стариков шел на родную шахту Гаврила Денисенко. Седьмой десяток наступил ему тогда, 45 лет на «Кочегарке» отработал.

— Смотрите,— говорил Гаврила Денисенко.— Два года прошло, а тепло сохранилось. Не остудили фашисты уголек. Не остудили, проклятые...

Вначале пробрались к стволу № 3. Проходчики Розенко, Тарасов, забойщик Максименко нагнулись, подняли балку, и, словно это была команда, шахтеры начали растаскивать все, что мешало подходу к стволу. К нам на помощь шли женщины, дети.

Так 4 сентября 1943 года, за четыре дня до полного освобождения Донбасса, началось восстановление «Кочегарки».

Для восстановительных работ нужен был инструмент, требовались лопаты, строительный материал. Помнится, собрал нас начальник шахты Михаил Борисович Ларченко, посланный с фронта на возрождение «Кочегарки», стал советоваться, как быть. У кого что дома сохранилось, принесли с собой. Но этого было мало.

Тогда домохозяйки во главе с Бабковой, Шабановой, Гуреевой и Куранда отправились в шахтерский поселок. Они переходили из дома в дом, собирали лопаты, кайла, топоры, обушки, шахтерские лампы и даже стройматериалы. Дети помогали нести им все это на шахту.

Подступы к стволу № 3 были расчищены. В зияющей бездне начинались дороги к пластам. Там, где-то внизу, лежал коксующийся уголь, такой нужный для выпуска боеприпасов, танков, самолетов, орудий. Дороги к нему были залиты водой. Несмотря на отчаянные попытки, фашисты так и не смогли достать уголь «Кочегарки».

Как же спуститься в ствол? И мы нашли выход из положения. Разыскали в развалинах лебедку, ее смазали. Потом поставили временное деревянное подъемное устройство.

Первыми отправились вглубь Илья Розенко и Егор Тарасов. Сколоченная из досок люлька медленно спускалась на канате вниз. Лилась вода по размытому креплению ствола, текла в подземное море, затопившее шахту. На глубине 150 метров натолкнулись на завязшую вагонетку, ударами о канат дали сигнал остановить спуск.

— Оставить нельзя. Все равно нужно освобождать проход,— решил Розенко. И его товарищ согласился с ним.

Здесь же нашли обрывки кабеля. Люлька с шахтерами и вагонетка медленно тронулись вверх. Много-много раз до войны спускались они в шахту и поднимались на-гора. Тогда стремительно шли клети, и радостно было на сердце у горняков от этого полета. Не думали, что придется подниматься вот так, в ненадежном сооружении, где каждый метр подъема длится целую вечность. И вдруг, когда уже вверху заголубели проблески дня, канат вздрогнул, замер на мгновение и резко устремился вниз под тяжестью люльки с шахтерами, под тяжестью грохочущей о рельсовые проводники вагонетки, вниз к подземному морю, затопившему шахту...

А получилось так. Механику показался очень медленным подъем шахтеров. Сам горняк, он чувствовал сердцем, как

трудно смельчакам одним в подземелье, и решил ускорить подъем, переключить шестерни лебедки, но тяжесть была настолько большой, что он не смог, не успел этого сделать.

Горняки кинулись на помощь механику. С большим трудом брошенной в шестерни доской удалось затормозить лебедку.

Вслед за Ильей Розенко и Егором Тарасовым спускались на верхний горизонт шахты и другие горняки. Неприветливо встречала их «Кочегарка». Поломанное, сгнившее крепление выпирало с боков горных выработок. Люди шли по колено в заплесневелой, затхлой воде.

На стенах разрушенных зданий шахты появился плакат: «Откачка воды — начало начал. Сегодня ты сколько воды откачал?».

На маленький, с большим трудом добытый насос все смотрели как на своего избавителя. День и ночь выжимали из него все, что мог он дать, а дело шло медленно.

— Все равно, что море черпать ложкой,— невесело заявил главный механик Балайлес.

Целый день Балайлес ходил сам не свой, что-то прикидывал в уме и нашел-таки выход из затруднения. Своим замыслом он поделился с начальником шахты Ларченко и парторгом Колодяжным. План был прост: откачать воду из насосной камеры путем перепуска ее сифоном в ствол. По изогнутой, с двумя неравными коленами трубе вода самотеком устремилась вниз, в ствол. Через три дня в камере уже устанавливали водоотливное оборудование.

А шахтерам не ждалось. Спускались они в шахту, долбили кайлами породу, грузили в вагонетку и, бредя по колено в воде, толкали ее к стволу.

— Все на себе возим,— говорил парторг Колодяжный,— и материал и породу. Инструмента у нас маловато и людей тоже, но мы все равно своего добьемся, восстановим шахту.

— Мы тоже вам поможем, Василий Яковлевич,— сказала парторгу домохозяйка коммунистка Мария Яковлевна Бабкова.

А в другую смену вместе с Бабковой спустились в шахту горняцкие жены и вдовы — Пелагея Кравцова, Прасковья Потапова, Анна Штанда, Клавдия Поборец, Антонина Плужникова. Они разбирали завалы породы, толкали вагонетки, долбили кайлами на квершлагах водоотливные канавки. С каждым метром все ближе и ближе подходили к первому пласту — «Соленому».

«Соленый» — трудный, неподатливый пласт. Наверное, от шахтерского пота в незапамятное время дали ему такое назва-

М. Гришутина (слева) со своей комсомольско-молодежной бригадой девушек-забойщиц. Горловка, 1943 г.

ние. Как же мы ждали встречи с ним! Сбивая в кровь руки, ворочали глыбы породы, выжимали намокшие куртки, шли, пробивались к пласту, в коротких снах видели, как блестит он, переливается в лучах шахтерской лампочки.

И вот он, «Соленый»,— над нами. Теперь — рассекать лаву, больше ста метров снизу вверх бить в пласту проход-газенк, бить обушками; компрессоры к тому времени еще не были установлены.

Поочередно мы со стариком Григорием Сидорченко, Николаем Максименко, Василием Дымченко, Иваном Петриченко, Ефимом Колесниковым вгрызались в пласт, медленно двигались вверх.

— Обушок хранил дома, как память о старом времени,— говорил Григорий Федорович Сидорченко.— С 1911 года я на угле. С Изотовым тогда многие обушки в завал побросали, взяли в руки отбойные молотки. А я обушок домой снес. Не думал, чтобы пригодился. А ему еще послужить пришлось.

Вместе с нами обучались рубить уголь женщины.

— Муж в бой, а жена в забой! — заявила Антонина Пружникова.— Ворочали породу и уголь сумеем осилить.

— А верно ты говоришь, Тоня,— одобрил ее Сидорченко.— Уголь мы достали, а кто рубить будет? Маловато у нас людей. Будешь моей ученицей. Согласна?

15 февраля первые двадцать вагонеток угля с «Соленого» были подняты на-гора. Что здесь творилось! Радостная весть облетела весь город. Со всех сторон шли люди. Шли матери с детьми, старики с внуками. Первый уголь! Первая победа!..

2

«Соленый» был маломощным пластом. Много угля на нем не возьмешь. Самое большое — 150 тонн давали за сутки. Нужно было быстрее пробиваться к мощным угольным пластам. Такими пластами, нашей мечтой и надеждой были «Дерезовка», ее восточное и западное крыло, и «Андреевский».

Труден был путь к этим пластам. Проходчикам приходилось идти по сплошным завалам, глыбы породы долбили кайлами, убирали в вагонетки лопатами. На вес золота были рельсы. Их собирали, где только могли, бережно выпрямляли. Каждая затяжка, каждая доска — на учете. Единственным облегчением были спущенные в шахту лошади. Теперь не приходилось толкать вручную вагонетки с породой.

Главным направлением было восстановление северного квершлага. Здесь трудились проходчики Илья Розенко, Егор Тарасов — неразлучные товарищи, а с ними Николай Алхимов, Алексей Федосеенко и один из лучших крепильщиков «Кочегарки» — Александр Семенов.

Опытных шахтеров было мало. Все, кто мог держать в руках лопату, кайла,— старики, подростки, женщины — раскрепляли штреки, разбирали завалы. Работали за двоих. У всех было одно желание — скорее к забоям.

Старый шахтер Григорий Сидорченко, который обучил горняцкому делу забойщиц Прасковью Потапову, Анну Штанду, Антонину Плужникову и теперь обучал еще трех молодых горнячек, в декабре 1943 года обратился с призывом к шахтерской гвардии передавать свой опыт молодым. По всему Донбассу пронесся клич Григория Федоровича.

Кто не знал до войны на «Кочегарке» забойщика Басенца! Любой пласт назови в шахте — и непременно рубал на нем уголь шахтер.

— Доброе дело ты начал, Федорович,— сказал Басенец Григорию Сидорченко.— И мы дадим ему ход.

Басенец обучил пять молодых парней, прибывших на «Кочегарку» из колхозов: Ахмедянова, Соляника, Бакуленко, Лященко и Москальца. Слесарь Никитенко обучил своей профессии семь человек, его товарищ слесарь Морозов — шесть человек.

О восстановлении «Кочегарки» писалось в центральных газетах рядом со сводками Совинформбюро. В самые тяжелые годы восстановления шахт в Донбассе работала выездная редакция газеты «Правда». Мы, шахтеры, знали, что все силы направлены на организацию наступления фронтов, и ничего не просили, изыскивали, как говорили кочегаровцы, на месте все, что было нужно. А нужно было очень многое.

Устройство главного механика Балайлеса позволило перепустить воду из насосной камеры горизонта 310 метров в ствол. Вода временно ушла вглубь, но подземное море подымалось к стволу, грозило ворваться к нам на рабочий горизонт, залить с таким трудом отвоеванные дороги к угольным пластам.

За восстановлением нашей шахты следила вся страна. Помнится, в апреле почтальон принес и вручил начальнику шахты Ларченко пакет из Азербайджана. Нефтяники вызывали кочегаровцев на соревнование. «Шахтеры и нефтяники,— писали они,— должны обеспечить Советскую Армию и промышленность

страны горючим и топливом». На шахте состоялся митинг. Вызов на соревнование был принят.

Еще крепче мы взялись за дело. Ведь уже совсем рядом были мощные пласты «Дерезовки». В апреле с начала года проходчики Розенко и Алхимов уже выполнили по восемь месячных норм. А ведь им было особенно трудно работать. Террикон еще бездействовал. Приходилось производить раскоску выработки, чтобы сваливать туда идущую от прохождения породу. С места на место лопатами, кайлами мы ворочали глыбы песчаника, продвигая вперед северный квершлаг...

Как сейчас, вижу старого забойщика Федора Хвостика.

— Як сработали? — нетерпеливо спрашивал он после смены товарищей по забою Леонида Мирошниченко и Семена Луцко. И если они, случалось, подрубили больше угля, Хвостик хмурил густые брови и качал головой: — Це мени не нравится.

И уж будьте уверены, на другой день и Мирошниченко, и Луцко не могли угнаться в работе за Федором Хвостиком.

Таким же упорным, с закваской старого кочегаровца был и его товарищ Александр Вепремцев. Как-то раз он заболел и, пролежав в постели с неделю, отстал от других.

— Спать не буду, а свои обязательства выполню,— заявил он.

И за девятнадцать дней дал больше двух месячных норм. Подсчитали: Вепремцев ничуть не отстал от товарищей.

Леонид Мирошниченко дал слово выполнить за смену шесть норм. Десятник пытался убедить, что это невозможно сделать: очень крепкий уголь, а к тому же кровля в лаве неустойчивая, будешь торопиться — произойдет обвал, не уйдешь от беды. Но Мирошниченко доказал, что шахтерская гвардия умеет держать слово. Он дал куда больше, чем думал дать.

— О це мені нравится! — радовался успеху товарища Федор Хвостик.

Наконец открылся перед нами богатый пласт угля — «Дерезовка». Лучшие силы были брошены, чтобы срочно подготовить две лавы — на восточном и западном крыле «Дерезовки». В душном проеме газенка работали по десять часов в сутки. Горные мастера не могли заставить людей прекратить работу и идти отдыхать. Восточная «Дерезовка» — участок № 27 и западная — участок № 28 соревновались между собой.

Настоящим организатором на 28-м участке был партгрупорг Иван Федорович Петухов. Мне довелось с ним рубить уголь до войны. Хорошо было работать с Петуховым: в самые опасные уступы шел, спокоен всегда и тверд как кремень. Из эвакуации

его провожали всей шахтой и очень жалели, что уезжает такой человек.

— Не может быть,— говорил он товарищам,— чтобы мы не прорвались в срок.

Сам вырубал до трех норм, и все тянулись за своим парт-групоргом.

— Пока мы пробьемся наверх,— наказывал Петухов бригадиру проходчиков коммунисту Сыромятникову,— тебе, Васильевич, нужно поднажать на штрек, потому что, если рассечем лаву и развернемся в уступах, жарко вам будет дорогу для нас вперед обеспечивать.

У Василия Тимофеевича Сыромятникова мало было людей в бригаде. Устали все (ведь столько пришлось той породы перелопатить, столбов на своих плечах перетаскать, и все под льющейся водой, пока дошли до «Дерезовки»!), но ответил твердо Сыромятников:

— Двинем штрек. Не беспокойся, Иван Федорович.

А на другое утро вместе со своим отцом спустились в шахту сыновья Сыромятникова — Владимир и Анатолий. И еще через день пришла в бригаду дочь коммуниста. Смена — семья Сыромятниковых добивалась прохождения штрека. Когда шел с работы Иван Тимофеевич Сыромятников со своими детьми по шахтерскому поселку, люди почтительно уступали им дорогу. Вот какой был партгрупорг Петухов и его товарищи!

Легче стало, когда дал сжатый воздух компрессор. Собранный из раздобытых с большим трудом частей, этот маленький первый компрессор на ременной передаче давал мизерное количество сжатого воздуха — 30 кубометров в час. Но и это была для нас подмога. В подземелье «Кочегарки» загрохотали отбойные молотки, и их гул пронесся далеко эхом по пластам. Люди бежали к «Дерезовке», чтобы услыхать уже ставший забываться родной рокот могучих помощников шахтера. Подготовка лав к эксплуатации сразу ускорилась.

Крупными успехами встречала «Кочегарка» 1 Мая 1944 года. «Заключив договор с вами,— сообщали кочегаровцы нефтяникам Азербайджана,— коллектив нашей шахты работал с большим напряжением и досрочно выполнил производственное задание. Полностью закончено восстановление квершлага горизонта 170 метров, произведена разрезка забоев по мощным пластам «Дерезовка», «Андреевский», сдано в эксплуатацию здание лебедки террикона. Идет откачка воды. Шахтеры стоят на пороге крутого подъема угледобычи».

И вот «Дерезовка» дала уголь! Не знаю, правильно ли

утверждали насыпщики, что, падая из люков прерывистым потоком, уголь был теплым на ощупь. Может, подмокнув в воде, он выделял теплоту, может, просто от рук наших, истосковавшихся по настоящей работе в забое, передалась ему эта теплота...

Парторг Колодяжный со всеми подгонял вагонетку за вагонеткой под люки, взбирался на острые грани бортов и, весь с ног до головы в угольной пыли, отстранял насыпщика, сыпал и сыпал черное золото «Дерезовки». Рядом с откатчицами трудилась комсорг Булатова. Со мной в уступе председатель шахткома старый коммунист Никита Васильевич Трошкин был с начала и до конца смены. Он собирал крепеж, сбросив куртку, привычно ставил крепь, и обух его топора яростно гудел о сосновые стойки.

— Ну, Андреевич,— шумел он мне радостно басом,— теперь нам хоть бы что! Дорвались до «Дерезовки». Море угля здесь. Руби, дорогой Яков Андреевич, поворачивайся!

3

Наша шахта полностью обозначалась так: № 1-3 «Кочегарка». Вступившая в строй по стволу № 3 шахта доставала только самые верхние горизонты. Настоящая, знаменитая на весь мир «Кочегарка» уходила по стволу № 1 до глубины 750 метров. В бессильной ярости этот ствол несколько раз взрывали оккупанты. Где-то там, совсем недалеко, метрах в полутораста виднелось нагромождение глыб. Они полностью закупоривали ствол. Выше, до поверхности, все было заминировано.

Когда была поднята на-гора взрывчатка, стали думать, как быть дальше. Одни говорили, что породой завален весь обрушившийся ствол, другие — и среди них были люди, имена которых никогда не забудут кочегаровцы: Егор Тарасов и Георгий Сидоренко — утверждали, что нагромождение глыб — это только пробка, закупорившая ствол, и что ее надо взорвать. И конечно, взрывать нужно снизу.

— Взрывать снизу? — удивились видавшие виды горняки.— Но как пройти сквозь эту пробку?

— А сквозь нее проходить не надо...

И бесстрашные шахтеры Тарасов и Сидоренко предложили детально разработанный план, как подойти к каменной пробке снизу и взорвать ее. Смелый до дерзости этот план был одобрен руководством «Кочегарки».

Нагруженные взрывчаткой смельчаки спустились по стволу № 3 на горизонт 310 метров. По горным выработкам двинулись на сближение с первым стволом. Согнувшись, осторожно пробирались они среди поломанного от страшного давления толщ пород крепления. Тихо стекала вода, хлюпала под ногами... Не напрасно так верили два шахтера в возможность осуществления предложенного ими плана. Выход к стволу был!

Теперь предстояло самое опасное — подъем по стволу вверх. Скользкой была омытая льющейся водой армировка ствола. Тянула вниз взрывчатка. Каждый метр подъема брался с неимоверным трудом. Все выше и выше поднимались они над черной бездной захлебнувшейся водой шахты. Сорвешься — никто не поможет.

Сидоренко подтянулся, чтобы ухватиться за следующую скобу. Задетая неосторожной рукой, сорвалась и бесшумно скользнула вниз глыба породы. Шахтеры затаили дыхание. Где-то далеко внизу раздался приглушенный всплеск. Сомнений не было: над ними была действительно пробка, ствол ниже был свободен, и находился он, к счастью, не в плохом состоянии.

Но самое трудное было вверху, над головами горняков. Прямо над ними всплыли глыбы бетона. Пробка! Именно здесь и начиналось самое трудное. Как разместить взрывчатку? Неосторожное движение — и лавина устремится вниз, сметет их, похоронит под собою. Осторожно достали горняки из сумок патроны взрывчатки, связали их в пачки, вложили первый заряд. Теперь нужно было спешить успеть уйти вниз. За шахтерами бежали подсоединенные к взрывателям провода. Осталось спускаться совсем немного...

На квершлаге Егор Тарасов рывком крутнул ручку взрывной машинки, и гулкий взрыв потряс подземные своды. Вниз, в черную бездну ствола, ринулась каменная лавина, донесся всплеск воды. А вверх, к освободившемуся проему ствола, с шумом устремились потоки воздуха. Путь к огненосным пластам был открыт.

И у каждого шахтера словно удесятерились силы. Наши передовики обратились ко всем забойщикам области подрубать отбойным молотком не менее 500 тонн угля в месяц, и уже вскоре сами превзошли этот «потолок»: некоторые стали добывать по 800 и даже по 1000 тонн. Мне тогда удалось добиться рекордной в Донбассе выемки угля — 1340 тонн в месяц. Но и этот рекорд тоже вскоре был перекрыт.

Люди шли и шли вперед по открытым пластам «Кочегарки». Шли, часто не жалея себя.

Как-то прибежали проходчики верхнего штрека, встревоженно крикнули:

— Беда! Обрушился штрек, по ту сторону остался крепильщик Телюкин. Говорили ему: уходи, видишь, трещит крепление. А он хоть бы что!

Три дня и три ночи пробивались мы по пласту вверх. Сначала крепили за собой вырубленное пространство, затем, чтобы ускорить продвижение вперед, стали брать пласт не на всю мощность, а идти по верхней пачке «Дерезовки» и уже не крепили: некогда было. Мы не давали себе передышки ни на минуту. На третий день пробились на верхний штрек. Телюкин, получивший ушибы, был жив, но потерял сознание.

Помнится, выехали мы из шахты. Горняк, лежащий у нас на руках, открыл глаза.

— Как проходчики? Спаслись? — было его первым вопросом.

Мы успокоили его ответом, и он слабо улыбнулся. И еще рассказали мы нашему товарищу радостную новость: за большие успехи по восстановлению шахты коллективу «Кочегарки» было присуждено переходящее Красное знамя Государственного комитета обороны.

В то время на шахте № 19-20 комсомолка Мария Гришутина организовала первую в Горловке бригаду девушек-забойщиц. В один из дней комсомолка выполнила шесть норм. За ней крепил ее отец Семен Гришутин, потомственный горловский шахтер. Немного спустя Мария Гришутина пошла на рекорд и дала 1145 процентов нормы!

С Гришутиной и ее подругами соревновалась бригада забойщиц «Кочегарки». Рекордных показателей добилась вожак бригады Прасковья Потапова. Ее муж, забойщик, воевал на фронте. Потапова строго вела учет выполнения своих заданий, причем брала в счет для себя только половину того, что сделала, вторую половину проставляла мужу.

Благодаря упорному труду кочегаровцев шахта № 3 была сдана в эксплуатацию в невиданно короткие сроки — к годовщине освобождения Донбасса от фашистских захватчиков, в сентябре 1944 года. Мы тогда давали четвертую часть довоенной добычи угля.

И с тех пор шахта дышит на полную грудь. Шумят компрессоры, взбирается по крутому склону террикона вагонетка с породой, вспыхивает в каркасах наземных сооружений слепящее пламя электросварки. Беспрерывно вращаются шкивы на копре. Раздается гудок паровоза. Отходит очередной эшелон с углем «Кочегарки».

Г. Ф. СЕМЕНОВ

СТРАНИЦЫ ТРУДНЫХ ЛЕТ

(Из дневника руководителя фронтовой бригады)

8 августа 1943 г.

10 часов вечера. Парторг, комсорг и я сидим в кабинете начальника цеха, обсуждаем очень сложный вопрос. К нам на завод прибывает группа рабочих из западных областей. Люди, что называется, опаленные войной. Надо встретить их тепло, приветить по-братски, сейчас же включить в работу.

Сегодня с комсоргом Шурой Евсеевой и Иваном Пепеляевым ходили к начальнику цеха т. Базарову, предъявили ему свои требования в связи с образованием фронтового отряда. Базаров весьма тепло откликнулся на наше обращение к нему. Обещал всяческую помощь. Шура занимается оформлением доски показателей. Политруком отряда выбрали Ивана Пепеляева. Вот члены отряда: Аникапова, Смирных, Килунина, Пономарева, Морозова, Сажина, Волкова, Тихомирова, Балашов, Бакланов, Филиппов Павел, Габдулханов, Кайгородов, Александров и Шура Юркина.

12 августа

7 часов утра. Собираюсь на работу. Надо не забыть сегодня поговорить с мастером, чтобы Леле Аникановой ежедневно давали талоны на коммерческий хлеб. Она утеряла хлебную карточку.

Сейчас передают, что наши войска взяли Дмитровск-Орловский и Чугуев. Все ближе и ближе победа! Это хорошо! Иду на работу...

13 августа

11 часов вечера. Устал, нет спасения! К тому же есть хочется. Хлеба мне не продали. Иду на три дня вперед, сегодня 13-е, а в хлебной карточке уже 16-е. Впереди графика! Вот так бы в работе...

14 августа

6 часов утра. Спал в цехе на скамейке. Вчера хотел было уже идти домой, но вышел из строя станок. Надя Морозова попросила меня помочь. Провозился до 12, домой не ушел. Сейчас бы умыться с мылом, но мыльца, чтобы умыть рыльце, нет. Но ничего. Что-то сегодня происходило на фронтах?

15 августа

9 часов вечера. Кончилась смена. Надо кое-что записать в свой «вахтенный журнал». Сегодня день знаменательный. В обеденный перерыв собирали заседание бюро. Постановили просить Базарова присвоить отряду звание фронтового. Все члены отряда полны решимости работать и работать. Бойцов, сражающихся на фронте, мы не подведем. Интересные творятся дела. Героическое время. В наши дни у каждого человека открывается душа. Как бы пассивен ни был человек, он не может стоять в стороне. Вот пример: еще не так давно Леля Смирных на мое предложение вступить во фронтовой отряд ответила отказом, но, когда отряд этот стал жить, когда его дела увидел весь цех, Леля пришла сама и заплакала.

— Почему ты, Геннадий, меня в отряд не записал, что я хуже других? — сказала она.

Вот это люди!

Не так уж люди устали, как думают некоторые нытики. Мы бодры и даже больше, чем перед войной.

17 августа

12 часов ночи. Сегодня в 8 часов вечера ходил в комитет комсомола, где присваивали призовые места фронтовым бригадам. Поинтересовались, как идут дела у меня. Я рассказал. Один из бригадиров возмутился, почему это мы называемся отрядом, а не бригадой. Его поддержали многие. По-моему, все они неправы. Какая разница, как назвать организацию? Лишь бы она

работала. Надо в наш повседневный тяжелый труд внести светлую струйку романтики. Бригада звучит слишком мирно, зато как горят глаза у моих фронтовиков, когда, выдавая задание, я говорю: «Сегодня нашему отряду предстоит сделать то-то, то-то!»

Место нам не присвоили, потому что мы не по форме. Но дело не в форме, а в содержании. Важно, что люди, перебаривая сон и усталость, по 12—16 часов не отходят от станка. «Другой раз чувствуешь, что руки к напильнику прикипают»,— говорит Володя Балашов.

18 августа

Надя Морозова получила с фронта сразу три письма: от отца и двух братьев. Письма читали коллективно. Радуемся за Надю.

Сажина и Волкова работают на резьбошлифовальных станках «Экселло». Перед тем как шлифовать резьбу детали, нужно растачивать по внутреннему диаметру. Растачивать некому. Рабочий заболел. Посоветовавшись, мы решили сделать следующее: Волкова работает не на двух, а на всех четырех станках, а Сажина встала за токарный станок и растачивает. Выход найден.

12 часов ночи. Обеденный перерыв. Приглушенно шумят несколько станков. Это работают на дефиците. Работают те, чьих деталей ждет сборка. Остальные спят, спят полулежа, сидя. На всех лицах — печать усталости. Проклятый фашист, ты за все ответишь нам, ответишь сполна. Когда-нибудь после войны мы будем вспоминать эти суровые дни с великим благоговением. Трудно сейчас, о, как трудно! (Об этом нельзя говорить вслух.) Но сколько будет радости в День Победы. У нас еще будет все. Будет победа, будет и радость. Много радости.

19 августа

Исключительно хорошо работает токарь Тоня Килунина. Она любит и умеет помогать другим. Случай вчера. Пока бригадир настраивал Тонин станок (трудная операция), сама она помогла, по существу, настроить станок рядом стоящей работницы. Взаимная выручка...

Я уже больше года не имею ничего, кроме комбинезона, который на мне. Как я благодарен Базарову только за то, что он сказал мне сегодня: «Ты напиши заявление насчет одежонки и подай мне!» Я знаю, что эта одежонка будет нескоро (да и будет ли?), но я рад, что обо мне кто-то позаботился, я не один, что кому-то надо, чтобы я был доволен.

20 августа

11 часов утра. Работаю в ночную смену. Домой еще не могу собраться. Придумал новое дело — конкурс на лучшего рабочего. Условия: 1) выполнение нормы не ниже 200 процентов; 2) не делать брака; 3) помогать товарищу. Учредить премии в 500, 300, 200 рублей. Поставлю на обсуждение начальства.

12 часов ночи. Обеденный перерыв. С политруком Пепеляевым проводили политчас. Днем вместе с Базаровым и Баклановым ходил на заводской слет фронтовых бригад, выступал.

22 августа

Был на совещании у начальника цеха. Программу месяца поклялись выполнить. Настроение бодрое.

25 августа

Радостное известие. Наши войска взяли Харьков. Проводили цеховой митинг. Не знаю, что бы сделал, чтобы ускорить победу.

26 августа

Павлик Филиппов ежедневно дает по 200—300 процентов. Раньше у него случались перебои в дисциплине. Сейчас Павлик говорит: «Я понял, что мы оставлены в тылу не зря. Мы должны работать, как солдаты».

27 августа

Время бежит незаметно. Вчера весь отряд собирался у Базарова. Начальник цеха познакомил нас с планом и обратился за помощью. Мы обещали, что сделаем все для выполнения социалистических обязательств. Это хорошо, что он к нам обращается. Значит, мы сила.

28 августа

Вчерашний разговор у Базарова помог. Сегодня Кайгородов дал две, а Килунина — три нормы. Другие тоже работали неплохо.

29 августа

С 27/VIII не бывал дома, работал. Посплю немного — и снова за работу. Мой сменщик заболел, и мне приходится работать за двоих. Здорово устали ноги. Сегодня у завода выходной день, но мы работаем. Все члены фронтового отряда вышли на работу. Отдыхать будем после войны...

31 августа

Конкурс на звание лучшего рабочего одобрен.

Снова радость. Наши войска взяли Таганрог. Узнали об этом ночью. На пять минут выключили станки. Провели короткий митинг и снова за работу. Ликование всеобщее.

3 сентября

Снова в Москве прогремел салют, снова наши доблестные воины заняли, вернее, освободили несколько городов.

Радостнее шумят станки, светлеют глаза людей. Вот работает шлифовщица Пономарева. Она не только работает, она еще обучает ученицу, станки их стоят рядом, и можно видеть, как Шура время от времени бросает внимательный взгляд на свою соседку.

5 сентября

Воскресенье. У нас рабочий день. Собираюсь на работу пораньше. В цехе много фронтовых и комсомольских дел.

6 сентября

9 часов утра. Сегодня была трудная смена. Не вышли на работу две ученицы ФЗО, проходящие у нас практику. Задание срывалось. Что делать? Посоветовавшись, мы с Яковом Пермяковым решили поставить на фрезерные станки двух сверловщиц. На третий станок поставили слесаря Бузова. Токарную операцию делал я сам. Пермяков зачищал детали и сдавал их в ОТК. Сборку мы не сорвали, вместо 300 деталей по заданию сдали 420 штук. Задание перевыполнили.

18 сентября

Сегодня стоим на вахте в честь освобождения нашими войсками Брянска. Задание перевыполним, это ясно. Люди стараются изо всех сил. Все ждут конца войны, но все знают, что она сама по себе не кончится. Ее надо закончить умело — разбить врага. Вчера принимали в комсомол молодых рабочих, воспитанников детских домов.

Лучше всех работали Килунина — 178 процентов, Кайгородов — 160, Пономарева — 140, Морозова — 185, Смирных — 154. Между сменами собирал фронтовой отряд, лучших поздравил, объявил благодарность.

24 сентября

11 часов утра. Полтава и Углич наши! Все ближе и ближе победа. Сергей Филиппов назначен сменным мастером. Мы от

имени всего отряда поздравили Серегу и дали ему наказ — работать со всей сменой по-фронтовому.

25 сентября

У меня в смене много подростков. С ними очень трудно работать. Трудно и интересно. Вот сейчас только приходил ко мне Лева Теллер. Вчера он с удовольствием зачищал заусеницы, а сегодня увидел, что его товарищ Петя Пендюр работает на станке, и взбунтовался.

— Не буду,— говорит,— заусенщиком работать, ставьте на фрезерный станок.

Пришлось очень долго объяснять ему, что зачистка — дело трудоемкое и доверяю я эту операцию не каждому, что детали, которые Лева зачищает, нужно очень быстро отправить на сборку. В конце концов Лева согласился, но, уходя, все же взял с меня слово, что, когда на фрезерных операциях будет много работы, я его поставлю на станок.

27 сентября

25-го и 26-го с Яковом Пермяковым были в поле, копали картофель. Ночевали у костра. Пекли печенки. Эх, картошка, объедение! Сегодня в поле приехал Долгинцев и сообщил, что освобожден Смоленск. В припадке бурного веселья плясали вокруг костра.

29 сентября

3 часа ночи. Базаров сообщил, что фронтовому отряду присуждено второе место по заводу. Это хорошо. Признали! Утром соберу ребят и поздравлю их с победой.

Объявлен набор в добровольческий танковый корпус. Раньше меня в армию не отпускали. В тылу работы много, нам кадры нужны, говорили. Сейчас, когда выросли такие ребята, как Сергей Филиппов, Бакланов, может быть, отпустят. Попытаюсь...

1 октября

Ходил в партком с заявлением в танковый корпус. Без подписи треугольника цеха не разговаривают. Базаров заявление не подписывает. Умолял, просил, ругался — все нет и нет.

8 октября

11 часов 30 минут вечера (или ночи?). Обедаем, вернее, ужинаем. В общем, сегодня с Яковом мы едим первый раз. Сейчас

только пришли с работы. Отгрохали по 16 часов. После отказа отпустить меня в танковый корпус я было хотел махнуть на все рукой, но ребята крепко меня «прихватили», прямо-таки отругали. Вот герой, говорят, нашелся. А в тылу кто воевать будет? Стыдно мне стало, и я дал слово не «филонить».

Павел Филиппов назначен сменным мастером. Вот так, вся старая гвардия в «начальство лезет». Молодцы!

11 октября

Вчера на заводе был выходной день. Мы, члены фронтового отряда, работали. Я был за бригадира, мастера и диспетчера. Работали легко и весело. Лучше всех сработали Морозова и Килунина. Лева Теллер верен своей мечте поработать на фрезерном станке. Хотя мы их не вызывали на работу, но он с Петей Пендюром пришли и работали. Крутят рукоятки — только держись, а мордашки задорно-веселые. Ведь им двоим 25 лет!

14 октября

Сегодня вечером будет партийное собрание с вопросом «О работе цеха». Думаю выступить. По-моему, очень затрудняет работу неправильное (на мой взгляд) распределение деталей по группам. Например, деталь № 407 сдаем на склад готовых деталей мы, то есть мы делаем окончательные операции, а все предыдущие операции делают другие группы. Раз они не отправляют на склад, у них нет заботы, чтобы сделать как можно быстрее. В первую очередь они делают детали, которые сами сдают окончательно. По-моему, нужно сделать так, чтобы группы полностью несли ответственность за заданные им в программу детали, то есть сами делали с первой до последней операции.

19 октября

Три дня не выходил из завода. Одна из деталей попала в острый дефицит. Работали, что называется, не покладая рук. Все ребята держатся бодро. Положение подправили. Сборка работает нормально. Сегодня моя смена работает с утра, а я выхожу с 16. 30. Дали мне увольнительную, для того чтобы сходил в магазин и выкупил материал на костюм. Буду шить костюм. Вы слышите, я буду шить костюм! Что это значит? Это значит, что жить стало легче, это значит, что Гитлеру скоро будет «капут».

24 октября

Гудят тракторы. В цехе стоит небывалый грохот. Мы переезжаем в другое помещение. Станки перевозим, не останавли-

вая работы. Один станок срываем, а стоящий рядом с ним еще работает. Я возглавляю группу такелажников «легкого типа». Грузим стеллажи, тумбочки, столы и прочую рухлядь (по выражению Балашова). Станки таскают другие.

27 октября

Работаем на новом месте. В цехе перемены. Начальником участка назначен Николай Колчанов. Он работал последнее время заместителем начальника цеха, а сейчас опять вернулся к нам. Это хорошо. Ведь это с ним мы в 1942 году организовали фронтовую бригаду.

2 ноября

На фронте погиб Николай Южанинов. Работал он в одном из цехов нашего завода. Слава о нем, настоящая, хорошая слава, прогремела на весь завод. Ушел на фронт. И вот все. Вечная память тебе, друг... Мы отомстим за тебя бешеному Адольфу и всей его своре!

6 ноября

Праздник встречаем подарками. Участок и цех — в графике. От дирекции и заводского комитета ВЛКСМ получил грамоту и премию 350 рублей. Грамота за «самоотверженную работу». Так в ней написано. Я считаю, что не один я достоин, вернее, не меня надо награждать, а весь фронтовой отряд. Без ребят я был бы нулем.

10 ноября

Праздник отдыхали. 7-го у Якова собрались почти все фронтовики. Пели песни. Фронтовому отряду присвоили третье место по заводу. Место незавидное, но все же победа. Я считаю, что мы делаем большое дело. Большинство бригад завода состоит из пяти — восьми человек. Что это? Мало. Притом они живут изолированно от участка. У нас в отряде сейчас 18 человек, к тому же мы работаем с подростками: Лева Теллер, Петя Пендюр, Петя Губкин, Ваганов — это же наша молодая поросль. Официально они не члены отряда, а сколько времени и внимания мы отдаем этому «сырому материалу». У нас гораздо шире планы, чем у других. Не всегда результаты выражаются процентами. Вот Петя Губкин долго работал плохо, ни с кем не разговаривал. Мы взяли над ним шефство, узнали, что он переживает разлуку с матерью, которая осталась в тылу врага. Разговорились с парнем, втянули его в работу. И это победа.

20 ноября

Пришедшие утром на смену рабочие сообщили: «Наши Житомир сдали». Не верим. Ругаемся. Балашов чуть ли не в драку лезет — не может быть! Успокоились только тогда, когда Колчанов объяснил: не сдали, а оставили по приказу командования.

— Это наши хитрят,— улыбаясь, говорит Борис Бузов.— Вот с силами соберутся, да как дадут — от фашистов мокрого места не останется.

22 ноября

Идет перерегистрация хлебных карточек. Сбавляют норму хлеба. В этот период нам, агитаторам, особенно много работы.

— Почему, Геннадий, норму на хлеб сбавляют? — обращаются ко мне.

Объясняю, как умею. Плохой урожай — раз, Украина хлеба нам не даст — два, и 700 граммов — это не так уж мало — три. Рассказываю о ленинградцах, об их беспримерном мужестве. Люди понимают, соглашаются. Все, все перетерпим мы, советские люди, ради будущего Родины. Порой, конечно, кое-кто хнычет. Мне самому не хочется затягивать ремень еще на одну дырочку. Но что делать? Мы ведем войну не на жизнь, а на смерть. И тут уж выбирать не приходится.

25 ноября

По предложению Колчанова бригадиром назначили Лещева. Лещев — сложная натура. Часто лодырничает, нарушает дисциплину, но в то же время у него что-то есть такое, что заставляет надеяться, что, получив конкретное задание, он преобразится. Не знаю, ошибемся мы в нем или нет.

28 ноября

Воскресенье. Мы работали. Сегодня хотели с Яковом идти в кино, но на работе разругались, и все дело расклеилось. А получилось так: надо было во что бы то ни стало к часу дня сдать партию шпонок. Вот об этом я сказал Якову, который работает у меня в смене бригадиром. Несмотря на мое распоряжение, отпустил ребят в 12 часов обедать. Сам тоже ушел обедать. Я доложил об этом Колчанову. Получился крупный разговор, и Яков на меня рассердился. Он думает, если я у него живу и являюсь его другом, то можно и оказывать послабление. Нет, т. Пермяков, не выйдет, мы солдаты. В кино, значит, не пойдем. Остаток воскресенья потрачу на чтение толстовского «Воскресения».

Союзники бомбят Берлин. Вообще-то, они воюют не очень. В Италии, например, застряли, и неизвестно, воюют они там или отдыхают на курорте. Их не особенно беспокоит, что льется русская кровь.

3 декабря

Членам фронтового отряда, занятым работой 12 часов и более, полагается коммерческий хлеб, а начальник АХО не давал. Я терпел-терпел, потом пошел и обозвал его жуликом. На второй день хлеб появился. Что скрывать, некоторые пытаются погреться на костре войны. Не выйдет!

Сегодня дали мне еще одну нагрузку — писать стихи, вернее, подписывать стихотворный текст под рисунками в заводском «Крокодиле». Ну что ж, согласен.

9 декабря

Декларацию трех союзных держав встретили радостно. Неужто наши союзнички начнут шевелиться? Может быть, это и нехорошо, но надо прямо сказать, что воюют они шаляй-валяй, вроде нашего слесаря Ощепкова, который ленится работать.

14 декабря

Девушки из контрольного отдела всячески помогают нам.

— Детали фронтового отряда принимаем в первую очередь,— говорит голубоглазая Шура Макарова.

Такого же мнения Вера Зеленина и Тоня Горяч. Тоня Горяч — эвакуированная из Днепропетровска. Недавно она получила письмо от родителей. Они сообщают, что Тониного брата угнали в Германию.

16 декабря

Дома. Яков ушел в кино со знакомой девушкой. Я сижу у окна и читаю «Театр неизвестного актера» Юрия Смолича. На улице холодно. Пурга. Как сейчас там на фронте? Идут вперед, на запад. Падают, поднимаются и снова идут. Никто не остановит наш народ.

17 декабря

В цехе холодно. Стекла фонарей кое-где разбиты. Сверху падает серебристый снег. Люди топчутся у станков, изредка подносят руки ко рту, дуют, греются. Время от времени тот или другой станок остается без присмотра. Это значит, что рабочий, не вытерпев, убегает к электрикам. В мастерской электриков тепло, там стоит печь для сушки моторов. Станок простаивает

недолго. Чуть-чуть обогревшись и стиснув зубы, работают, работают.

При таких условиях рабочие дают большие проценты выработки. Работницы Куклина, Киселева, Патракова при норме 193 штуки ежедневно делают по 250—275 штук. Слесари Бузов и Ложкин выполняют нормы на 200—250 процентов.

Ходил к начальнику цеха. Конечно, война, конечно, все для фронта, но разбитые окна хотя бы фанерой забить можно, и то теплее будет.

19 декабря

Вечер. Тихо-тихо. Сижу на кухне. В комнате спят девчата, сестренки Якова. Яков лежит на кушетке, подложив правую руку под голову. На его лице — отпечаток внутренних переживаний. Трудно ему жить, ох, как трудно! Он должен кормить трех сестренок — Полю, Нину, Анну и мать. Поля и Нина — совсем еще дети, а Анне 16-й год. Знаю, думает Яков сейчас о том, как три-четыре года назад было шумно в его квартире. Вот в такое же вечернее время приходил, бывало, к ним я. Шутили, смеялись. Приходили старшие его братья Григорий и Николай. Сейчас оба они на фронте.

Да, тишина бывает разная. Сейчас у нас в квартире скучная тишина. Вот Яков зашелестел газетой. Знаю, сейчас он придет на кухню и мы будем стоять возле печки, пуская дым так, чтобы он уходил в трубу. Знаю, опять будем говорить о том, как бы скорее дотянуть до конца войны, как бы скорее разбить врага.

— Добьем и скоро,— скажет под конец Яков и, заплевав окурок, бросит его в таз и уйдет спать. Ляжет, но еще долго будет смотреть в потолок, заложив руки под голову.

Вчера получил письмо от брата Ивана с фронта. Пишет: «Ждем от вас помощи, гвардейцы тыла».

20 декабря

Настраивал станок и вдруг чувствую, кто-то тянет меня за рукав. Оглянулся — смотрю: Теллер и Пендюр стоят, умытые, подстриженные, как новые полтинники, и улыбаются. Я выключил станок и повернулся к ним.

— Кто это вас так обработал? — спрашиваю.

— Пичкалев всех стрижет и мыло дает,— выпалил Теллер.

— Мы в душ ходили,— добавляет Петя Пендюр.

— Да вы же, оказывается, красавцы,— хвалю я их.

Теллер и Пендюр — воспитанники детдома, а сейчас наши подшефные. Я уже говорил, что у нас их много и все они при-

креплены к членам фронтового отряда. Я шефствую над Теллером, Пендюром и Губкиным — это самые отчаянные. В последние дни между мною и ими шла «война».

Все началось с того, что ребятам захотелось поесть булочек, которые продают в магазине в поселке. Пристали они ко мне: дайте карточки нам на руки (хлебные карточки хранятся у меня). Ну, я подумал, подумал и отдал талончики за первую декаду.

— Выкупите,— говорю,— за один день и завтра карточки возвратите мне.

— Ладно,— сказали они и ушли.

День их нет, два нет, на третий пришли, но на глаза мне не показываются. Другие ребята сообщили, что карточки они уже «отоварили» и сейчас ходят голодные. Прошел еще один день, за ним второй. Наконец Пендюр осмелился и подошел ко мне, подошел и молчит.

— Ну, что скажешь? — сердито спрашиваю я.

— Лева просит хлеба за 11-е.

— А ты?

— И мне тоже надо.

— Но ведь сегодня еще 9-е, где ваши талончики за 10-е?

— Проели.

— Ничего я вам не дам, потому что обманываете. К тому же не работаете. А кто не работает, тот не ест.

В тот же вечер Теллер украл у одного рабочего кусок колбасы, а Пендюр выхватил хлеб из рук работницы соседнего цеха.

Я крепко призадумался. Не виноват ли я тут? Правильно ли я поступаю? Разыскал ребят, взял их за руки и притащил в укромное место. Ругал, уговаривал, стыдил. Наконец, договорились, что больше они не будут меня обманывать.

— Будем работать,— ответили ребята.

— Прежде чем приступить к работе, идите умойтесь, на вас смотреть страшно,— сказал я.

— Так мыла ж нет,— заявил Лева.

Я увел их к начальнику АХО, и вот сейчас они стоят передо мной... Замечательные ребятишки.

21 декабря

Борис Вешняков когда-то работал на нашем участке. Сейчас он работает слесарем в отделе механика. Сегодня чуть-чуть с ним не поругались. Пришел он ко мне и говорит:

— Не отпускают в армию. Что делать? Посоветуй.

А я ему и говорю:

— Советую работать в тылу.

Как он на меня посмотрит сверху вниз:

— И ты туда же, агитировать. Тыл, трудовая гвардия, надо ковать оружие — слыхал я это все сто раз. Ты понимаешь, вот этими руками мне хочется задушить хотя бы одного фашиста.

24 декабря

Опять Вешняков. Широкоплечий скуластый парень. Жесткие волосы свисают на край лба. Как он похож на Максима из «Юности Максима»! Сейчас этот «Максим» — председатель комсомольского собрания. Говорит не торопясь. Характерный пермяцкий выговор: «чо», «пуще» и т. д. Чувствуется огромная духовная и физическая сила в этом парне. И удивляться нечему: отец у Бориса старый большевик, видно воспитание.

2 января 1944 года

Итак, 44-й год вступил в свои права. Новый год встречали весело. Собирались у нас, вернее, у Якова. Приходили ребята и девушки с соседнего завода. Были наши фронтовики, а также Борис Вешняков. Пели песни. Даже выпили ребята по 150 граммов водки, а девушки — от 50 до 100, кто сколько смог. Гостья соседнего завода Нина пела цыганские романсы, а Валя увлекательно рассказала о том, как она ездила с подарками на фронт. Между прочим, был один гость из деревни — инвалид Отечественной войны.

— Знаешь, Геннадий,— сказал он мне.— На собственном опыте убедился, что немцы жидковаты против русских.

4 января

Сегодня в обеденный перерыв к нам приходили летчики — гости Северо-Западного фронта. Встреча получилась очень теплой. Баланов и Пепеляев выступали от имени работников тыла.

7 января

11 вечера. Только что пришел домой. Было собрание профсоюзного актива. Завтра комсомольское собрание. С докладом «Наши земляки на фронте» выступает Борис Вешняков.

Заболел Петя Пендюр. Вчера водил его в больницу. Выписали порошков. Лечу.

25 января

Начальник участка Колчанов заявил, что моя смена работает хуже, чем смена Сергея Филиппова. Вот здорово... Я, признаться, этого не замечал, но, проанализировав, согласился. Вот

уже несколько дней работал так, что в дневник писать было некогда. Думаю, что ребятам я доказал, что мы чуть-чуть зазнались. За Филиппова я радуюсь, но пальму первенства ему не отдам. Дело, конечно, не в «пальме», но соревнуясь друг с другом, мы поднимаем рабочих на большие дела. Кто сделает быстрее, больше и лучше? Что может быть благороднее этого!

29 января

Сегодня вся смена работала хорошо. Вместо 4 процентов суточной сдачи сдали продукции на 5 процентов. Успех дается недаром. Каждому рабочему перед сменой дают персональное задание, причем задание не устное, а письменное. Беру бланк и пишу, например: «Бузову за смену такого-то числа сделать по такой-то операции столько-то штук». В конце смены каждый рабочий отчитывается. Кто не сделает, остается работать.

5 февраля

Программу января выполнили с хорошими показателями. При подведении итогов Колчанов признался, что смена Семенова работала лучше других. Фронтовики мои довольны. Как же — победа!

У Левы Теллера нарыв на ладони правой руки. В больницу не идет, работать не может. Силой взял его, увел в табельную. Выписал направление и отправил в медсанчасть.

Наши войска дерутся на берегу Чудского озера. Вспомнят немцы Александра Невского!

Токарь Ваганов проспал четыре часа. В конце смены собрал всех рабочих и попросил у них совета, что делать с лодырем. Рабочие вынесли решение: сколько проспал, столько пусть отработает со второй сменой. Так и будет.

9 февраля

Сегодня в обеденный перерыв состоялся необычный разговор. Речь зашла о музыке, и тут разговорился всегда молчаливый Александр Челей. Он эвакуированный из Ленинграда. Работая на возведении противотанковых укреплений, он простыл, заболел и только поэтому был эвакуирован. Сейчас у него суставной ревматизм. Челей любит музыку. И вот он рассказывал нам о Бетховене, Гайдне и Чайковском. Рассказывал так хорошо, что мы все рты разинули.

16 февраля

Петю Губкина унес в больницу. Да, да, положил на плечо и унес. Петя идти уже не мог. Дизентерия. До того обессилел, что прямо у станка упал.

Когда я говорю о будущем, ребята с жадными глазами смотрят на меня.

— А скоро ли кончится война? — спрашивает кто-нибудь.

— Скоро,— отвечаю.— И чем лучше будем мы работать, тем скорее.

И они работают. Работают до остервенения старые члены отряда. Работают вдохновенно маленькие солдаты тыла: Теллер, Пендюр, Погорелый и Губкин. Пересиливая все невзгоды, они рвутся к этому, еще не совсем понятному им будущему.

21 февраля

Бригадир из Лещева не получился. Сначала работал неплохо, но быстро надоело ему. Нет у него железа внутри, один ветер.

24 февраля

Был в общежитии у детдомовцев. Петя и Лева рады, что посетил их хату.

Сегодня у Колчанова собирались все члены фронтового отряда. Дела с программой идут туго. Ходил к начальнику цеха, просил его, чтобы он помог Александру Челею устроиться в общежитие.

Наши войска освободили Кривой Рог. Появилось Львовское направление. Впереди Варшава.

14 марта

Сегодня был скандал. В конце смены обнаружилось, что по приказанию заместителя начальника цеха Бакланову, Балашову и Пермякову закрыли пропуска, то есть табельщице сказано, чтобы она не выдавала их. Ребята возмутились. Я их поддержал.

Пусть скажут по-человечески, мы и так еще хоть на смену останемся,— говорит Бакланов.

— Им не людьми руководить, а землю копать! — кричит Балашов.

Ходили к начальнику цеха. Кое-как успокоились. Пропуска отдали на руки. Ребята работали, но гнев клокотал еще долго.

21 марта

Приглушенно гудит цех. Ночная смена. Моя смена работает неполностью. Токарные станки стоят, нет поковок. Больно подумать: каждая потерянная минута уносит одну деталь. А это значит, фронт недополучит нужное. Утром организуем делегации к кузнецам и термистам. Предъявим им счет.

В воскресенье произошел смешной и горький случай. Своих «оборванцев» я задумал сводить в кино. Пошли. Купил билеты. Контролер посмотрела на Леву, на Петю, потом на меня и говорит:

— Не пущу, уж очень у вас одежда грязная.

Я было начал ругаться, но, когда вокруг стал собираться народ, плюнул и ушел. Плохо, очень плохо... но в то же время и хорошо. В кинотеатрах стали разбираться, кто грязный, а кто нет. Это же хорошо! Это значит, нам стало легче.

31 марта

В кабинете у Колчанова. Обсуждаем план на апрель. Программу марта закрыли неплохо, хотя и были неурядицы. Чтобы лучше работать, необходимо с первых дней отправлять детали в термоцех. Я и мой сменщик Сергей Филиппов полны решимости сделать все, что надо, для успешной работы участка. Завтра же соберу всю свою смену и познакомлю с программой на новый месяц.

2 апреля

Большие удачи на фронтах окрыляют нас. В цехе стало больше смеха, глаза людей горят не столько ненавистью, сколько счастьем. Да, народ счастлив, как может быть счастлив человек, уже много лет поработавший, но знающий, что ему остается сделать самое важное. Самое важное для нас — это окончательный разгром врага.

4 апреля

Страшно болит желудок. Что-то очень часто стал он у меня побаливать. Частое недоедание, утомление — вот тебе и пожалуйста. Рано еще болеть. Нельзя болеть сейчас. В больницу не ходил. Яков выбивается из сил, управляет всей сменой один, старается, чтобы мне было легче.

— Ты хоть ходи да посматривай,— говорит он,— а я уж все сделаю.

10 апреля

Освободили Одессу. Ура!!! Интересно, что сейчас думают гитлеровцы в Крыму?

Два дня не выходил из цеха. Идем впереди всех участков цеха.

Колчанов прямо золото. Вот это командир! Одним словом, советский наш командир. Главное, дело знает, а посмотришь

на некоторых других,— орут, как будто им кто-то на мозоль наступил, а толку нет.

В честь взятия Одессы вся наша смена дала слово работать еще лучше. Интересное дело творится: когда-то мы работали фронтовой бригадой, потом организовались в отряд, но это было тоже не то: мало, всего 18 человек, а сейчас вся смена работает, как один. Даже больше — весь участок под руководством Николая Яковлевича Колчанова уверенно набирает темпы. Еще раз скажу, просто удивительно, какая у нас, советских людей, сила имеется: чем дольше идет война, тем мы сильнее становимся, чем больше невзгод, тем мы упорнее. Пружина!

16 апреля

Предмайское соревнование. Показатели, вернее, результаты цеховой комитет подводит за каждую декаду. За первую декаду нашему участку присвоено первое место.

26 апреля

У нас в городе много пленных немцев. На днях Лева Теллер и Петя Пендюр открыли против них «военные действия», пулять в них начали. А потом пришли в цех и хвастаются. Я их начал пробирать за это, они в ответ глазенки выпучили и не могут слово сказать.

— Так ведь они враги,— крикнул наконец Лева.

— Нельзя!..— говорю я.— Должен быть порядок.

Мы понимаем, что не все немцы виноваты.

30 апреля

Союзники открыли второй фронт. Бои идут где-то около Руана. Пора. Давно пора. Уже два года ждем мы этого. Но американцы и англичане, вернее, их правители видно не очень-то спешат: им что, льется русская кровь, а не ихняя. Может быть, им это даже приятно. Родня ведь такая дальняя — капиталисты. В Италии, например, сколько времени тянули. То дождь идет, видите ли, то солнышко печет — воевать нельзя. А мы? Да что там говорить, кровь советских людей рекой льется. Месяца два назад я стихотворение написал. Вот оно:

Знаешь ты,
И знаю я:
Есть страна Италия.
Там, по сводкам, целый год
Непрерывно дождь идет.
Да, Везувий охладился,
Всюду лужи по колено.

Англичанам пригодился
Старый зонтик Чемберлена.
А поблизости от Рима
Целый год, судите сами,
Не война, а пантомима
Между вражьими войсками.
Дядя Сэм играет в кости
(Далеко от дяди пули).
Приезжают к нему в гости,
Высших рангов Джоны Були.
Крутят легкую любовь
(Женщин дайте покрасивей...).
Не простят народы кровь
Молодых сынов России!..

28 июня

Давно не писал дневник. Работа и жизнь идет такими темпами, что за перо браться некогда. Сейчас уже ясно, что фашистам скоро будет крышка. Некоторые из рабочих, видя такое обстоятельство, начинают работать хуже. Приходится подолгу разъяснять им, что дел на фронте еще много и нельзя думать, что мы отступающих гитлеровцев шапками закидаем.

28 июня

Освободили Оршу. Сейчас слово «освободили» стало привычным. Почти ежедневно наши войска занимают новые населенные пункты.

— Наши в Орше, немцам горше,— шутят рабочие.

Сегодня состоялось партийное собрание.

1 июля

Вот уже два года я редактирую сатирическую газету «Крокодил». Некоторые смеются:

— Изобьют тебя, Геннадий, когда-нибудь за то, что ты в «Крокодил» продергиваешь.

— Ничего, за меня фронтовики заступятся,— отшучиваюсь я.

3 июля

У нас другой начальник цеха — Добырн. Я говорил, что Павлов — никудышный начальник, так и вышло. Борька Бузов разнес по всему цеху оброненную мной фразу: «Смирр-на-а, равняйсь на Добырна!»

7 июля

В цех пришел Василий Хлебников. В начале войны ушел он на фронт. И вот сейчас стоит веселый, улыбающийся, но... на

одной ноге. Ребята и девушки окружили Васю, и вопросы сыплются один за другим.

— Ничего, проживу и с одной ногой,— говорит Хлебников.— Буду работать, война скоро кончится.

8 июля

Ходили на стадион. Наша команда принимала на своем поле московское «Торпедо». Это не шутка — такой противник!

Жизнь поправляется. Что-то грандиозное, великое слышится в ритме наших дней. То и дело громыхают орудия — салюты в честь доблестных воинов...

25 июля

У меня большая радость. Огромная радость. Меня приняли в члены нашей славной партии большевиков. Я коммунист! Отныне вся моя незаметная жизнь принадлежит тебе, партия Ленина. С вступлением в партию я беру на себя очень многое. И я оправдаю твое доверие, партия.

И еще у меня радость: все фронтовики поздравили меня с вступлением в ВКП(б), а это значит, и они разделяют мои думы и чаяния.

6 августа

Воскресенье. Многие отдыхают, но мы работаем. И день у нас сегодня не просто рабочий, а стахановский. На работу вышла вся смена. Удивительные люди наши рабочие. Иной раз посмотришь на их усталые лица, и кажется: не поднять их больше на большие дела, но стоит поговорить, объяснить, как все меняется. Вот и сегодня приятно смотреть, как оживленно в цехе.

13 октября

Дни наступили хорошие. Наши войска уверенно идут на запад. И в тылу, конкретно в нашем цехе, дела идут уверенно. Налаживается питание. Люди стали повеселее.

Сегодня между сменами у верстака собрались все старые фронтовики: Пермяков, братья Филипповы, Пепеляев, Вешняков, а также довоенный наш бригадир Петр Прокопьевич Павленко, подошел мастер соседнего участка, наш ровесник Владимир Вахов. Вспоминали прожитые дни...

ШТРИХИ ТЕХ ДНЕЙ

Великие и трудные годы. Годы войны и лишений. Им посвящены книги. Они запечатлены в картинах. О них волнующе повествуют экспозиции музеев. Чтобы люди не забывали, никогда не забывали того, что сделала во время войны наша партия, мирные советские люди, не только на фронте, но и в тылу.

Вот несколько воспоминаний, записанных сотрудниками Музея революции СССР о трудовом подвиге советских людей. Несколько коротеньких рассказов рабочих и инженеров. Рассказов о том, что они пережили и совершили. Несколько штрихов трудных дней войны.

Л. С. Батурин (Свердловск): **2270 процентов нормы...**

Помню, Налетов горячился:

— А вот у нас до сих пор нет тысячников!

Всех в бригаде — а нас было трое — кольнули эти слова. И мы решили попробовать осуществить один наш проект.

В первый же выходной день все трое взялись за изготовление придуманного нами приспособления, к 11 часам оно было готово. И мы в тот же день решили испробовать его. Волнуясь, засекли время и пустили мотор. Новый «стакан» с тремя дета-

лями — это и было наше приспособление — медленно завертелся. Резец легко сделал расточку сразу в трех деталях. Сначала в одной детали, потом в другой, затем в третьей. Десятый раз прошла гребенка вперед и назад.

— 11 часов 55 минут,— прошептал Налетов, вытирая вспотевший лоб.

В 55 минут были готовы три блестящие новенькие детали. Раньше на каждую из них расходовали 8 часов.

Но впереди было самое сложное — предстояло закалить и проверить новую «гребенку» для внешней нарезки. Побежали в термическую. Мастерская не работала. Ждать до утра? Немыслимо! Утром надо уже приступить к выпуску новой продукции, выйдет или не выйдет приспособление — заказ задерживать нельзя.

— Едем в кузницу! — сказал я.— Придется закалить примитивным способом, в горне.

Казалось, выход найден. Поехали все трое. Уже ночью, усталые, но довольные, что «гребенку» удалось закалить, пустили мотор.

Изготовленная тут же новая двусторонняя оправка для внешней резьбы послушно завертелась. «Гребенка» двинулась вперед и... остановилась. Мотор забуксовал.

— Заточили неверно? — с тревогой спросил Лаврентьев.

— Нет, заточено правильно,— ответил Налетов, вертя в руках и внимательно осматривая «гребенку».— Покоробилась при закалке. Нельзя такие вещи закаливать на глазок.

Мы приуныли, но длилось это недолго. Время еще было. Заработали с удвоенной энергией. Скоро была готова не только новая «гребенка», но и несколько оправок. К утру удалось проверить «гребенку». Она работала превосходно. Две детали были закончены за 45 минут. По плану на них полагалось 18 часов...

Задание было окончено досрочно. Бригада выполнила производственную программу на 2270 процентов!

А. В. Поповский (Москва): **На войне, как на войне...**

Вскоре после начала войны я отправился по заданию газеты на один из московских заводов. Там меня познакомили с одним рабочим, Панкратовым, который за день до этого совершил настоящий подвиг.

...Едва начался обжиг металла, как выключилось электросопротивление. Начальник цеха Алепных с болью в сердце подумал о нарушении графика, о партии деталей, которые станут браком, когда остынет печь.

— Разгружайте металл,— твердо сказал он,— другого выхода нет.

— Есть другой выход...

Калильщик Панкратов тронул его за плечо:

— Я полезу в горячую печь...

Не дожидаясь ответа, он натянул брезентовый костюм, велел обдать себя холодной водой и, прикрыв лицо руками, защищенными особыми рукавицами, полез в термическую печь. Полторы минуты спустя самоотверженный калильщик добился успеха. Ни один винтик из всей массы деталей не пострадал.

— Спасибо, Панкратов,— сказал, пожимая ему руку, начальник,— большое спасибо.

Калильщик, говорили, только пожал плечами, улыбнулся:

— Не за что благодарить... На войне, как на войне, бывает по-всякому...

Нур Бала (Баку): **Взорванная торпеда...**

Буровая № 1282 долго была почти бездействующей. За пять предвоенных лет ее дар составил 53 тонны. 10 тонн в год, меньше тонны в месяц — можно ли серьезно считаться с такой производительностью!

И мы решили рискнуть! Или удастся вытянуть хотя бы по тонне в день, или придется потерянные килограммы возмещать на другой скважине.

— Торпедировать! — таково было общее решение.

Прибыли электроразведчики. Они привезли торпеду длиной в полметра, заключенную в жестяную коробку. Торпеда была спущена на глубину 563 метра — выше прежнего горизонта.

Контакт! И по проводу пронеслась электрическая искра, взорвавшая торпеду. Нижнюю часть колонны забило отвалившейся породой. Уровень нефти поднялся. Спустили глубинный насос. Сначала не ладилось: песком заедало насос. Потом дело пошло. Качалка принялась высасывать из недр не килограммы, а тонны нефти. За две недели скважина дала столько же горючего, сколько за предыдущие пять лет!

Бригаду благодарили, поздравляли. Но дело было не в этом. Мы понимали, что для обороны нужно было больше нефти. Вот в чем дело...

Иргаш Турабаев (Ташкент): **Сипайчи работали в воде сутками.**

Это было на строительстве Фархадской ГЭС, в 1943 году, в дни, когда переключали Сыр-Дарью в новое русло. В работах

Д. Кирпитов, лучший мастер по скальным работам на строительстве Фархадской ГЭС, Узбекская ССР, 1945 г.

участвовали народные мастера по строительству водонапорных сооружений из местных строительных материалов. Работали две бригады — сипайчи Хамидова и сипайчи Нишанова, перенявшие свое искусство у отцов и дедов.

Стоя по пояс, а то и по грудь в ледяной воде, ежеминутно рискуя быть снесенными стремительным течением реки, они устанавливали специальные деревянные конструкции — сипаи, загружали их потом камнями, хворостом. Сипайчи работали в воде сутками, сменяя друг друга каждый час-полтора.

Н. В. Майоров (Ленинград): **Она работала без перерыва 20 часов.**

Когда я думаю о подвиге, то всегда вспоминаю коммунистку Анну Ивановну Иванову. Всей своей трудовой жизнью она показала, на какие прекрасные подвиги способна советская девушка-патриотка.

До войны Иванова работала на одном из заводов в Ленинграде браковщицей. За самоотверженность в труде неоднократно получала премии, награждена ценными подарками — часами и велосипедом, была выдвинута на должность бригадира.

Началась война. Вместе с другими ленинградцами Иванова выходит на строительство оборонительных сооружений у села Ивановки, около города Луги. Село подверглось сильному артобстрелу. Фашисты окружили его. Только 11 человек, и среди них Анна Ивановна, прорвались из окружения. Пять дней через леса и болота добирались они до частей Советской Армии.

Вернувшись в Ленинград, Иванова по 8 часов в сутки трудилась на заводе и 12 часов — на строительстве оборонительных сооружений. Человек большой физической силы, она в течение недели выдерживала такую нагрузку.

Когда завод эвакуировался, Иванову по ее просьбе оставили в Ленинграде. Несмотря на блокаду и голод, она нашла в себе силы, чтобы встать на защиту родного города. Она добровольно вступила в мостовой отряд.

Для окруженного врагами Ленинграда мостовики строили свайную железную дорогу через Ладожское озеро. На льду в метели и бураны вместе с мужчинами трудилась Иванова. Топором и ломом она пробивала в толстом, метровой толщины льде лунки для свай. По многу часов подряд трудилась Иванова, в кровь сбивая ломом руки. 18, 20 и, наконец, 24 лунки в день — таков ее результат. Редкий мужчина давал столько же.

Блокада была прорвана. Через Шлиссельбург прокладывали ветку в Ленинград. Мостовики строили мост через Неву. Враг еще близко, он день и ночь обстреливал рабочие площадки, пытаясь сорвать строительство. Но бойцы и среди них отважная Анна Ивановна день и ночь трудились и досрочно закончили строительство. Однажды снаряд упал в нескольких шагах от людей. Шедший рядом с Ивановой человек погиб от осколка. Анну только осыпало землей. Она немного была контужена, но об этом никому не сказала, продолжала работать: вместе с бойцами, подставив плечо, переносила она к площадке толстые, многопудовые бревна.

Потом Иванову, знавшую связь, поставили работать на коммутаторе.

...Из-за обстрела связь прерывалась, связистам приказано было находиться на линии. У коммутатора оставалась одна Иванова. Она работала без перерыва двадцать часов. Сменившись на несколько часов, она снова приходила и оставалась у коммутатора еще сутки.

Е. В. Щербакова (Магнитогорск): **Как тут было не гордиться!**

Я тогда работала на Магнитке машинистом скипового подъемника. В мае — это еще в 1941 году — все печи, за исключением второй, добивались хороших показателей.

— Все плавят чугун сверх плана,— сказала я мастеру Ровенскому,— только ваша вторая печь прихрамывает.

— Не от хорошей жизни, Евдокия,— с горечью ответил мастер.— Горновых у нас в обрез. Вот не успевают приготовить канаву.

«А что, если пойти горновым?» — пронеслось в голове. Знала, что трудная эта работа, но как было не помочь бригаде мастера Ровенского увеличить выпуск чугуна! К тому же началась война. Пошла в партийный комитет.

— Помогите мне перевестись в горновые. Знаю, что не бабье это дело. Я все учла, но... война.

На следующий день стала работать в качестве четвертого горнового. Мастер Ровенский помогал в трудные минуты.

— Смелее в лицо пламени смотри,— говорил он улыбаясь.

Два раза в смену бригада Ровенского принимала чугун в несколько сотен тонн, открывала и закрывала горловины домны, откуда стремительно вырывался металл. И среди тех, кто его плавил, была и я, первая женщина-горновой. Как тут было не гордиться!..

Н. А. Солопова (Новосибирская область): **Решила я научиться олово мыть.**

У меня их трое было, и самому младшему год исполнился. В то же время чувствовала, что так вот, без дела оставаться нельзя.

Муж мой в Советскую Армию ушел, воевал, и решила я научиться олово мыть.

Младших детей поручила старшему сыну Алеше. Он у меня заботливый был, несмотря на свои 11 лет, хорошо ухаживал за сестренкой и братишкой.

Мыть стала я олово на пару с Тимофеевым. В июне 41-го, значит, мы с ним намыли немного, а вот за двадцать дней июля дали уже 43 килограмма концентрата.

Очень я рада была, что своей работой Родине помогла, да и ребят кормила.

Е. Г. Иванова (Кемеровская область): **Мужчин и впрямь потеснила...**

— Не усижу я дома,— говорила я мужу.— Пойду в шахту. В самую трудную лаву пойду. Знаю, что нелегкое это дело, да там люди сейчас нужны, а я к тяжелой работе привычна.

Муж помогал освоить новую специальность, и первую смену под землей начали вместе. В первый же день я выдала 9 тонн угля при норме 8,7 тонны. Правда, не ладилось с креплением, и после смены вместе с товарищами затратила полчаса, чтобы как следует закрепить свой участок лавы. Потом в работе уже трудно было отличить меня от других навалоотбойщиков. Молчаливый десятник однажды посмотрел, как я валю уголь на решетки конвейера, и сказал:

— Дело будет... Мужчин потеснишь.

И впрямь потеснила.

М. Н. Баландина (Ташкент): **Неотправленное письмо.**

Вы, конечно, слыхали о заводе «Ташсельмаш». Там я работала до конца войны. Когда поступила на завод, мне исполнилось семнадцать, но такая маленькая, худенькая я была, что не выделялась среди ребят из ФЗУ. Мастер посмотрел на меня и говорит: «Мала, не возьму тебя на работу».

Но я уговорила в отделе кадров принять меня. Поставили к токарному станку, научили управлять им. И 300 процентов нормы стали для меня обычной выработкой.

Теперь всего не рассказать, как было. Может, из письма,

которое я тогда написала школьным подругам и почему-то не отправила, яснее станет. Вот оно:

«Здравствуйте, мои дорогие!

Пишет вам токарь одного из ташкентских заводов... Кто бы вы думали? Я, Муся Баландина... А ведь всего несколько месяцев назад я не знала, как он выглядит — этот токарный станок... Милые подруги, когда я приехала в Ташкент, то твердо решила пойти на работу туда, где смогу принести пользу фронту.

Две недели присматривалась я к тому, как необработанный металл принимает определенную форму, как вырабатываются некоторые вещички. От таких вещичек, девочки, фашисты бегут без оглядки...

Понаблюдала я день, другой, третий и думаю: трудновато будет.

— Попробуй-ка обработать деталь,— говорит однажды мой учитель, токарь Мансуров,— не волнуйся, спокойнее.

Ему, конечно, хорошо говорить «не волнуйся», сам он с десяток лет у станка. Подошла я к станку, а руки дрожат...

— Плотнее резец, плотнее! — кричит мой учитель.— Вот так. Получится, Муся!

И вскоре мне разрешили самостоятельно обрабатывать детали. Быть может, и вы уже сейчас работаете на заводах, тогда и вам понятно чувство, которое я испытала, когда увидела первые детали, вышедшие из-под моих рук. Вот я уже самостоятельно работаю на обдирке. Прошла неделя — я на нарезке резьбы. Еще дни — и я на нарезке фасок.

Тогда многие по три нормы давали. Я подумала: «Почему бы и мне не дать?»

У нас в цехе такой порядок установлен: кто норму выполнит, у того над станком вывешивают флажок, выполнит две — два флажка.

Прихожу однажды домой, спрашиваю у сестренки:

— Сколько, ты думаешь, у меня сегодня флажков над станком?

— Лицо веселое, наверное, два!

— Вот и не угадала. Не два, а три!

Радость в тот вечер в нашей семье была большая.

Пишу я вам, подруги мои, и думаю: как это все в письме получается просто, но в жизни, конечно, совсем иначе. Было трудно, когда ломались резцы, когда материал попадался неважный, когда станок заедал. Папа у меня в этом деле тоже опытный. Он ведь котельщик. Успокоит он меня, обнадежит.

А в цехе и мастер Семенюк, и настройщик Прыгунов, и секретарь комсомольской организации Юдина тоже помогали. Становилось легче. Все это теперь позади.

Что еще писать вам, мои дорогие? Хочу закончить на этом свое «производственное» письмо. Скоро настанет день, победой закончится война, и вновь, наверное, проснутся мои старые мечты: быть может, тогда пойду я в институт учиться на химика, а может быть, останусь токарем...

Крепко обнимаю вас, моих дорогих подружек!

Мария Баландина».

Е. С. Елина (Москва): **Нет ног, руки есть, чтобы бить врага...**

Я любила свой завод. Любила идти на смену с сотнями людей, словно в колонне.

Грянула война...

Я и еще другие девушки с нашего завода ушли добровольно на фронт. Нас приняли в партизанский отряд, сформированный в Москве. Обучили технике партизанского боя, владению винтовкой, гранатой и пулеметом.

В неравном бою я была ранена. Мне раздробило бедро и обе ноги. С невероятным трудом уползла в лес. Почти без сознания пролежала всю ночь на снегу. Только утром на меня наткнулись партизаны и доставили в партизанскую землянку. В Москве, в эвакогоспитале, ампутировали обе ноги. Мне было только двадцать лет, и жизнь моя только начиналась...

Выписавшись из госпиталя, я тут же пошла на родной завод.

От громкого стука протезов директор оторвал глаза от срочных бумаг. Долго смотрел, как будто что-то вспоминая.

— Екатерина Степановна...— сказал.

— Да, это я. Изменилась?..— спросила улыбаясь.

Директор поднялся из-за стола и как-то особенно крепко пожал мою руку. Он хотел помочь мне сесть, но я сама опустилась на мягкий стул.

— Слышал, слышал о вас, Екатерина Степановна. Молодец! — сказал и сел рядом со мной.

— Если нужна помощь, не стесняйтесь, просите,— продолжал он.

— Да, нужна,— повернулась я к директору.— Помогите устроиться на завод. К станку хочу...

Мохнатые брови директора высоко поднялись. Серые глаза не скрывали удивления. Они словно спрашивали: зачем это тебе?

— Катя, на станке работать нелегко, не советую,— сказал он тепло. Жилистая рука легла на мою руку.

— Нелегко, пойми,— продолжал он.— Можно подыскать другую работу.

— Нет, хочу к станку,— упорно говорила я и чувствовала, как к горлу подкатывается комок. Очевидно, мои глаза стали какими-то другими, потому что директор опустил свои глаза.

— Ладно, Катя. Дадим тебе станок...

И начала работать я на станке, нарезать гайки. Нелегко было стоять на протезах смену, но держалась. Успокаивала мысль: на фронте было не легче. От мысли вздрагивала: как будто не станок шумит рядом, а стучит мой автомат, и кругом глубокий снег...

Рабочие жалели меня, помогали, когда нужно было. Их теплота придавала сил, и я работала так же, как и другие. Давала 200 процентов и больше.

Рабочие часто говорили, останавливаясь у моего станка: это подвиг. Я смущалась. «Ну какой же это подвиг?» — думала. Нет ног — руки есть, чтобы бить врага...

К. И. Рыбакова (Челябинск): **Так рождались тысячницы.**

Ехлаков первым на Челябинском тракторном заводе выполнил десять норм. И я давно мечтала об этом. Но старыми методами невозможно было достичь 1000 процентов нормы.

Мы работали так: правой рукой вставляли деталь, сверлили и вынимали ее после обработки, а левой только зажимали. А что если равномерно загрузить обе руки, приучиться левой рукой зажимать деталь и снимать после обработки? Я начала тренироваться. Трудно было отучить себя от приемов, к которым привыкала годами. К тому же работа тонкая, сверла двухмиллиметровые. Малейшая оплошность — и сверло поломано. Порой теряла надежду, тянуло работать по старому способу.

Три дня я тренировалась. После выходного дня пришла в цех и точно по гудку включила станок. В первую минуту обработала 6 деталей, во вторую минуту — 7, в третью — 8, в четвертую — 6, в пятую — 9. На этом уровне закрепилась. Прошел час. Обработала я уже 260 деталей при сменной норме 250. Уверенность моя возросла. За второй час выработала 320 деталей, а за третий — 360. В течение восьми часов я выполнила норму на 1148 процентов.

Моя сменщица комсомолка Зинаида Данилова тоже начала тренироваться. Думала о том, как обогнать меня. И это ей удалось. Данилова выполнила норму на 1340 процентов.

Вскоре тысячницами стали Назарова, Урюпина. Начали работать по-новому и другие девушки.

БОЕВАЯ ПОДРУГА

Трижды сводила меня судьба с Марией Васильевной Октябрьской.

Мы познакомились в Севастополе незадолго до войны, куда меня привела кочевая жизнь журналиста. Была весна, такая ясная и благоухающая на чарующем черноморском побережье. Широкие улицы, залитые солнечным светом, казались еще просторнее. Веселые зайчики играли на белокаменных стенах домов. Море лениво плескалось у берегов. Легкие волны постукивали о борта военных кораблей, стоявших на Севастопольском рейде.

На одном из них и служил полковой комиссар Илья Федотович Октябрьский, к которому привело меня редакционное задание. Был Илья Федотович мужчиной крупным, широкоплечим, круглолицым, со светлыми волнистыми волосами. Серые глаза его смотрели из-под густых бровей несколько насупленно, и потому он казался вначале человеком строгим и сухим. Но стоило с ним разговориться, как от этого первого впечатления не оставалось и следа. Собеседником он был умным, веселым и живым. Улыбка сразу преображала его лицо. Оно становилось добрым, глаза словно теплели и согревали того, на кого они были направлены.

Разговор у нас лился непринужденно, и я был доволен, что сразу нашел общий язык с этим показавшимся мне суровым человеком. Его интересно было слушать. В рассказах его чувствовался человек серьезный, умеющий хорошо распознавать людей и руководить ими. Даже если бы я не знал его воинского звания, я бы сразу признал в нем политработника.

Мне предстояло пробыть в Севастополе несколько дней, и в один из вечеров Илья Федотович пригласил меня к себе. Тут-то и состоялось мое знакомство с его женой Марией Васильевной. Она оказалась женщиной моложавой, ее нельзя было назвать красивой, но про таких обычно говорят, что они симпатичны. Обаяние ей придавали большие, широко смотрящие на свет ясные глаза, в которых было столько же детской наивности, сколько и женской привлекательности.

Они очень подходили друг к другу, и я сразу понял, что семья у них дружная, трудовая и общительная. Два мальчика-школьника, показавшиеся мне близнецами, скорее походили на мать, нежели на отца: у обоих были ее светлые большие глаза.

Мария Васильевна была учительницей. Об этом говорил не только ее внешний облик, но и спокойное, товарищеское отношение к сыновьям. Меня поразило, как хорошо они были воспитаны и с каким уважением относились к матери. Через несколько дней, едва закончатся занятия в школе, им предстояло ехать на все лето к родителям Марии Васильевны куда-то не то в Молдавию, не то на Украину. Естественно, что отъезд детей волновал родителей и был немаловажной темой для разговоров в тот вечер.

В квартире Октябрьских лежало на столах и диванах много вышитых салфеток, скатертей, подушек. И каждое из этих изделий было подлинным произведением искусства, так красивы и замысловаты были орнаменты, так мастерски были выполнены сложные рисунки. Оказалось, что Мария Васильевна — отличная рукодельница, прославившаяся на весь город и, может быть, на весь Черноморский флот. Вышиванию она охотно отдавала свой досуг, и высокое ее мастерство не раз отмечалось на выставках.

Вечер прошел незаметно. Я уходил довольный тем, что познакомился с простой и хорошей советской семьей. Прощаясь, я не задумывался над тем, приведется ли мне когда-либо снова встретиться с Ильей Федотовичем или с Марией Васильевной.

Вскоре я и вовсе позабыл об этом мимолетном знакомстве, тем более, что разразилась война, а вместе с ней тяжелой тучей налетели и горестные заботы.

Шли героические годы. Уже позади были первый коварный, внезапный удар гитлеровцев и тягостное отступление. Уже призывным набатом прозвучал удар, нанесенный по врагу, первое его поражение под Москвой.

Напрягалась от усилий страна. Напрягался в кровавой схватке фронт. Теперь путь его лежал на запад.

Наш фронт в ту пору так и назывался: Западный. И мне привелось быть на этом фронте военным корреспондентом. Кто подсчитает, сколько километров исколесили мы в те военные годы на попутных автомашинах, разъезжая из части в часть, с передовой на передовую?!

И вот как-то в штабе танковой дивизии я услышал мимоходом названную фамилию Октябрьская.

— Это вы о комиссаре Октябрьском? — спросил я говорившего.— Разве он здесь?

— О каком комиссаре? — не понял офицер, удивленно взглянув на меня.— Я назвал фамилию женщины-танкиста. Мария Октябрьская — командир танка «Боевая подруга». Не слыхали?

— Мария Васильевна? Командир танка?

— Да. Она на днях прибыла к нам с Урала вместе со своей машиной.

Я поторопился в танковый полк.

Наша вторая встреча произошла в заснеженном лесу, недалеко от Смоленска.

Передо мной стояла женщина в полушубке, перехваченном широким ремнем. Теплая шапка, надвинутая на уши, закрывала лоб до самых бровей. Лицо у нее было бледное, осунувшееся. Я не узнал ее. Даже запомнившиеся мне глаза были другими — впавшими, опоясанными темными кругами. «Она ли это?» — подумалось мне.

Она окинула меня безразличным взглядом, и вдруг в глазах ее промелькнула искорка, придав им былое выражение.

— Не узнаете? — она слегка улыбнулась.— Да, это я...

— Каким образом?! — вырвалось у меня.

На передовой было тихо. Танкисты стояли в резерве. Мы отошли с Марией Васильевной в сторонку и, присев на срубленное дерево, долго, очень долго говорили.

Я узнал еще одну страшную военную судьбу.

...В тот день, когда пришло известие о гибели полкового комиссара Ильи Федотовича Октябрьского, Мария Васильевна не плакала. Она долго и неподвижно сидела в своей опустевшей севастопольской квартире с застывшими, сухими глазами.

Ее охватил ужас. Слезы дали бы ей облегчение, но слез не было.

Горе, говорят, не приходит в одиночку. Так случилось и у нее. Родители остались на оккупированной врагом территории, не успев бежать. Два ее сына, гостившие у стариков еще до прихода гитлеровцев, трагически погибли во время бомбежки...

Мария Васильевна осталась одна-одинешенька на всем белом свете. Это произошло сразу, внезапно, нежданно. Такое горе могло не только подкосить, но и уничтожить, придавить своей тяжестью.

А гитлеровцы все шли и шли. Пришлось оставить Севастополь. Она потеряла последнее: родной кров, хранивший память о дорогих ей людях.

Она уехала на восток, осиротевшая, обездоленная.

Но она нашла в себе силы устоять. Пошла на завод. Стоя у станка, глотая наспех тощий обед в заводской столовке, даже ложась спать на жесткой койке в общежитии, она думала лишь об одном: как бы отдать все свои силы, остаток дней своих любимой Родине, как это сделал муж.

Она была уже немолода. Шел к концу четвертый десяток. Да и горе надломило ее силы. Но она работала по две смены, а то и сутками не покидала цех. Она чувствовала усталость: болели руки и ныла спина, но душевного покоя этот изнурительный труд не приносил. Ей казалось, что она делает слишком мало, и мечтала о том, чтобы, взяв в руки оружие, пойти на фронт.

Нет, она не хотела стать санитаркой, ей мало казалось быть автоматчицей. Ей хотелось чего-то еще более опасного, и, наконец, она избрала танк.

В те дни шел всенародный сбор средств на усиление технической мощи Советской Армии, и Мария Васильевна решила приобрести танк, чтобы самой повести его в бой. Но где же взять для этого деньги?

Теперь все ее мысли были обращены на это. Она продавала все, что могла. Без вздоха сожаления пошли на рынок ее художественные вышивки, все до единой! Все, все, что у нее еще осталось, что было нажито долгими годами и с таким трудом вывезено из родного города, все было продано. И тот день, когда она собрала наконец пятьдесят тысяч и внесла их в Госбанк на построение танка, был, пожалуй, самым счастливым днем ее тяжелой жизни.

По ее просьбе купленный ею танк был назван «Боевая подруга».

Мария Васильевна стала собираться в путь. Она сама поведет свой танк по полям сражений. Танк будет теперь ее домом. Она согреет его теплом своего сердца, она украсит его портретами мужа и сыновей, чтобы они незримо были с ней в часы грозных испытаний.

В танковом полку Мария Октябрьская настойчиво овладевала профессией механика-водителя. Государственный экзамен она сдала на «отлично».

На заводе ей вручили новенький, поблескивавший краской танк. На бортах его начертаны слова: «Боевая подруга».

И вот уже Октябрьская носит погоны сержанта, и гвардейский знак красуется у нее на груди. Танк «Боевая подруга» зачислен в гвардейское соединение.

Вот о чем рассказала мне Мария Васильевна в заснеженном лесу у переднего края. Она говорила, а глаза ее были сухи, вероятно, так же, как и там в Севастополе, когда она узнала о гибели мужа и не было у нее слез, чтобы облегчить страдания. Но вдруг у нее начинала подергиваться щека, и тогда она проводила по ней рукой, стараясь остановить нервный тик.

В экипаже Марии Васильевны подобрались молодые ребята, и она, как мать, ухаживала за ними. Встанет раньше всех, приготовит еду, а когда нужно, и постирает белье, починит, подштопает.

О боевых операциях, в которых танк уже участвовал, Мария Васильевна мне не рассказывала. Ее товарищи вспоминали о том, как поразительно спокойна была эта уже немолодая женщина в первом бою, как умело маневрировала она на поле боя и как лихо ворвался ее танк в боевые порядки гитлеровской пехоты.

Она повела меня к танку. Я увидел на нем вмятины от осколков. Мы спустились внутрь машины. Портрет убитого мужа висел так, чтобы Мария Васильевна видела его, сидя за рычагами.

Мы расстались, когда начало смеркаться. Я обещал навещать ее.

Слава о Марии Октябрьской росла. Мне не раз приходилось слышать рассказы о ее подвигах. Особенно запомнился один случай. Танк «Боевая подруга» был подбит в бою. Во время атаки вражеский снаряд угодил в ходовую часть. Отбуксировать машину не удалось. Экипажу пришлось трое суток провести в поврежденной машине. Мария Васильевна показала изумительную стойкость и спокойствие. Танк содрогался от разрывов, а она спокойно, как ни в чем не бывало заводила раз-

говор о том, что будут делать ее «сынки» — так называла она членов своего экипажа — после войны.

Наконец танк удалось отвести в тыл. Там его отремонтировали, чтобы Мария Октябрьская снова повела его в бой.

Наша третья встреча произошла в госпитале. Я увидел ее на койке в чистой и уютной комнате. Это было в Смоленске, где только недавно в больших больничных корпусах разместился фронтовой госпиталь.

— Она тяжело ранена,— сказал мне врач.

— Она будет жива? — спросил я.

Врач промолчал.

Я видел, как к ней приехали однополчане. Полковник вручил ей орден Отечественной войны. Она открыла глаза и посмотрела вокруг. В этот миг ее глаза были точно такими же, как и там в Севастополе, в тот первый вечер. Она прошептала:

— Экипаж надо наградить...

— Их тоже наградили,— ответил полковник.

Мария Васильевна еще раз открыла глаза, и слабая улыбка скользнула по мертвенно-бледным губам.

С этой улыбкой она и умерла...

...Ее хоронили с воинскими почестями. Мужественные люди в кожаных шлемах не скрывали слез, катившихся по их обветренным лицам.

З. В. ЕРМОЛЬЕВА

НЕЗРИМАЯ АРМИЯ

НАКАНУНЕ

На улице Обуха, 8, в прекрасном особняке, помещается отдел биохимии микробов Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ). Здесь разрабатываются важные для здравоохранения вопросы, теоретические и практические. Это единственное место в стране, где занимаются изучением обмена веществ у микробов, химией иммунитета. Тут производится в большом количестве лизоцим, который был впервые применен сотрудниками отдела с практической целью в медицине и в промышленности. В лаборатории отдела разрабатывается методика массового производства холерного бактериофага, впервые здесь полученного. В этих же лабораториях занимались разработкой и изучением других губителей вредных микробов — «раневым» фагом, дизентерийным, интестифагом.

1941 год... Во время сложной и напряженной работы получаем сообщение о передаче нашего здания Госконтролю. Здания, закрепленного за институтом историческим декретом, подписанным самим В. И. Лениным...

Что делать? Директор института, к которому мы обратились за помощью, говорит, что наши лаборатории перемещать некуда. Однако изменить решение Совнаркома трудно.

— В предприятиях явно безнадежных,— сказал он нам,— я участия не принимаю, хотя и считаю, что отдел по важности выполняемой работы, по сложности установок, безусловно, было бы целесообразно сохранить на месте.

Сотрудники отдела и сами это отлично понимали, потому-то и не могли согласиться с требованием освободить здание, в котором велась напряженная научная работа. Стучались всюду, но никто не мог нам помочь. И вдруг кто-то вспомнил о лизоциме.

Профессор Авербах применял его для профилактики во время операции, которую он делал М. И. Калинину.

И мы решили обратиться за помощью к всероссийскому старосте. Рассчитывали попасть на прием через неделю-две, а Михаил Иванович, к нашему великому изумлению, передал, что примет нас на следующий день. Чтобы наше посещение М. И. Калинина было более представительным, я решила привлечь Н. Ф. Гамалея, который всегда шел нам навстречу.

Николая Федоровича застала в кровати, обложенного книгами. Они лежали не только рядом с ним, но и под подушкой, а «наиболее важные», как он сказал, были спрятаны от родных, которые беспокоились за его здоровье, под матрацем и кроватью. Н. Ф. Гамалея был обрадован возможностью посещения М. И. Калинина. Однако спросил меня:

— Нельзя ли перенести визит на другой день? Мой портрет завтра должна писать художница.

— Что вы, Николай Федорович, я безумно счастлива, что завтра мы имеем возможность попасть к Михаилу Ивановичу. Нам дорога каждая минута.

Тогда Н. Ф. Гамалея попросил дочку, Марию Николаевну, «перенести художницу».

На другой день на машине я заехала за Н. Ф. Гамалея, и мы отправились в Кремль. По дороге уговаривала Николая Федоровича только представительствовать, предоставив мне возможность рассказать о положении дел.

Как только мы вошли в кабинет, М. И. Калинин встал из-за стола и любезно предложил нам садиться.

Я рассказала Михаилу Ивановичу о нашей беде, о том, что отдел хотят перевести, а перевести некуда, и о том, что мы делаем важные вещи для здравоохранения — фаг[1], лизоцим[2].

[1] Фаг (бактериофаг) — в буквальном смысле пожиратель бактерий.
[2] Лизоцим — вещество белкового характера, обладающее ферментными свойствами и разрушающее тела многих видов бактерий.

— О лизоциме знаю от профессора Авербаха,— сказал Калинин.

Он пообещал назначить комиссию, которая, ознакомившись с положением дел, сообщит ему свое решение.

— А еще чем я могу вам помочь? — спросил М. И. Калинин.

— У нас мало стекла,— сказала я.— Необходимо, чтобы заводы делали чашки Петри, матрацы, стеклянные бутыли.

— Этому горю несложно помочь,— поднялся из-за стола Михаил Иванович.

Набравшись смелости, попросила также, чтобы агар-агар, нужный нам для питательной среды, на которой выращиваются микробы, передавали Наркомздраву, а не отдавали в кондитерское производство.

— А что такое агар-агар? — спросил он.

— Морские водоросли,— ответила я.

— Этому горю совсем легко помочь,— улыбнулся Михаил Иванович и тут же по телефону отдал распоряжение о передаче всего агар-агара Наркомздраву.

В тот же день в наш отдел прибыла комиссия, присланная Михаилом Ивановичем. Решение Совнаркома было пересмотрено и наш отдел остался на старом месте.

Сотрудники лаборатории еще с бóльшим рвением взялись за работу — готовили лизоцим, который все шире употреблялся для лечения больных. Он даже спасал чудесные голоса певцов Большого театра, консервировал черную икру. Деятельно занимались мы изготовлением холерного и «раневого» фага.

В те дни мы и не думали, что надвигается великое бедствие, что наступает для советских людей время тяжелых испытаний.

ВОЙНА. К ФРОНТУ

Примерно через месяц разразилась война...

Сразу же мы подчинили свою работу фронту, отдавали все силы, знания тому, чтобы не допускать тяжелых инфекционных заболеваний и быстро справляться с ними при их возникновении.

В июле появились случаи заболевания холерой в Афганистане.

— Летите в Термез,— получаю приказ наркома здравоохранения СССР Г. А. Митерева.— Отправляйтесь вместе с вашей лабораторией и сделайте все, чтобы не допустить к нам холеру.

Профилактические мероприятия, проведенные нами в граничащих с Афганистаном районах, остановили грозного врага. Здесь оказал воздействие и полученный в нашей лаборатории холерный бактериофаг, который мы давали людям, заливали в колодцы.

В Ташкенте нам вручили телеграмму: «Ждите очередных указаний. В Москву не возвращайтесь». В эту ночь я не могла уснуть и даже заплакала, узнав, что Эпидуправление эвакуировалось в Казань, а наша лаборатория направляется в Ташкент.

В это время среди эвакуированных в Ташкент людей были отмечены заболевания сыпным тифом, и меня оставили здесь уполномоченным Наркомздрава по борьбе с тифом.

В начале 1942 года, справившись с полученным заданием, я вернулась в Москву. Однако недолго пришлось мне оставаться в Москве. Последовал приказ о вылете во фронтовой волжский город.

— Просочились через фронт слухи, что на территории врага вспыхнула эпидемия холеры,— сказал мне нарком Митерев.— Поезжайте в Сталинград и примите необходимые профилактические меры.

Я вспомнила о Пятигорске. Клиницисты и микробиологи и даже патологоанатомы поставили в Пятигорске диагноз азиатской холеры. А на самом деле был выделен вибрион щелочеобразователя, который не имел никакого отношения к вибриону — возбудителю холеры. Это было пищевое отравление, вызванное палочкой протея, попавшей в продукты мясокомбината.

Придя от наркома домой, быстро собрала все имевшиеся у меня диагностические, лечебные и другие фаги и сыворотки и ранним утром была уже в пути.

В самолете нас шесть человек вместе со мной. Почти все военные, даже один генерал. При приближении к городу самолет нарвался на вражеские бомбардировщики. Один из пилотов вышел к нам и громко спросил:

— Кто умеет стрелять из пулемета?

Все молчали... Кому-то нужно же ответить летчику, пронеслось в голове, и я робко сказала:

— А что делать? За ручку вертеть?

Пилот удостоил меня презрительным взглядом и повернулся, чтобы уйти к себе в кабину. Но его остановил генерал.

— Вы с ума сошли — вступать в бой с такими крыльями! Газу давай! Духу давай!

Самолет набрал скорость, полетел низко, над самой Волгой.

Мы все попадали со скамеек. Вражеские самолеты не отставали до момента нашего приземления на аэродроме.

На аэродроме меня ждали военный эпидемиолог Знаменский и прибывший накануне начальник противоэпидемического управления Наркомздрава Рагозин.

Мы уже садились в машину, а генерал все отчитывал летчиков за попытку вступить в бой с фашистами.

Я бывала и раньше в этом городе, но теперь его трудно было узнать. Часть зданий лежала в развалинах, исчезли тополя, не видно было ровных газонов.

В два часа ночи собрались на заседание чрезвычайной комиссии. Заседание вел заместитель председателя облисполкома Покровский. Присутствовали заместитель наркома Колесников — пунктуальный человек и великолепный организатор, начальник санитарно-эпидемического управления Рагозин, эпидемиолог управления Бершадский, от транспорта — генерал Захарченко.

В комнате душно... Через завешенные плотными синими шторами окна беспрерывно доносится гул канонады. Мне предоставляется первое слово. Нужно было решить, какие меры принять против опасности, которая могла бы угрожать городу, в то время усиленно готовившемуся к обороне. Он пропускал сотни тысяч бойцов непосредственно к фронту, к излучине Дона, где развернулось невиданное по своему размаху сражение. Госпитали принимали ежедневно тысячи раненых. Из города, переполненного войсками и эвакуированным населением, беспрерывно отходили пароходы и эшелоны в Астрахань, Саратов. Эпидемия, таким образом, могла бы разлиться по многим районам страны.

— Да, товарищи,— твердо сказала я,— необходимо принимать срочные меры.

Почти до утра сидели мы и разрабатывали профилактические мероприятия с тем, чтобы не допустить заболеваемости холерой среди населения. Было решено дать всему населению города, войскам, находящимся в городе, холерный бактериофаг.

Захваченного мной из Москвы бактериофага было недостаточно. Решили просить наркомат срочно прислать нужный препарат. Развернув подготовительные работы, мы узнали, что эшелон, в котором был отправлен препарат, разбомблен гитлеровцами. Что делать? Кто-то предложил организовать производство холерного бактериофага на месте. Нелегко было наладить сложное микробиологическое производство в осажденном городе. Необходимо было выпускать препарат в огромных,

с каждым днем все возрастающих количествах. Ведь нам предстояло фагировать не только местное население, но и тысячи людей, уходящих, уезжающих, улетающих из города.

У меня была надежда на товарищей из Харьковского микробиологического института, который в то время находился здесь. Но он начал спешно эвакуироваться дальше.

— Сегодня уплываем,— сказал мне с грустью профессор Цехновицер.— Институт эвакуируется в полном составе.

Наша подземная лаборатория давала нужные количества фага. Мы работали, что называется, не разгибаясь.

Возвращаясь ночью с работы, я каждый раз находила в госпитале, где жила, перемены, от которых беспокойно сжималось сердце. Все теснее сдвигались койки, все больше и больше было раненых во дворе и в саду.

Трудно было сразу уснуть, думая о той огромнейшей задаче, которая стояла перед нами, микробиологами, по профилактике страшного заболевания.

Принимали меры не только микробиологи. В этой борьбе с невидимой армией принимали участие все, кто оставался в городе. У каждой дружинницы Красного Креста было под наблюдением десять квартир. Обходили их ежедневно и спрашивали, нет ли больных, которых надо немедленно госпитализировать. Другие хлорировали колодцы, дежурили в булочных, на эвакопунктах. Из города нельзя было уехать без справки о фагировании. Даже в булочных не выдавался хлеб без такой справки. В бомбоубежищах, на пристанях без устали рассказывали о профилактике желудочно-кишечных заболеваний. Включились в эту борьбу и радио, и газеты.

Как-то я набирала в бутылочку воду реки Волги для исследования. Ко мне подбежал мальчишка.

— Тетя, не видишь — всюду написано: «Купаться нельзя, сырую воду пить нельзя»,— сказал он.

Ежедневно принимали бактериофаг 50 тысяч человек. Этого еще никогда не было в истории. Надо было провести обследование еще многих тысяч людей. Работали до поздней ночи. Питались телячьей ногой, давно заплесневевшей, которую дали мне на дорогу сотрудники. Все ели с удовольствием. Долго отказывался только Колесников, заместитель наркома. Потом и он присаживался к заплесневевшей телятине.

— Ведь и плесень помогает,— говорил он улыбаясь.

Окно маленькой комнаты, в которой я жила, подле операционной, выходило на улицу, ведущую к Бекетовке — одному из южных районов города. Каждую ночь много раз просыпа-

лась от глухого топота, тревожного шума. Гнали тощих, измученных коров, овечьи отары. Овцы жалобно блеяли, как бы просили о помощи. Я подолгу стояла у окна, ложилась и снова поднималась. Тревожными были эти ночи...

Профилактические мероприятия по борьбе с возможной эпидемией холеры были закончены. Можно было возвращаться домой, в Москву.

О трудных днях напоминали мне лишь выделенные из волжской воды безвредные холероподобные вибрионы. Они светились в темноте ярким фосфорическим светом. Мы даже подумали, нельзя ли использовать их во время затемнения как источник света. Позже в Москве я отнесла выделенные в Волге вибрионы на электроламповый завод. Там пытались использовать их для проверки, хорошо ли выкачан кислород из лампочки, так как вибрион моментально перестает светиться при отсутствии кислорода. Это было интересно, но трудно применимо в ламповом производстве. Для этого надо было всегда иметь свежую культуру светящегося вибриона. К тому же он хорошо светится только в молодом возрасте. Вначале на заводе боялись иметь дело с принесенным мной вибрионом. С трудом убедила товарищей, что этот вибрион никакого отношения к холере не имеет, что он совершенно безвреден.

Я стала ждать возможности вылететь из Сталинграда в Москву. Это оказалось не простым делом. Два самолета, специально посланные за мной наркоматом здравоохранения, были сбиты гитлеровцами.

Враг уже прорвался к самому городу.

Я с болью смотрела, как от чудесного города оставались только руины. Вражеские самолеты налетали уже не единицами, а сотнями, тысячами. Черная пелена дыма всегда окутывала город. Земля судорожно вздрагивала от разрыва тяжелых бомб.

В сентябре вечером я возвращалась в свою маленькую комнатку подле операционной. Верхнего этажа дома не стало уже при мне. В операционной были выбиты все стекла, никто в ней не оперировал. Здесь также лежали раненые, и среди них шестеро, которым я вводила раневой фаг, присланный из Москвы. Результаты тревожные: один поправляется, зато умирает другой, третий, четвертый, пятый, шестой. Фаг давал неясные результаты, точнее, помогал очень мало.

Да, думала я, это не то лекарство, которое должно спасать больных с заражением крови после огнестрельных ранений. Не легко было смотреть на этих людей, и ничем я не могла

Профессор З. В. Ермольева, разработавшая метод получения пенициллина. Москва, 1943 г.

им помочь. Надо, думала я, снова проверить все антибактериальные вещества, полученные в нашей лаборатории в Москве, надо во что бы то ни стало найти действительно мощное средство для спасения раненых.

Наша лаборатория в то время изучала лизоцим и препараты, полученные из плесени. Исследования показывали, что некоторые плесени задерживают рост бактерий.

Плесень привлекала наше внимание еще и потому, что директор института Н. И. Гращенков показал мне перед поездкой на Волгу вырезку из английской газеты, в которой скупо сообщалось, что в Англии получен из плесени пенициллин. «Может быть, плесень, выделенная Т. И. Балезиной и мной в бомбоубежище, даст в руки врачей средство для лечения раненых?» — промелькнула мысль, когда я пробиралась как-то в свою комнатку в госпитале.

Однажды ночью ко мне приехали на машине Бершадский и Рагозин:

— Мы за вами,— сказал Бершадский,— случайно пробился самолет У-2, привез холерную вакцину. Полетите на этом самолете в Москву с донесением наркому.

Под бомбежкой и артиллерийским обстрелом мчимся на аэродром. Вот и маленький санитарный самолет У-2. Я моментально очутилась в воздухе.

«Что вы так низко летите? Зацепитесь за верхушки деревьев»,— передаю записочку пилоту.

«Лучше за верхушки деревьев, чем за крыло немецкого самолета»,— получаю ответ.

Через некоторое время снова получаю от пилота записочку: «Чудом пролетели самые опасные места. А теперь, если хотите, спустимся на бахчу».

Прорвались мы действительно чудом. Позже я узнала, что примерно через 15 минут после нашего вылета на Сталинград налетело около тысячи самолетов и от аэродрома ничего не осталось.

Я уговорила пилота остановиться в таком месте, где можно было бы не слышать разрывов бомб и артиллерийской стрельбы. Но такого места найти не удалось, остановились на ночлег где-то вблизи Саратова.

На следующий день благополучно приземлились на аэродроме в Куйбышеве. И удивительное зрелище предстало перед глазами: выстроенные войска, оркестр... Шагаем с пилотом Федотовым мимо почетного караула. Вдруг слышим суровый голос:

— Откуда вы?
— Откуда вы взялись? Почему не запросили разрешения на посадку?

Встречали, конечно, не нас. Минуты через две приземлился громадный самолет с видными английскими и американскими деятелями. Замер почетный караул, оркестр начал исполнять незнакомые нам мелодии государственных гимнов.

Еще день — и мы на аэродроме в Москве. Я моментально была доставлена на машине в Наркомздрав, где доложила наркому Митереву о проведенных профилактических мероприятиях.

— Знаю, знаю,— сказал нарком.— Прекрасно справились с делом. И хотя вы страшно устали, я вынужден просить вас завтра же вылететь в Астрахань для принятия профилактических мер.

— Там будет легче,— успокаивал находившийся в кабинете наркома его заместитель Колесников.

Сергей Алексеевич ошибался. Конечно, Астрахань не была фронтовым городом, но и ее бомбили по нескольку раз в день. Бомбежки, однако, не помешали нам быстро провести все необходимые санитарно-гигиенические и профилактические мероприятия.

Из Астрахани с трудом удалось улететь на военном самолете. Недалеко от Арзамаса в моторе выкипела вода, и он загорелся. Мы с грохотом свалились на землю. На некоторое время я потеряла сознание. Когда пришла в себя, увидела рядом наш самолет. Он лежал, перевалившись набок, весь изуродованный, без одного крыла. Пилот и его помощник копались в моторе, словно не видя, что птица-то наша однокрылая и не улететь нам на ней.

Наутро я летела уже на другом самолете, тоже с двумя летчиками. Когда они начали готовиться к приземлению, я уговорила их сделать посадку в Быкове. Оттуда я быстро могла добраться до Наркомздрава. Летчики согласились, но предупредили, что по-настоящему останавливаться не будут. И действительно, они почти на ходу выбросили меня с моим маленьким чемоданчиком, а сами взвились в небо.

Навстречу мне бежали люди, раздавались свистки.

— Откуда вы взялись?

Я даже растерялась от такой встречи. Остановилась и стою, не зная к какой группе бегущих направиться. Наконец попала в окружение военных людей.

— Мы должны были стрелять!

— Кто эти летчики и куда они улетели?

Не так-то просто было сразу ответить на град вопросов. Пыталась объяснить, кто я и как оказалась на аэродроме, сказала, что только отсюда я знаю дорогу в Наркомздрав, что это я попросила летчиков приземлиться на этом аэродроме. Но мои доводы на окруживших меня людей не действовали.

Мне объяснили, что в военное время никакой самолет без предварительной заявки не приземляется на аэродроме. По установленному порядку они должны были в меня стрелять.

— Летчики будут строго наказаны. Ведите гражданку к товарищу Федотову.

Каково было мое удивление и радость, когда я увидела этого Федотова, начальника аэродрома. Это был тот пилот, с которым мне пришлось недавно лететь. Разумеется, я быстро уговорила его не наказывать летчиков, напомнив ему о нашем приземлении, тоже без разрешения, в Куйбышеве. После дружеской беседы он отправил меня на своей машине в Наркомздрав.

Несколько дней отдыха в Москве — и снова в путь: полетела в Красноводск, тоже для проверки профилактических мероприятий.

В Красноводске было много людей, эвакуированных из разных городов. На самом берегу моря расположились сотрудники и студенты Краснодарского медицинского института. Научным руководителем института был друг моего детства Володя Попов. Он все пожимал плечами:

— Зачем задерживаемся в этом городе, где мало воды и много мух? Зачем всех поголовно исследуют на носительство холерного вибриона, дают пить фаг?

В нашей бригаде — постоянный мой спутник во время войны Рагозин; начальник лечебного управления Наркомздрава Александровский; веселый и остроумный, всеми уважаемый бывший нарком Туркмении Тимаков. Все мы жили в одном госпитале и поздно вечером, вернее, по ночам подводили итоги дня.

Когда все необходимые профилактические мероприятия были сделаны в Красноводске, мы спокойно вылетели в Москву, где нас ждала увлекательная и такая нужная работа с пенициллином-крустозином.

Полученный в нашей лаборатории первый советский пенициллин-крустозин делал чудеса. Он задерживал рост микробов — стрептококков и стафилококков, вызывающих сепсис (заражение крови); рост пневмококков — возбудителей воспаления легких, задерживал рост возбудителей анаэробных инфекций газовой гангрены. Замечательные результаты были получены Т. И. Балезиной и Н. М. Фурер при стафилококковом и стрептококковом сепсисе у мышей. Все контрольные мыши, зараженные этими микробами, погибали через 48 часов, а все 100 процентов мышей, которых мы лечили нашим пенициллином, выздоравливали. На свинках удалось показать защитное действие пенициллина и при заражении возбудителем газовой гангрены. Аналогичные данные были получены и на жеребятах.

Экспериментальные данные позволили начать клинические испытания пенициллина-крустозина в клиниках академиков Н. Г. Руфанова, Н. И. Гращенкова, В. Я. Шлапоберского и в детской клинике профессора Г. Н. Сперанского. Одновременно в лаборатории продолжалась работа по дальнейшей очистке и получению в сухом виде пенициллина-крустозина М. М. Левитовым, В. А. Севериным, Е. Н. Лазаревой и Ф. Р. Цуриковым.

Каждую неделю по четвергам в моем кабинете собирались профессора, врачи, хирурги и нейрохирурги, кожники, педиатры, терапевты. Спектр действия пенициллина поражал своей широтой. Все делились результатами первых испытаний. С каким трепетом ждали мы, что скажут врачи о первых больных, которых лечили с помощью нашего пенициллина!..

И вряд ли кто-нибудь из нас забудет первый исторический четверг в конце ноября 1942 года.

— Больной Шамаев,— читает доктор А. М. Маршак,— получил осколочное ранение левой голени с повреждением костей. На четвертый день по поводу выраженной анаэробной инфекции голени и бедра ему была произведена ампутация бедра. Очень тяжелое послеоперационное течение. Серофаготерапия, внутреннее вливание стрептоцида результата не давали. При посеве крови выделен стафилококк. После лечения в течение шести дней пенициллином посевы крови стали стерильными, состояние больного улучшается.

— Второй больной — Гордеев,— продолжал доктор,— с ожо-

гами тела третьей степени (горел в танке). При применении пенициллина-крустозина состояние улучшается.

Больной Ш. получил слепое осколочное ранение правой половины грудной клетки. Высокая температура, стафилококковая бактеремия. Произведена резекция восьмого ребра. Через четыре дня после лечения пенициллином-крустозином посевы крови стерильны, через шесть дней — нормальная температура. Общее состояние хорошее.

Делится своими впечатлениями В. Я. Шлапоберский, который тоже говорит о хороших результатах, полученных у него в клинике. Он ставит вопрос, в каком количестве и как лучше впрыскивать препарат: внутримышечно или внутривенно.

— Почему в некоторых случаях повышается температура? Не лучше ли, чтобы избежать болезненности, применять пенициллин-крустозин с новокаином?

Василий Яковлевич подробно рассказывает про больного Мальцева, у которого сквозное осколочное ранение левого коленного сустава. Через три дня после ранения произведена первичная обработка раны, еще через две недели под гипсовой повязкой обнаружено гнойное воспаление сустава. Сустав вскрыт, но состояние не улучшается. Воспаление распространяется на голень. Произведена операция — широкий разрез голени. Через несколько дней — воспаление печени и воспаление легких. Температура 40°, пульс 120 в минуту, потрясающий озноб, бессонница. Ярко выраженная картина общего тяжелого заражения. Начато лечение пенициллином-крустозином. Через десять дней температура падает до нормы. Рана заживает. Выздоровление.

Обрадовала нас также доктор Р. А. Гамбург, сияющая, взволнованная.

— Мы испытали ваш препарат на безнадежном случае скарлатины,— быстро говорила она,— и были живыми свидетелями картины, которую смело можно назвать возвращением с того света.

Весть о чудесных свойствах пенициллина-крустозина разнеслась с быстротой молнии. Со всех сторон посыпались письма. Больше всего это были письма солдат и офицеров, мечтавших о скорейшем возвращении в строй и просивших, чтобы мы не теряли ни одной минуты и исцелили их от тяжелых послераневых осложнений.

Потребность в пенициллине росла с каждым днем, а мы выпускали его еще очень мало. Я поставила вопрос о расширении производственной лаборатории. А пока термостаты ставим, где

только можно, даже на квартире профессора Фролова, живущего в здании института.

Со всеми этими вопросами я обращаюсь к наркому.

Вскоре нужда в таком доморощенном производстве ценного препарата отпала. Решением правительства нам было разрешено на одном из московских заводов организовать пенициллиновый цех. Самым сложным вопросом в налаживании для заводского производства препарата оказались питательные среды, на которых растет плесень. Мы выяснили, что пенициллина образуется больше, если в среду добавлять сахар, особенно молочный.

— Ишь чего захотела — сахару для грибка! — вскочил с места начальник снабжения наркомата, когда узнал, зачем я пришла к нему.— Нет и не будет твоему грибку сахару. Он мне нужен для людей. Придумайте более подходящие среды.

Конечно, нам помогли в создании нужной питательной среды, и производство пенициллина было налажено, выпускали даже в сухом виде.

Через несколько месяцев нам удалось привлечь к этому большому делу также эндокринный завод.

Я всегда вспоминаю с особым теплом и благодарностью директора эндокринного завода Рахиль Иосифовну Коган, которая с исключительной энергией взялась за выпуск пенициллина. Она настойчиво обращалась к директорам многих заводов с просьбой помочь в организации выпуска исключительно важного лечебного средства. И на эндокринный завод начали поступать разные материалы — от кирпича, метлахских плиток до огромных центрифуг, которые подавляли своей массой наши лабораторные аппараты.

Десятки высококвалифицированных работников завода занимались устройством весьма солидного по масштабам 1943 года пенициллинового завода.

Количество пенициллина быстро увеличивалось еще благодаря тому, что его производство было налажено также на мясокомбинатах в Москве и других городах. В первое время грибок выращивали на мясных бульонах, поэтому мясокомбинаты и взялись за новое для них дело.

Сотрудники нашего отдела организовали маленькие лаборатории по производству пенициллина даже в госпиталях Баку, Кисловодска, Сухуми. Выпускалось ими, конечно, ничтожное количество препарата.

В январе 1944 года в Москву приехали известный английский ученый профессор Флори и доктор Сандерс из Лондона,

которые в Англии вместе с Флемингом получили первый пенициллин. С ними приехал и профессор Гестинг из Америки.

На заседании Ученого совета Наркомздрава мне было дано слово для сообщения о полученном в СССР пенициллине. Профессор Флори рассказал об английском препарате, который был испытан вначале на четырех больных. Из-за отсутствия средств в Англии Флори должен был в 1943 году отправиться в Америку для организации производства пенициллина.

Английские ученые понятия не имели, что у нас имеется собственный пенициллин, полученный из плесени пенициллиум-крустозум и изученный на 1200 больных, о том, что у нас налажено, хотя и небольшое, производство пенициллина.

Профессор Флори привез свой стандарт пенициллина и некоторое количество препарата, которое он захотел сравнить с нашим.

Высокий приветливый Флори и доктор Сандерс расположились в лаборатории нашего отдела на Воронцовом Поле, 8, чтобы вместе с сотрудниками лаборатории Т. И. Балезиной, Н. М. Фурер, К. И. Германовой и мной проверить активность нашего и английского пенициллина.

Разумеется, мы всю ночь не спали, волновались, думали о том, какова будет активность нашего штамма на английской среде, при испытании новым для нас методом. Какая же была наша радость, когда, открыв запломбированные термостаты и измерив на чашках зоны задержки роста, Флори торжественно заявил, что наш штамм немного активнее английского — 28 единиц в миллилитре. Активность английского штамма была 20 единиц. Наконец, Флори и Сандерс решили поставить в клинике профессора И. Г. Руфанова опыт сравнительного изучения действия на больных советского и английского пенициллина.

Огромная, светлая, просторная палата. Здесь лежат 12 бойцов, все в одинаково опасном положении. Шесть справа и шесть слева. У них — заражение крови, сепсис. Лежащих справа лечат нашим препаратом, слева — английским. Каждый день после работы мы отправляемся в Яузскую больницу и почти всегда застаем там профессоров Флори, И. Г. Руфанова, А. М. Маршака.

Спор, в сущности, идет о дозах, и по тем временам довольно значительный спор, так как пенициллин был тогда редкостью и лечить приходилось в основном тяжелораненых. Вот почему и англичан интересовал вопрос о том, могут ли маленькие дозы

нашего пенициллина быть действительно активными. Последние дни проверки... Уже на десятый день было ясно, что все наши раненые находятся на пути к выздоровлению, правда, не отстают и английские подопечные, но они получают по 100 000 единиц в один прием, а наша шестерка в десять раз меньше.

На совещании в больнице и на Ученом совете Наркомздрава профессор Флори говорит о высоком качестве нашего препарата и поздравляет нас с первой победой.

Теперь, когда оба соперничающих штамма плесени заменены третьим, лучше растущим, я вспоминаю о драгоценных свойствах пенициллина-крустозина, который в таких маленьких дозах спасал людей.

Осень 1944 года... Большая бригада в составе Главного хирурга Советской Армии генерал-полковника медицинской службы Н. Н. Бурденко, руководителя бригады нейрохирурга Н. И. Гращенкова, хирургов А. М. Маршака и О. В. Николаева, М. И. Португалова, патологоанатомов А. П. Авцына, В. А. Рыковой, микробиологов И. В. Равича, К. И. Германовой и меня отправилась на 1-й Прибалтийский фронт.

Бригада должна была испытать пенициллин-крустозин в полевых условиях. Нужно было выяснить его профилактическое действие, у тяжелораненых при введении пенициллина в первые часы после ранения не допускать тяжелых осложнений. Необходимо было проверить возможность применения пенициллина непосредственно после ранения, а затем на всем пути следования раненых в тыл. Большое «П» стояло на сигнальной карте, которая присоединилась к истории болезни, и эта ничем не замечательная буква приковывала к себе внимание всех. Правда, внимание было разное, так как не все верили в силу нового препарата. Но скоро пенициллин получил признание и на фронте.

Главный хирург со своим многочисленным штабом остановился в Двинске. Путь следования раненых от фронта до Двинска разбит на три этапа, и на каждом промежуточном пункте раненые с буквой «П» отбираются в отдельную палату. Врачи всех специальностей изучают картину болезни. Из Двинска эти раненые направляются в санитарных поездах прямо в Москву, где дается окончательная оценка профилактическому действию пенициллина.

Из Двинска мы отправились в Шяуляй, находившийся в четырех километрах от фронта. Нам надо было применить препарат в первые часы после ранения.

Большой сортировочный госпиталь, расположенный в старинном доме, был переполнен. Вся наша бригада начала помогать товарищам просматривать истории болезни, отбирать среди них те, на которых стоял сигнальный пенициллиновый знак «П». В госпитале были тяжелые случаи, и из наиболее тяжелых были два столбнячных больных, которым кроме сыворотки начали вводить через каждые три часа пенициллин. И эти больные были спасены.

Почти ежедневно, вернее, каждую ночь приходил к нам в госпиталь начальник санчасти фронта генерал А. И. Бурназян, который очень помогал нашей бригаде. Он приходил смотреть раненых, в частности тех, которым давали пенициллин.

У одного раненого, с тяжелым огнестрельным повреждением верхнего плечевого пояса, вспыхнула газовая гангрена. Ампутация верхней конечности была бесполезна, так как инфекция перешла на туловище. Несмотря на широкие разрезы и применение противогангренозной сыворотки, состояние больного быстро ухудшилось, и положение его казалось безнадежным. По нашему предложению больного начали лечить пенициллином внутривенно и местно. Спустя три дня больной начал выходить из тяжелого состояния и вскоре совсем поправился.

А сколько раненых было спасено профессором П. И. Гращенковым в Александрии и Ретове с диагнозом: слепое пулевое проникающее ранение в височно-теменную область! Трепанация черепа, удаление пули, вскрытие абсцесса мозга и промывание полости пенициллином давали блестящие результаты.

Все было бы хорошо, если бы Главный хирург Н. Н. Бурденко не мучил нас докладами, которые мы должны были представлять в письменном виде. Всегда спокойный, выдержанный, безукоризненно точный, А. П. Авцын делал это лучше всех. Большей частью с докладами отправлялась я, часто в сопровождении, так как дорога к Главному хирургу простреливалась неприятелем. За свою долгую жизнь Главный хирург сумел заметить существенную разницу между словом письменным и устным. Иногда он делал вид, что ничего не слышит. Говорил, что его «проклятая машина» — слуховой аппарат — опять поломалась, и протягивал собеседнику карандаш и блокнот. Записочка прочитывалась и пряталась. Неприятности имели те, кто, забыв, что их мнение зафиксировано, через день, другой говорили противоположное.

Последнее мое путешествие к Н. Н. Бурденко показало, что он очень доволен первым опытом профилактического применения пенициллина. Действительно, результаты были замеча-

тельные: 600 человек с огнестрельными ранениями бедра, коленного и тазобедренного суставов, то есть самые тяжело раненные, получив профилактически с первого дня ранения пенициллин по 50 000 единиц ежедневно в течение недели, выздоравливали!.. Нам удалось доказать высокую ценность пенициллина как профилактического средства при применении в первые часы после ранения.

В Шяуляе собралась итоговая конференция. Съехалось много фронтовых врачей. Прибыли начальник санчасти фронта А. И. Бурназян, а также только в последние дни уверовавший в пенициллин главный хирург Прибалтийского фронта Н. И. Гуревич. Прибыл и главный эпидемиолог фронта и наш неизменный помощник И. И. Елкин. Я сделала предварительный отчет. У всех в памяти остались необыкновенные таблицы, которые подготовил художник к моему докладу. Темнело в глазах, когда я смотрела на эти таблицы: на температурные кривые двигались танки с грозно нацеленными орудиями, разрывы бомб бросали страшный отсвет на итоги концентрации пенициллина в крови, стройные колонны цифр были атакованы красивым разноцветным дымом. На конференции таблицы имели шумный успех.

Наш пенициллин выдержал экзамен на фронте, где спас жизнь многим бойцам.

А. И. Бурназян сердечно благодарил нашу бригаду за огромную работу, проявленное мужество, в заключение сказал, что очень рад отправить нас в целости, так как наша бригада «лезла» в самые опасные места. Его не удивляла наша храбрость. Он, конечно, знал, что только на передовой мы могли предупредить развитие раневых осложнений, в первую очередь газовой гангрены и сепсиса, вводя раненым пенициллин-крустозин на самых передовых участках фронта.

9 мая 1945 года... По радио обращаюсь к А. И. Бурназяну, И. И. Елкину, ко всем тем, с кем приходилось сталкиваться на 1-м Прибалтийском фронте, с горячим поздравлением по поводу блестящей победы. В тот великий день я была полна радостным чувством, горда от мысли, что и мы, коллектив ВИЭМ'а, внесли в победу свою, пусть самую маленькую, долю.

Наш дом обслуживает почтальон, которого мы уже знаем не один год. И он знает почти всех, кто нам пишет.

— Вам письмо от Мельникова. Привет ему,— и почтальон протягивает письмо с обратным адресом лейтенанта.

Мельников уже давно демобилизован из армии, а для меня он всегда лейтенант...

Как-то в 1942 году, когда я только пришла с работы, раздался стук в дверь. Высокий, стройный военный стоял на пороге, улыбался.

— Мне Тамару, не вы будете? — обратился он.

— Я,— ответила и почему-то смутилась.

Может, потому, что слишком молодым был этот военный, а мне в то время только двадцать третий пошел. К тому же в комнате было не убрано; как ушла чуть свет на работу, так все и осталось.

Военный, видя мое смущение, еще шире улыбнулся. Затем выпрямился и проговорил четко, по-военному:

— Лейтенант Игорь Мельников. Будем знакомы. Я вам обязан: вы спасли мне жизнь...

Я с удивлением посмотрела на гостя, ничего не понимая. Откуда он взялся, такой высокий, широкоплечий, сероглазый, улыбающийся? Знала точно: не встречался мне такой.

В комнате лейтенант открыл полевую сумку и сразу достал оттуда небольшой листок бумаги: видно, лежала она сверху.

— Трехгорный вал, 4, общежитие Трехгорной фабрики,— прочитал он.— Все так, ошибки нет. Да, Тамара, вы спасли мне жизнь. Слушайте дальше...

Лейтенант бережно разгладил на полевой сумке записку и прочитал:

«Дорогой товарищ. Если моя кровь поможет вам поправить свое здоровье, сообщите мне об этом».

— Вы писали? — спросил лейтенант, продолжая улыбаться.

Да, это был мой почерк. И тут я все вспомнила.

На третий день войны вместе с подругами — ткачихами «Трехгорки» пошла я в Институт переливания крови. Пришли рано, но у массивных дверей института уже стояло много народу, почти все женщины. Они стояли молчаливые, спокойные, строгие... Прошло еще около часа — и мы в регистратуре.

— Примите мою кровь! — твердо сказала я, не узнавая своего голоса.

— И мою возьмите,— слышу за спиной голос Сысоевой из крутильного цеха, секретаря комсомольской организации.

Подходят к регистратуре также Комарова из печатного цеха ситценабивной фабрики, секретарь партбюро прядильного цеха Калашникова. У всех блестят глаза. Румянец залил щеки.

Девушки отдавали все, что могли, лишь бы помочь фронту. Лишь бы оживить сердца раненых воинов, наполнить их новой жизнью.

Времени в институте не теряли. Не успела я переброситься с подругами словом, как на руках у меня была карточка. С гордостью прочитала в ней, что такая-то, двадцатитрехлетняя ткачиха с «Трехгорки», стала донором. И тут же оказалась в операционной. С хромированной поверхности бачка для перевязочных материалов на меня смотрела девушка в белом халате и круглой докторской шапочке. «Неужели это я?» — подумала, вглядываясь в отражение на металле.

Когда острый шприц вонзился в тело, было больно, но я терпела, стиснув зубы.

— Берите, берите, сколько нужно...— выдохнула.

Но кровь отцеживали в строгой дозе, не больше четырехсот граммов. Это то количество, какое необходимо одному человеку, одному бойцу, доза, которая возвращает ему жизнь. Подумала: «Кто он, этот боец? Кому перельется моя кровь?» Захотелось

узнать, получить от него письмо. И я тут же набросала на клочке бумаги несколько строк неведомому воину.

Из операционной снова направили меня в регистратуру. Там уже было несколько наших девушек. Каждая с гордостью заявляла:

— И я отдала свою кровь!..

В регистратуре нам предложили плату за донорство, но мы наотрез отказались от денег. Не ради них бежали мы до работы в институт.

— Может, эти деньги в фонд обороны отдать? — предложила Калашникова.

Тут же было написано общее заявление в дирекцию института. До сих пор у меня хранится расписка на эти деньги. Бывает, попадется под руку среди бумаг, и вспоминаешь далекие дни — о том, как сдавала кровь, как приклеила к пузырьку с кровью записку...

О письме воину, которому перельют мою кровь, я и вспомнила, слушая лейтенанта. Он приехал через несколько месяцев после посещения мной института. Сидел в моей комнате веселый, с ярким румянцем на щеках. Я с любопытством разглядывала своего гостя.

— Вот вы какой!

И подумала, что у Мельникова было сходство с моим братом, тоже лейтенантом. Такие же серые глаза, такой же рост, широкие плечи. Брат ушел в первые дни войны на фронт, и больше о нем я не слышала.

— Вы спасли мне жизнь! — повторил Мельников.

И он рассказал, как был тяжело ранен. Осколок свалил его на третий день войны. Подразделение, в котором он служил, шло в атаку. В это время появился вражеский самолет. Он обстрелял атакующих снарядами, видимо, не хватило бомб. Больше лейтенант ничего не помнил. Когда вернулось к нему сознание, увидел белую стену и окно. Госпиталь. Он выздоравливал. Силы возвращались с каждым днем. Когда ходил уже по палате, ему показали пузырек с моей запиской. Собирался написать, но вскоре получил приказ о переводе в другую часть. Ехать пришлось через Москву. Снова на фронт.

И вот он сидит у меня. Такой же, как мужчины с «Трехгорки», ушедшие на фронт. Хотелось узнать о нем больше, заглянуть в его жизнь. Но гость опередил.

— Ну, а вы как живете? — спросил он.

— Обычно,— проговорила, не зная, что сказать. Подумав, добавила, что перешла с восьми на двенадцать станков. В то

время на нашей фабрике все были многостаночниками. Рассказала также об учебе на курсах медсестер. Многие тогда записались в санитарную дружину. Матюнова, дружинница, уехала уже на фронт. Пять комсомольцев из нашего цеха также ушли в армию.

— Да, забыла сказать: я комсорг.

— Комсорг? — оживился Мельников.— Может быть, нужна помощь?

Оказалось, он до войны был секретарем комсомольской организации на одном из заводов Куйбышева.

Сколько раз я собиралась с фабричной экскурсией на Волгу. Хотелось повидать свет, побывать в волжских городах, о которых часто приходилось читать. Из Москвы я никогда до войны не выезжала. Война изменила все планы.

Пришел лейтенант в общежитие и на следующий день. Я повела его на фабрику. Шли по широкому фабричному двору, мимо красных корпусов, населенных трехгорцами. Там жила и умерла моя мать, ткачиха. В одном из корпусов помещалась школа ФЗУ, которую я окончила.

Потом завернули на тихую заставу, к тетке моей Матрене Акимовне, тоже ткачихе. Она была на пенсии. Когда я решила отдать кровь, тетка сердилась, говорила глухим старческим голосом:

— Сама изведешься!

— Нет,— отвечала я.— Фабричный врач говорил, что гемоглобина у меня достаточно.

Тетка не знала, что такое гемоглобин, хотела произнести непонятное ей слово и запнулась.

— Придумают такое. Накличешь на себя беду, накличешь,— ворчала.

— Ах, тетя Матрена, эгоистка ты, настоящая эгоистка. И сама здорова буду и другим помогу, здоровье дам. Люди защищают нашу жизнь. Понимать надо,— сказала я улыбаясь.

Добрая была тетя Матрена, поворчит-поворчит, а потом пожалеет. После смерти матери она заботливо воспитывала меня.

Тетка не сдавалась, разводила руками.

— Кому же ты поможешь? — недоверчиво спрашивала.

И вот я привела того, кого спасла от смерти моя кровь. Матрена Акимовна взглянула исподлобья на веселого, крепкого парня. Морщинистые щеки ее вздрогнули. Она придвинула незнакомому стул.

— Вот он! — сказала я, представляя тете лейтенанта Мельникова.— Вылечился. Говорит, моя кровь помогла...

Честно говоря, я неслучайно привела лейтенанта к тете — гордилась и радовалась за то, что моя кровь не пропала даром. Это была радость за товарища. «Он вернется на фронт, и в одержанной победе будет частица и моего участия»,— думала я.

В тот же день проводила Мельникова на вокзал. В руках у меня были цветы, сорванные тетей в палисаднике. Поезд судорожно вздрогнул, порываясь уйти немедленно. Я протянула лейтенанту букет тетиных цветов, крепко пожала ему руку и, когда поезд тронулся, вместе с другими провожающими фронтовой состав пошла по перрону.

— До свиданья! — кричала вдогонку под стук колес.— Возвращайтесь с победой...

Вскоре я опять отправилась с подругами в Институт переливания крови. И ходила туда снова и снова. Отдала свыше пяти литров крови.

«Если нужно будет, еще спасу своей кровью»,— писала лейтенанту Мельникову на фронт.

В 1945 году, когда кончилась война, он снова заехал ко мне. Такой же веселый, здоровый. Ехал в Куйбышев на побывку к родным. Потом и совсем демобилизовался. Работает на том же заводе, где был когда-то комсоргом. Обзавелся семьей, дети теперь есть. Фотография его семьи у меня в комнате на видном месте. Не забывает, и жена письма присылает, словно родными стали. Зовут в Куйбышев в гости, да никак не соберусь — все дела, у самой ведь семья теперь немалая. К тому же работа на нашей славной «Трехгорке». Там, где работали ткачихами моя мать, тетя Матрена, куда рвутся и мои дети.

Работаю, дорожу жизнью, которую защищала в годы войны своей кровью.

М. С. КРУКОВСКАЯ

ВСЕ ОНИ МОИ СЫНОВЬЯ

Недавно я встретила на Тверском бульваре, у нас в Москве, женщину, которая легко подталкивала кресло-самокат. В кресле сидел совершенно седой мужчина лет сорока. Ни рук, ни ног у него не было.

И тут я вспомнила 1943 год. В крупнейший в Москве госпиталь, в районе Ленинградского шоссе, привезли жестоко искалеченного 23-летнего лейтенанта. Раненный в разведке, он был найден лишь спустя несколько дней и доставлен в полевой санбат в бессознательном состоянии. Спасать раздробленные конечности было поздно. В Москве его пришлось несколько раз оперировать. Запущенные раны долго не заживали. Больной сильно страдал. Днем, к удивлению всего медперсонала, он находил в себе силы даже шутить. Но по ночам давал волю своим чувствам. До войны лейтенант был механиком. И в госпитале он испытывал странное ощущение: ему казалось, что в своей ампутированной руке он держит гладкую стальную деталь, даже чувствует ее тяжесть и холодок.

Лейтенанта никто не навещал. В Москве у него не было ни близких, ни знакомых. Родители были далеко, в Карелии. С фронта он писал им часто, но после случившегося с ним несчастья стал посылать только телеграммы, скрывая от стариков правду.

В госпитале за ним самоотверженно ухаживала одна девушка из группы общественниц. Потом заменила ее другая общественница, незадолго перед этим пережившая большое горе — потерю мужа на фронте. Звали ее Шурой.

Последняя операция принесла лейтенанту особенно сильные страдания. Шура все свое свободное время проводила у раненого. Она переворачивала его, чтобы не допустить пролежней, умывала, поила и кормила из своих рук, читала ему, писала за него телеграммы родным, всячески успокаивала и отвлекала от мрачных мыслей, предупреждала все его желания.

В палате все раненые относились к Шуре с глубоким уважением и нежностью, видя, как она скрашивает жизнь их товарища.

Наступило время выписки лейтенанта из госпиталя. Больничная обстановка ему очень надоела, но куда деваться одинокому человеку?

Начальник госпиталя выписал ему путевку в санаторий, многие женщины-общественницы наперебой предлагали остановиться у них на квартире до отъезда к родным. А Шура убеждала его переехать к ней. Он долго отказывался, боясь обременить ее. Но Шура сумела найти ласковые слова и убедительные доводы и сломила его упорство. Спустя некоторое время они поженились.

Сколько случаев нежной заботы женщин-общественниц о раненых воинах Советской Армии в годы Великой Отечественной войны еще вспомнила я, глядя на мужчину без ног, без рук...

В 1942 году война отняла у меня единственного сына. Свою безмерную материнскую любовь к сыну я перенесла на раненых. Когда шла в госпиталь, всегда торопилась, почти бежала, и чувство было такое, словно там лежал мой сын. Часто не выходила из палаты по нескольку суток. Может, за то, что целиком отдавала себя госпиталю, раненые называли меня «наша мамаша».

За время войны я прочитала 1644 лекции. Использовала также умение рисовать и чертить. Вычерченной мной картой военных действий постоянно пользовались в госпитале, информируя раненых о событиях на фронтах. Часто я приносила из дому книги, альбомы с репродукциями картин знаменитых русских и иностранных художников. Показывая репродукции раненым, рассказывала им о живописи, о художниках, о чем многие из них слышали впервые.

— Это так интересно, что и про боль забываешь,— говорили мои дорогие слушатели.

Мой муж, профессор Круковский, принимал самое близкое участие в жизни госпиталя. В письмах ко мне бывшие раненые никогда не забывали передать «сердечный привет папаше».

Вот одно из таких писем:

«Здравствуйте, дорогие родители, папаша и мамаша! Первым долгом сообщаю, что нахожусь в городе Дзержинске. Дорогие родители, я вам пишу о своей жизни, как родным отцу и матери, потому что я уже не видал родительского ласкового обращения с июня месяца 1941 года до тех пор, когда я попал в ваш госпиталь и вы в первый раз зашли к нам в палату и всех нас обласкали горячим материнским чувством».

Писали не только бойцы, но и их родные. Так, колхозница — жена бойца, которого выходили общественницы, писала мне:

«Никогда не забуду вашей заботы о нас. И шлют вам мои дети привет, старшая дочь Тамара тоже шлет вам пламенный привет, и даже весь наш колхоз. Видим мы, знаем, что вы ходите за нашими мужьями, сыновьями, и большое вам за это спасибо».

Когда я заболела гриппом, раненые ежедневно присылали мне записки: «Мамаша! Мы вас очень просим не выходить в холодную погоду, а то в ваши годы можно опять слечь в постель. Горячий привет, с нетерпением ждем вас. Выздоравливайте!»

Трогательная любовь бойцов к нам, своим «духовным врачам», как они называли общественниц, ко многому обязывала. И мы, общественницы, старались быть для воинов духовными врачами.

Вспоминается такой случай. В госпиталь привезли в крайне тяжелом состоянии танкиста. Сознания он не терял, но не произнес ни одного слова. Было ясно, что кроме контузии на состояние раненого влияет какое-то личное горе. Однажды он знаками попросил карандаш. Женщины прочитали: «Моя жена и дети остались у немцев. Не знаю, что с ними». Так началась переписка между общественницами и раненым танкистом. Они, как могли, ободряли воина, убеждали, что он должен жить хотя бы для того, чтобы освободить семью, отомстить за нее.

Лечение и забота общественниц помогли — танкист выздоровел. Уезжая на фронт, он собрал все записочки, перевязал их аккуратно и уложил в вещевой мешок.

— Никогда не забуду вашей заботы, дорогие. Поддержали вы меня в трудную минуту,— сказал танкист, забрасывая за плечи вещевой мешок.

Большинство женщин-общественниц работали на тех предприятиях, в учреждениях, которые шефствовали над госпиталем.

Почти каждый день в палатах можно было видеть группы людей в гражданской одежде.

— Шефы пришли,— слышались радостные возгласы раненых.

Шеф — комбинат «Правда» ежедневно присылал раненым 900 номеров своей газеты. Работники редакции часто выступали в госпитале с докладами о международном положении. Общественницы-правдистки приносили больным воинам книги и журналы.

Обком союза госторговли систематически снабжал раненых папиросами, спичками, морсом, овощами, фруктами.

От треста парикмахеров в госпитале работало в общественном порядке 86 мастеров.

Работники милиции приходили в госпиталь, чтобы помочь переносить раненых.

В военное время швеи фабрики «Красная оборона» работали по 11 часов. Большинство из них жили за городом. И все-таки они находили время для дежурств в госпитале. Некоторые дежурили до работы, другие — после работы.

Швеи-общественницы помогали санитаркам производить уборку в приемном отделении, санпропускнике, палатах. И ремонт шинелей был почти в их руках. Только в 1943 году они отремонтировали несколько тысяч шинелей. Мастера иглы обновляли шинели с оторванными рукавами, обгоревшими полами, простреленные, изрешеченные осколками снарядов. Ремонтировали так, что трудно было заметить починку.

Всегда можно было видеть в госпитале юрких ребят из школы № 218. Каждый класс обслуживал одну из палат. По субботам школьники устраивали в палатах самодеятельные концерты, декламировали, пели хором, танцевали, преподаватели выступали с различными докладами.

Еженедельно ученики вместе с преподавателями после учебы являлись в госпиталь и принимались за починку нательного и постельного белья. В 1943 году они перечинили 21 тысячу штук белья. Одна из младшеклассниц, Лида Коновалова, пришила тысячу пуговиц и очень гордилась этим. Когда работы было много, школьники брали починку на дом. Возвращали они

белье не только починенным, но и выглаженным, сложенным стопками, трогательно перевязанными лентами.

Помню подростка Витю — фамилию забыла. Он работал на заводе. В свободное время приходил ухаживать за ранеными: кормил лежачих, оказывал им всевозможные услуги. Витя был любимцем всего госпиталя.

Его отец был тяжело ранен на фронте. В одном из московских госпиталей он скончался. В тот день, когда Витя узнал о смерти своего отца, он, хотя и заплаканный, в положенный час явился на дежурство. Мальчика уговаривали пойти домой, но он наотрез отказался, заявив:

— Тяжело мне очень. Но дежурить я буду. Так бы мне и папа сказал...

Самой высокой оценкой работы женщин-общественниц в госпитале была глубокая благодарность тех, кому они отдавали дни и ночи. Правительство наградило меня за работу в госпитале орденом «Знак почета».

Прошли годы, теперь я старая, совсем старая. И как согревают меня теплые письма тех, у постелей которых когда-то просиживала сутками! Они помнят старую женщину, отдавшую им частицу своего материнского сердца, пишут, словно родные, любимые сыновья.

Да, все они мои сыновья...

ТРИ ТЫСЯЧИ КИЛОМЕТРОВ В ПУТИ

ТВЕРДО ВЕРИМ, ЧТО СНОВА ЗАСИЯЕТ СОЛНЦЕ

В конце августа 1941 года секретарь партийной организации колхоза Владислав Флорианович Рожновский побывал в райкоме партии и, вернувшись, тут же собрал колхозников.

— Враг находится близко,— сказал секретарь, стараясь не выдавать своего волнения.— Колхозное добро нельзя оставлять захватчикам. Мы должны немедленно двинуться в путь.

Женщины — в плачь. Старики насупили брови. Не легко вдруг оставить родные места. И в то же время все понимали: нужно!

— Давай, партийный секретарь, командуй,— сказал кто-то из стариков,— выстоим непременно. Не на веки ж вечные покинем родную землю. Извергам не избежать гибели.

С непокрытой головой слушал Рожновский колхозников. Их решимость в час серьезных испытаний радовала его сердце. Глаза словно говорили: вот какие у нас в колхозе люди выросли.

Не теряя драгоценного времени, Рожновский огласил разработанный правлением колхоза план эвакуации людей и колхозного добра.

— Завтра — в путь! Старшим групп после собрания остаться...

Утром 27 августа, несмотря на дождливую погоду, колхоз снялся с места и двинулся в поход. Пастухи Иван Марченко, Василий Никоненко, Тимофей Пушкаренко гнали встревоженный скот. Вслед за табунами животных — а их было около трех тысяч голов — тянулись 64 подводы. На длинных украинских арбах уложены самые необходимые домашние вещи. Сверху на сене разместились дети и самые старые колхозники.

На два километра растянулся колхозный караван.

Когда поднялись на кряж, остановились. Нашим глазам открылась родная картина: артельный сад, озеро, добротные дома, клуб — все, чем жили и дышали. Сердце сжалось от боли.

...Первый день похода клонится к вечеру. Ночевать остановились в колхозе «Червоный прапор» нашего же района. Отсюда, несмотря на большое расстояние, видны пожары в Днепропетровске и Запорожье. В небе ярко светятся трассирующие пули. В степи горят скирды.

Колхозникам не спалось. Тяжелые думы не давали покоя труженикам земли, думы за судьбу колхоза, за судьбы родной земли, над которой нависли тучи смертельной опасности. Нет, это не панические мысли. Мы твердо верили, что черные орды фашизма будут сломлены, враг будет разбит и снова засияет солнце.

Утром опять сырая, холодная погода. Но гурты крупного рогатого скота, овец, свиней и лошадей снимаются и движутся дальше. За ними тянутся, поскрипывая, арбы. Вдруг низко над нами проносятся вражеские самолеты. Километра за три стервятники сбросили бомбы на железную дорогу.

Для нас это сигнал. Старший по эвакуации Рожновский требует, чтобы подводы шли на большем расстоянии друг от друга.

И снова дорога... Женщины, старики и подростки по строго установленному графику гонят скот, остальные идут за подводами. На арбах — только дети, инвалиды и глубокие старики. Самая молодая участница похода Валентина Трофимовна Дудник. Ей всего 28 дней от роду. Самой старшей — Ольге Терентьевне Кузнецовой — 104 года.

На коротких привалах в котлах, снятых с арбы, получившей название кухни, женщины готовят неприхотливую пищу, пахнущую дымом. С переливами выговаривает гармошка, и по широким степям разносится бодрая песня советских крестьян, которых никогда и никому не удастся покорить. Измученные лишениями люди с энтузиазмом поют хорошо запомнившиеся

Эвакуация колхозного стада из западных районов страны на восток. 1941 г.

песни; словно солдаты, подтягиваются навстречу новым трудностям.

Видно, по дороге прошло много гуртов скота: обочины ее вытоптаны, вода выпита. Это приносит нам новые трудности. Но мы не унываем.

9 сентября утром разносится весть: ночью родилась девочка — Тамара Журавель. Все взволнованы. Значит, думалось, жизнь идет, никакому Гитлеру ее не остановить. Колхозники спешат поздравить Александру Михайловну Журавель, любуются ее малюткой.

...На семнадцатый день похода трудности чувствуются острее. Во многих семьях кончился хлеб. Все чаще слышен плач детей. Жалко смотреть на наших высокоудойных коров — Ласточку, Паню, Рябушку. Доярки Анна Марченко, Ирина Жестовская, Татьяна Лысенко и Анна Ягнюк бережно ухаживают за ними: на выращивание этих коров они отдали много сил и труда.

ОНИ БЫЛИ КРЕПКИМИ ЛЮДЬМИ

...Ночью сильный ветер раскидал курени, в которых спали люди, походные постели покрылись изморозью. Новые лишения встречали стойко всем коллективом, во главе которого шли коммунисты.

Наши коммунисты были крепкими людьми. Это секретарь партийной организации Владислав Флорианович Рожновский, председатель колхоза Дмитрий Васильевич Кузнецов, зоотехник Валентина Федоровна Кузнецова, учительница Зинаида Григорьевна Топоркова, доярка делегат Всесоюзного съезда колхозников Марфа Ивановна Ховрич и ее подруга доярка Анастасия Петровна Коваленко, директор Коммуно-Ленинской средней школы Федор Васильевич Кузнецов, колхозницы Антонина Артемовна Панащенко и Анастасия Терентьевна Яценко, 70-летний колхозник, один из организаторов колхоза — Андрей Павлович Фесенко, инвалид Лука Яковлевич Иваншин и, наконец, научный сотрудник Днепропетровского сельскохозяйственного института Николай Калениковнч Вовк, который проводил на наших фермах опыты, а теперь вместе с нами делил все невзгоды трудного похода.

Коммунисты личным примером учили людей переносить лишения. Они воспитывали и у женщин, и у стариков, и у подростков чувство локтя и высокой ответственности за сохранение колхозного добра.

Им во всем помогали комсомольцы, молодежь. Помнится, большим авторитетом среди участников похода пользовался энергичный молодой ветеринарный фельдшер Иван Ильич Павленко, которому пришлось в послевоенные годы возглавить партийный комитет колхоза, а ныне стать председателем колхоза. Накануне войны он, окончив училище, только влился в семью нашей сельскохозяйственной артели. Иван Ильич, несмотря на свою инвалидность, успевал побывать везде. Не жалея себя, лечил больных животных, смело принимал решения и даже в трудных походных условиях старался учиться у специалиста высокой квалификации Николая Калениковича Вовка.

И поныне в колхозе многие называют Ивана Ильича доктором. Дело в том, что в долгом и трудном пути ему довелось одновременно выполнять также обязанности медицинского фельдшера. Другого более сведущего человека в области медицины у нас не было. Так и привыкли — доктор Павленко. Пережитого не зачеркнешь.

Однажды в дни глубокой осени на очередном привале собрались коммунисты вместе с колхозным активом. Нужно было обсудить создавшееся положение. Двигаться дальше стало очень трудно. Часть скота заболела ящуром. У отдельных участников похода появились панические настроения. Колхозница Фекла Швецова, не отдавая себе отчета, предложила скот бросить, спасаться самим. Ее, правда, никто не послушал, но коммунисты должны были немедленно обсудить, как же быть.

Решили скот ни в коем случае не бросать, а направиться по новому пути. Так и сделали. Но ящур продолжал изнурять животных. Это задерживало продвижение нашего каравана. И тут проявил себя Иван Павленко.

— Есть выход, товарищи,— сказал он колхозному активу, который собрался у арбы Рожновского (ее называли тогда штабом похода).— Давайте подумаем, может быть, нужно сделать так: заразить сегодня же все поголовье скота ящуром. Животные переболеют одновременно, и мы беспрепятственно двинемся вперед.

На первый взгляд, эти слова из уст ветеринарного фельдшера звучали кощунственно. Но коммунисты правильно оценили смелость предложения. Через час-полтора, подготовив зубные щетки и собрав в стаканы и баночки слюну больных животных, участники похода заразили ящуром весь скот.

Пришлось, конечно, провести большую разъяснительную работу среди колхозников. Помогла также короткая, но убедительная беседа Николая Калениковича Вовка, которого колхозники знали как опытного работника в области животноводства.

Так был сделан смелый шаг, который оказался правильным. Скот действительно одновременно переболел ящуром и, хотя сильно ослабел, мог уже кое-как передвигаться.

БЕДЫ СЛОВНО ПОДСТЕРЕГАЛИ НАС

Да, беды словно подстерегали нас. У одной железнодорожной станции фашистские стервятники сбросили бомбы на наши гурты скота. Было убито несколько животных, напуганы дети и женщины. Через некоторое время узнали, что населенный пункт, куда мы держали путь, оккупирован врагом. Пришлось изменить маршрут.

Наконец долгожданная река. Но и здесь не повезло. В ночь, когда подошли к Дону, фашистская авиация разбомбила переправу. Налеты продолжались беспрерывно. Много ужасов пере-

жили наши семьи, в которых было немало детей и глубоких стариков. Колхозники, правда, уже привыкли ко всяким неожиданностям, но в таких бомбежках бывать еще не приходилось. Тут хорошо проявила себя наша славная молодежь, помогла поддержать нужный порядок.

В ту же ночь переправа была восстановлена. До утра колхозники не разгибали спин. Все взрослые помогали красноармейцам строить переправу. Поработали и наши лошади. Рано утром караван переправился через Дон.

И тут мы узнали, что надо двигаться на Элисту и там остановиться на зимовку. За 30 километров до Дона встретили упряжку верблюдов — вестников пустынь.

6 октября проснулись чуть свет. Не спалось: ночь холодная, с заморозками. Дороги стали особенно трудными. Быки, запряженные в арбы, окончательно выбились из сил, не тянули. Пришлось отобрать из племенного стада лошадей.

ВОТ КАКИЕ СОВПАДЕНИЯ БЫВАЮТ В ЖИЗНИ

К нашему каравану пристало восемь 12-летних мальчиков. При эвакуации Никопольского детского дома по дороге в глубь страны на эшелон с ребятами налетела фашистская авиация. Мальчики отбились от общей группы. Шли они с нами две тысячи километров, чувствовали себя как среди родных.

По-братски встретили нас жители села Кожевниково, Ростовской области.

— Люди добрые, заходите в хаты,— приглашали они нас.

При расспросах выяснилось, что это село возникло в 1906 году после революционных событий в Екатеринославе. Семью выпускника фельдшерской школы Дмитрия Федоровича Трубачова за участие сына в революционном движении царские сатрапы тоже отправили на поселение. Здесь стали жить отец, мать и братья молодого фельдшера. Сам Дмитрий Федорович сумел бежать из-под стражи, долго скрывался, переезжая с места на место, работал по специальности. Шли годы. Родные фельдшера состарились и умерли, а с братьями фельдшер не сумел наладить переписку.

Я был свидетелем волнующей сцены. Мы знали Дмитрия Федоровича. Он работал у нас в колхозе медицинским фельдшером и незадолго до войны выехал. И вот, представьте, такое совпадение. В хате, куда приглашают нас гостеприимные хозяева, мы встречаем старика, сильно похожего на нашего бывшего фельдшера. Наугад спрашиваем:

— Дедушка, ваша фамилия Трубачов?

— А вы откуда знаете? — заинтересовался старик, пытливо всматриваясь в наши лица. Мы рассказываем о Дмитрии Федоровиче Трубачове.

— Это мой младший брат! — восклицает старик.

Вот какие совпадения бывают в жизни!

6 ноября 1941 года я записал в своем дневнике:

«Хочется хотя бы минуту побыть в теплой хате. С севера нагрянул дождь, холодный и частый. Земля набухла и поднялась, как квашеное тесто. Передвигаться можно только медленно. Сидя в своих решетчатых «кибитках», мечтаем об оставленном доме. Всплывает клуб, переполненный народом, колхозники по-праздничному одеты. Горячие речи — подводятся итоги хозяйственного года. Вспомнились друзья, родные».

7 ноября лил беспрерывный дождь...

11 ноября. Усилился ветер, и заметно похолодало. Собрались вокруг костра и, затаив дыхание, слушали опубликованное в газете сообщение Совинформбюро о положении на фронтах. Чувствовали себя со всем советским великим народом...

Рано наступившие морозы делали поход невероятно трудным. Все чаще падали коровы, обессилевшие от долгого пути и плохого корма. Все же караван упорно двигался вперед.

Несколько подростков решили, что их место на передовых позициях. Володя Яценко, Аня Яценко, Лида Гребенюк, Ида Китабова и другие однажды исчезли из каравана. Мы и туда и сюда — пропали дети. Выяснили потом, что пристали они к танкистам. Но повезло только Ане Яценко. Она и по возрасту была старше и училась в школе медицинских сестер. Командование части уважило ее просьбу. Остальным ребятам выделило подводу, снабдило продуктами и отправило навстречу нашему каравану. Через несколько дней встретили мы своих беглецов. Решили не наказывать, и ребята с еще большим рвением взялись помогать взрослым по уходу за скотом.

ЗИМОВКА В СЕЛЕНИИ ШАРХАДЫК

Наконец добрались до Элисты и здесь, в пригородном хозяйстве, остановились на зимовку. Разместить до двух тысяч голов крупного рогатого скота, более 500 лошадей, 500 овец и 300 свиней было не просто. И наши люди, забыв об усталости, принялись сооружать для скота временные помещения.

С нами была лишь часть наших прославленных рысаков. 42 самые лучшие рысистые лошади находились в Ивановской

области. С ними находились известные наездники Африкан Африканович Кузнецов и его талантливый ученик Константин Васильевич Жестовский, не раз выводившие племенных рысаков на ипподромы страны. В 1940 году на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке была воспроизведена конетоварная ферма нашего колхоза, на которой находились 42 рысистые лошади. Смотрели за ними наездники Кузнецов, Жестовский и другие колхозники. Осенью 1941 года наши колхозники вместе с лошадьми были эвакуированы из Москвы в Ивановскую область. Когда же Константин Жестовский, Степан Фесенко и Григорий Дудник ушли на фронт, на их место отправились из колхоза другие товарищи.

Связь с Ивановской областью держали через Алтай. Да, через Алтай!

Наш колхоз оттуда в 1923 году переехал на бывшие помещичьи земли в Синельниковский район, Днепропетровской области. По разным семейным причинам на Алтае проживали наши колхозники Илья Горянец и Устим Козодой. Вот им и стали мы посылать письма, сообщая, где находимся и куда держим курс. И не ошиблись. Многие колхозники, с первых дней войны ушедшие на фронт, также адресовали теперь письма на Алтай в надежде получить от старых земляков весточку о родном колхозе и его людях.

В селении Шархадык, близ Элисты, где колхоз расположился на зимовку, началась учеба детей на родном языке. Колхозные учительницы Зинаида Григорьевна Топоркова, Зинаида Прокофьевна Антоненко и Наталья Кондратьевна Жигула, которые вместе с нами переносили лишения похода, открыли школу. Стала даже выходить у нас стенная газета «Ленинец», а молодежь открыла в землянке красный уголок, хоть в какой-то мере напоминавший наш колхозный клуб на родной земле.

И СНОВА В ПУТЬ

Не так уж долго находились мы в калмыцких степях. Весной 1942 года враг напирал в этих местах особенно яростно, пытаясь выйти к Волге. Снялись мы — и снова в путь. Двинулись к Каспийскому морю. Предстояло пройти через пустыню, именуемую «Черными землями».

Только случайность спасла нас от гибели. Встретили в пути одного зоотехника, который был удивлен, когда узнал подробности нашего маршрута. Обнаружилось, что проводник вел нас

туда, где орудовали оккупанты. Он оказался предателем. Колхозный караван был вынужден вернуться в Элисту.

Попали мы в критическое положение. В Элисте посоветовали не терять времени, немедленно двигаться к Волге. Теперь повел нас работник Приютинского райисполкома Шпак.

Сколько неописуемых лишений довелось перенести нашим людям! Невыносимая жажда мучила участников похода, обессилел исхудавший скот. Мы почти не узнавали друг друга. С лиц слезала кожа, губы трескались, на них выступала кровь.

Никогда не забыть нам, как с большими трудностями рыли мы «худуки» — примитивные колодцы и часами ждали, пока там соберется немного воды. Было задачей разделить ее между измученными жаждой людьми и животными. Делили обычно так: по кружке каждому ребенку и корове. И только после этого, если хватало, по глотку доставалось взрослым.

В трудном и сложном переходе мы не чувствовали себя одинокими. Нас везде радушно встречали советские люди. Они принимали украинских колхозников, как родных братьев, старались облегчить нашу участь. Жители песчаных земель учили нас укрываться от зноя, разыскивать воду и рыть колодцы. Женщины передавали нашим колхозникам искусство готовить в этих необычных условиях пищу.

Нужно отдать должное нашим походным кулинарам. Они сами придумали даже способ выпекания хлеба в степи. И наилучшим мастером хлебопечения стала Фекла Кузьминична Швецова. Она сильно изменилась. Трудности до неузнаваемости повлияли на ее характер. Спокойной распорядительности этой простой украинской колхозницы могли бы позавидовать многие.

Шли мы, шли и добрались до Уральска. Вон куда попали! Прошли три тысячи километров...

В 1944 году потянулись наши стада домой, на Днепропетровщину. Добрались быстро. Не то что к Уральску. Перед селом поднялись на высокий кряж, посмотрели вниз. Лежало оно, наше село, перед нами все в развалинах.

Предстояло совершить новый подвиг — возродить родное село, восстановить хозяйство. И колхозники артели, которая столько лет носит имя великого Ленина, этот подвиг совершили.

Ф. М. ГРИНЬКО

С МЫСЛЯМИ О ХЛЕБЕ

1941 год особенно незабываем. Наступала горячая пора. Нужно было все сделать к жатве. Чтобы в поле не осталось ни единого колоска. Четыре тысячи гектаров земли убрать под гребенку — дело трудное. Хорошо, что с механизмами у нас был порядок. Вовремя управились с ремонтом лобогреек, жаток, сноповязалок, сортировок. Наши кузнецы потрудились зимой наславу.

Но еще было много дел. И с комбайнами вопрос решить надо было, и с вывозкой зерна уладить, и людей расставить так, чтобы не было потом путаницы.

Помню, отправился я в субботу, 21 июня, в Шипуново, в райком партии, с докладом о подготовке к жатве. Там и переночевал. А утром чуть свет выехал обратно в колхоз.

Двуколка — тогда в колхозе легковых машин не было — катилась легко по степной дороге. Степь начиналась тут же, за Шипуновом. Утро было яркое, светлое после ночной грозы. Заденешь тяжелый колос — и с него крупным дождем осыпаются капли.

Высокая уже пшеница стелилась без конца. Не отставала и рожь. Озимые наливались, а яровые хлеба только начинали цвести.

Здорово мы, колхозники, уже тогда оседлали землю. Получали такие урожаи, что нашим дедам и не снились.

Как тут было не вспомнить добрым словом белоглазовского усача — Ефремова, того, что первым в нашем крае, да, кажется и в стране, стопудовые урожаи начал выращивать. Будто ходил он по нашим полям и взвешивал на своей натруженной руке тяжелые колосья.

И накрепко осело на колхозных полях его начинание. Первое ефремовское звено организовала у нас В. Бредихина; она уже тогда коммунисткой была. Звено получило добрый урожай — 37 центнеров с гектара, а на одном гектаре даже 47 центнеров собрали. Как тут не присоединиться было к хорошему делу! И пошли расти в колхозе ефремовские звенья — звенья высокого урожая.

Дорога петляла в хлебах. Все выше поднимался над степью зеленый островок. В воздухе запахло березой. Сквозь деревья отсвечивала на солнце крыша колхозной конторы...

И тут словно все рассыпалось, осталось только одно: война. Как сидел в двуколке, так и ни с места. Будто кто привязал меня к ней. Время точно остановилось, затерялось в ровных полях. Война...

Помог прийти в себя наш конторский сторож. Мастер он был на крепкие слова. В этом деле никто с ним тягаться не мог. Бывало, пристыдишь его, мол, нельзя так. А он:

— Ведь слова-то, Митрофаныч, выскакивают не замечаешь как.

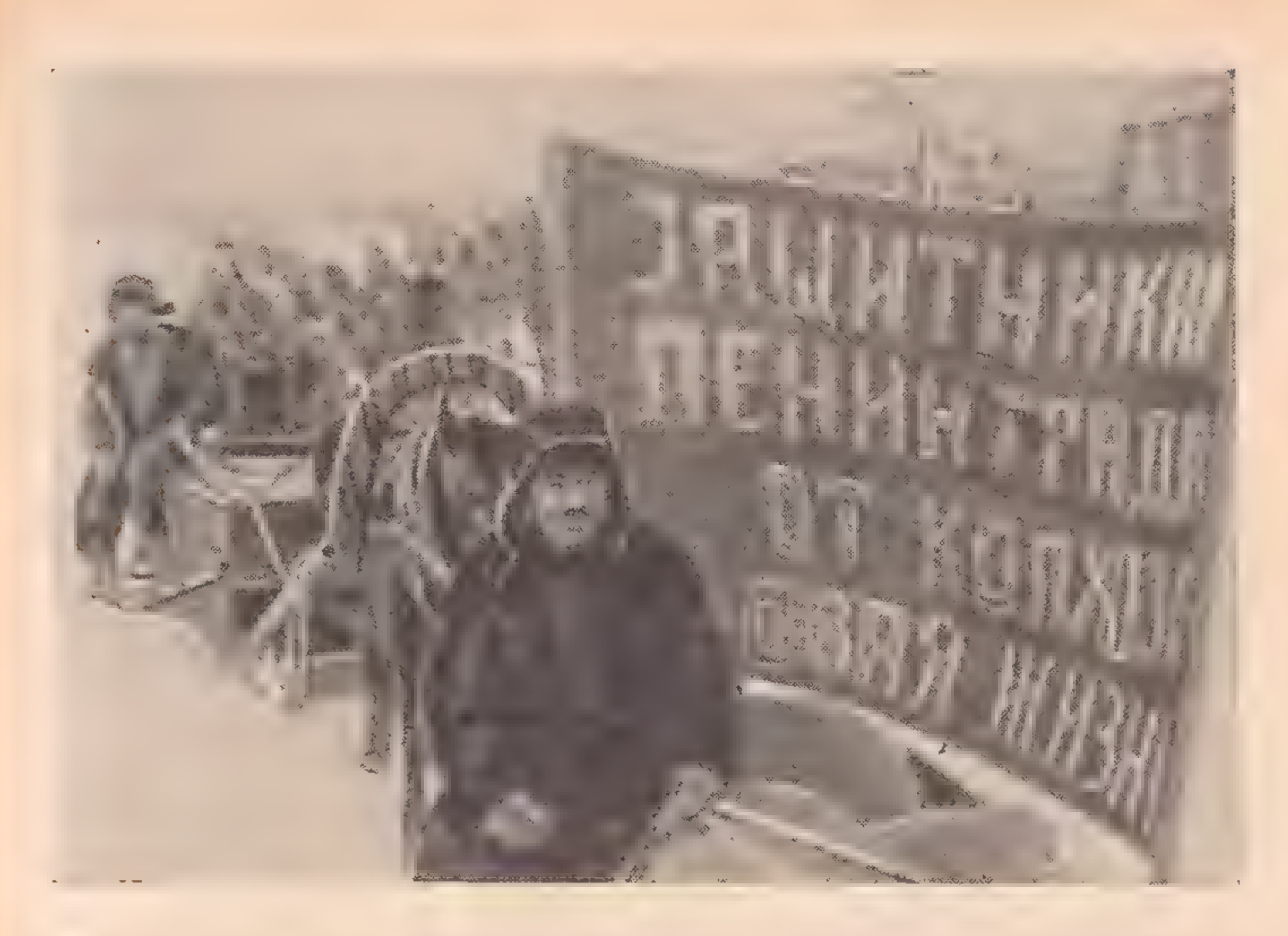
Тут же было не до того, чтобы сдерживать старика, да и самому хотелось выругаться как можно круче. И пошел дед крестить Гитлера на чем свет стоит. Когда подошел сын, он с размаху ударил его по плечу, но тот даже не пошатнулся.

— Вот она, сила наша. Уж она себя покажет,— твердо сказал старик.

Всколыхнулась Алтайская степь. Поднялась от края до края. По дорогам, сквозь высокие, густые хлеба потянулись в районный военкомат люди. Пыль столбом стояла над степью. И никто, казалось, не замечал, что хлеба уже наливаются, зреют...

Пошел и я со всеми, мол, держать, винтовку умею. В первую мировую научился, в гражданскую с Колчаком воевал, с кулачеством сталкивался. Куда там! Сказали, что на Алтае для меня фронт, и возраст солидный помешал. Так я и председательствовал в колхозе всю войну.

Остался с женщинами, подростками, стариками. С ними пахал, сеял, убирал хлеб. Люди сутками в поле находились.

Обоз с хлебом для героических защитников Ленинграда. Колхоз «Новая жизнь», Новосибирской области, 1944 г.

С весны до осени дома почти не бывали. Только по субботам наведывались, чтобы сменить белье.

Отстающих не было. Даже те колхозники, которые раньше недостаточно работали в общественном хозяйстве, не отставали от наших активистов. И так с первого дня войны. Проводили женщины мужей своих в армию и заявили:

— Мы теперь будем жить в поле, а детей — в колхозные ясли.

Видели ведь, что пшеница наливается, цветет...

От взрослых и дети не отставали. Давно ли по селу бегали с криком и смехом, а тут белоголовые и курносые повзрослели вдруг. Работали наравне со всеми.

А пожилые наши женщины! Они словно окрепли, железными стали.

— Ничего, может, поможем немного,— говорили и работали почти так же, как и молодые.

Какая тяжесть легла на плечи нашей молодежи, наших девушек! И комбайны, и тракторы — все хозяйство в их руках находилось. Трудно им было, но не унывали. Иногда и песню

услышишь. Чаще всего из тех, что до войны пели: томили девичье сердце мирные дни...

В правлении колхоза я остался совсем без штата. Раньше два счетовода и один помощник работали, а остался один счетовод, да и тот все норовил в поле сбежать. Была сокращена должность заместителя председателя колхоза. Отказались от письмоносца, бригадира огородной бригады. Некоторые даже сами сокращались.

— Мы нужны в поле. Поставьте нас где угодно,— говорили, к примеру, учетчики работы тракторных и полеводческих бригад.

К этому времени в наши края начали прибывать эвакуированные с Украины, центральных районов страны. Измученные, потрясенные войной люди. Женщины да дети. Словно дыхнула на нас сама война. Трудная, кровавая...

Приехали к нам в колхоз эвакуированные и тут же явились в правление.

— Как хотите,— сказала одна из женщин,— но в данный момент оставаться без работы мы не можем. Будем с вами вместе жить и трудиться.

Другая женщина, постарше, выступила вперед.

— Двое сыновей у меня на фронте,— сказала мать фронтовиков.— Я должна им помочь. Буду работать, покуда хватит сил.

Шли дни за днями. Трудные дни первого года войны. Полные горечи, тревог. Вставало солнце в свой час на востоке, а с ним и люди. Прежде чем взяться за серп или косу, повернутся лицом к дороге и долго смотрят, не появится ли оттуда что то такое, что согреет их радостью. Но в те дни чаще приходили тяжелые вести. Такие тяжелые, что сердце разрывалось. И они словно подгоняли людей в работе.

— Отдохнули бы,— сказал я как-то людям одной полеводческой бригады,— ведь вторые сутки без сна.

— Не можем,— последовал ответ,— не можем, дело не ждет.

Трудно было колхозникам: не всякое дело женщине, подростку под силу. Да еще тревога за близких на фронте покоя не давала. И председателю колхоза было не сладко. И того нет, и другого нет. И людей не хватало. Если бы не коммунисты в колхозе, то просто беда. Они помогали мне во всем, народ вели. Каждому будто говорили: потерпи, разгромим врага и легче станет; конечно, это время само не придет, за него нужно бороться... Теплота их сердца, их сила передавалась другим, и они боролись.

Коммунисты были на всех особенно ответственных участках. В полеводстве всю войну трудились шесть наиболее знающих дело членов партии, и среди них ветераны колхоза Ф. К. Поликарпов, Ф. В. Брусенцев, Н. А. Уфимцев. Постоянно в передовиках числились молодые, принятые в партию в военные годы, коммунисты: свинарки М. В. Слепцова и М. Д. Кратова, тракторист А. А. Елкин, зоотехник Ю. И. Громук, садоводы А. И. Куся и М. Д. Шульгин, комбайнерка А. Д. Алексеева.

Сколько задушевных бесед провели коммунисты с колхозниками! Рассказывали о том, в каких тяжелых условиях приходится бить врага воинам Советской Армии. Разъясняли, как важно в наиболее короткие сроки убрать урожай, скосить траву, заготовить сено, заложить силос. И колхозницы скашивали лобогрейкой вместо 5 гектаров 9—10.

Н. А. Уфимцев, человек довольно солидного возраста, однажды сам сел за лобогрейку. Начал работу в четыре часа утра, а ушел с поля, когда совсем темно стало. Это был героический труд. Хлеб из-за сильной увлажненности приходилось часто сбрасывать. Гон был большой — 2 тысячи метров в длину и 60 метров в ширину. Сделал пятнадцать кругов он и остановился. Когда лошадей накормил, снова сел на машину. Скосил около 20 гектаров. Примеру коммуниста следовали другие колхозники, которые к лобогрейкам были прикреплены.

Артель в 1941 году за полтора месяца уборочной вывезла более 30 тысяч пудов зерна и досрочно, первой в районе, полностью рассчиталась с государством.

Сейчас, когда колхозы имеют все условия для развития хозяйства, мощную технику, даже не верится, что в годы войны мы не только сохранили наше хозяйство, но и еще больше укрепили его, сумели обеспечить страну всеми видами сельскохозяйственной продукции. Если в 1940 году, например, колхоз получил в среднем 40—50 пудов зерновых с гектара, то в военные годы урожайность их значительно увеличилась. Валовой сбор картофеля, овощей и бахчевых вырос более чем в девять раз, плодов и ягод — почти в два с половиной раза.

Каждый из нас, тружеников сельского хозяйства Востока, чувствовал особую ответственность перед страной в связи с временной потерей важных сельскохозяйственных районов Украины, Дона, Кубани.

И весной 1942 года труженики полей Алтайского края обратились с письмом к работникам сельского хозяйства Поволжья, Урала, Средней Азии, Казахстана с призывом вступить в социалистическое соревнование за лучшую помощь фронту.

В письме говорилось: «Вступайте в социалистическое соревнование за лучшую помощь фронту, за лучшее проведение весеннего сева. Помните, в этом деле нет мелочей, для успеха одинаково важно вовремя подготовить семена, кадры, своевременно составить план, отремонтировать каждый хомут, каждую постромку. Всю богатырскую мощь колхозного строя на помощь фронту!» Среди тех, кто обращался к труженикам страны с этим призывом, значился и наш колхоз.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин писал по поводу письма алтайцев: «С их предложениями не только можно согласиться, их надо приветствовать и решительно проводить в жизнь. Обязательство, принятое колхозниками, показывает, что алтайцы правильно поняли требования момента. Этому пути должны следовать все колхозы и других областей».

В письме мы призывали колхозников также осваивать новые земли, расширять посевные площади. Знали, конечно, что трудно сделать это без достаточного количества людей, без машин. Но поднимать новые земли нужно было, иначе страна могла недополучить хлеба.

У нас в колхозе поняли это не сразу. Думали о том, как бы справиться с тем, что уже имели. Обработать четыре тысячи гектаров земли — в те годы было не легкое дело.

Все же управились с весенними работами в 1942 году быстро, кажется, дней за десять. Засеяли не меньше, чем сеяли до войны. В конце посевной приехал в колхоз секретарь райкома. Выслушал он рапорт, поблагодарил. Перед уходом вдруг спросил, нельзя ли поднять еще гектаров сто целины. Я отвечал, что трудно, потому что мало времени и с людьми плохо.

Секретарь вернулся, посмотрел пристально в глаза членов правления, а они все старики да женщины. Секретаря знали и любили в колхозе. Человек он был такой, что всегда выслушает, поможет, поддержит.

— Нужно поднять гектаров сто,— сказал он, снова садясь к столу.— Нужно. На Украине, Дону, Кубани враг, понимаете?

От волнения я заходил по комнате. До войны поднять лишнюю сотню гектаров нелегко было. Это при машинах, при людях, знающих дело. А тут ни того, ни другого — и вдруг поднимай сотню гектаров... Посмотрел я на членов правления и почувствовал, что они уже почти согласны. Решил: была не была!

— Попробуем вспахать,— повернулся я к секретарю.

— А может, и сто пятьдесят...— вставил кто-то из членов правления.

Снова загудели в поле тракторы, потянули плуги лошади, коровы. Почти все колхозники вышли поднимать новые гектары. Тракторная бригада И. К. Герасименко даже в обед не приостанавливала работу. Покушает тракторист в борозде, и дальше.

Слух о том, что наш колхоз целину поднимает, облетел весь район, а потом и край. Уже на третий день начали к нам заглядывать председатели соседних колхозов. Спрашивали, как это у нас получается. Я не без гордости показывал на жирную землю: куда ни глянь — чернела она.

Вскоре заурчали тракторы и в других колхозах. Весь край покрылся черными заплатками освоенных земель.

И так из года в год. Только тракторная бригада И. К. Герасименко подняла 997 гектаров целины и залежи. К концу войны колхоз освоил 1945 гектаров.

Наш колхоз за четыре предвоенных года сдал государству 99 515 пудов зерна, а за четыре военных года — 196 224 пуда! Это в значительной степени благодаря освоению новых земель.

Известно: где с полеводством хорошо, там и с животноводством благополучно. У нас доход от животноводства в годы войны составлял 40 процентов общего дохода.

Успехи в животноводстве — дело рук всех колхозников, но в первую очередь — заведующих животноводческими фермами Гришко и Сапакова. Это их заботами создавалось потомство лучшего жирномолочного стада крупного рогатого скота, свиней, овец.

Не забывали мы и об овощеводстве. В 1944 году площадь огородно-бахчевого хозяйства составила 30 гектаров. Колхоз стремился выращивать новые овощные культуры, что позволило не только выполнить план сдачи овощей, но и распределить их в большом количестве по трудодням. Уже тогда гордостью колхоза являлся сад, который приносил большие доходы. Колхозники убедились, что и в Сибири можно заниматься садоводством. А в 1931 году, помню, никто из односельчан не верил в это, смеялись надо мной, когда я посадил первую партию плодово-ягодных растений.

Колхозники готовы были на все ради победы над ненавистным врагом. Они делились с фронтом всем, что у них было. Когда труженики сельского хозяйства Алтая выступили с призывом собрать продовольствие для фронта, наша артель первой откликнулась на этот призыв. В 1943 году край послал в Ленинград эшелон подарков, были там посылки и нашего колхоза. За

счет сна и отдыха колхозницы вязали воинам теплые носки, варежки, шили теплые куртки.

Жертвовали мы в помощь фронту и свои личные сбережения. Подписывались на военные займы, подписались более чем на 300 тысяч рублей. Около двух миллионов рублей внесли на вооружение.

Колхоз сдал огромное количество хлеба в фонд Советской Армии. Так, в 1944 году в фонд помощи фронту было сдано 6508 пудов зерна. Это кроме обязательных поставок.

Воины называли нас, тружеников полей, фронтовиками тыла, вызывали на соревнование. В одном из писем гвардейцы 56-й краснознаменной дивизии писали:

«Мы, ваши братья, мужья, отцы, с оружием в руках боремся с немецким фашизмом за радостную и счастливую жизнь стариков, жен и детей наших. Мы боремся за нашу прекрасную Родину. С радостью узнали о том, что передовые колхозы Алтая решили организовать в новогодний подарок для Советской Армии красные обозы с хлебом. Большое спасибо вам, товарищи!

Мы уверены, что почин передовых колхозов будет подхвачен многими колхозами края. Пусть каждое хозяйство вывозит хлеба в 2—3 раза больше, чем в прошлую пятидневку. А для этого удвойте ваши усилия, пусть у вас не будет другой мысли, кроме мысли о хлебе для Родины. Забудьте о сне, отдыхе, отдавайте все силы для выполнения плана хлебосдачи, организуйте массовые красные обозы. Это будет лучшей благодарностью за героизм красных воинов, за их мужество, храбрость и боевые подвиги»...

Отгремели дни войны. Фронтовики вернулись к мирному труду, более 100 воинов — с орденами, 50 человек — в погонах офицеров. Не ударили лицом в грязь и мы, колхозники: у многих из нас на груди блестели ордена и медали, полученные за доблестный труд на полях. Двум нашим колхозникам — Ф. Керданю и А. Матвееву — посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Много наших колхозников сложили свои головы на поле боя. Не вернулся с фронта и мой старший сын...

После войны наша дружная колхозная семья с новыми силами взялась за дело, и теперь наше хозяйство считается образцовым. В 1958 году колхоз приобрел в Зеркальской МТС после ее реорганизации 20 тракторов, 22 комбайна, 55 сельхозмашин. Ныне уже в колхозе готовятся механизаторские кадры. Все учатся, учусь и я на заочном отделении Сельскохозяйст-

венной академии имени Тимирязева. Рядом работает сын, инженер. В колхозе немало крупных специалистов — инженеров, агрономов, зоотехников.

В 1960 году колхоз сдал государству более полумиллиона тонн зерна, свыше четырех тысяч центнеров мяса. Денежный доход составил почти 13 миллионов рублей...

Гордимся мы своим садом, заводом по переработке сельскохозяйственных продуктов, кирпичным заводом. Почти каждый колхозник имеет квартиру из двух-трех комнат в красивых коттеджах, утопающих в зелени садов. Скоро закончим строительство двух многоквартирных домов со всеми удобствами, вплоть до телефонов.

В 1961 году колхоз в числе других 50 передовых хозяйств включен в число опытно-показательных, является теперь школой передового опыта.

В газетах часто называют наш колхоз «маяком». Хвалиться не совсем скромно. Но за хозяйство душа радуется.

С. С. АШЕКО

ЗА УРОЖАЙ ПОБЕДЫ

ПИСЬМО С ФРОНТА

Это была необыкновенная весна. В половине апреля южные ветры принесли ростепель. Степь обнажилась заплатами жнивья, зяби, по склонам грив побежали звонкие ручьи. Тут и там зазеленели травы, вспыхнули первыми светло-оранжевыми костерками душистые подснежники и стародубки.

Как то выехал я из конторы колхоза на полевой стан. И хотя дыхание ранней весны располагало ко всему хорошему, на душе у меня было нелегко: в брезентовой сумке, лежавшей под охапкой сена, я вез письмо на имя Веры Лавриненко, нашей лучшей трактористки.

И ей, и другим девушкам мне приходилось возить письма. Это были конверты-клинышки из плохой, серой бумаги, с полустертыми адресами — обыкновенные солдатские письма с фронта. А что могло быть в этом, с адресом, напечатанным на машинке! Оно пугало своей строгостью и официальностью.

Трактор Веры Лавриненко, подобно жуку-единорогу, бегал по гриве, расчерчивая на ней грани четырехугольника: Вера заканчивала вспашку большой полосы, на которой мы собрались посеять пшеницу. Глядя на то, как легко и плавно ходил трактор, как на глазах ширилась полоса, было очень тяжело сознавать, что вот, может быть, из собственных рук я передам то, что невольно нарушит этот спокойный ритм работы.

Она встретила меня, как всегда, кивком головы и улыбкой. Заглушив трактор, быстро пошла навстречу.

— Степан Сергеевич, к полудню постараюсь закончить,— сказала она,— вот только бы горючего хватило.— И, помолчав секунду, спросила:

— Есть что-нибудь новое? Как на фронте?

— Тяжелые бои... Письмо вот тебе.

Вера порывисто шагнула вперед. Глаза ее радостно заблестели.

— От Григория, наверное. Ох, как давно я не получала от него весточки.

Пока дрожащими пальцами она вскрывала конверт, я смотрел на нее и вспоминал. Григорий — белокурый мальчишка, весельчак и балагур — ушел на фронт всего несколько месяцев назад. В Павловке каждый знал о редкой привязанности и дружбе брата Григория и сестры Веры. После смерти отца они остались старшими в семье, оба были удивительно похожи друг на друга — голубоглазые, с мягкими шелковыми волосами, подвижные, веселые. Их так и прозвали «близнецами», хотя Вера на три года моложе брата.

— Ах-ах! — раздался вдруг сдавленный крик, и Вера медленно повалилась на траву.

Предчувствие не обмануло меня. В письме извещалось, что старшина Григорий Дмитриевич Лавриненко погиб смертью храбрых при обороне Ленинграда. Чем мог умалить я горе девушки, потерявшей любимого брата, какими словами умерить ее боль?

Вдвоем с прицепщиком мы перенесли Веру на подводу, и я наказал парнишке, чтобы он отвез ее на полевой стан. А сам сел за трактор. Горе горем, а хлеб сеять надо, и заменить Веру больше некем.

Она возвратилась часа через три. Голубые глаза горели каким-то необычайно мрачным огнем, и было трудно представить себе, что еще утром на этом лице играла такая простая и хорошая улыбка, а из уст лилась звонкая песня.

— Давайте, Степан Сергеевич, буду заканчивать,— глядя в сторону, тихо сказала она.

— Может, отдохнешь, Вера? Я поработаю до вечера.

— Нельзя, Степан Сергеевич. У Фени Холомьевой что-то с трактором случилось, не может завести. Вас там ждут.

Отъехав от полосы, я оглянулся назад. Вера сидела за рулем. Прямая и строгая, она словно слилась с трактором, а он, оставляя за собой глубокие борозды, шел вперед и вперед.

КЛЯТВА ПАХАРЕЙ

Вечером в полевом вагончике собрались все трактористы и прицепщики. Когда речь зашла о сроках окончания весеннего сева, кто-то из трактористов предложил:

— Давайте возьмем обязательство закончить сев в девятьдесять дней, начнем соревноваться за урожай победы!..

Слова эти прозвучали в напряженной тишине. Но само молчание ярче слов говорило о глубоком душевном волнении, охватившем каждого сидевшего здесь.

Первой заговорила Вера. Ее побледневшее, осунувшееся лицо было сурово и печально, и это придавало еще большую твердость и силу ее словам:

— Вырастить хороший урожай — приблизить час победы над врагом. До сих пор я вспахивала по 15 гектаров. А теперь буду давать по 20 и засевать по 60 гектаров.

— Я не отстану от Веры!

— Я тоже! — раздались голоса Тани Шинко и Насти Хмелевой.

— Обязательства возьмем, а поднять-то их сумеем? — сказал один из механизаторов.

— Дело предлагает молодежь,— поднялся я.— И под силу нам это. Сеять две тысячи гектаров пахоты не много: земля подготовлена с осени. Конечно, четырем тракторам будет нелегко справиться с такой площадью, придется лошадей, быков применять.

Теперь заговорили все разом, заговорили горячо и страстно. Каждому хотелось определить свое место в соревновании.

Когда улеглось первое волнение, механизаторы, помогая друг другу, дополняя один другого, стали писать социалистические обязательства.

Скупыми на слова были эти обязательства. Но в них четко определялся путь к достижению намеченной цели — получению стопудового урожая с каждого гектара, сохранению техники и экономии горючего. Обсуждая обязательства, мы отлично сознавали, что наш труд на полях Кулундинской степи, хотя и далекой от фронта, вольется в мощный удар по врагу, приблизит час победы над ним.

СИЛА СОРЕВНОВАНИЯ

В тот же вечер узнали о наших обязательствах в райкоме партии.

— Хорошее начинание. Ему нужно дать ход,— сказали райкомовские товарищи.

Комбайнерка Т. Алексеева и штурвальная П. Многогрешнева за ремонтом комбайна. Емельяновская МТС, Красноярского края, 1944 г.

И колхозники снова засели за бумагу. Теперь они писали обращение ко всем труженикам сельского хозяйства страны, призывали начать Всесоюзное соревнование за урожай победы...

Уже наутро я наглядно убедился в том, какую силу приобретает соревнование, творцами которого были сами люди. Анна Демиденко, молодая трактористка, на своем стареньком колесном тракторе вспахала за ночь восемь гектаров. Восемь гектаров — это сменная норма гусеничного трактора. А ведь апрельская ночь коротка! По полтора и даже по два гектара обработали на конных упряжках Паша Нигриенко и Катя Шматко. И правду говорят у нас в народе: сила солому ломит. К тому времени, когда были получены центральная газета «Правда» и областная «Советская Сибирь», в которых было напечатано наше обращение, тракторные бригады колхоза уже вспахали около половины всей посевной площади.

Начался массовый сев пшеницы. И здесь мы столкнулись с таким препятствием, которое на первый взгляд казалось непреодолимым: не закончив пахоту, мы, естественно, не могли переключить все тракторы на сев. Не хватало и конных сеялок.

В это время в колхоз приехал секретарь обкома Михаил Васильевич Кулагин. Выслушал он нас и попросил председателя колхоза Николая Лукьяновича Лубяного пригласить в контору стариков. Долго он беседовал с ними о делах колхоза, о положении на фронтах, а потом вдруг спросил:

— У кого-нибудь из вас сохранились от прежних времен лукошки?

Старики в недоумении переглянулись. Один из них, Михаил Аверьянович Соромок, ответил:

— Да вроде есть у меня в амбарушке, старуха его для гусиного гнезда приспосабливает.

— Вот-вот,— оживился секретарь обкома,— несите-ка его сюда. Завтра пораньше выйдем в поле, сеять начнем.

— Что вы, Михаил Васильевич, а вдруг агроном из МТС нагрянет... ведь он нас со свету сживет,— обеспокоенно зашевелились старики.

Михаил Васильевич усмехнулся.

— С агрономом мы как-нибудь поладим.

Затем, помолчав, добавил:

— Конечно, этот дедовский способ давно изжил себя, и не к лицу бы мне, секретарю обкома, возрождать его. Но сами видите: время горячее...

Утром, к удивлению молодежи, перед окнами конторы с лу-

кошками, подвешенными через плечо, собрались старики всей Павловки.

— Вот это единодушие,— рассмеялся Михаил Васильевич.— Ну-ка, председатель, везите нас на полосу!

К этому времени во второй тракторной бригаде уже начали сеять пшеницу. И вот беда: на низменные места колесный трактор, таскавший две сеялки, войти не мог. Колеса утопали в непросохшей почве, буксовали, задержки следовали одна за другой. В лучшем случае, чтобы продолжать сев, надо было выбирать наиболее сухие места, а это значит невольно оставлять много огрехов.

Михаил Васильевич взял у одного из стариков лукошко, наполнил его семенами и зашагал к одной из обойденных трактором ложбинок.

Старики от изумления открыли рты. Секретарь обкома сделал шаг влево, шаг вправо, и одновременно из его рук, посыпался золотой дождь зерна. Долго переглядывались, охали и дивились старики, а секретарь шел вперед и вперед, зерно дробью стучало о лукошко, веером падало на влажную, дымившуюся испариной землю. Лицо секретаря приобрело какой-то мальчишески-шаловливый задор и в то же время спокойную уверенность, как будто бы он всю жизнь занимался севом из лукошка.

После того, как бросил он последнюю горсть зерна, старики дружно, словно по команде, сняли перед ним шапки.

Михаил Аверьянович Соромок, первым оправившийся от изумления, почтительно спросил:

— Вы, Михаил Васильевич, часом не с Тамбовщины будете? Только у нас мужики могли сеять из обеих рук.

— Нет, не тамбовский, а из Подмосковья,— засмеялся Кулагин,— отец мой сеял из лукошка, и мне доводилось...

Поняли теперь, почему нас агроном ругать не будет? — спросил Михаил Васильевич.— Каждый метр вспаханной земли должен быть засеян, каждое брошенное в землю зерно родит сорок зерен. Вот чем вы, старики, можете помочь Родине и фронту.

— Поняли, товарищ секретарь,— хором ответили старики.

Первым вышел на полосу Михаил Аверьянович Соромок. За ним следом начал бросать зерна в почву мой отец Сергей Емельянович Ашеко, колхозный инспектор по качеству, затем Роман Чертолыс и еще, и еще...

Так на весенний сев в 1942 году была поднята вся Павловка, от мала до велика.

Весной и летом сорок второго года шли не очень утешительные вести с фронтов, в сводках Совинформбюро то и дело мелькало сообщение: наши войска отошли на заранее подготовленные позиции.

В один из таких дней, когда вспашка подходила к концу и сев пшеницы был в разгаре, ко мне подошла Вера Лавриненко:

— Степан Сергеевич, сколько нашей бригаде нужно засеять по плану? — спросила она.

— Две тысячи двести гектаров,— ответил я и не удержался при этом от удивления: — Странно, что ты до сих пор этого не знаешь, Вера.

— Да нет, знаю...— смутилась девушка,— только мысль у меня есть одна...

— Что же это за мысль?

— Видите ли,— после некоторого молчания решилась Вера,— бригада наша раньше второй закончит посевную: это по всему видно. И время еще не ушло... Что, если мы начнем сеять сверх плана, поднимем оборонные гектары?

— Сверх плана? — переспросил я.— Ну, знаешь, дело, конечно, хорошее, но одни мы с тобой не можем его осуществить. Тут и с народом посоветоваться надо, и с правлением колхоза согласовать... Допустим, землю обработать мы успеем. А чем засеем? Хватит ли семян?

Откровенно говоря, Вера задала мне мудреную задачу. С одной стороны, меня не мог не обрадовать этот шаг, с другой... Я, конечно, лучше Веры знал технические возможности своей бригады: ведь тракторы были старенькие, запасных частей к ним не только в мастерской МТС, но и в областных органах снабжения не найдешь. И потом — семена... Найдутся ли они на дополнительную площадь?

И все-таки, отбросив все сомнения, я ответил Вере:

— Хорошо, я поддерживаю твое решение, сейчас же пойду в контору, посоветуюсь с Николаем Лукьяновичем.

— Правда, Степан Сергеевич?! — обрадовалась Вера.— Я и полосу уже приготовила. Знаете, Цветнопольскую гриву. В ней, наверное, не меньше ста гектаров будет.

Цветнопольскую гриву! Нет, у этой девчонки положительно все рассчитано! Цветнопольская грива — это долголетняя залежь. Отдохнувшая земля могла дать хороший урожай. Я давно думал о ней, и предложение Веры было кстати.

Мое раздумье, видимо, обеспокоило Веру. Она нетерпеливо приблизилась ко мне.

— Так вы согласны, Степан Сергеевич? Тогда поезжайте в контору, а я пойду поговорю с Тасей Сульдиной.

— О-о, с Тасей Сульдиной,— рассмеялся я,— пойди, поговори.

— Я уже пошла,—обернувшись ко мне, ответила Вера.

Тася Сульдина — это комсорг. Маленькая, с белыми, коротко подстриженными волосами, курносая, она постоянно смеялась и была душой там, где появлялась. Про себя я сравнивал ее с одуванчиком — золотым весенним цветком степи. Только у этого одуванчика были цепкие руки и острый ум. К нам в Павловку она приехала из Новосибирского обкома комсомола уже в марте. Приехала в командировку на несколько дней, да так и осталась.

В политотделе МТС мне рассказали, что еще в 1941 году Тася просилась на фронт, даже делала попытку сбежать с одним из эшелонов. Но ее обнаружил начальник эшелона и приказал вернуться домой, к матери. Вот и сейчас, она давно бы могла уехать в город, тем более, что из обкома комсомола то и дело запрашивали о ней, да так и не отозвали, решив, видимо, что Тася поступила правильно.

Молодежь называла Тасю комсоргом, а я — политруком. Она и в самом деле была им: всюду успевала, всем помогала, перед ней открывались все сердца.

Что делается на фронтах? На этот вопрос искали и находили ответ у Таси. Нечего греха таить, когда особенно тяжело было узнавать, что наши войска снова отошли, многие вешали головы и шли к Тасе.

— Да что вы, девочки! — восклицала Тася.— Неужели думаете, что наших сломят? Никогда не бывать этому!

Голубые Тасины глаза при этом загорались таким огнем, а звонкий голос так креп, что невольно отгонял прочь сомнения. А Тася уже говорила о несокрушимости нашей армии, о массовом героизме воинов, о неисчерпаемых резервах.

— Да вы загляните в свою душу. Ну разве есть у вас хоть капля сомнения в себе, в своих силах? Ведь нет! Нет! А что такое наша армия? Это наш народ, наши братья и отцы по крови, по духу. Могут ли они не устоять? Никогда!

Вдохновенно говорила Тася. Слушая ее, я часто спрашивал себя, как могло в таком маленьком существе гореть большое пламя, зажигающее других, зовущее на подвиг.

Я знал, что Вера найдет поддержку у Таси, а это значило:

сегодня же о сверхплановом севе будет говорить вся бригада. Вот почему, найдя председателя колхоза Николая Лукьяновича Лубяного и парторга Ивана Степановича Рогозина в конторе, я без обиняков доложил:

— Наша бригада решила засеять сотню гектаров сверх плана.

— Как это сотню? — повернул голову Николай Лукьянович.

— Очень просто: взять и засеять.

— Ты, случаем, не спятил, Степан? — спросил председатель.— А где я семян найду? Ведь у государства просить не буду!

Председатель колхоза, расчетливый и предусмотрительный хозяин, говорил правду. И эту правду я знал: еще с осени мы оставили семян ровно на 4400 гектаров — план, предложенный исполкомом райсовета.

— Что же делать? — спросил я.— Ведь Вера уже пашет Цветнопольскую гриву.

— Оставим на пары,— решил председатель.

— Найдем семена,— вдруг резко сказал парторг.

— Где? — повернулся к нему председатель.

— У стариков,— ответил парторг.

Я знал парторга. В прошлом лихой красный кавалерист, командир эскадрона, из гражданской войны он вынес на сабле святую истину — препятствия брать с боя. Он не однажды доказывал это на деле уже в годы мирного строительства. Но его заявление о стариках смутило и Николая Лукьяновича, и меня.

Парторг, видя наше откровенное сомнение, решительно встал и вышел.

— И верно, семена будут,— сказал я.

Николай Лукьянович неопределенно пожал плечами.

Вечером на таборе ко мне подошла Тася Сульдина:

— Степан Сергеевич. Вы не поедете на собрание села?

Я стал в тупик. До сих пор у нас были колхозные, партийные, комсомольские, бригадные собрания. А о сельских я знал только из уст отца. Когда-то они назывались просто сходками.

— Не имею понятия,— ответил я.

— Иван Степанович проводит. Прошу вас выделить пароконную бричку.

— Зачем?

— Думаю, понадобится,— ответила девушка.

Тася оказалась предусмотрительной. Иван Степанович, по душам поговоривший со стариками, добился того, что они добровольно из личных запасов дали хлеб на сверхплановый сев.

Шесть центнеров сдал мой отец Сергей Емельянович, пять центнеров — Михаил Аверьянович Соромок, по четыре центнера — Роман Чертолыс, Александр Холомьев. В стороне от этого патриотического почина не осталось ни одного старика.

В течение трех дней Тася Сульдина возила зерно на полосы. А между тем Вера Лавриненко поднимала Цветнопольскую гриву. Поднимала на большую глубину, до 30 сантиметров.

Все шло настолько гладко, что мы с Николаем Лукьяновичем уже предвидели окончание сева в ближайшие два-три дня.

Но эта радость была преждевременной.

УМ ХОРОШО, А ДВА ЛУЧШЕ

Как-то под вечер выехал я на дальнюю полосу, к Дусе Бачинской. Еще издалека заметил, что трактор стоит в борозде, а Дуси не видно. Ближе различил наконец, что она сидит на подножке кабины, обхватив голову руками.

— Что с тобой? — спрашиваю.

Дуся встрепенулась. По ее закопченному лицу бежали крупные слезы.

— Сама не придумаю, Степан Сергеевич,— виновато заговорила она,— как будто и борозда нормальная, и мотор исправно работает, а колеса прокручиваются, машина не тянет.

Будь это сказано в иное время, я рассмеялся бы над ней. Дуся Бачинская была очень молодой трактористкой, она, конечно, могла не знать всех причин, отчего машина плохо «тянула». Но в эту минуту и я смутился. А что, если в самом деле с мотором случилось что-либо серьезное? Поспешно сел за руль, включил мотор. Он надрывно взревел, однако ни на первой, ни на второй скорости не мог взять прицепа.

— Что ж, давай разбирать...

Снял капот, отвинтил крышки клапанов. Взглянул на головку блока, и сердце мое упало: гнезда клапанов разработаны настолько, что никакая притирка их уже не могла спасти. Головку блока надлежало заменить.

— Где? — спросила Дуся.

— Именно «где?» — поеду в МТС.

Я знал, что и в МТС нам едва ли помогут: запасные части на строгом счету.

К директору МТС Андрею Ильичу Холобсу мы пришли вместе с начальником политотдела Макаром Семеновичем Дьяченко. Долго сидели молча.

В эти минуты я мог бы напомнить многое руководителям станции. Сказать о том, что они отозвали из нашего колхоза новейшие машины, лучших трактористов. Но я знал, что эти машины сейчас где-нибудь под Старой Руссой тянут к линии фронта полевую артиллерию и лучшие трактористы в верховьях Волги и на Карельском перешейке удерживают натиск врага. Не проявлением ли личной слабости в трудную минуту были продиктованы эти мысли?

— Придется поговорить с мастерами, Макар Семенович,— заметил директор МТС,— может быть, они что-нибудь придумают.

И вот мы в тракторной мастерской. Начальник политотдела показывает токарям и слесарям головку блока.

— Да, обыкновенной притиркой здесь ничего не добьешься,— внимательно осматривая гнезда, задумчиво произнес механик Захаров.— Надо или менять головку, или...

— Снимать фаску с гнезда,— подсказал слесарь Хмелев.

— Верно! — воскликнул механик.— Обыкновенной шарошкой.

Шарошка — это простое приспособление, выдуманное механизаторами 30-х годов. С помощью его можно углубить отверстие и устранить деформированную грань гнезда; удивительно, как это раньше мне не пришло в голову! Но недаром у нас говорят: ум хорошо, а два лучше, у трех — палата.

Утром я ехал к трактору Дуси Бачинской. Позади была ночь, наполненная волнением, тревогой, трудом; на душе стало легко. Теперь я уже мог быть спокоен не только за трактор Дуси Бачинской, но и вообще за успех весеннего сева.

АВАРИЙНЫЙ СЛУЧАЙ

Однако и на этот раз меня подстерегала неприятность. Не успел я поставить головку блока в машину и подготовить трактор к запуску, с полевого стана прибежала взволнованная прицепщица Елена Гунтарь. В лице — ни кровинки, глаза растерянно блуждают...

— Степан Сергеевич, быстрее в табор!

— Что случилось?

— Феню Холомьеву зарезало.

Я похолодел. Феня Холомьева только нынче впервые села за руль, была одной из аккуратных и исполнительных девушек. Как же это могло произойти?

Тракторный агрегат, обслуживаемый женщинами во время весеннего сева. Киргизская ССР, 1942 г.

В таборе — полное смятение. Девушки выбегали из полевого вагончика, присоединялись к толпе, стоявшей у прицепа, снова возвращались, неся то кусок полотна, то кружку воды. В центре толпы, раскинув руки, лежала Феня Холомьева. Возле нее хлопотала Тася Сульдина, разрывавшая на полосы белое полотно для жгутов и повязок.

— Живая? — спросил я.

— Жива... жива, Степан Сергеевич,— поспешила ответить Тася,— ногу переломило.

«Все-таки не смерть»,— с облегчением подумал я и крикнул одному из подростков:

— Коля, быстро закладывай лошадь — и в больницу!

Тяжело стонавшую Феню осторожно уложили на взбитое сено в повозке. Николай выехал на Павловскую дорогу.

Теперь нужно было подумать над тем, кто заменит Феню Холомьеву на тракторе. Кто? — если в бригаде всего лишь четыре тракториста на четыре машины и все они работают по восемнадцать — двадцать часов в сутки.

— Придется мне садиться за руль,— подошла прицепщица Елена Гунтарь.

Я критически посмотрел на нее:

— А завести мотор хватит силы?

— Хватит, Степан Сергеевич,— тихо сказала девушка.

— Иди, Лена. Я к тебе в прицепщицы!

Это подала голос политрук Тася Сульдина.

— Но кто же будет читать газеты, сводки Информбюро, выпускать боевые листки, главное, по душам беседовать с людьми — ведь это очень важно, Тася!

— Не беспокойтесь, Степан Сергеевич,— рассмеялась Тася,— с минуты на минуту я жду к нам в бригаду помполита по комсомолу Ольгу Павлюсюк. Она будет здесь до конца сева. А я — на прицеп.

Ну и ловкая девочка! Как будто у нее все заранее предусмотрено и рассчитано, даже на аварийный случай!

Так, на ходу был сформирован новый агрегат, который впоследствии стал называться комсомольским. Пожелав девушкам успехов, я невольно вспомнил об одном боевом эпизоде, прочитанном ею же, Тасей Сульдиной: шел солдат со связкой гранат на амбразуру дота, но не дошел, пал на полдороге. И сейчас же его заменил другой, за другим — третий. Третьему удалось дойти до конца и заставить умолкнуть фашистский пулемет. Нет ли связи между двумя этими событиями, разделенными расстоянием и обстановкой? Да, разумеется, есть. И там и здесь единое стремление — приблизить час победы над врагом.

Теперь уже не оставалось времени даже для профилактического ремонта машин. Все было напряжено до предела. Четыре трактористки на четырех машинах работали, потеряв счет времени. В резерве были я да мой помощник инвалид Иван Клименко. В случае нужды он тоже мог сесть за руль трактора. Этот резерв был постоянно в действии, потому что любая из девушек не могла управлять машиной без отдыха.

Иногда глубокой ночью выйдешь из полевого вагончика, посмотришь по сторонам и прислушаешься: ага, трактор Дуси Бачинской остановился. Что-то неладно. Спешишь на помощь. Оказывается, тревога напрасна. Дуся, не покидавшая кабины день и ночь, просто выбилась из сил, здесь же, в борозде, заглушила мотор и, положив голову на руль, уснула: хоть пять минут, хоть одно мгновение дать отдых онемевшему от усталости телу, а потом снова за работу. Осторожно снимаешь трактори-

стку, перенесешь на полосу, не слышит — крепок молодой сон! — а сам на ее место.

В эти дни меня, бригадира, случай с Феней Холомьевой заставил насторожиться. Ведь не только по неопытности, но, главное, от крайнего переутомления Феня попала под плуг. Надо глядеть, и глядеть в оба.

ТЕЛЕГРАММА ОБКОМА

Завершили сев мы как-то незаметно. Просто однажды вечером Вера Лавриненко привела на полевой стан свой агрегат и сказала:

— Кончено, Степан Сергеевич.

Она говорила о Цветнопольской гриве, которая входила в ту сотню гектаров, взятую нами сверх плана. Странно, ни у меня, ни у других это известие не вызвало особого ощущения радости. Напротив, мы даже как будто немного растерялись, что так обыкновенно, так буднично дошли до цели.

— Ну что же, поздравляю вас, дорогие мои друзья,— только и нашелся сказать окружившим меня механизаторам и сейчас же добавил: — а теперь, девушки, спать, спать, спать за все дни и ночи, до самого утра!

Надо ли говорить о том, что эта команда была подана как нельзя более кстати! И все-таки ожидаемой радости мы не испытали не потому, что очень устали. Дело в том, что каждый из нас взял стремительный разбег вначале и мог бы еще идти, несмотря ни на что.

Утром в бригаду приехали председатель колхоза и начальник политотдела МТС. Отдохнувшие девушки встретили их шутками, веселым смехом — усталость как рукой сняло. Макар Семенович Дьяченко развернул четвертушку серой бумаги, окинул серьезным внимательным взглядом приумолкнувших механизаторов и торжественно прочитал:

«Телеграмма.

Областной комитет партии поздравляет тружеников колхоза «Путь крестьянина», инициаторов Всесоюзного соревнования, с завершением весеннего сева. Желает новых успехов в битве за урожай. Кулагин».

После оглашения телеграммы ликованию не было предела. Все вдруг как бы зримо ощутили этого обаятельного человека, полюбившегося за короткое пребывание в Павловке каждому.

— Михаил Васильевич час назад позвонил мне,— сказал начальник политотдела,— он просил вместе с телеграммой передать наказ, чтобы павловцы сберегли урожай и в срок убрали его.

— Уберем! — хором ответили механизаторы.

Урожай в тот грозный 1942 год обещал быть поистине отменным. Не успели мы завершить сев, как на первых полосах уже появились густые, дружные всходы. Солнечные дни сменялись туманными ночами, которые обильно поили хлеба теплыми росами. В начале июля пшеница выметалась в колос. Прошли дожди на цвету, и уже клонятся к земле тучные колосья. Быть хлебу!

А между тем мы ни на день не приостанавливали обыденных горячих летних дел. Пахали пары, косили сено, готовились к уборке.

И она не заставила себя ждать.

УРОЖАЙ ПОБЕДЫ

На полях колхоза было всего лишь пять комбайнов. Собрались мы как-то в правлении, прикинули и так и эдак — нет, ничего не выходило из того, чтобы завершить уборку за шестнадцать дней, как обещали в обязательстве. Даже при условии круглосуточной работы каждая из машин могла убрать 30—40 гектаров, 150—200 гектаров в сутки.

А у нас одной пшеницы четыре с половиной тысячи гектаров. Посеянный в короткий срок хлеб созрел дружно, густота полос такая, что и мышь не проскочит. Хватит ли сил убрать такой урожай? Правда, колхозные старики поняли нашу тревогу. Они снова собрались вокруг Михаила Аверьяновича Соромка и Сергея Емельяновича Ашеко — точили косы, серпы, делали грабки, собирали жатки и лобогрейки, но даже это стремление наших отцов не могло решить дела.

Уже в самый канун уборки вдруг Павловку облетела добрая весть: из Новокраснинской МТС дополнительно прислали три комбайна и трактор.

— Откуда же там-то их взяли? — размышлял я, шагая в контору, чтобы проверить этот слух. Я точно знал, что МТС не имела ни одной машины в резерве, что все комбайны давно уже распределены по колхозам. Может быть, новые подошли?

Не оправдалось ни то, ни другое, тем не менее радость моя была необычайной: к нам на уборку хлеба с тремя комбайнами и трактором прибыл Иван Акимович Многолетний. Кому из

хлеборобов страны не было известно это имя? В 1935 году он был инициатором Всесоюзного соревнования среди комбайнеров, первым применил и успешно доказал выгоду сцепов двумя-тремя агрегатами. Это был подлинный мастер своего дела, из тех, кого называют богатырями, человек большой души, огромного житейского опыта. Был он депутатом Верховного Совета СССР, занимал важный государственный пост, и вот в трудную минуту оставил все, чтобы снова взойти на мостик комбайна и оказать нам помощь.

— Видел я ваши хлеба,— говорил он, знакомясь со мною.— Таких, по-моему, не только Павловка, а вся Кулундинская степь еще не имела. Ах, хороши!

— Большому кораблю — большое плавание,— ответил я, выражая тем свою искреннюю признательность Ивану Акимовичу.

— Когда же приступим?

— Завтра, Иван Акимович. Пшеница на Цветнопольской гриве уже созрела.

— Ну что же, с нее и начнем.

— Знаете, Иван Акимович, есть у меня к вам одна просьба,— попросил я и остановился на полуслове.

— Что за просьба?

— Эта грива посеяна сверх плана, обрабатывала ее Вера Лавриненко, наша лучшая трактористка, понимаете, как бы в память о брате, погибшем на фронте, она очень хотела и убирать ее...

— Ну что же, раз это лучшая трактористка, значит, она знает трактор С-80. Я не возражаю. Но только работать на совесть.

— Вера — трехсотница.

— Добро.

Вечером я передал Вере наш разговор с Иваном Акимовичем. Она вся зарделась, глаза ее вспыхнули необычайно ярким пламенем, от волнения не могла произнести слова: шутка ли, водить комбайн прославленного Многолетнего, человека, о котором столько хорошего слышала!

Я не уверен, спала ли в эту ночь Вера, но утром она уже стояла на краю заветной полосы, серьезная, полная спокойной решимости.

Сцеп трех комбайнов, управляемый Иваном Акимовичем, открыл уборку.

Все мы, хлеборобы, ожидали большого урожая, но он превзошел наши ожидания. На первых же сорока метрах сжатой

полосы комбайнер подал сигнал остановки: бункера всех трех оказались полны хлеба. Даже сам Иван Акимович искренне удивился:

— Сколько лет я вожу комбайны, какие урожаи ни собираю, а с таким встречаюсь впервые.

К вечеру этого же дня началась уборка и во второй бригаде. Там работали комбайны Николая Левина и Владимира Каминского.

— Ума не приложу, что делать,— сокрушался председатель колхоза,— хватает бричек, лошадей, чтобы возить хлеб на тока, а возить некому. Людей нет.

Но, видимо, об урожае победы думали и беспокоились не одни мы, колхозники. На второй день после начала уборки на колхозных полях во главе с учителями появились ученики. Их подняла заведующая районо коммунистка Анастасия Матвеевна Юферева. Пришла с большой группой комсомольцев секретарь райкома комсомола Лида Шишко. В довершение ко всему из Новосибирска прибыли двести человек подростков из ремесленных училищ.

Началась упорная, решающая битва за хлеб.

В разгар ее снова приехал Михаил Васильевич Кулагин. Старики словно заранее были оповещены о его прибытии — так быстро они окружили его и повели на полосу, где весною из лукошек досевали клинья вручную.

— Узнаете, Михаил Васильевич? — смахивая пот с просветленного лица, указал на полосу Соромок.— Это наша с вами работа.

Они стояли у самого края полосы, и пшеница, шумевшая колосьями на легком ветру, касалась их плеч, обдавая терпким, густым запахом.

— Да ведь это не хлеб, а тайга,— смеялся секретарь обкома,— в нем заблудиться можно!

— А я бирочки поставил там, где вы сеяли, хотите покажу?

— Это для того, чтобы убедить меня в преимуществах ручного сева? — лукаво спросил Михаил Васильевич.

— Не в том дело,— ответил Михаил Аверьянович,— хотел узнать, легкая ли у вас рука.

— Ну и как?

— Ох и легкая!

Работа в течение суток не умолкала ни на минуту. День и ночь рокотали комбайны и тракторы, на полевых дорогах и межах слышались голоса возчиков зерна, на токах раздавался ритмичный перестук зерноочистительных машин.

Секретарь обкома побывал на каждом току, поговорил со всеми, кого встретил в поле, в селе, на проселочной дороге или на мостике комбайна. Прощаясь, сказал:

— Завершайте уборку быстрее. Фронт ждет от нас хлеб.

— Будет хлеб фронту,— заверили его колхозники.

И вот от центрального тока колхоза на тракт, ведущий к райцентру, вышел транспорт с зерном нового урожая. Везли его под красным флагом, с плакатами и лозунгами самые уважаемые, самые почетные люди колхоза. На одной из подвод сидел начальник политотдела Макар Семенович Дьяченко. Он часто оборачивался и приветливо махал рукой тем, кто остался на току. С этим первым обозом хлеба начальник политотдела уезжал на фронт, чтобы отстаивать Родину, громить врага с оружием в руках... Гвардеец тыла шел в боевую гвардию.

В тот день, когда на государственный элеватор был отправлен десятый, сверхплановый обоз с хлебом, снова приехал секретарь обкома партии. На этот раз на широкую улицу Павловки собрались хлеборобы обеих бригад. В торжественной, сосредоточенной тишине Михаил Васильевич развернул алое шелковое полотнище, обрамленное золотой бахромой. И все в один голос прочли:

«Переходящее Красное знамя Государственного комитета обороны колхозу «Путь крестьянина», Чистоозерного района, Новосибирской области,— победителю в социалистическом соревновании за урожай 1942 года».

Да, мы выполнили обязательства перед партией и Родиной. И хотя осенью 1942 года шли ожесточенные бои у Волги, еще сжималось смертельное кольцо вокруг города Ленина, мы назвали свой урожай урожаем победы, так как твердо верили, что рано или поздно она придет.

И победа пришла.

М. А. ГРИГОРЬЕВА

«ДЕЛЬНЫЙ МУЖИК»

«Красноармеец Николай Озеров погиб в бою у деревни Дубинки и похоронен на деревенском кладбище»,— читала я медленно письмо. Строки прыгали перед глазами, буквы двоились, расплывались. Острая боль пронзила сердце, разлилась по всему телу. С письмом в опущенной руке побрела я по полю. Оно словно расступилось перед моим горем. Кругом был такой покой, будто ничего не случилось, будто не убили Николая и не было нигде войны.

Хотелось плакать, да слезы выплакала.

Хотелось кричать во весь голос, да сил не хватало.

Хотелось перелететь на крыльях к далекой деревне, впиться в горло врага, да крыльев не было...

Ничего не видя, пришла домой. Встречали две березки в палисаднике. Николай посадил их прошлой весной. Сажал, растил, а теперь его не было...

Казалось, жизнь больше не имеет смысла. Ни одна минута не имеет цены. И вдруг я почувствовала, как кровь приливает к сердцу. «У меня должна быть такая же судьба, что и у брата Николая»,— промелькнуло в голове.

Поднялась на крылечко, зашла в дом. Огляделась вокруг: в комнате стояли и валялись вещи — из-за полевых работ некогда было заниматься домом. Еще раз оглянулась, схватила

Школьники из Горького на молотьбе в одном из совхозов области. 1944 г.

телогрейку с вешалки, завязала кусок хлеба в платок и вышла на улицу.

К утру была в районном центре, в райвоенкомате.

Обратно из районного центра еле ноги тянула. Слезы высохли, но внутри все горело. И так трудно было идти, будто сотни километров остались позади.

В армию не взяли. Просила, умоляла, плакала — ничто не помогло. Сказали, что в колхозе тоже фронт, особенно в уборочную.

Пришла вечером в село — и прямо в контору.

Председатель озабоченно говорил членам правления:

— Машиниста молотилки Степана Шатаренко призывают в армию, нужен дельный мужик, чтобы заменить его.

— Возьмите меня...— сказала я каким-то не своим голосом.

Председатель даже вздрогнул от неожиданности; никто не видел, как зашла я в контору.

На следующий день работала помощником машиниста. Уже через неделю выполняли норму обмолота на 180 процентов.

Жила в избе со старой матерью. Оставаться в доме было невмоготу. Покручусь час, другой в постели — и в поле. Затемно

приходила к молотилке. Чистила сита, соломотряс, перетягивала ремни, смазывала подшипники, еще и еще раз осматривала всю машину. Когда в молотилке все сделаю, начинаю проверять, на месте ли ведра, грабли, вилы, есть ли запас воды в бочках. Работа всегда находилась...

Точно и аккуратно выполняли мы все правила ухода за машиной. Через каждые два часа останавливали молотилку и очищали ее, через каждые пять часов проверяли подшипники, битера, шатуны. Изучили так машину, что угадывали все ее капризы.

— Как за дитятей малым ухаживают,— говорили колхозники.

— Зато и работает нынче, как никогда,— отвечали другие.

Как-то к молотилке подвезли пшеницу, всю покрытую темными куколиными стеблями. Колос совсем затерялся.

— Столько хлеба-то пропадает,— сокрушался председатель колхоза.

— А может, попробуем очистить? — спросила я.

— Как же ты очищать ее будешь? Руками, что ли, пшеницу станешь выбирать? Сито куколь-то пропускает.

Возражать было нечем: сито молотилки не отсеивало зерен куколя. Но из-за этого я потеряла покой. Всю ночь не спала, все думала, как спасти хлеб, и ничего не могла придумать. Выход нашелся неожиданно и очень просто. Вдруг вспомнила, что в колхозной кузнице завалялось трехмиллиметровое сито от старой молотилки. Если его приспособить к машине, думала, куколь отсеется от пшеницы. Рано утром была в кузнице. Колхозный сторож старик Никитич так удивился, что даже рассердиться позабыл.

— Бес в тебе неугомонный, девка, сидит,— говорил сонный Никитич. Однако в кузницу пошел.

При свете «летучей мыши» разыскала я нужное мне сито. Взгромоздила его на спину и отправилась в поле к молотилке. Скоро новое сито было прилажено к машине. Когда подали в барабан первые снопы, я вся превратилась в слух, вслушивалась в барабанный гул, поглядывала на рукав элеватора. И вот бригадир достал первый ковш обмолоченной пшеницы, зерно было чистым. Засоренный хлеб удалось полностью очистить от куколя.

Спустя несколько дней после окончания молотьбы зашел ко мне в дом председатель колхоза. Скрутил он папироску, прикурил ее от уголька из печи и некоторое время глубоко втягивал дым. Председатель молчал, а я говорила о подготовке

к зиме, хотела узнать, куда молотилку на зиму поместить. Накурился он и заговорил. Трудно руководить колхозом, в котором одни бабы и дети. Да и тех было тогда не густо. Но наш председатель не любил жаловаться, понимал: война. Только, бывало, заговорит, будто поделиться мыслью хочет, посоветоваться надумает.

— Что-то не клеится у наших лесорубов с работой, отстаем от других колхозов, отстаем,— медленно тянул дым председатель.— Не знаю, где взять дельного мужика в бригадиры.

— Раз нужно, пошли меня,— говорю.

Запрягла я в тот же день лошадь и поехала на лесной участок. Добралась быстро, было еще совсем светло.

Спрыгнула с повозки и остановилась от удивленья: колхозницы складывали инструмент и собирались домой. Подошла к учетчику. Задание было выполнено на 70 процентов. Скинула я тут тулуп и начала настраивать пилу. Затем молча подошла к широкоствольной, уже надрубленной сосне и начала пилить. Пила шла легко и ровно. Опилки узкой тропкой ложились на снег, в воздухе запахло смолой. Темный ствол дерева покачнулся раз-другой и грузно рухнул на снег, задевая раскидистыми ветвями своих соседей.

— Не может быть, чтобы нельзя было выполнить норму,— сказала подошедшим женщинам и взялась за следующее дерево.

Колхозницы переглянулись и пошли за пилами. Норму в этот день бригада выполнила полностью.

На ночевку возвращались уже затемно. Заснеженная тропа петляла между соснами. Звезды прорывались сквозь паутину веток, впивались серебристыми лучами в изрытый ногами снег. Деревья в сумерках наступающей ночи стояли темной стеной.

— Эх, и такую землю поганят проклятые! Сердце горит,— вырвалось у меня.

— И впрямь горит,— отозвалась одна из женщин.— Нынче не работать нельзя, стыд заест.

— Что верно, то верно,— сказал кто-то из бригады, шагавший сзади меня.— Теперь так: или на фронт идти и всего себя отдать, или не жалеть сил тут.

На следующий день бригада выполнила норму на 150 процентов. А месяц спустя колхоз «Потребкооперация» первым по сельсовету закончил план лесозаготовок и получил переходящее красное знамя.

Только вернулась с лесозаготовок, снова в моем доме гостем был председатель колхоза. Поговорили о лесозаготовках, о том о сем. Неторопливо раскурил он крепчайший самосад, расска-

зал, что с бычком Ермошкой нет сладу, и о других колхозных новостях; а потом как бы невзначай бросил:

— С кормами беда. А кого пошлешь за тридцать километров? Тут требуется крепкий мужик...

— О чем толковать? — перебила я председателя.— Раз требуется, значит, завтра спозаранку выеду.

На печке заохала мать:

— Бога ты побойся, Антоныч! Дай хоть денек-другой девке передохнуть, ведь она как-никак месяц с лишком в лесах провела.

— Да я что? Отдохнуть надобно, конечно,— затянулся новой папиросой председатель.— Я только о кормах высказался.

— Не дело говорите, мама, не дело,— вмешалась я в разговор.— Сын ваш, Василий, когда после боя новый бой начинается, небось не предлагает фашисту: «Давай отдохнем», а без передышки бьет проклятого. И Николай тоже небось на отдых не просился во время боя.

Мать только охала всю ночь да переворачивалась на печке с боку на бок.

Спозаранку выехала я с подростком Сережей на дальние луговины. На обратном пути нас настиг буран. Сначала была в степи тишь да гладь. Только хрустел под полозьями снег, легко поскрипывали сани.

Ветер поднялся со стороны Иртыша. Он понес по степи крутые столбы снежной пыли и пригнал тяжелые облака. Степь сразу погасла, потускнела.

Ветер швырял в лицо сухие, колючие охапки снега, леденил дыхание. Ехать становилось все труднее и труднее. Мой маленький помощник Сережа совсем растерялся. Он весь дрожал, носик посинел, в глазах стояли слезы. Пришлось снять с себя тулуп и укутать паренька.

А буран все крепчал, хищно выл, не давал поднять голову. Вдруг яростный порыв ветра сдвинул сани в высокий сугроб. Кинулась я поднимать их и выпрягать лошадей. На ветру это было очень трудно. Промерзшая упряжь выскальзывала из окоченевших рук, кони припадали, казалось, никакая сила не сдвинет их с места. А тело ломило от усталости. Отяжелевшие руки с трудом повиновались, хотелось опуститься на снег. Но это был бы конец, и мой и Сережи. Я напрягла все свои силы и сдвинула сани на старое место.

Ехать дальше нечего было и думать. Пришлось свернуть в ближайший березняк. Здесь, за деревьями, было тише. Когда к вечеру буран стих, тронулись в путь. Ехали всю ночь и только

к рассвету были дома. Я переоделась, позавтракала и пошла запрягать лошадей для следующего рейса.

А когда кончили возить сено, оказалось, что колхозный конюх совсем заморил лошадей. На конюшню потребовался «дельный мужик», чтобы навести там порядок. И я стала конюхом.

Лошади быстро пришли в себя. Я их два раза в день чистила, хорошо кормила, в конюшне навела чистоту.

Зоотехник райземотдела как-то сказал, что скотину полезно поить теплой водой, а еще лучше «чаем», настоенным на сене. И я каждый день поила своих лошадей «чаем».

Шорник Емельяныч хихикал:

— Ты бы, девка, самоварчик конский завела да сахаром потчевала лошадей.

Емельяныч был в обиде на меня. Не в свои, казалось ему, дела вмешивалась. Повадилась к нему на шорню и ругалась за самую малую ссадину на лошадях от плохо подобранной упряжи.

— Конюх есть конюх, и его дело — скотину кормить, навоз чистить, а не в шорниковы соображения вмешиваться,— ворчал старик, и его жалобы поддержали те колхозники, которым доставалось от меня за плохое обращение с лошадьми.

— Въедливая девка, беда! — говорили они Емельянычу.— Слово скажет, что твоим шилом прошьет.

К весне все колхозные лошади имели хорошую упитанность и были готовы к полевым работам. Даже дед Емельяныч одобрительно покрякивал, глядя на сытых, исправных коней.

— Хороши кони, ничего не скажешь,— говорил он.— Для такой скотины и сбрую приятно готовить...

В тот год уже в марте быстро растаяли снега, на деревьях набухли почки. Солнце пригревало так, что женщины сняли мужские тулупы, оделись в легкие телогрейки. В апреле земля уже звала пахаря.

Стали думать-гадать, как побыстрее поля засеять. Лошадей-то раз-два и обчелся. МТС могла прислать только два стареньких трактора. Колхозники решили подсобить артели коровами. Сделали упряжки, и пошли наши кормилицы землю пахать.

В районной газете писали, что есть пахари, которые однолемешным плугом выполняют за день две нормы. Агроном из района подтвердил это и еще рассказал о высокой выработке горьковского комсомольца Турышева. Он вспахал однолемешным плугом 2,78 гектара при норме 1 гектар.

Бригадир Титов недоверчиво пожал плечами.

— Не слыхивал, чтоб и взрослые мужики столько за день пахали, а тут паренек...— проворчал он.

Сытые, хорошо отдохнувшие лошади бодро шли в борозде. Лемех глубоко вспарывал землю. Плуг словно разматывал черную ленту. Все мое внимание было на этой борозде да на лошадях. Не замечала ни времени, ни усталости.

В два часа дня пахари сменили лошадей. От часового отдыха я отказалась. Наскоро закусила и снова взялась за ручки плуга. Последний круг сделала, когда было уже совсем темно. Учетчик замерил работу — оказалось 2,77 гектара.

— У Турышева 2,78,— сказала я учетчику.— Сегодня своего обязательства не выполнила.

В самый разгар весенних работ на полевой стан приехала легковая райкомовская машина. Секретарь райкома партии подошел ко мне и крепко пожал руку.

— Поздравляю вас,— говорит,— Мария Андреевна, с высокой правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени.

В речи назвал меня богатырем труда. Сказал, что любовь и ненависть помогали мне в работе, вдохновляли на трудовые подвиги.

Потом взял слово Сергей Антонович, председатель колхоза. Он рассказал, какие работы в колхозе я выполнила за полгода военного времени. Цифры приводил: на сколько процентов перевыполняла нормы молотьбы, сколько кубометров дров заготовила моя бригада, сколько сена перевезла зимой с дальних луговин, сколько гектаров земли вспахала в ту весну.

— Дельного мужика, а иной раз и двух вполне заменяет эта девушка,— заключил председатель.

А я стояла в тени под навесом, слушала речи обо мне и завязывала на своей косынке ненужные узлы. Губы дрожали, горло давили спазмы. Хотелось по-женски громко заплакать: и потому, что так высоко оценили мой труд, и потому, что Николай никогда не узнает об этой радости. Но «дельному мужику» плакать на людях не полагалось.

Дома — дело другое. Дома можно было и поплакать. У двух березок. Двух густолистых, которые садил Николай, которые растил Николай...

Д. М. ГАРМАШ

ДОРОГОЮ К ПЕРВЕНСТВУ

Впервые я села за руль трактора в 1936 году, после окончания курсов трактористок. Четыре сезона работала рядовой трактористкой. Потом был годичный перерыв. Отечественная война застала меня домашней хозяйкой.

Помню, в декабре 1941 года меня пригласил к себе директор МТС В. П. Евтель.

— Дарья,— обратился он ко мне,— дело к тебе. Не могла бы ты организовать женскую тракторную бригаду?

Недавно я отправила мужа на фронт. Осталась с двухлетней дочерью. Трудно было мне. Но кому же легче теперь, подумала, и дала согласие.

По прежней работе я знала трех девушек — Марусю Кострикину, Нюру Демидову, Катю Кочетыгову. Сразу же после беседы с директором МТС встретилась с ними, переговорила. Девушки согласились на совместную работу, и я включила их в свою бригаду.

— Мало нас, нужны еще три трактористки,— сказала я Кострикиной.

— А ты возьми девушек из числа только что окончивших курсы,— посоветовала Маруся.

Так и сделала, и в нашу бригаду вошли шестнадцатилетняя Нюра Стародымова и Аня Фомина. Комсомольская орга-

низация помогла найти шестую трактористку — Нюсю Анисимову. Учетчицей-заправщицей взяли Полину Метелкину, девушку грамотную, но с трактором она никогда дела не имела. Моим помощником дирекция МТС назначила Н. Г. Афиногенова, инвалида Отечественной войны, до войны он несколько сезонов работал трактористом и комбайнером. В таком составе сформировалась наша бригада к весеннему сезону 1942 года. Более чем наполовину она состояла из новичков. Бригадир тоже впервые руководил бригадой. Не имел опыта руководящей работы и мой помощник.

Обсудив с дирекцией МТС положение дел, организовали работу так, что новички, по крайней мере в первое время, находились под наблюдением опытных трактористок. Напарницей Нюры Стародымовой была, например, Маша Кострикина. С Аней Анисимовой работала Катя Кочетыгова. Опытные трактористки учили своих юных подруг заводить трактор, управлять машиной, устранять мелкие неполадки.

— Не тушуйтесь, девчата, не бойтесь, привыкнете,— ободряюще говорила Кострикина.

И девушки не падали духом, упорно осваивали новое для них дело. К исходу первой недели наши новички уже самостоятельно управляли трактором на пахоте. Отсутствие практического опыта восполнялось молодым комсомольским задором и напористостью.

Еще до выезда в поле мы сговорились не жалеть себя, заслужить похвалу фронтовиков. Перед весенним севом прочитали обращение трактористок Северного Кавказа.

«Дорогие подруги трактористки,— говорилось в этом обращении.— Выходите на Всесоюзное социалистическое соревнование. Не отставайте в своей трудовой доблести от героев фронта. Ни за что не допустим, чтобы наши фронтовики терпели нужду в продовольствии...»

Горячие призывные слова трактористок Северного Кавказа глубоко проникли в нашу душу. Мы приняли их вызов и включились во Всесоюзное социалистическое соревнование. Необходимо было выработать за сезон на каждый 15-сильный трактор не менее 700 гектаров и сэкономить 15 процентов горючего. Конечно, принимая эти обязательства, мы не помышляли тогда о всесоюзном первенстве. У нас было более скромное желание — добиться первенства в своей машинно-тракторной станции. С этой целью мы заключили договор на соревнование с тракторной бригадой Селиванова, которая в то время считалась лучшей в МТС.

Красный обоз с хлебом нового урожая направляется на ссыпной пункт. Узбекская ССР, 1944 г.

Чтобы выйти победителями в соревновании, мы всерьез подготовились к работам. Разобрали и тщательно проверили все наши тракторы, а их было всего три. Устранили обнаруженные дефекты, хорошо отрегулировали машины.

Задолго до полевых работ я съездила в колхоз «Красный пахарь» и вместе с его председателем осмотрела колхозные поля, изучила их, наметила пункты заправки горючим, семенами. По моему требованию колхоз тогда же выделил возчика горючего, водовоза, прицепщиков. Встретилась я с этими людьми, познакомила с их обязанностями. Правление колхоза отвело нам чистую хату, поближе к месту работы.

Выезд бригады в поле был для нас настоящим праздником. Но он омрачился неожиданным происшествием. Трактор № 38, не дойдя до колхозного поля, потерпел аварию. Хотя авария произошла не по вине бригады, некоторые колхозники открыто начали выражать недовольство.

— Девок прислали,— ворчали колхозники.— Сев сорвать захотели.

Дружными усилиями мы быстро исправили неполадки в тракторе и завели его.

С первых дней у нас повелось не оставлять в беде подругу. Нюре Стародымовой нелегко давалась заводка трактора. Аня Анисимова, девушка более крепкая, работая на своей машине на соседнем загоне, всегда держала под наблюдением трактор Стародымовой и в нужную минуту приходила ей на помощь.

Особую чуткость и внимание к молодым подругам проявляла Маша Кострикина. Как самая опытная в бригаде трактористка, она и во время работы, и при пересменах, и даже на отдыхе делилась своим богатым опытом.

Дружба помогла бригаде завоевать на весеннем севе первенство в МТС. 19 июня она первой выполнила весь годовой план тракторных работ и сэкономила две тонны горючего. Окрыленные этой победой, мы пересмотрели свои первоначальные обязательства и решили дать за год по две сезонные нормы на трактор. От борьбы за первенство в МТС бригада перешла к борьбе за первое место в Рязанской области. А когда завоевали первенство в области, стали бороться за всесоюзное первенство.

Высокая производительность труда, которой мы добились, привела к тому, что наша бригада в начале октября 1942 года выполнила свое второе обязательство: сделала на каждый трактор по две сменные нормы. Этот успех еще более воодушевил нас. Обсудив итоги своей работы, мы взяли на себя третье обязательство: поднять своей бригадой не менее 500 гектаров зяби. И снова обязательство не разошлось с делом: к 5 октября бригада вспахала 500 гектаров зяби.

Мы не увлекались рекордами ради рекордов, в ущерб средней выработке. В бригаде не было случая, чтобы на тракторе, на котором сегодня выполнена сменная норма на 300—400 процентов, назавтра выработали 50—60 процентов нормы. Весь сезон тракторы работали планомерно, без рывков и изо дня в день давали высокую производительность. Так работали не только опытные трактористки, но и новички. В первый год работы они еще не догнали своих старших подруг, но дневную выработку всегда выполняли и перевыполняли и далеко обогнали многих старых трактористов из других бригад.

Самоотверженная работа девушек-комсомолок — а нас было вначале трое: Нюра Стародымова, Аня Фомина и я — оказалась лучшим агитатором за комсомол. Маруся Кострикина присматривалась к своей юной подруге, можно сказать, к своей ученице комсомолке Стародымовой, а потом решила вступить

в комсомол. Вслед за ней в ряды комсомола вступили и другие трактористки. Таким образом, наша женская тракторная бригада стала к концу года комсомольской тракторной бригадой.

Важное значение в нашей работе имели порядок и дисциплина. У нас было все продумано, рассчитано. Ровно в пять часов утра мы поднимались. За полчаса чистили машины, смазывали их, подтягивали крепления. Учетчица в это время замеряла горючее и заливала в баки тракторов керосин. Вместе с помощником я осматривала моторы, помогала устранить неисправности. Только убедившись, что машины исправны, мы шли завтракать.

Экономили буквально каждую минуту. Чтобы не допустить затраты времени, я заранее знакомилась с теми участками, которые бригаде предстояло обрабатывать, намечала пункты заправки водой, горючим, прикидывала, откуда лучше заезжать, чтоб сократить холостой перегон тракторов. Доливка воды в радиатор производилась, как правило, на поворотах, когда снижалась скорость трактора.

Трактористки старались выжать из трактора все, что он мог дать. На пахоте, например, к трактору кроме плуга обязательно прицеплялась борона. Такое агрегатное боронование повышало общую выработку бригады почти на 9 процентов.

В середине лета того же 1942 года по инициативе трактористок в МТС был разработан текст ежедневного боевого задания трактористу, который был отпечатан потом в типографии. В «Боевом задании» указывалось, сколько трактористка должна сделать за смену не по норме выработки, а по ее обязательству в соревновании. По окончании смены учетчица-заправщица на бланке «Боевого задания» делала отметку о том, что трактористка сделала за смену, и отсылала его в политотдел МТС.

У меня сохранилось «Боевое задание» Маши Кострикиной.

Боевое задание на 2 июня 1942 года

Товарищу Кострикиной М. И.

Ты работаешь в тылу, на колхозных полях. Помни, что работа на колхозном поле — это тот же фронт. А тот, кто самоотверженно, не щадя сил своих, трудится в тылу,— такой же боец, как и воин Красной Армии.

Дирекция и политотдел МТС дают тебе сегодня боевое задание: вспахать за смену 6 гектаров.

Выполни с честью это боевое задание, и этим ты поможешь своей Родине в разгроме врага!

Помни, что ты участник Всесоюзного социалистического соревнования за высокий урожай и борешься за перевыполнение плана МТС.

Работай по-фронтовому, образцово ухаживай за вверенной тебе машиной, береги ее, как бережет боец Красной Армии свое оружие на поле битвы, и ты добьешься победы.

Дирекция и политотдел МТС желают тебе успеха в твоей работе.

Директор МТС В. П. Евтеев
Начальник политотдела И. А. Малов

Выполнение боевого задания за 2 июня 1942 г.

Вспахано 7 гектаров.
Учетчица десятой бригады П. Метелкина.

Трактористки с большим уважением относились к таким заданиям и, как правило, их перевыполняли.

Благодаря самоотверженной работе бригада выполнила план тракторных работ в 1942 году на 256 процентов, выработав на каждый 15-сильный трактор 1084 гектара и сэкономив 6148 килограммов горючего. Бригада заняла первое место во Всесоюзном социалистическом соревновании женских тракторных бригад. ЦК ВЛКСМ присвоил нам свое переходящее Красное знамя, на котором было написано: «Лучшей женской тракторной бригаде Советского Союза» [1].

Наркомзем СССР присудил бригаде первую премию в размере 10 000 рублей.

Совсем немного отстали от нас другие передовые трактористки страны. Бригады Анастасии Резцовой из Бронницкой МТС, Московской области, и Анны Кирюшиной из Тюкалинской МТС, Омской области, достигли почти такой же выработки, как и наша бригада. Женская бригада Красноармейской МТС Саратовской области выполнила план на 241 процент и сэкономила 7526 килограммов горючего.

В конце 1942 года наша бригада выступила застрельщиком Всесоюзного социалистического соревнования женских тракторных бригад в 1943 году. Мы обратились к своим подругам по труду с призывом, который заканчивался, помню, так:

«Пусть наш беззаветный труд на колхозных полях ускорит полный разгром немецко-фашистских захватчиков...»

[1] Знамя находится на хранении в Музее революции СССР в Москве.— *Ред.*

25 НАШИХ ДЕТЕЙ

Что касается моих детей, то вспоминается, например, такой случай. Это было перед войной, не то за год, не то за два. Пришла я тогда в Ставропольский дом ребенка и говорю:

— Еще бы четверых мне...

Обратилась к женщине, которая среди других начальницей выглядела. И не ошиблась: она это и была. Только почему-то меня сразу не поняла.

— Четверых? — переспросила.

— Да,— говорю твердо,— четверых на воспитание взять бы.

— У вас нет детей?

— Как же,— отвечаю,— дети есть, шестеро.

И объясняю, что двое сыновей уже в армии действительную отбывают, дочь успела замуж выйти, третий только в школу пошел — восьмой год ему, а остальным двум чуть больше трех лет.

Нашим разговором заинтересовались другие женщины, подошли. Смотрят на меня так, будто я с неба свалилась.

— Не трудно ли будет вам воспитывать еще четырех? — обратилась ко мне женщина из тех, которые подошли.

Ну, рассказала им о наших достатках. А имели мы дом хороший, спасибо государству, помогло выстроить. И хозяйство

Колхозницы-удэгейки Хибаша Кимонко и Суянка Кимонко готовят подарки для воинов Советской Армии. 1944 г.

было не хуже, чем у односельчан наших. Да и хозяин Емельян Константинович — муж мой, значит, неплохо зарабатывал на нефтепромыслах. Рассказываю так вот, а сама боюсь, что откажут, не дадут мне детей.

— Уважьте нашу просьбу,— обращаюсь к начальнице.

И уважили. Уважили, спасибо им. Сказали, что на нас можно положиться. Раз, мол, своих правильно воспитывали, то и этих не обидите. Рассудили, как нужно.

Сколько я бессонных ночей провела у постели четырех наших малюток — тех, которых взяли! Теперь-то они были нашими, родными. Тут и Емельяну Константиновичу досталось. Придет, бывало, со смены — и к постели: как, дескать, наши-то, растут?

Растут, говорю, растут наши детки, ты уж посмотри за ними, а я по хозяйству управлюсь. И смотрел, ходил. А ребята были болезненные, беда какие слабенькие. Что греха таить, намаялись мы с ними. Но мы не серчали, а воспитывали, даже радостно было на сердце оттого, что столько детей у нас.

А ведь и те шестеро — не все наши кровные были. В 1919 году на Кубани, в обозе, который белые разбили, я трех малы-

шей нашла. Жалко было бросать на произвол судьбы, взяла, начала воспитывать. Этим трем своим первенцам среднее образование дали еще до войны. Комсомольская организация говорила как-то: «Вы, Александра Абрамовна, и вы, Емельян Константинович, воспитали ребят стойкими, мужественными людьми». Так и сказали. А что еще нужно родителям?..

Война принесла нам немало горя. С фронта пришло известие о гибели старшего нашего — танкиста Тимофея. Какой это хлопец был!.. И работящий, и родителей почитал.

Трудно описать, как мы пережили утрату Тимофея. Емельян Константинович темнее черной тучи ходил. Я немного отошла, а он никак не мог осилить себя.

За одним горем другое ввалилось в дом: пришло известие, что дочка наша, Прасковья, с двумя внуками от вражеской руки полегла. И только письма младшего сына Дмитрия, офицера, подбадривали.

Тогда в трудном переживании за детей такое решение приняли: взять еще шестерых на воспитание. Много их, сирот, в те дни прибывало в Ставропольский край из Ленинграда и других мест. Потом взяли еще девятерых малышей, родители которых полегли в сражениях на Волге, за Украину, Белоруссию.

Бо́льшую часть своей жизни отдала я детям. И Емельян Константинович тоже. Все свои силы и средства отдавали им. Спасибо государству за помощь. Без него не поднять бы нам детей. Ведь двадцать пять их было у нас. И все сыты и все тепло одеты.

Радостно было смотреть, как по утрам высыпала из дома веселая гурьба детворы. Малыши оставались у дома, играли в игры разные, а десять сыновей и дочерей в школу уходили.

Дети росли хорошими. Поиграют, бывало, а потом и по хозяйству помогут. Старшие девочки за малышами присматривали, а мальчики, которые повзрослей были, за коровой, овцами смотрели. Всем работа находилась, кроме, конечно, тех, которых на руках носить приходилось.

Дети радовались жизни, и мы, родители их, тоже. И почет, уважение от людей было за то, что столько детей усыновили, вернули сиротам счастливое детство.

Прошли годы, и дети наши выросли, хорошими людьми стали.

Я. И. ГЛОТОВ

ТАНКИ ЗА НАШ СЧЕТ

Жизнь тогда в колхозе наладилась. Только жить да радоваться жизни. Но грянула война. Собрали мы со старухой Еленой Петровной мешки Ивану и Василию и отправили сыновей в армию. Мать всплакнула, конечно. А я старый солдат.

— Идите, так надо,— сказал детям.

Ушли они и не вернулись домой...

В поселке остались старики, бабы да ребятишки. Особенно досталось женщинам. Заменили они мужей, отцов, братьев и сыновей. Работали и трактористами, и комбайнерами, и конюхами, заменяли севцов, пахарей. Трудно же им было, ох, как трудно. Вся тяжесть посевных и уборочных работ на их плечах была. Брались за любое дело. Стоило только девчушке Ане Сарычевой из Платоновского района организовать женское звено косарей, как через несколько дней такие звенья появились и у нас в колхозе. Не было в поселке такого, чтобы женщины брали в руки косы. А тут стали косарями, да еще какими косарями! Все озимые и яровые убрали. Крюком скашивали в день до гектара озимых! Моя старуха, Елена Петровна, тоже схватилась за косу, еле удержал.

— Не по твоим годам это занятие,— сказал и ушел с косой в поле.

И ребятишки очень много работали. Даже жалко смотреть было. Трудились постоянно в колхозе. Ухаживали за посевами, убирали хлеба, собирали колосья. Те, что пошустрее да покрепче, пахарями были. А им-то, пахарям этим, по тринадцать-четырнадцать годков всего, только от земли поднялись.

Славно работали на колхозных полях и мы, старики. Василий Михайлович Припадчев за лето выработал больше 100 трудодней. Не усидел дома и 70-летний Егор Ионович Манаенков. Он скосил крюком семь гектаров хлебов, уложил в скирды 80 копен ржи и выработал за лето 150 трудодней.

Мы, старики, тогда на вес золота были. Женщины без нас ни на шаг. Все за советом бегали: и это как, и то как. Инструкторами колхозными были. Учили женщин и подростков косить, пахать, сеять, ухаживать за лошадьми, ремонтировать упряжь и сбрую. Несмотря на превеликие трудности, колхоз действовал. Весной 1942 года поднатужились и засеяли около 200 гектаров даже сверх плана, в фонд обороны.

А враг напирал. Его самолеты часто с воем проносились над нашими полями. Развесит он вечером фонари над Грязями и Кочетовкой, и начинается бомбежка. А в нашем поселке были детские ясли, эвакуированные из Смоленска. Завидят эти фонари и без того напуганные детишки, заслышат уханье бомб и стрельбу зениток и кричат, прячутся кто куда, жмутся, бедные, к взрослым. Смотришь на них, бывало, успокаиваешь, а у самого сердце кровью обливается, душа на части разрывается.

А что поделаешь? Не собьешь же этих антихристов граблями.

Боялись мы тогда, что вот-вот прорвутся и к нам неприятельские танки, и окажемся мы под сапогом фашиста.

А разве хотелось нам влачить собачью жизнь, ходить в ярме, как скотина, работать на фашистских господ?! Нам, старикам, памятны еще свои, царские господа. Много мы от них натерпелись.

Я работал тогда, до революции великой, у захребетника нашего, помещика Брусенцева. Зимой ухаживал за скотом, летом работал на поле, а жена, Елена Петровна, кухарничала, готовила для господ обеды. Платил Брусенцев нам пять рублей в месяц, из них один рубль удерживал за содержание нашего ребенка. Жили мы у помещика в крохотной комнатушке. Спали тут же, прямо на полу, на дерюгах и тряпье. О койках и речи не было. Как свиньи жили. Так и мыкать бы горе до самой смерти, если бы не революция...

Кому же хотелось забираться в новое ярмо, да еще чужое?..

Работали мы в те дни от зорьки до зорьки. Но где-то сверлило, как бы еще большую помощь армии оказать. Но как? — вот заковыка. Некоторые успокаивали, говорили, что фронт и так не в обиде на колхозы. И хлеб, и мясо фронтовики имеют, и теплые вещи — те, что колхозники в подарок отправили,— с благодарностью носят.

— Правильно работаем мы, сами видите как. И все для фронта,— потягивая дым самокрутки, говорил Василий Михайлович Припадчев, наш стариковский политик. Если бывает неясность какая, мы всегда к нему: мол, рассуди, Василий Михайлович.

Думали мы, думали и порешили отдать нашей армии все деньги, какие только есть. Но, по правде сказать, тут мы встали в тупик: что можно сделать на деньги?

Посоветовались с председателем колхоза Василием Титаевичем Манаенковым. Выслушал он нас и сказал:

— Хорошо вы надумали, отцы. Соберем мы с вами деньги и отдадим их государству. Пусть оно построит на эти деньги танки, да такие, чтоб по-нашему, по-русски давили эту фашистскую нечисть. Вот это и будет самая настоящая наша помощь фронту.

А на другой день в здание правления начали сходиться колхозники на общее собрание. С волнительной речью выступила перед нами, колхозниками и колхозницами, заведующая эвакуированными детскими яслями колхозный секретарь партийной организации Ольга Семеновна Дельская. Хорошо говорила, просто, душевно. Говорила так, что у каждого из нас еще больше разгорелась ненависть к врагу. Кажется, схватил бы вилы — и на фронт...

А когда Василий Титаевич, наш председатель, рассказал колхозникам о нашем предложении, то со всех сторон понеслось:

— Правильно!

— Ничего не пожалеем для фронта!

— Поможем своим мужьям и сыновьям!

В этот день на строительство танков каждый вносил столько, сколько мог внести, все свои сбережения. У кого не было денег — продавали на колхозном рынке, что можно было продать.

Сто тысяч рублей собрали мы тогда на постройку танков...

О нашем почине тут же узнали во всем Избердеевском районе. Говорили, что в 125 колхозах состоялись митинги и собрания. Колхозники района обратились с письмом ко всему

Танковая колонна «Тамбовский колхозник», построенная на сбережения колхозников Тамбовской области. 1943 г.

деревенскому люду области. Тогда это письмо было напечатано и в нашей районной газете. Она у меня хранится надежно, за семью печатями.

«Немного времени прошло с тех пор, как у нас возникла мысль начать сбор средств на сооружение боевых машин,— писали избердеевцы,— однако подпиской уже охвачено 4 тысячи человек на сумму 1 300 000 рублей. Внесено наличными 670 тысяч рублей. Сбор средств продолжается».

«Поддержите наш почин,— продолжали колхозники нашего района,— организуйте сбор средств на строительство танков. Дадим Советской Армии могучую колонну движущихся крепостей и назовем ее «Тамбовский колхозник». Пусть грозной бурей врываются наши танки в самую гущу боя, пусть разят они поганых немецко-фашистских захватчиков огнем своих пушек и давят их гусеницами, пусть защищают вольную и радостную жизнь колхозного крестьянства!..»

Весть, что птица... Заглянула она в каждое село, в каждую деревню.

Не было на Тамбовщине колхозника, который стоял бы в

стороне от этого дела. Дело-то самое что ни на есть благородное. К примеру, могла ли Ольга Чичканова, председательница колхоза «Новый свет», Ржаксинского района, не внести деньги на колонну? Не могла. При проводах мужа в армию она обещание дала, что будет изо всех сил помогать фронту, что колхоз «Новый свет» станет самым передовым в районе. Свое слово она сдержала. А когда началась подписка на колонну, принесла 10 тысяч наличными.

Или, скажем, Погонин, кузнец из колхоза имени Мичурина. Также не мог не внести. «У меня,— сказал он,— в армии три сына, все трое — лейтенанты. Я вношу на строительство танковой колонны 3 тысячи рублей: по тысяче на танк для каждого из моих сыновей». Для сыновей внес кузнец Погонин. Как же можно было не внести для своих сыновей?..

Даже дети малые вносили. В нашей районной газете было помещено письмо школьницы Оли Борисовой.

«Мне тетя прислала 40 рублей. Я их вношу на постройку боевых машин, чтобы наша Советская Армия скорее разгромила фашистов, очистила от них нашу землю, дала бы нам возможность учиться и трудиться».

Вот так и пошло и пошло по области. Весь народ поднялся. В течение двух недель с небольшим область дала государству на строительство танковой колонны более 40 миллионов рублей!

Вручать колонну танкистам выезжали самые уважаемые люди Тамбовщины. Мы послали Василия Михайловича Припадчева.

Он потом много рассказывал о встрече колхозников и танкистов. Говорил, такого видеть еще не приходилось. Все, кто слово там брал, о единстве тыла и фронта высказывались. В своем обращении к танкистам колхозники так написали:

«Славные воины!

Мы собрали свыше сорока миллионов рублей на строительство танковой колонны «Тамбовский колхозник». В каждом селе, в каждой деревне люди любовно несли свои сбережения, свои достатки на дело окончательного разгрома гитлеровских орд. Боевые машины, которые поступают к вам на вооружение, созданы нашей любовью к Родине, нашей ненавистью к врагу, нашей волей к победе.

В бой, танкисты! Пусть хранит вас несокрушимая броня наших танков и наша горячая всенародная любовь!..»

И еще Припадчев рассказывал, что делегаты сговорились начать в области новое дело — внести из личных запасов кол-

хозяйков в фонд нашей армии 300 тысяч пудов зерна и собрать средства на строительство 25 авиаэскадрилий «Тамбовский колхозник».

Делегаты за несколько минут собрали на самолеты свыше 60 тысяч рублей, отчислили из своих достатков в этот фонд 120 пудов зерна.

Новое дело по сердцу было колхозникам. И потянулись красные обозы с хлебом на ссыпные пункты, потекли средства на строительство боевых самолетов. 9 тысяч пудов хлеба и 1200 тысяч рублей денег — от бондарцев, значит, от колхозников Бондарского района, 4 тысячи пудов хлеба — от ракшинцев, 800 тысяч рублей — от токаревцев, 3800 пудов хлеба — от красивцев...

Мы говорили себе: пусть наши боевые эскадрильи прикрывают с воздуха танковую колонну «Тамбовский колхозник», пусть летчики и танкисты вместе истребляют фашистских бандитов!..

КРЫЛАТЫЙ ПОДАРОК

Ходил я на пасеке и часто думал невеселую думу: люди воюют, а ты, Ферапонт Петрович, медовыми мухами командуешь, кавалерист, пулеметчик, командир лихого эскадрона. «Дед в десятикратном размере»,— шутил Виктор, старший из десяти внуков.

И не так-то уж стар я был тогда: в 1942 году пошел 53-й, но все равно не солдатский это был век. Воюй на пасеке, говорил себе, хвастай перед ребятишками медалями и Георгиями, что лежат в сундуке...

Пришла очередь сынам врага бить. Степан уже второй год воевал, а Николай только что ушел на фронт. И три зятя туда же отправились — их детям я был и дед, и отец. Семья большая: шестнадцать душ, из мужчин один я остался. Так было в каждом доме. Обезлюдел хутор Степной.

Грустил народ, в каждой семье горе, а у всех вместе еще большее: враг дальше углублялся.

Давно была под фашистами Сербиновка — село на Полтавщине, где прошло мое детство. Тридцать два года назад выехал я оттуда, а не забыл, хорошо помню родное село. Голубое нежное небо, белые хатки, обрамленные вишнями и застывшими в немоте тополями. Широченная степь за селом. Выйдешь, бывало, в нее и стоишь, словно былинка, а вокруг без конца и без

края колосятся хлеба. И вот это родное, близкое топтал враг, подлый и свирепый. Он уже осквернял своим смрадным дыханием землю Дона, рвался к Волге, шел по тем местам, где беляков рубить мне довелось...

Перед Октябрьскими праздниками правление колхоза поручило мне отвезти в госпиталь подарки раненым. Приехал я туда — и к главному врачу за приказом скорее разгрузить, чтобы к вечеру в обратный путь отправиться.

— Нет, нет,— запротестовал врач.— Вы у нас в гостях останетесь, на торжественный вечер.

Разделся, жду вечера. Хотел было попросить разрешения побывать в палатах, но вдруг остановила в коридоре медсестра.

— Вы из колхоза «Стахановец»? Головатый? Вас просят в палату. К тяжелораненому,— сказала и заспешила куда-то.

«Уж не Степан ли лежит? Или Николай?» — пронеслось в голове.

Фигура на койке приподнялась. Лицо у раненого было забинтовано, узнать его было невозможно.

— Ферапонт Петрович? — прозвучал незнакомый голос.— Вот довелось. Слышу: делегат из «Стахановца», Ферапонт Головатый. Значит, думаю, Степана отец. Вместе мы со Степаном воевали. Вместе и миной накрыло... Очнулся на койке, а где Степан — не знаю.

Весь вечер я не отходил от Степанова дружка, Василия Дроздяка. Слушал рассказ о боях под Петрозаводском, под Ленинградом, под Воронежом. Хорошо говорил Василий о моем сыне, о Степане: «Это друг! Воюет геройски!»

«Добре, сынку, добре,— думал я.— Только где ты сейчас? Может, тоже лежишь на койке, бредишь или... может, и нет тебя?»

В тот же вечер, не дождавшись утра, уехал я из города в Степное. Подгоняла мысль: скорее, скорее, нельзя бездействовать. Нужно отдать все нашей армии, все...

Прибыл в родной дом поздней ночью. Спала жена, Тарасовна, спали дочери, снохи, внуки — все в одну кучку сбились: вместе легче пережить тяжелое время.

«Трудно будет»,— думал, глядя на них. Поймут ли в семье, зачем так сделал. Поймет ли Тарасовна?

На следующий день, вечером, в сельской школе собрались колхозники. Собрались, чтобы разрешить вопрос о сборе средств на покупку самолета. Пример такой уже был. За несколько дней до моей поездки в госпиталь в Степное пришла наша областная

газета «Коммунист». В ней мы прочитали, что наши же саратовские колхозники из сельскохозяйственной артели «Сигнал революции» купили сообща самолет и вручили его бывшему колхознику Герою Советского Союза майору Василию Ивановичу Шишкину. Наши колхозники начали толковать о такой же покупке. Вот и собрались они в школе, чтобы разрешить этот вопрос.

Я слушал внимательно тех, кто выступал,— и председателя сельсовета, и представителя из районного центра, и колхозников наших. Все они говорили о почине тамбовцев, собравших средства на целую танковую колонну. Слушая, я думал и вспоминал многое: и Украину, что под сапогом врага стонала, и сынов своих, что бились на фронте, и того раненого, что со Степаном в беду попал...

Я почувствовал, что кто-то дергает меня за рукав. Оглянулся: сосед. Улыбается и говорит:

— Ты что же, Фарапонт Петрович, не слышишь, как тебя Сорочинский вызывает?

И тут только заметил я, что стоит Сорочинский у стола, за которым сидит председатель, и смотрит на меня.

— Так как же, Ферапонт? — спрашивает Федор Петрович.

— Вот полторы тысячи на покупку самолета подписал и тебя вызываю последовать моему примеру.

— Меня? — переспросил я, удивляясь, как это так получилось, что в думах проглядел, что произошло.— Это вы напрасно меня вызываете,— говорю.— Я пока еще никогда вызова не ждал. Что можно сделать для государства, без вызова сделаю.

И спросил председателя:

— На какую цену самолеты есть?

— Разные есть,— недоумевая, ответил тот.— И на сто тысяч, и на сто семьдесят тысяч, и дороже.

— Так вот, прошу записать меня,— начал говорить и остановился. В уме быстро прикинул, какая сумма мне под силу.

— Если есть такая возможность, хочу сам самолет купить. Даю сто тысяч,— сказал раздельно, стараясь побороть вдруг охватившее меня волнение.

Собрание притихло, все смотрели на меня, будто никогда не видели, будто не пасечник Ферапонт перед ними, а совершенно другой человек. Не тот, что в косовицу в одном ряду с ними идет. И не тот, который и шкаф сбить может и машину любую в ход пустит. Совсем не Ферапонт Головатый перед ними. Чтобы убедить соседей, что они не ослышались, я твердо повторил:

— Да, сто тысяч!

Когда расходились с собрания, сосед подошел ко мне и, смущаясь, спросил:

— Неужто сто тысяч дашь? Да на них ведь стадо коров купить можно?

— Можно и стадо купить, верно, а можно и самолет. Пусть будет самолет,— ответил я спокойно.

— А жена что скажет? — допытывался сосед.— Не огреет тебя кочережкой по лысой голове?

— Не огреет. И она то же скажет,— говорю.

И я не ошибся. Жена моя, Мария Тарасовна, сказала то же самое, но прибавила:

— Может, и дети, сыны наши, на фронте узнают, что их мать и отец свою долю для армии внесли. Не стыдно за нас будет.

Всю дорогу, когда ехали из колхоза в город, мне так было хорошо, что даже мороз и резкий холодный ветер только бодрили, будоражили меня.

Ехавший со мной Сорочинский все ворчал:

— Экая дорога! Все позанесло, завалило. Лошадь по брюхо в снегу вязнет, не доедем. Разве мыслимо доехать?

— И зря ты ворчишь, Федор Петрович,— подтрунивал я над Сорочинским,— пусть хоть камни с неба валятся, хоть что хочешь будет, а доедем. Надо доехать. Нельзя не доехать: самолет едем покупать!

Сорочинский только сопел в ответ, еще злее прикрикивал на лошадей и хмурился. Уже в вагоне поезда он сказал как бы между прочим, не глядя на меня:

— Не осилю я самолет, а все же и мне надо...

— Это про что ты? — спрашиваю, будто не понимаю, о чем он говорит.

— Да просто же! — рассматривал он что-то за окном.— Не осилю самолет, не вытяну. А вот танк... Хотя бы танкетку... Надо бы узнать, сколько она стоит. Хорошо бы танк купить.

В городе прямо в обком партии пошел, как посоветовали в районе. В бюро пропусков уже имелось соответствующее распоряжение: «Пропустить Головатого Ферапонта Петровича с мешком». Значит, подумал, уже о мешке знают.

Принял первый секретарь, человек немолодой. Говорили, что недавно к нам приехал. Кандидатом в члены ЦК ходил. О мешке разговора не было, будто и забыл, зачем я к нему. Речь зашла поначалу о меде. Интересовался первый секретарь, как это удается в «Стахановце» столько меду получать. Потом

пошел разговор о колхозе, об оплате трудодня. Наконец, и о мешке вспомнил:

— Ну, Ферапонт Петрович,— говорит,— неси свою торбу в Госбанк и вытряхивай карбованцы. Большое ты дело надумал.

Вскоре я выехал на авиационный завод выбирать самолет. Заводище огромный. В одном цехе все наше Степное могло поместиться. Как почетного гостя, водил меня по цехам сам директор, генерал-майор.

Тогда завод стоял на фронтовой вахте. «Что ты сделал сегодня для разгрома врага?», «Чем ты помог фронту?» — со всех сторон кричали в цехах плакаты. И у каждого станка — фанерная табличка с цифрами, чтобы все знали: выполнил столько-то норм, сдал в фонд обороны столько-то деталей.

Пришли мы в сдаточный цех.

— Ну, давайте посмотрим ваш товар,— обратился я к директору, который совсем не удивился моему желанию купить самолет.

— Истребитель подойдет? — совершенно серьезно спросил директор.

— Вот! В самую точку,— обрадовался я.— Он-то мне и нужен, чтобы быстрый был и чтобы нечисть фашистскую истреблял.

— Надпись на самолете будете делать? — осведомился начальник цеха.

— А как же? Напишите, что в дар фронту самолет,— попросил я и пошел с директором дальше, в соседний цех.

Примерно через полчаса снова пригласили меня в сдаточный. Один самолет выделялся среди других надписью на борту: «Сталинградскому фронту от колхозника артели «Стахановец» тов. Головатова».

Надпись эта была видна отовсюду в цехе. Поэтому меня тут же окружили рабочие. Руку жали, обнимали, благодарили. Был объявлен пятиминутный митинг. Выступал парторг, говорили рабочие. Один, помню, внес предложение, чтобы каждый рабочий завода тоже сделал подарок фронту — самолет. Для этого он должен был выполнить сверх плана и внести на свой лицевой счет столько нормо-часов, сколько требуется, чтобы изготовить целый самолет. Теперь была моя очередь руку жать, благодарить.

На следующий день передал я свой самолет Советской Армии. Принять его прибыл один из лучших летчиков Сталинградского фронта. Он представился: «Гвардии майор Еремин. Командир гвардейского истребительного полка. Прибыл для

Ф. П. Головатый передает самолет, приобретенный на свои сбережения, майору Б. Н. Еремину. Колхоз «Стахановец», Саратовской области, 1943 г.

приема вашего подарка фронту». Козырнул, как начальству военному.

Коротко о себе рассказал. Слесарем на машиностроительном заводе работал, на берегу Волги. Потом в авиационной школе учился. С первого дня войны на фронте. На боевом счету 7 вражеских самолетов, сбитых лично, и 14 — в групповом бою.

Я также коротко рассказал о себе, о семье своей, о колхозе. Хотелось много сказать, да летчик спешил: фронт не ждал.

— Громи фашистов, сынок,—сказал, крепко обнимая летчика,— не давай пощады мерзавцам и прилетай обратно с победой.

«Вот у тебя, Ферапонт Петрович, и третий сын»,— подумал.

Пока механики в последний раз перед вылетом осматривали машину, летчик объяснил мне,— «бате», как он меня называл,— старому пулеметчику, устройство автоматического оружия, рассказал о том, как вести огонь на больших скоростях.

Но вот подали знак. Летчик начал готовиться к полету.

— Передай на фронте: все отдадим для победы,— сказал я, крепко пожимая руку на прощанье.

Взревел самолет и взлетел. Я в след ему гляжу. Вижу, в хорошие руки попала машина. А он с высоты крыльями приветливо покачал и взял курс на фронт.

Полетела моя пчелка, думал я, глядя на темную точку на холодном зимнем небе, полетела. Эта ужалит...

Сколько тогда таких вот «пчелок» улетело на фронт! Каждый колхозник, каждый советский человек старался внести свою лепту в разгром врага. Не было дня, чтобы газеты не сообщали о взносах советских людей на строительство самолетов, танков и другой военной техники. Помню, писалось, что колхозник сельхозартели «Свободная жизнь», Тацкого района, нынешней Оренбургской области, Болотин внес из своих сбережений 120 тысяч рублей на постройку боевого самолета. Звеньевой колхоза «Авангард», Чиилийского района в Казахстане, Ким Мансам внес на строительство танковой колонны 105 тысяч рублей. Колхозники артели имени Крупской, Ходжиабадского района, Узбекской ССР, собрали на постройку танков и самолетов «Советский Узбекистан» 110 тысяч рублей. Колхозники Московской области внесли на танковую колонну «Московский колхозник» 75 миллионов рублей. Труженики полей Ярославской области собрали на танковую колонну имени русского народного героя Ивана Сусанина 70 миллионов руб-

лей. Вносили свои сбережения колхозники Сибири, Урала, Грузии, Азербайджана, Киргизии.

С глубоким волнением читал я тогда эти сообщения, хотелось все больше и больше давать фронту.

Борис Николаевич Еремин не забывал меня, писал. Полтора года нес он службу на моем самолете. «Порой нам приходилось трудно,— писал летчик,— и мне, и машине. Но и в самые тяжелые часы я любовно заботился о ней, берег ее, как верного друга. Я выжал из машины все, что она способна была дать. Самолет честно отслужил свой срок!»

Узнав, что мой первый самолет отлетал положенный ему срок, я, не задумываясь, вручил летчику Еремину второй истребитель. «Я обещаю,— писал мне Борис Николаевич,— что приобретенный на Ваши сбережения и врученный мне самолет «На окончательный разгром врага» будет так же верно служить Родине, как и первый».

И самолет служил до конца войны, честно служил.

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ВОСПОМИНАНИЙ

ШЕРЕМЕТЬЕВ Александр Григорьевич (р. 1901) — член КПСС с 1918 г. Инженер-металлург. С 1937 г.— начальник «Главспецстали» Наркомата черной металлургии. В 1941 г. отвечал за эвакуацию запорожской группы заводов. После Великой Отечественной войны — заместитель министра черной металлургии, министр. В настоящее время — заместитель председателя ВСНХ РСФСР. Награжден тремя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени. Лауреат Государственной премии.

ДРАГУНОВ Михаил Васильевич (р. 1901) — член КПСС с 1926 г. Участник гражданской войны. В 1930 г. окончил Институт журналистики в Москве. Работал в газетах «Горьковская коммуна» и «Рабочий край» (г. Иваново). С 1939 г. до настоящего времени работает на Горьковском автозаводе в отделе труда и зарплаты. Награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями.

МАКСАРЕВ Юрий Евгеньевич (р. 1903) — член КПСС с 1921 г. Окончил Ленинградский технологический институт. Работал инженером на Кировском заводе в Ленинграде. С 1938 по 1941 г.— директор одного из оборонных заводов. До 1946 г. работал директором танкового завода на Урале. С 1946 г.— заместитель министра транспортного машиностроения. Ныне председатель Комитета по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР. Награжден семью орденами Ленина, орденом Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, медалями. Герой Социалистического Труда.

ПАТОН Евгений Оскарович (1870—1953) — член КПСС с 1943 г. Советский ученый в области мостостроения и электросварки, действительный член Академии наук УССР. Под руководством Патона был разработан метод автоматической электросварки под флюсом. Награжден двумя орденами Ленина, удостоен Государственной премии. Герой Социалистического Труда.

ЯКОВЛЕВ Александр Сергеевич (р. 1906) — член КПСС с 1938 г. Советский авиаконструктор, член-корреспондент Академии наук СССР, Герой Социалистического Труда, генерал-полковник инженерно-технической службы. Создал ряд оригинальных конструкций самолетов-истребителей. Награжден семью орденами Ленина. Шесть раз удостоен Государственной премии.

ПОПОВ Михаил Федорович (р. 1914) — член КПСС с 1944 г. С 1935 г. работал на Уральском заводе тяжелого машиностроения имени Орджоникидзе в Свердловске расточником, мастером смены, начальником участка. В годы Великой Отечественной войны организовал первую фронтовую бригаду на Урале. Ныне — начальник цеха Южуралмашзавода в Орске. Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

ЗВЕРЕВ Григорий Иванович (р. 1900) — инженер-практик. С 1922 г. работал инструментальщиком на ленинградском заводе «Красный выборжец». Эвакуировавшись в 1941 г. на Урал, возглавил инструментальный цех одного из старейших уральских заводов цветных металлов. Ныне — пенсионер.

СЕМИВОЛОС Алексей Ильич (р. 1918) — член КПСС с 1940 г. Бурильщик-новатор в железорудной промышленности СССР. С 1934 по 1941 г.— бурильщик шахты имени Ильича. В 1940 г. предложил новый метод организации работы бурильщика — скоростное многозабойное бурение. В настоящее время работает в тресте «Дзержинскруда» в Кривом Роге.

Награжден орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени, удостоен Государственной премии.

ЯНКИН Илларион Павлович (р. 1911) — член КПСС с 1942 г. В горнорудной промышленности работает с 1933 г.— бурильщиком, бригадиром, начальником участка, начальником горизонта, директором рудника. В годы Великой Отечественной войны был инициатором многозабойного бурения. Окончил горный институт. Работал директором целинного совхоза в Казахстане. Ныне — заместитель начальника «Росглаввтормета» в Свердловске. Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии.

ЕРМИЛОВ Виктор Васильевич (р. 1909) — член КПСС с 1946 г. С 1930 г. работает слесарем-сборщиком на станкостроительном заводе «Красный пролетарий». Депутат Моссовета. На XXII съезде избран членом Центрального Комитета КПСС. Награжден орденом Ленина. Герой Социалистического Труда.

КОЖЕВНИКОВА Мария Андреевна (р. 1916) — член КПСС с 1948 г. Работала станочницей на 2-м подшипниковом заводе в Москве. Во время Великой Отечественной войны ее бригада первой начала работать без наладчиков. Ныне работает старшим мастером. Награждена орденом Трудового Красного Знамени, лауреат Государственной премии.

КАЗАНЦЕВА Елена Ивановна (р. 1921) — окончила Московский государственный университет. В годы Великой Отечественной войны отличилась на строительстве оборонительных рубежей на дальних под-

ступах к Москве. Ныне — преподаватель вечерней школы рабочей молодежи Первомайского района Москвы.

НОСОВ Григорий Иванович (1900—1951) — член КПСС с 1927 г. С 1939 г.— главный инженер Магнитогорского металлургического комбината, с 1940 г.— директор. Награжден двумя орденами Ленина, удостоен Государственной премии.

БАЗЕТОВ Нурулла (р. 1907) — член КПСС с 1939 г. Работал на Верх-Исетском заводе чернорабочим, сталеваром. В годы Великой Отечественной войны давал скоростные плавки. С 1961 г.— на пенсии. Награжден орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, медалями.

ВАЛЕЕВ Ибрагим (р. 1906) — член КПСС с 1940 г. Работал заслонщиком на Чусовском металлургическом заводе. На «Уралмаше» в Свердловске стал сталеваром. Во время Великой Отечественной войны прославился как мастер скоростных плавок. В настоящее время — пенсионер. Награжден орденом Ленина, медалями.

ЧАЛКОВ Александр Яковлевич (р. 1912) — член КПСС с 1942 г. Работал коновозчиком на строительстве шахты в Прокопьевске. В 1931 г. переехал на Кузнецкстрой. Работал землекопом, затем бетонщиком. С 1935 г.— сталевар Кузнецкого металлургического комбината.

В период Великой Отечественной войны добился выдающихся результатов в выплавке скоростными методами специальных сталей на большегрузной мартеновской печи.

Награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом «Знак почета». Почетный гвардеец. Лауреат Государственной премии. В настоящее время работает сталеваром первого мартеновского цеха.

ТИХОНОВ Николай Александрович (р. 1905) — член КПСС с 1940 г. Инженер. Работал на заводах Приднепровья. В годы Великой Отечественной войны руководил цехом на Уральском новотрубном заводе, был главным инженером этого завода. С 1947 г.— директор Никопольского южнотрубного завода, начальник главного управления Министерства черной металлургии, заместитель министра. В 1957 г. назначен председателем Днепропетровского совнархоза. В настоящее время работает заместителем председателя Госэкономсовета Совета Министров СССР. Депутат Верховного Совета СССР, кандидат в члены ЦК КПСС. Доктор технических наук.

Награжден пятью орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями. Лауреат Государственной премии.

БОСЫЙ Дмитрий Филиппович (1911—1959) — член КПСС с 1945 г. Новатор-фрезеровщик. Работал на ленинградских заводах. В годы Великой Отечественной войны выехал с заводом в Нижний Тагил. Инициатор патриотического движения тысячников — передовых рабочих, выполнявших норму на тысячу и более процентов. Награжден орденом Ленина, удостоен Государственной премии. Погиб, спасая утопающую женщину.

СЕМКОВ Владимир Дмитриевич (р. 1903) — член КПСС с 1924 г. С 1917 г. работает в вальцетокарной мастерской Серовского металлургического завода — учеником, вальцетокарем, начальником мастерской. Активный рационализатор. Ныне — главный калибровщик завода. Награжден орденом Ленина, медалью «За трудовую доблесть».

СПЕХОВ Павел Константинович (р. 1901) — член КПСС с 1943 г. Токарь Уралмашзавода в Свердловске. В годы Великой Отечественной войны — инициатор движения за подготовку молодых рабочих. Награжден орденом Ленина.

ОВЧИННИКОВ Михаил Миронович (р. 1925) — член КПСС с 1947 г. С ранних лет работает на Кировском заводе в Ленинграде. Проявил трудовой героизм в дни блокады города. В настоящее время работает мастером в одном из цехов завода.

ОШУКОВ Александр Филиппович (р. 1906) — член КПСС с 1941 г. С молодых лет работает в транспортном цехе Ижорского завода в г. Колпине под Ленинградом. Ныне — дежурный по цеху.

БОРИСОВ Борис Алексеевич (р. 1903) — член КПСС с 1926 г. С 15 лет работал на текстильных предприятиях Ярославской губернии. Участник гражданской войны, служил во флоте. С 1929 г.— на партийной работе. В годы Великой Отечественной войны — секретарь городских комитетов партии в Севастополе, Иванове, Владивостоке. Работал в аппарате ЦК КПСС. В настоящее время — персональный пенсионер. Награжден орденом Ленина, орденом Красного Знамени, медалями.

СЕРГЕЕВ Сергей Михайлович (р. 1897) — член КПСС с 1925 г. Капитан первого ранга. С 1941 г.— капитан ледокола «Микоян». Ныне — пенсионер. Награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями.

ЛУНИН Николай Александрович (р. 1915) — член КПСС с 1941 г. Работая машинистом паровоза, выступил инициатором движения за образцовый уход за паровозом и расширение объема служебного ремонта, выполняемого паровозной бригадой. В настоящее время находится на руководящей работе в системе Министерства путей сообщения. Герой Социалистического Труда, удостоен Государственной премии.

ЧУХНЮК Елена Мироновна (р. 1917) — член КПСС с 1945 г. С 1941 по 1945 г. работала паровозным машинистом. В настоящее время старший инженер в Главном управлении локомотивного хозяйства Министерства путей сообщения. Герой Социалистического Труда.

ЧУЯНОВ Алексей Семенович (р. 1905) — член КПСС с 1925 г. Окончил Московский химико-технологический институт мясной промышленности. С 1937 г. работал в аппарате ЦК партии. С 1938 по 1947 г.— первый секретарь Сталинградского обкома КПСС. В период битвы у Волги — председатель городского комитета обороны. С 1947 г. работал в Совете Министров СССР. Ныне — персональный пенсионер. Награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, медалями.

ЗАСЛАВСКИЙ Натан Петрович (р. 1908) — член КПСС с 1942 г. Инженер. С 1941 г. работал директором судоремонтного завода в Волгограде. В настоящее время — главный инженер Волгоградского пароходства. Награжден орденом Красной Звезды, медалями.

САЗЫКИН Кирилл Миронович (р. 1900) — член КПСС с 1918 г. Работал в партийном комитете металлургического завода «Красный Октябрь» в Волгограде. Во время битвы за город был комиссаром истребительного батальона рабочих завода. В настоящее время — на пенсии. Награжден орденом Красной Звезды, медалями.

ПОЦЕЛУЕВ Николай Федорович (р. 1914) — работал капитаном катера «Сталь» на металлургическом заводе «Красный Октябрь». Во время боев за Сталинград в 1942 г. под бомбежкой перевозил рабочих завода, солдат, военное снаряжение. В настоящее время работает в механическом цехе завода. Награжден медалями.

ЖИГИН Александр Дмитриевич (р. 1903) — член КПСС с 1942 г. Инженер. Участник строительства многих железных дорог, в том числе в годы Великой Отечественной войны — дороги Саратов — Камышин, сыгравшей огромную роль в разгроме гитлеровских войск у Волги. Работает заместителем главного инженера одной из строительных организаций в Москве. Награжден орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак почета», медалями.

КОШУРНИКОВ Александр Михайлович (1905—1942) — инженер-изыскатель. Участник строительства ряда железных дорог. В годы Великой Отечественной войны работал начальником экспедиции на линии Абакан — Тайшет. Осенью 1942 г. вместе с молодыми инженерами А. Д. Журавлевым и К. А. Стофато отправился на обследование трассы. Мужественные изыскатели погибли в Саянских горах в тяжелых условиях рано наступившей зимы.

БАРЫШНИКОВА Екатерина Григорьевна (р. 1921) — работала станочницей на 1-м Государственном подшипниковом заводе в Москве. В годы Великой Отечественной войны организовала комсомольско-молодежную бригаду, инициатор движения за сокращение количества рабочих в бригадах. В настоящее время работает контролером отдела технического контроля. Награждена орденом Ленина, удостоена Государственной премии.

АГАРКОВ Егор Прокофьевич (р. 1912) — рабочий-электросварщик. В декабре 1944 г. предложил произвести слияние мелких бригад и участков и таким образом высвободить часть инженерно-технического персонала и рабочих. Ныне — секретарь парткома предприятия. Награжден орденом Ленина, удостоен Государственной премии.

ШАШКОВ Александр Гаврилович (р. 1912) — член КПСС с 1944 г. Работал слесарем на Московском заводе внутришлифовальных станков. Во время Великой Отечественной войны организовал фронтовую комсомольско-молодежную бригаду. Ныне — председатель завкома. Награжден орденом Ленина.

ЧЕРКАСОВА Александра Максимовна (р. 1914) — работала в коммунальном хозяйстве в Волгограде. В годы Великой Отечественной войны — инициатор быстрейшего восстановления городов, разрушенных гитлеровскими захватчиками. Ныне — пенсионер.

ТРИСИЧЕВ Яков Андреевич (р. 1914) — забойщик. С детских лет работал на шахтах Донбасса. Уже в довоенные годы славился своим самоотверженным трудом. После изгнания гитлеровских захватчиков из Донбасса одним из первых спустился в забой восстановленной шахты «Кочегарка» в Горловке. В 1960 г. ушел на пенсию. Герой Социалистического Труда.

СЕМЕНОВ Геннадий Федорович (р. 1918) — член КПСС с 1944 г. Работал слесарем с 1939 г. Во время Великой Отечественной войны возглавил комсомольско-молодежную бригаду. Всю войну вел дневник. Значительная часть его в разное время была опубликована. Здесь помещается наиболее полная часть дневника, с августа 1943 г. по октябрь 1944 г. В 1956 г. вышел сборник стихов Г. Ф. Семенова «На земле весенней». Ныне — литсотрудник многотиражной газеты. Награжден медалями.

МИЛЕЦКИЙ Яков Аркадьевич (р. 1899) — член КПСС с 1943 г. Журналист. С 1941 по 1945 г.— корреспондент «Красной звезды». В настоящее время работает в журнале «Огонек». Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени и орденом Красной Звезды, двумя медалями «За отвагу».

ЕРМОЛЬЕВА Зинаида Виссарионовна (р. 1898) — советский микробиолог и бактериохимик, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР. Получила оригинальный препарат — советский пенициллин. Награждена орденом Ленина и орденом «Знак почета», удостоена Государственной премии.

ГУРИНА Тамара Анисимовна (р. 1919) — член КПСС с 1945 г. Ткачиха комбината «Трехгорная мануфактура» в Москве. В 1941—1942 гг., став донором, сдала несколько литров крови для раненых.

КРУКОВСКАЯ Мария Сергеевна (р. 1891) — член КПСС с 1946 г. В годы Великой Отечественной войны — одна из активных женщин-общественниц, обслуживавших госпитали Москвы. Пенсионер. Награждена орденом «Знак почета».

ШОВКОПЛЯС Кирилл Петрович (р. 1912) — член КПСС с 1948 г. Колхозник сельхозартели имени Ленина, Синельниковского района, Днепропетровской области. В 1941 г. участвовал в эвакуации колхоза в восточные районы страны.

ГРИНЬКО Федор Митрофанович (р. 1896) — член КПСС с 1929 г. Участник гражданской войны в Сибири. Один из организаторов сельхозартели «Родина», Шипуновского района, Алтайского края. С 1929 г.— бессменный председатель колхоза. Герой Социалистического Труда.

АШЕКО Степан Сергеевич (р. 1913) — в 1930 г. вместе с отцом вступил в колхоз «Путь крестьянина», Чистоозерного района, Новосибирской

области (ныне колхоз «Заря»). В 1935—1937 гг. служил в рядах Советской Армии, участвовал в боях на озере Хасан с японскими захватчиками. В 1937 г. поступил на курсы трактористов. С 1941 г.— бригадир тракторной бригады. За высокие, устойчивые урожаи хлеба в течение двадцати лет награжден орденом Ленина. Депутат Верховного Совета РСФСР.

ГРИГОРЬЕВА Мария Андреевна (р. 1921) — колхозница сельхозартели «Потребкооперация», Тарского района, Омской области. За самоотверженную работу на колхозных полях в годы Великой Отечественной войны награждена орденом Трудового Красного Знамени.

ГАРМАШ Дарья Матвеевна (р. 1919) — в 1936 г. окончила курсы трактористов и была направлена в Рыбновскую МТС, где организовала женскую тракторную бригаду. Во время Великой Отечественной войны ее бригада завоевала первенство во Всесоюзном соревновании женских тракторных бригад. В 1943 г. была удостоена Государственной премии. Ныне работает в Рыбновской РТС, Рязанской области.

ДЕРЕВСКАЯ Александра Абрамовна (р. 1900) — живет в селе Отважном, Сосново-Сомонецкого района, Ставропольского края. Домохозяйка. Воспитала 25 детей, своих и взятых в детских домах.

ГЛОТОВ Яков Ильич (р. 1884) — с 1930 г. работает в колхозе «Красный доброволец» (ныне колхоз имени Ленина), Избердеевского района, Тамбовской области. Во время Великой Отечественной войны — один из инициаторов сбора сбережений на танковую колонну «Тамбовский колхозник».

ГОЛОВАТЫЙ Ферапонт Петрович (1890—1954) — член КПСС с 1944 г. Колхозник Новопокровского района, Саратовской области. В 1942 г. внес 100 тысяч на постройку боевого самолета. Патриотический почин был широко подхвачен в стране. В мае 1944 г. внес еще 100 тысяч рублей на постройку второго боевого самолета. В 1946—1954 гг.— председатель колхоза. Герой Социалистического Труда.

СОДЕРЖАНИЕ

ГВАРДИЯ ТЫЛА. М., Госполитиздат, 1962.
448 с. с илл.
На обороте тит. л. сост.: И. Г. Лупало.
9(С)27

На титуле рисунок с плаката
художника *В. Корецкого*

Технический редактор *Н. Трояновская*

Сдано в набор 12 января 1962 г. Подписано в печать 10 апреля 1962 г. Формат 60 × 84[1]/16. Физ. печ. л. 28. Условн. печ. л. 25,48. Учетно-изд. л. 23,73. Тираж 30 тыс. экз. А 03195. Заказ № 3221.
Цена 75 коп.

Госполитиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

